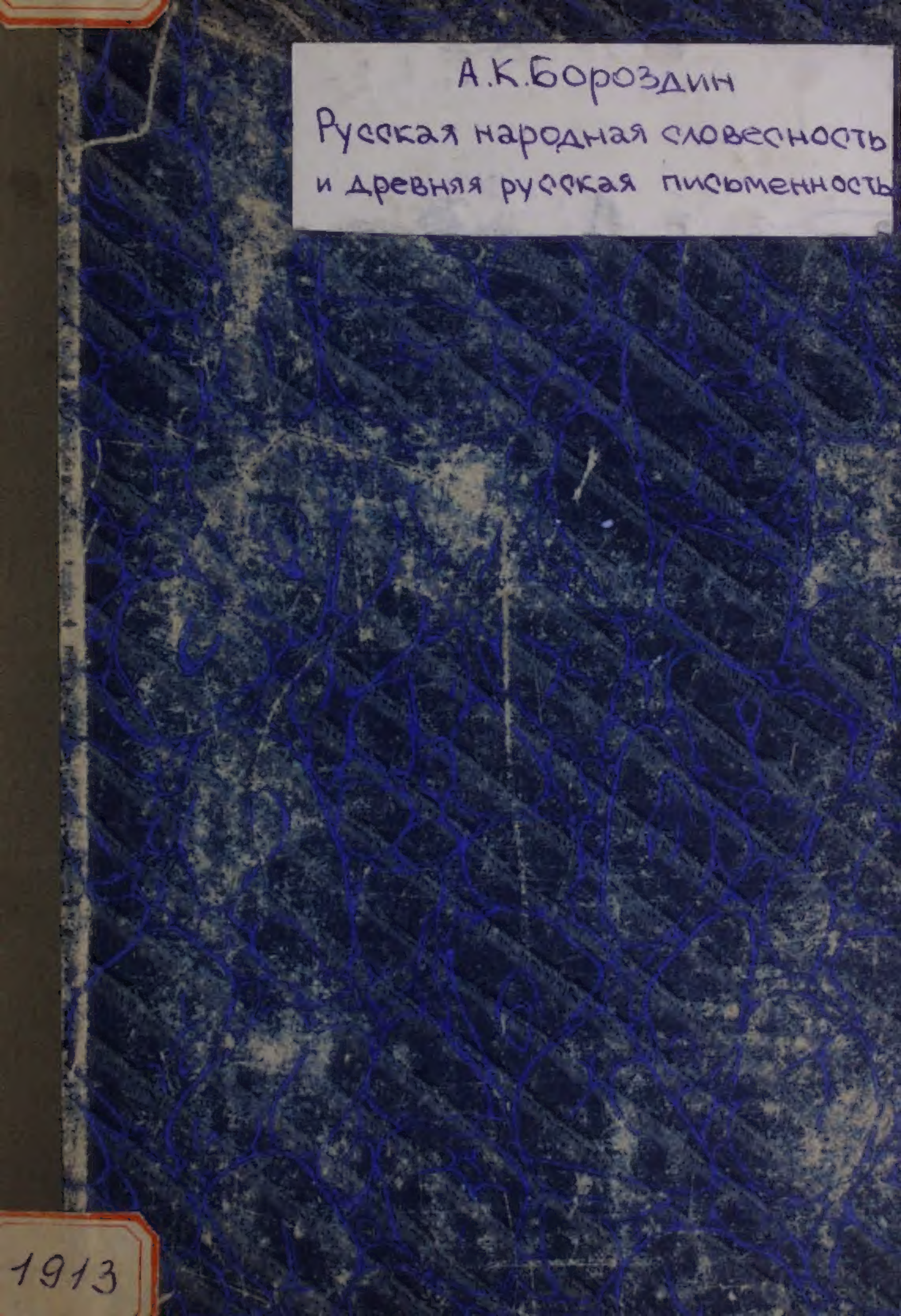

А.К.Бороздин
Русская народная словесность
и древняя русская письменность
1913

Проф. А. Бороздинъ, А. Липовскій, Д. Жоховъ, В. Максимовъ и С. Золотаревъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Проф. А. БОРОЗДИНЪ.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. **допущено** въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

(Ж. М. Н. Пр. Апрѣль 1913 г.).

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ“.
ПЕТЕРБУРГЪ—КІЕВЪ.
1913.

Типо-литографія «Энергія». С.-Петербургъ, Загородный пр. 17.
1913.

Оглавленіе.

Введеніе. Словесность, письменность, литература.

ОТДѢЛЪ I.

Русская народная словесность.

ОТДѢЛЪ II.

Древняя русская письменность.

ВВЕДЕНІЕ.

Словесность, письменность, литература.

Слово человѣческое, или языкъ, есть главное средство общенія между людьми, потому что всякія другія средства общенія, мимика, жесты, условные знаки истолковываются нами при помощи словъ и являются скорѣе видозмѣненіями языка, такъ что мы вполнѣ правильно называемъ ихъ языкомъ знаковъ, жестовъ, мимическимъ языкомъ.

Человѣческое общеніе служитъ весьма разнообразнымъ цѣлямъ: иногда мы вступаемъ съ людьми въ сношенія дѣловыя частнаго или оффиціальнаго характера, но часто подобное общеніе совсѣмъ не имѣетъ дѣловой окраски, и мы бесѣдуемъ съ человѣкомъ или потому, что это намъ доставляетъ удовольствіе, или же потому, что такая бесѣда можетъ быть для насъ наставительною, можетъ расширить наши познанія, содѣйствовать разрѣшенію какихъ-нибудь запутанныхъ, сложныхъ вопросовъ, или, наконецъ, поведетъ къ нашему нравственному совершенствованію. Такимъ образомъ въ нашемъ общеніи съ людьми можетъ проявляться присущее нашей природѣ стремленіе къ высшимъ, духовнымъ цѣлямъ, къ идеаламъ истины, добра и красоты.

Кромѣ указаннаго различія въ цѣляхъ, наши сношенія съ людьми могутъ различаться и по своему характеру: они могутъ представлять или общій, или же частный интересъ. Представимъ себѣ, что отецъ даетъ наставленіе своимъ дѣтямъ,—это наставленіе можетъ быть весьма поучительнымъ, полнымъ идеальныхъ мыслей, возвышающихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи тѣхъ, къ кому оно обращено; но предназначено оно только для опредѣленныхъ личностей, и мы скажемъ, что оно имѣетъ частный интересъ. Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ такой примѣръ: великій

князь Владиміръ Мономахъ написалъ наставленіе своимъ дѣтямъ, однако, онъ обращается не только къ нимъ, но и ко всѣмъ, кто прочтетъ его „грамотицу"; ясно, что въ этомъ случаѣ передъ нами произведеніе общаго интереса. Такимъ общимъ интересомъ отличаются поэмы Гомера или трагедіи Шекспира, существующія для всѣхъ людей; тою же чертой отличаются произведенія Пушкина, написанныя одинаково для старыхъ и молодыхъ, для военныхъ и статскихъ, для бѣдныхъ и богатыхъ; то же мы видимъ и въ церковной проповѣди, которая обращена ко всѣмъ людямъ безъ различія.

Въ зависимости отъ различія въ характерѣ общенія находится и словесная форма: обращаясь къ отдѣльному лицу или къ какой-нибудь небольшой группѣ лицъ, мы обыкновенно мало заботимся о формѣ выраженія, употребляемъ рѣчь вполнѣ обыденную; въ общеніи же автора съ народомъ или даже со всѣмъ человѣчествомъ проявляется всегда искусство, творчество, при помощи котораго онъ сознательно или безсознательно вліяетъ на тѣхъ, къ кому обращается, или, по выраженію гр. Л. Н. Толстого, „заражаетъ" ихъ своимъ чувствомъ, и такимъ образомъ авторъ даетъ художественную прозу или стихи.

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ особенностей словеснаго общенія возникаетъ то, что мы называемъ *словесностью*, и группируя основные признаки этого понятія, мы можемъ дать слѣдующее его опредѣленіе: *словесностью называется совокупность произведеній словеснаго творчества, имѣющихъ общій интересъ и преслѣдующихъ высшія, идеальныя цѣли.* При этомъ опредѣленіи въ число произведеній словесности не войдутъ такія сочиненія, которыя имѣютъ чисто дѣловой характеръ, и мы отнесемъ ихъ къ области *письменности*, въ которую входитъ все, что написано на извѣстномъ языкѣ.

Что касается выраженія „*литература*" (отъ латинскаго слова litterae), то, хотя оно по точному смыслу и обозначаетъ исключительно писанныя произведенія, мы привыкли, однако, употреблять его въ томъ же значеніи, какъ и выраженіе „словесность", такъ что, говоря объ исторіи литературы, мы подразумѣваемъ не только развитіе того, что написано на извѣстномъ языкѣ, но и развитіе такихъ произведеній, которыя возникли въ устной формѣ, каковы, напримѣръ, народныя пѣсни и сказки.

Что такое народная словесность? Какъ она возникаетъ и развивается? Древность произведеній русской народной поэзіи.

Народной словесностью обыкновенно въ отличіе отъ литературы называются такія поэтическія произведенія, которыя первоначально явились не въ письменной, а въ словесной формѣ, а затѣмъ нѣкоторое, иногда весьма продолжительное, время хранились въ народѣ при помощи устной передачи отъ одного поколѣнія другому. По самому ея существу, возникновеніе этой народной поэзіи (конечно, не тѣхъ ея произведеній, которыя мы знаемъ теперь) относится къ первобытной порѣ, когда люди еще не знають письма и могутъ удовлетворять присущему ихъ духовной природѣ стремленію къ поэтическому творчеству лишь живымъ словомъ; подобное стремленіе проявляется уже въ самомъ языкѣ, въ простой, обыденной рѣчи въ видѣ различныхъ переносныхъ выраженій, въ которыхъ явленіямъ природы приписываются качества и дѣйствія, свойственныя людямъ, или вообще живымъ существамъ. Когда мы теперь говоримъ, что солнце *восходитъ* и *заходитъ*, что тучи *бѣгутъ* по небу, что погода *разгулялась*; когда мы слышимъ такія выраженія, какъ, напр.: „*мать* сыра земля“, „*младъ* свѣтелъ мѣсяцъ“, „буря *воетъ*“, „метель *плачетъ*“, „сполохи (сѣверное сіяніе) *играютъ*“,—мы относимся къ нимъ постоянно, какъ къ чему-то вполнѣ обычному; а между тѣмъ для первобытнаго человѣка за этими выраженіями раскрывался цѣлый міръ поэтическихъ образовъ, возникавшихъ изъ параллели между его собственной жизнью и природными явленіями.

Проводя эту параллель далѣе, человѣкъ одухотворялъ природу и населялъ ее множествомъ воображаемыхъ живыхъ су-

ществъ, которымъ приписывалась особая таинственная сила разрушительнаго или благотворнаго вліянія на судьбу людей. Такимъ образомъ, первичныя миѳологическія представленія возникали вмѣстѣ съ поэзіей, и творчество языка и поэзіи тѣсно переплеталось съ созданіемъ миѳовъ. Въ честь божествъ слагались гимны, имъ пѣлись умилостивительныя или благодарственныя молитвы, объ ихъ дѣяніяхъ составлялись краткія, а затѣмъ и болѣе обширныя повѣствованія. Рядомъ съ такой религіозной поэзіей появлялись произведенія, тѣсно примыкавшія къ житейскому обиходу человѣка, различныя пѣсни, въ которыхъ онъ выражалъ радость по поводу удовлетворенія своихъ крайне несложныхъ потребностей, или же, наоборотъ, жаловался, когда ему приходилось испытывать какія-либо лишенія: здоровъ человѣкъ, сытъ онъ, тепло ему,—онъ поетъ веселыя пѣсни; постигаютъ его нужда, горе, холодъ, голодъ, онъ ищетъ облегченія тоже въ пѣснѣ; принимается онъ за какую-нибудь работу,—въ ладъ съ пѣсней легче исполняются всякія движенія, необходимыя въ работѣ.

Къ личной лирикѣ присоединяется лирика общественная уже съ болѣе сложнымъ содержаніемъ: совершаются въ жизни рода или племени какія-нибудь важныя происшествія,—по поводу ихъ слагаются пѣсни, въ которыхъ прославляются участники этихъ событій; начинается война съ сосѣдями,—борцы воодушевляются воинственными гимнами; умираетъ родоначальникъ и племенной вождь,—справляется тризна, и въ погребальныхъ пѣсняхъ оплакивается почившій герой; наступаетъ праздникъ,—раздаются новыя пѣсни во время хороводовъ и разныхъ общественныхъ игръ и т. д. Въ этой поэзіи вначалѣ совсѣмъ нельзя замѣтить дѣленія лирики и эпоса, разсказъ о событіи, о подвигахъ героя, о дѣяніяхъ божества сливается въ первобытныхъ пѣсняхъ съ выраженіемъ чувства. Мало того,—нельзя даже говорить о самостоятельномъ, обособленномъ существованіи самой поэзіи, такъ какъ эта поэзія не сказывается, а поется подъ аккомпаниментъ музыки и сопровождается пляской, мимическими тѣлодвиженіями. Подобное соединеніе поэзіи съ другими искусствами, которое мы еще теперь можемъ наблюдать у племенъ, находящихся на очень низкой степени культуры, и слѣды котораго навсегда сохраняются въ народной поэзіи, называется поэтическимъ синкретизмомъ; а первобытныя поэтическія произведенія обозначаются лучше всего названіемъ лиро-эпической кантилены.

Въ этомъ состояніи синкретизма народная поэзія пребываетъ продолжительное время, пока изъ народной массы не выдѣляются люди, для которыхъ поэзія становится призваніемъ, профессіональнымъ занятіемъ. Они представляются воспринявшими свой „чудный даръ пѣсенъ" отъ самихъ боговъ и потому пользуются особеннымъ почетомъ среди своихъ соплеменниковъ. Таковы у грековъ рапсоды, у кельтовъ и германцевъ—барды и скальды, у русскихъ—баяны *), вѣщіе пѣвцы, смѣняющіеся менѣе уважаемыми скоморохами, „веселыми людьми". Съ ихъ появленіемъ постепенно происходитъ выдѣленіе поэзіи изъ ряда другихъ искусствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствуются и самые пріемы поэтическаго творчества: лирика обособляется отъ эпоса, вырабатывается устойчивый стиль, которымъ характеризуются тѣ или другіе виды произведеній этой поэзіи. Переходя отъ одной мѣстности въ другую, эти веселые люди переносятъ и поэтическія произведенія: такъ, изъ южной Россіи пѣсни заносятся въ Москву, въ Новгородъ, и наоборотъ, отъ германцевъ и византійцевъ заимствуются славянами ихъ поэтическіе образы и сюжеты. При своихъ странствованіяхъ профессіональные пѣвцы знакомятся и съ книжными сказаніями и многое изъ нихъ вплетаютъ въ старыя пѣсни, или же на этой книжной основѣ создаютъ новыя произведенія въ народномъ духѣ **).

Само собой разумѣется, что послѣ такихъ разнообразныхъ, совершающихся на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, измѣненій, произведенія народной поэзіи представляются въ высшей степени сложными по своему составу, и за ихъ современной формой чрезвычайно трудно, иногда даже прямо невозможно разыскать, каковы они были при своемъ возникновеніи. При помощи, однако, очень

*) Слово „б а я н ъ" встрѣчается въ „Словѣ о полку Игоревѣ", какъ имя собственное; но оно можетъ употребляться и какъ нарицательное имя, происходящее отъ глагола б а я т ь, вмѣстѣ со словами б а х а р ь, б а ю н ъ.

**) Говоря объ этихъ слагателяхъ и распространителяхъ народныхъ пѣсенъ, мы должны помнить, что они по своему развитію, по міросозерцанію мало отличаются отъ всей народной массы, въ которой распространяются ихъ произведенія. Поэтому имена ихъ скоро забываются, и самыя ихъ произведенія становятся общимъ достояніемъ, такъ что можно сказать, что народная поэзія „безлична", представляетъ собою плодъ творчества „коллективнаго" тѣмъ болѣе, что дѣйствительно въ первоначальной основѣ народнаго произведенія съ теченіемъ времени является множество измѣненій, вносимыхъ новыми поколѣніями: поэтому мы говоримъ, что у народной пѣсни или сказки нѣтъ автора, что авторомъ ихъ надо считать народъ.

внимательнаго, кропотливаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ ихъ подробностей удается, отчасти, опредѣлить въ нихъ то, что называется новѣйшими наслоеніями. Часто мы можемъ указать, изъ какихъ книжныхъ сказаній проникли въ народную поэзію тѣ или другія черты; затѣмъ при помощи сравненія мы опредѣляемъ, что могло быть заимствовано у другихъ народовъ; сопоставляя произведенія народной словесности съ историческими данными, мы заключаемъ, какія историческія событія могли отразиться въ изучаемыхъ пѣсняхъ. Но и послѣ этого остаются подробности, которыхъ мы не можемъ объяснить, и относительно ихъ мы допускаемъ предположеніе, что онѣ явились вслѣдствіе особенностей бытовой обстановки древнѣйшихъ временъ, или же должны быть признаны отголоскомъ первоначальныхъ миѳологическихъ представленій, о которыхъ очень часто мы можемъ только догадываться съ большею или меньшею степенью вѣроятности. Въ виду этого ко всякимъ миѳологическимъ объясненіямъ народной поэзіи слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и прежде, чѣмъ прибѣгать къ нимъ, необходимо, какъ можно внимательнѣе разбирать, какія черты народной словесности могли явиться подъ вліяніемъ историческихъ фактовъ, какія являются заимствованіемъ у другихъ народовъ или изъ книжныхъ сказаній.

Только что сказанное нужно особенно имѣть въ виду при изученіи русской народной поэзіи, такъ какъ древнѣйшихъ ея произведеній мы почти совсѣмъ не знаемъ. Изъ лѣтописи намъ извѣстны нѣкоторыя древнія пословицы, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ сообщеніямъ мы можемъ догадываться о поэтическихъ сказаніяхъ, касавшихся первыхъ русскихъ князей. Изъ поученій древнихъ русскихъ проповѣдниковъ мы узнаемъ, что бывали различныя игрища въ честь языческихъ боговъ, и на этихъ игрищахъ пѣлись бѣсовскія пѣсни; но ни одной изъ такихъ пѣсенъ намъ старинные памятники нашей письменности не сообщаютъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" упоминается пѣвецъ XI или XII вѣка, вѣщій Боянъ, и даже приводятся отдѣльныя фразы, встрѣчавшіяся въ его пѣсняхъ, въ которыхъ онъ вспоминалъ объ „усобицахъ первыхъ временъ" и прославлялъ нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ князей; и все же самыя пѣсни этого Бояна намъ совершенно неизвѣстны. Впервые встрѣчаются записанныя старыя пѣсни о богатыряхъ въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII в.в. Къ началу XVII в. относится запись нѣсколькихъ пѣсенъ, принадлежащая англичанину Ричарду Джемсу,

бывшему въ Москвѣ вскорѣ послѣ смутнаго времени. Только въ XVIII вѣкѣ произведенія нашей народной поэзіи появляются въ печатныхъ сборникахъ, въ разныхъ пѣсенникахъ, въ которыхъ они смѣшивались съ модными романами, въ собраніяхъ сказокъ, при чемъ эти сказки часто исправлялись по вкусу издателей, и единственнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ собраніемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ былъ сборникъ, составленный казакомъ Киршей Даниловымъ для извѣстнаго владѣльца уральскихъ горныхъ заводовъ Демидова и изданный уже въ XIX вѣкѣ. Такимъ образомъ, огромную массу произведеній русской народной словесности мы знаемъ только въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ народѣ въ XVIII и XIX вѣкѣ (особенно въ послѣднемъ, когда началось тщательное записываніе ихъ съ научной цѣлью), и весьма незначительное число ихъ дошло до насъ въ той формѣ, въ какой они первоначально явились. Поэтому, говоря о миѳахъ, отразившихся въ этихъ произведеніяхъ, о бытовой сторонѣ, повліявшей на тѣ или другія ихъ черты, объ историческихъ фактахъ и лицахъ, которыхъ они коснулись, и, наконецъ, о книжныхъ вліяніяхъ, въ нихъ обнаруживающихся, мы стоимъ на почвѣ предположеній, подкрѣпляемыхъ частью самой народной поэзіею, частью данными историческими.

При разсмотрѣніи произведеній русской народной словесности, для удобства изложенія мы раздѣляемъ ихъ на два большихъ разряда: лирику и эпосъ. Къ народной лирикѣ относятся пѣсни обрядовыя общественнаго и частнаго характера и семейно-бытовыя: въ первую группу, общественно-обрядовую, входятъ пѣсни колядскія-овсеневыя, весеннія, купальскія, во вторую—частно-обрядовую—пѣсни свадебныя и погребальныя; семейно-бытовыя касаются разныхъ сторонъ народнаго быта: семейной жизни, солдатчины, матеріальнаго положенія крестьянъ, пьянства и т. д. Къ лирикѣ же слѣдуетъ причислить заговоры и пословицы. Народный эпосъ состоитъ изъ старинъ, которыя подраздѣляются на былины и историческія пѣсни, духовныхъ стиховъ (въ которыхъ, однако, очень силенъ элементъ лирическій), сказокъ, легендъ и народныхъ анекдотовъ. Наконецъ, нѣсколько замѣчаній сдѣлаемъ мы объ элементахъ народной драмы, о тѣхъ примитивныхъ играхъ, которыя по своему характеру подходятъ къ драматическимъ представленіямъ. Держась этой классификаціи, надо помнить, однако, что строго ея проводить нельзя, такъ какъ въ народной поэзіи лирика и эпосъ постоянно переплетаются.

Русская народная лирика.

Пѣсни общественно-обрядовыя. Праздники, при которыхъ онѣ поются.

Достовѣрныя свѣдѣнія наши о древнихъ божествахъ славянъ и русскихъ крайне скудны: мы знаемъ только нѣсколько именъ боговъ, при чемъ не обо всѣхъ даже этихъ богахъ извѣстно, какія стихійныя силы имъ подчинялись. Такими, напримѣръ, темными, совсѣмъ непонятными для насъ божествами являются упоминаемыя въ лѣтописи и въ произведеніи XIV вѣка „Словѣ нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ"—Мокошь, Симарегла, Вилы. Что касается другихъ боговъ славянскаго Олимпа, то о нихъ мы знаемъ только, какими явленіями природы они управляютъ, т. е., что Перунъ—богъ грома и молніи, что Стрибогъ управляетъ вѣтрами, что Дажьбогъ—солнце, что Волосъ или Велесъ—скотій богъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покровитель поэтовъ; но этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія о главныхъ славянскихъ божествахъ. Никакой генеалогіи боговъ, никакихъ миѳологическихъ повѣствованій, подобныхъ тѣмъ, которыя въ такомъ изобиліи извѣстны у древнихъ классическихъ народовъ, славяно-русская старина намъ не оставила, такъ что мы можемъ думать, что ихъ и совсѣмъ не существовало.

Кромѣ упомянутыхъ главныхъ боговъ, о которыхъ въ народѣ уже давно совершенно изгладились воспоминанія, были представленія о рядѣ низшихъ сверхъестественныхъ существъ, сохранившіяся и до нашего времени. Такими низшими божествами явились лѣшіе, водяные, русалки, домовые, родъ, рожаница. Они ближе стоятъ къ людямъ, и потому о нихъ имѣется больше свѣдѣній. Домовой или чуръ—духъ родового предка хранитъ домъ отъ враждебныхъ силъ и вслѣдствіе этого пользуется особымъ почетомъ, а если ему этого почета не оказываютъ, онъ мститъ своимъ обидчикамъ; родъ и рожаница, уже судя по названіямъ, по всей вѣроятности, существа такого же значенія, какъ и домовой, хотя о нихъ мы знаемъ мало и можемъ также думать, что отъ нихъ ставилась въ зависимость судьба человѣка; русалки—женщины, живущія въ глубинѣ рѣкъ, иногда выходящія на прибрежныя деревья, представляются душами умершихъ, онѣ иногда заманиваютъ людей и щекочутъ ихъ до смерти; лѣшіе часто сбиваютъ съ пути людей, зашедшихъ въ лѣсъ.

Въ честь языческихъ божествъ славяне и русскіе справляли различные праздники, устраивали игрища, сопровождавшіяся жертвоприношеніями. Циклъ нѣкоторыхъ изъ этихъ празднествъ примыкалъ къ годовому обращенію солнца: въ половинѣ декабря, по народному представленію, совершается зимній солноворотъ, солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима—на морозъ, такъ какъ, съ одной стороны, холода усиливаются, а съ другой,—дни становятся длиннѣе; черезъ полгода, въ іюнѣ происходитъ лѣтній солноворотъ, когда спадаютъ жары, и дни сокращаются. Къ этимъ-то двумъ моментамъ и пріурочивались праздники въ честь солнца, а въ промежуткѣ между ними, на масляницѣ и при началѣ весны устраивались разныя торжества, посвященныя тому же богу. Первый изъ ряда этихъ праздниковъ по времени совпадалъ съ христіанскимъ Рождествомъ, и потому съ принятіемъ русскими христіанства ихъ старое языческое торжество слилось съ христіанскимъ празднествомъ.

Подобное же сліяніе языческаго и христіанскаго праздниковъ произошло еще ранѣе въ греко-римскомъ мірѣ. Наши святки приходились на то же время года, какъ и римскіе праздники - Брумалій (отъ 24 ноября по 17 декабря), Сатурналій (отъ 17 по 23 декабря) и январскихъ Календъ (съ 1 по 5 января). Во время Брумалій существовалъ обычай переряживаться и надѣвать маски, чѣмъ символизировался приходъ умершихъ предковъ; при празднованіи Сатурналій совершались пиршества, для которыхъ обыкновенно закалывался поросенокъ; наконецъ, январскія Календы были временемъ усиленныхъ увеселеній, такъ какъ предполагалось, что послѣ этого весь годъ пройдетъ въ веселіи и довольствѣ; въ этотъ же праздникъ совершались всевозможныя гаданія, особенно относительно того, что должно случиться въ наступающемъ новомъ году. Эти языческія празднества продолжали справляться въ Римской имперіи и послѣ утвержденія въ ней христіанства; лишь въ VI столѣтіи по Р. Х. императоръ Юстиніанъ отмѣнилъ Брумаліи и Сатурналіи, а январскія Календы установилъ праздновать съ 25 декабря по 5 января, такъ что онѣ вполнѣ совпали съ христіанскими святками. Такимъ образомъ, языческій праздникъ Календъ получилъ христіанское значеніе, такъ какъ въ началѣ его вспоминалось Рождество Христа, а въ концѣ Крещеніе; но при этомъ, въ виду того, что бытовыя особенности отличаются сильною устойчивостью, сохранились очень многія черты старыхъ языческихъ празднествъ: и переряживанія, и закалываніе поросенка и гаданія.

Принявъ христіанство изъ Византіи, русскіе заимствовали оттуда и празднованіе Рождества и Крещенія, т. е. святокъ въ томъ видѣ, какъ оно совершалось у грековъ; слѣдовательно, воспринято было не только христіанское празднованіе, но и примѣшавшіяся къ нему особенности греко-римскихъ языческихъ обрядовъ, утратившія свой прежній религіозный смыслъ. Совпаденіе по времени новыхъ праздниковъ съ русскими языческими повело къ тому, что эти послѣдніе не совсѣмъ исчезли, а слились съ новыми: пѣлись старыя русскія языческія пѣсни, но въ нихъ упоминалась постоянно *коляда*; появился рождественскій поросенокъ, завелось переряживаніе, завелись гаданья. Что касается коляды, то этотъ терминъ несомнѣнно заносный, греко-римскаго происхожденія: онъ представляетъ собою видоизмѣненіе слова calendae (по старославянски *колѧда*, гдѣ ѧ сперва произносилось, какъ *ен*, а затѣмъ стало произноситься, какъ *я*); такое значеніе слова *коляда* видно и изъ старинпаго слова *колядникъ*, которымъ назывался календарь. Рядомъ съ этимъ названіемъ сохранилось и чисто-русское наименованіе праздника въ честь Овсеня, или Авсеня, такъ что пѣсни, поющіяся на святкахъ, называются частью овсеневыми, частью колядскими. Откуда происходитъ слово Овсень и что оно значитъ, мы не знаемъ достовѣрно, и только предположительно его сближаютъ съ глаголомъ *сѣять*, потому что въ разныхъ обрядахъ на святкахъ употребляются хлѣбныя зерна, можетъ быть какъ символъ будущаго урожая *).

Нужно, однако, замѣтить, что овсеневыми называются собственно тѣ пѣсни, которыя пріурочены у великоруссовъ къ Новому году; у малороссовъ имъ соотвѣтствуютъ „щедривки", которыя такъ называются потому, что вечеръ Новаго года носитъ названіе „щедраго".

Обрядъ колядованія состоитъ въ томъ, что ребята, „коледовщики, недоросточки" ходятъ иногда цѣлую недѣлю, начиная съ 25 декабря, по деревнѣ и подъ окнами домовъ поютъ церковные тропари и кондакъ празднику и пѣсни колядскія **), которыя по содержанію своему представляются величаньемъ хозяина и его семьи: хозяинъ уподобляется свѣтлому мѣсяцу, хозяйка—красному

*) Есть и другія объясненія слова Овсень, Усень, Усинь; оно производится отъ слова синій, что значило прежде блестящій, и потому Овсенемъ называется блестящій, свѣтлый праздникъ.

**) По припѣву „Виноградье красно зелено мое" колядскія пѣсни называются иногда виноградьемъ.

солнышку, а дѣти ихъ—частымъ звѣздочкамъ, при чемъ высказываются пожеланія счастья, богатства, „чтобы рожь родилась, на гумно свалилась". Пожеланія часто отличаются крайне гиперболическимъ характеромъ, явнымъ преувеличеніемъ, какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующихъ словъ колядской пѣсни:

А дай Богъ тому,
Кто въ эфтомъ дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужимиста:
Ему съ колосу—осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полузерна—пирогъ.

Подобныя гиперболическія пожеланія въ древности имѣли значеніе заклинаній, такъ какъ крѣпка была вѣра въ магическое дѣйствіе самого слова: „Чѣмъ далѣе въ старину, говоритъ извѣстный ученый А. А. Потебня, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ произвести то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія". За это величанье и за добрыя пожеланія въ пѣсняхъ просятъ угостить колядниковъ:

Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки,
Золоты окошки;
Кто дастъ каши,
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины,
Золотые чугуны.

Въ другой пѣснѣ эта просьба представляется уже исполненной: государь (хозяинъ) „дарилъ по рублику", хозяйка по полтинѣ, а дѣти по копеечкѣ. За неисполненіе просьбы иногда грозятъ: „Какъ не дашь пирога, такъ корову за рога"; или же въ другой пѣснѣ съ угрозой просятъ: „не мори ты насъ подъ окномъ, подай блюдо кишекъ, либо денегъ мѣшокъ, либо сѣна клокъ, либо вилами въ бокъ".

Въ колядкахъ изрѣдка замѣчаются слѣды языческой древности,—въ одной изъ нихъ изображается что-то въ родѣ жертвоприношенія, но чаще мы встрѣчаемъ въ нихъ прославленіе христіан-

скаго праздника Рождества. Такъ, въ одной колядкѣ поется, что „Пречистая Сына своего купала“ въ Іорданѣ, и туда приходили „три царя“ съ тремя дарами, и первый изъ этихъ царей называется св. Петромъ, второй святымъ Рождествомъ. Въ другой колядкѣ находимъ образъ, въ которомъ также сливаются представленія о Рождествѣ и Крещеніи:

На тихомъ на Дунаѣ
Госпожа ризы бѣлила...
Уже небеса растворялися,
Изъ нихъ Самъ Господь идетъ
И ризы Пречистой принимаетъ...

Кромѣ колядскихъ и овсеневыхъ пѣсенъ, на Святкахъ поются при гаданіяхъ пѣсни, называемыя подблюдными. Самое гаданье состоитъ въ томъ, что въ блюдо или чашку съ водой кладутся перстни, и при пѣніи подблюдныхъ пѣсенъ ихъ вынимаютъ изъ чаши: чей перстень вынется, къ тому относится предсказываемая пѣсней судьба. Такъ, напримѣръ, предвѣщается свадьба той дѣвушкѣ, перстень которой будетъ вынутъ, когда поютъ пѣсню, упоминаемую Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

Котъ кошурку
Звалъ спать въ печурку,
„Въ печуркѣ спать
Тепло, хорошо“.

Наоборотъ, горе, утраты, смерть предстоятъ, когда кольцо вынется подъ жалостный мотивъ пѣсни:

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.

Какъ святки начинаются послѣ того момента, когда зима поворачиваетъ на морозъ, такъ сравнительно скоро послѣ нихъ уже предчувствуется конецъ лютыхъ морозовъ, исходъ зимы, и такимъ временемъ поворота къ веснѣ представляется широкая масленица, когда справлялись среди разныхъ игрищъ проводы зимы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сжигали чучело масляницы или зимы, что замѣнилось позже по-просту сжиганіемъ соломы. Въ немногочисленныхъ масленичныхъ пѣсняхъ ощущается уже какое-то предвѣстіе весны, которая скоро должна наступить, дѣлаются намеки на грядущую пору пробужденія любви. Такъ, въ одной

пѣснѣ дѣвушка проситъ мать отпустить ее за „быструю рѣченку“ послушать „гуслей звончатыхъ“ и обѣщаетъ вернуться домой лишь на Пасху,

На великъ день
Съ красненькимъ
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ
Со зятечкомъ.

Также предчувствіе весны можно видѣть и въ томъ, что въ иныхъ причитаніяхъ на масленицу упоминался „Честной Семикъ“, который зоветъ „широкую масленицу къ себѣ въ гости на дворъ“, т. е. упоминался уже чисто весенній праздникъ.

До весны уже не такъ далеко: кончилась масленица, пройдетъ Великій постъ, и въ воскресенье послѣ Пасхи, на Ѳомину недѣлю или на Красную горку начинается циклъ весеннихъ обрядовъ и связанныхъ съ ними пѣсенъ, которыя по своему содержанію представляются во многихъ случаяхъ заклинаніями. Подобнымъ заклинаніемъ является прежде всего исполняемый на Красную (т. е. красивую отъ весенней травы) горку обрядъ заклинанія или зазыванія весны. Въ Бѣлоруссіи дѣвушки садятся на холмы и на крыши домовъ и на восходъ солнца поютъ о ключахъ, замыкающихъ зиму, открывающихъ землю и выпускающихъ росу, при чемъ въ этихъ пѣсняхъ обращеніе къ языческому божеству замѣнилось призываніемъ христіанскаго Бога:

Благослови, Боже,
Вясну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць.
Вылеци, сизая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣцечко.

Съ той же просьбою „отомкнуть землю, выпустить росу“ въ великорусскихъ пѣсняхъ обращались къ святому Георгію („Юрій, вставай рано“), но мы знаемъ великорусское зазываніе весны и безъ обращенія къ Богу и святымъ:

Весна, весна красная,
Приди весна съ радостью,

Съ великою милостію:
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Заклиная весну, отъ нея ждутъ богатства, счастія, чтобы она принесла „коробы житушка, два пшеничушки, малымъ дѣтушкамъ по яичку, краснымъ дѣвушкамъ по перетонечку" и т. д.; Бога просятъ „зародить жито густое, колосистое, ядренистое, чтобы было, съ чего пиво варити, ребятъ женити, дѣвокъ отдавати". Такимъ образомъ, какъ видно изъ послѣднихъ словъ, вступаетъ въ свои права та любовная поэзія, намекъ на которую мы указывали выше въ святочныхъ и масленичныхъ пѣсняхъ.

Общее весеннее оживленіе природы должно было, по древнимъ вѣрованіямъ, распространиться и на міръ почившихъ предковъ, и поэтому однимъ изъ первыхъ весеннихъ праздниковъ былъ „навій день" (т. е. день мертвецовъ) или „радуница", справляющаяся въ понедѣльникъ или вторникъ Ѳоминой недѣли, когда почившихъ родичей стараются порадовать, сходясь на ихъ жальники (могилы) и устраивая угощенія, въ которыхъ принимаютъ участіе и сами покойники, такъ какъ имъ ставятъ на могилки разныя питія и кушанья. При этомъ поются пѣсни (оклички) этимъ мертвецамъ, хотя поминаніе на радуницу съ давнихъ временъ соединилось съ церковными панихидами, въ немъ очень сильная примѣсь язычества, которая ярко просвѣчиваетъ хоть бы въ слѣдующей окличкѣ:

Со восточной со сторонушки
Подымалися вѣтры буйные,
Расходилися тучи черныя;
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ гремучій со молоньями,
Со молоньями да съ палючими!
Ты ударь, Громъ гремучій, огнемъ полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще Матушку-Мать-сыру-землю.
Охъ, ты, Матушка Мать-сыра-земля!
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся на четыре сторонушки!
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлы,
Отъ ретиваго сердечушка!

Любовная поэзія весны выражается въ хороводахъ, водить которые начинаютъ уже съ самой Пасхи. Въ элементарныхъ драматическихъ дѣйствіяхъ, составляющихъ существо хороводовъ, и въ тѣхъ пѣсняхъ, которыми они сопровождаются, вполнѣ ясно обнаруживаются мотивы любви и брака. Соотвѣтственно моментамъ хороводнаго дѣйствія, пѣсни эти раздѣляются на три группы: наборныя, игровыя и разводныя или разборныя. Въ первыхъ заключается приглашеніе парней въ хороводъ:

Прійди ко мнѣ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ
Капусту поливать,
Самъ дѣвицу выбирать!

Или въ другой пѣснѣ поется:

Мимо саду—винограду
Пролегала дорожка.
По этой по дорожкѣ
Мала дѣвушка шла,
Шла дѣвушка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая,
Ходитъ-походитъ,—
Пожалуйте въ хороводъ!

Эти наборныя пѣсни коротки и весьма несложны по содержанію; гораздо длиннѣе и важнѣе, значительнѣе пѣсни игорныя, которыми сопровождаются хороводныя дѣйствія. Въ этихъ дѣйствіяхъ можно видѣть зачатокъ недоразвитой народной драмы, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ символизируется нѣчто подобное борьбѣ, входящей, какъ увидимъ далѣе, въ свадебный обрядъ. Таково, напримѣръ, хороводное „сѣяніе проса“, въ которомъ представляется споръ двухъ сторонъ, часто парней и дѣвушекъ: одни поютъ, что они „просо сѣяли“,—другія угрожаютъ вытоптать просо; на эту угрозу отвѣчаютъ обѣщаніемъ поймать коней и запереть ихъ въ стойла; послѣ этого идетъ торгъ о выкупѣ, въ качествѣ котораго не годятся ни сто рублей, ни тысяча рублей, ни дрова, ни лапти, ни дѣдушка, ни молодецъ, а годится лишь дѣвушка, которая и переходитъ въ другой станъ, при чемъ одна половина хоровода поетъ: „У насъ полку убыло, убыло“, а

другая:—„А у насъ полку прибыло, прибыло“. Подобный же отголосокъ какой-то борьбы замѣчается и въ хороводномъ исканіи: въ кругу ходитъ молодецъ, свѣтлый князь, съ поднятой рукой и хороводъ поетъ, что князь ищетъ свою княгиню:

Ходитъ, ходитъ князь,
Ходитъ кругомъ города;
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро ли, свѣтлый князь,
Сыщешь красну дѣвицу?

Есть рядомъ съ этими хороводныя игры, представляющіяся простой забавой. Таковы „вареніе пива“ или „заенька“. Въ последней игрѣ парню, ходящему въ кругу и изображающему „заеньку“ поютъ:

Заенька, походи!
Сѣренькій, походи!
Вотъ такъ, вотъ такъ походи!
. . . .
Заенька, попляши!
Сѣренькій, попляши!
. . . .
Заенька, кого любишь,
Сѣренькій, кого любишь,
Заенька, поцѣлуешь.
Сѣренькій, поцѣлуешь!
Вотъ такъ, вотъ такъ поцѣлуешь!

Заканчивается хороводъ обыкновенно разборной пѣсней, въ которой заключается приглашеніе поцѣловаться:

Гдѣ ни сойдемся,—пріобоймемся,
Пріобоймемся, поцѣлуемся,
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся!

Начинаясь съ Пасхи, хороводы тянутся всю весну вплоть до Петрова дня, пріурочиваясь къ различнымъ праздникамъ къ Юрьеву дню, къ Николину дню, къ Троицѣ, къ Семику, къ Иванову дню, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ моментовъ отмѣчаются особенными обрядовыми дѣйствіями и пѣснями.

Въ день св. Георгія 23 апрѣля выпускаютъ въ поле скотину и обращаются къ угоднику съ заклинаніемъ:

Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Николѣ Угоднику, котораго въ Бѣлоруссіи называютъ въ пѣснѣ „важной особой“, служатъ молебны о ниспосланіи урожая, такъ какъ его весенній праздникъ приходится какъ разъ на то время, когда рожь „забираетъ силу“, почему его и считаютъ „родителемъ“ хлѣба и главнымъ покровителемъ крестьянства. Это усиленное почитаніе Николы характерно проявляется въ его сопоставленіи со св. Касьяномъ, память котораго празднуется разъ въ четыре года, тогда какъ Николу Богъ наградилъ двумя праздниками въ годъ за то, что онъ помогъ крестьянину вытащить увязшій возъ. По другой легендѣ Никола полезнѣе для крестьянъ, чѣмъ Илья пророкъ, который называется „Божьей жнеей“, потому что съ Ильина дня во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ начинается жатва.

Слѣдующею важною группою весеннихъ обрядовыхъ дѣйствій являются тѣ, которыя примыкали по времени къ христіанскому празднику св. Троицы, а ранѣе были такъ же, какъ и святочныя игрища, связаны съ какими-нибудь языческими праздниками. Съ давнихъ временъ въ этихъ обрядахъ сливались элементы горя и веселья, какъ это видно изъ ихъ обличенія въ Стоглавѣ: „Въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и, егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и перегудцы, они же отъ плача преставши, начнутъ скакати и плясати, и въ долони бити“. Поминаніе усопшихъ, такимъ образомъ, соединялось въ этихъ празднествахъ съ самымъ разнузданнымъ, доходящимъ до непристойности, весельемъ.

Нѣкоторыя черты этихъ весеннихъ празднествъ позволяютъ сближать ихъ такъ же, какъ и святочные обряды, съ праздникомъ языческаго греко-римскаго міра, съ такъ называемыми Floralia

Rosaria или dies rosae, слѣдъ чего сохранился въ русскомъ названіи праздника „Русаліи“ или „Русальная недѣля“, такъ что самое слово „Русаліи“ должно объясняться, какъ искаженіе латинскаго „rosaria“ или „rosalia“ и только случайно совпадаетъ съ словомъ „русалка“. Древній римскій праздникъ имѣлъ цѣлью какъ бы помочь расцвѣтанію природы (ut omnia bene deflorescant) и состоялъ въ рядѣ шумныхъ веселыхъ плясокъ и пѣсенъ, причемъ участники игръ украшались вѣнками изъ розъ, а дома убирались зеленью, и въ это время совершалось поминовеніе усопшихъ. Тѣ же самые обряды съ незначительными измѣненіями сохранились у насъ на Троицкихъ празднествахъ, въ такъ называемую Русальную недѣлю и въ Семикъ. Послѣдній праздникъ справляется въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, отчего происходитъ самое его названіе (седьмой—семой, седьмикъ—семикъ), и главнымъ обрядомъ, сопровождающимъ этотъ праздникъ, было „завиваніе березки“. Обыкновенно дѣвушки, наготовивъ различныхъ яствъ: пироговъ, яичницы, драчены и т. п. *), разрядившись въ лучшія платья съ лентами и цвѣтами, гурьбой шли въ лѣсъ и, выбравъ развѣсистую, густую березу, у корня перевязывали ее шелковымъ поясомъ или лентою, а изъ вѣтвей ея дѣлали вѣнокъ. Тутъ поется о будущемъ урожаѣ:

Мы завьемъ вѣночки
На сады добрые,
На жито густое,
На ячмень колосистый,
На овесъ рѣсистый,
На гречиху черную,
На капусту бѣлую.

На Троицынъ день совершается развиваніе березки, которая была завита въ Семикъ. Совершается это, по описанію извѣстнаго собирателя народныхъ пѣсенъ, П. В. Шейна, такимъ образомъ:

*) Этому моменту соотвѣтствуетъ пѣсня:

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиной,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яичницей,
Съ драченами.

„Возвратясь отъ обѣдни, дѣвушки мѣняютъ свой нарядъ на лучшія платья, на голову надѣваютъ свѣжіе березовые вѣнки, переплетенные цвѣтами, и въ такомъ уборѣ идутъ въ лѣсъ. Пришедши туда, онѣ становятся въ кружокъ около завитой березки, и кто-нибудь изъ нихъ срубаетъ ее и устанавливаетъ посреди кружка. Тутъ всѣ дѣвушки подходятъ къ березкѣ и начинаютъ ее украшать лентами и цвѣтами. Далѣе открывается тріумфальное шествіе дѣвушекъ попарно, а впереди всѣхъ одна изъ нихъ несетъ березку, и такимъ образомъ обносятъ ее кругомъ всей деревни. Пришедши въ которую-нибудь изъ улицъ, онѣ втыкаютъ березку въ землю и начинаютъ водить вокругъ нея хороводы; тутъ присоединяются къ нимъ и парни, и всѣ хоромъ поютъ:

Какъ во полѣ, полѣ
Береза стояла....

Въ промежуткахъ пѣсенъ играютъ въ лапту и другія игры, потомъ, уставъ отъ нихъ, дѣвушки приглашаютъ парней къ себѣ ужинать. Тутъ ихъ угощаютъ виномъ и различными лакомствами. Поѣвши всласть, дѣвушки и парни выходятъ на улицу и поютъ пѣсни до поздней ночи. Въ заключеніе всего удовольствія берутъ березку и бросаютъ въ ключъ (истокъ рѣки), затѣмъ срываютъ вѣнки и также бросаютъ въ воду; на нихъ гадаютъ: если потонетъ вѣнокъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ помереть; а если нѣтъ, то выйти замужъ. Ленты, которыми завиваютъ березку, сохраняются дѣвушками для перевязыванія вѣнчальныхъ свѣчей.

Въ Троицкую субботу, или въ день Русалій устраивали изъ соломы куклу русалки, одѣвали ее въ женское платье и носили въ хороводахъ; по ночамъ зажигали костры, прыгали черезъ нихъ; на разсвѣтѣ, послѣ изгнанія русалокъ, купались въ рѣкѣ.

Въ Троицкихъ пѣсняхъ и обрядахъ замѣчается такое же сплетеніе языческихъ и христіанскихъ чертъ, какое мы видѣли въ святочныхъ пѣсняхъ: такъ, завивая вѣнки, поющіе обращаются къ „Троицѣ, Богородицѣ“, хотя большинство обрядовыхъ подробностей отличается языческимъ характеромъ.

Заканчивается циклъ весеннихъ празднествъ 24 іюня, когда солнце достигаетъ наибольшей силы и затѣмъ начинаетъ ее утрачивать. Это купальскія празднества, древнѣйшее упоминаніе которыхъ въ лѣтописи относится къ XIV вѣку. „Купала бяше, говоритъ лѣтопись, богъ обилія, якоже у Еллинъ Цересъ, ему же

безумные за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумные память совершаютъ, начевши іюня 23 дня, въ навечеріе рождества Іоанна Предтечи даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія, или коренія и, препоясавшеся биліемъ, возгнетаютъ огнь; индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и въемся за руцѣ, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ, потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ". Уже въ самыхъ именахъ праздниковъ купальскихъ видно сочетаніе языческихъ вѣрованій съ христіанствомъ: къ имени Іоанна Предтечи присоединился эпитетъ Купала, а къ имени св. Агриппины, память которой празднуется 23 іюня,—эпитетъ Купальницы (Аграфена Купальница и Иванъ Купала); что же касается самыхъ купальскихъ обрядовъ, то въ нихъ проявляется исключительно языческій характеръ торжества. Въ купальскую ночь разводятъ костеръ, при чемъ огонь добывается непремѣнно треніемъ кусковъ дерева одинъ объ другой; въ костеръ бросаютъ соломенное чучело, которое называется Купалой, а иногда Костромой [1]). Другимъ важнымъ обрядомъ является скатываніе съ горы въ воду зажженнаго колеса, въ чемъ можно видѣть символическое изображеніе солнца, утрачивающаго свою силу, и поворачивающаго на зиму, такъ какъ этотъ праздникъ признается временемъ лѣтняго солнповорота. Въ купальскую ночь, кромѣ этого, ищутъ разныхъ лютыхъ кореньевъ, чудодѣйственныхъ травъ, въ родѣ разрывъ-травы, плакунъ-травы, а въ особенности огненнаго цвѣтка папоротника, который является только въ эту ночь и безъ котораго невозможно добываніе кладовъ. При отыскиваніи цвѣтка папоротника поютъ:

Купала, наша Купала!
Дай намъ котлы золота!
Вотъ солодушка (папоротникъ) цвѣтетъ;
Я усяду при ней,

[1]) Въ Малороссіи Кострома называется Кострубонькомъ, и похороны Костромы или Ярилы этого чучела въ разныхъ мѣстахъ отличаются своеобразными подробностями: иногда его сжигаютъ, иногда, предварительно растрепавши солому, бросаютъ въ воду и внимательно слѣдятъ, чтобы рѣка унесла все до послѣдней соломинки. Пѣсни при этомъ обрядѣ обыкновенно бываютъ печальныя, хотя у малороссовъ игра въ Кострубонька оканчивается весело, такъ какъ Кострубонько оживаетъ и является въ хороводъ ловить дѣвушекъ.

Пропочую при ней,
Подстерегу красочку (цвѣтокъ),
Сорву папоротку,
Буду богачъ-богатырь,
Закуплю я весь свѣтъ.

Купальскими обрядами и пѣснями заканчивается тотъ кругъ празднествъ, который, какъ мы указывали выше, пріуроченъ къ годичному обращенію солнца. Прекращаются хороводныя игры до слѣдующаго года, и только кое-гдѣ на Ильинъ день справляются „дожинки", когда поются нѣкоторыя пѣсни, не представляющія особаго интереса.

Частно-обрядовая лирика.

А. Свадебныя пѣсни.

О древнѣйшихъ формахъ брака у русскихъ славянъ мы имѣемъ слѣдующее, весьма любопытное свидѣтельство лѣтописи: „Имяху бо обычаи и законъ отець своихъ, и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имутъ кротокъ и тихъ, стыдѣніе къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣніе имяху. Брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче. А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И родимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсахъ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто и срамословье въ нихъ передъ отцы и передъ снохами; и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьская игрища и ту умыкиваху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху по двѣ и по три жены". Изъ этого лѣтописнаго отрывка мы видимъ, что въ ту отдаленную эпоху бракъ совершался при помощи насильственнаго похищенія, умыканія невѣсты, но что рядомъ съ этимъ существовалъ бракъ и по договору, судя по выраженію „съ нею же кто съвѣщашеся", при чемъ похищеніе было только кажущимся, и, наконецъ, у самаго культурнаго

русскаго племени, у полянъ нѣтъ никакого признака насилія при заключеніи брака, а невѣсту приводятъ *добровольно съ приданымъ*.

Не церковный бракъ держался у русскихъ довольно долго и послѣ принятія христіанства, такъ что еще въ XV вѣкѣ митр. Фотій приказываетъ налагать трехгодичныя эпитиміи на тѣхъ, кто „живетъ съ женою не по закону, безъ благословенія священническаго". Языческіе обряды и сопровождавшія ихъ пѣсни, при которыхъ совершался этотъ не церковный бракъ, возникли изъ религіозныхъ воззрѣній и изъ особенностей быта русскихъ славянъ; съ теченіемъ времени эти бытовыя и религіозныя особенности исчезли, но въ обрядахъ и пѣсняхъ сохранились довольно многочисленные ихъ слѣды и, знакомясь съ современными народными свадебными пѣснями, необходимо внимательно ихъ анализировать, чтобы вскрыть эти слѣды далекой древности подъ болѣе поздними наслоеніями.

Древнѣйшая форма заключенія брака посредствомъ похищенія невѣсты и до сихъ поръ проявляется въ содержаніи нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсенъ и въ особенности въ свадебной обрядности. Въ этихъ пѣсняхъ и обрядахъ слышатся отголоски древняго родового быта, когда славяне жили отдѣльными родами, часто между собою враждовавшими, и дѣвушку, какъ рабочую силу, не отдавали добровольно въ чужой родъ. Поэтому женихъ представляется „погубителемъ", „разорителемъ", чужимъ-чужаниномъ", отъ котораго необходима защита. Это „грозный князь", пріѣзжающій со своимъ „храбрымъ поѣздомъ", которымъ предводительствуетъ „тысяцкій". Уже эти термины „князь" и „тысяцкій"— указываютъ на воинскій характеръ свадебнаго поѣзда, впереди котораго въ Малороссіи иногда даже несутъ шестъ съ краснымъ платкомъ, нѣчто въ родѣ военнаго знамени. Невѣста ищетъ у брата помощи и поетъ:

По послѣднему денечку
Нанесло тучу черную,
Съ громами со трескучими,
Съ молоньями со сверкучими,
На батюшковъ на высокъ теремъ.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ.
Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ.
Гдѣ-то есть у молоденькой
Соколъ братецъ родименькой,

Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ дорогой камень...
Родимый братецъ мой,
Ты поди-ко во темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березовьку,
Загради ты путь дороженьку,
Чтобъ моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати...

Когда приближается свадебный поѣздъ, ему преграждаютъ путь и запираютъ ворота невѣстина двора, въ сѣняхъ дома толпа подружекъ невѣсты собирается ее защищать; иногда даже поѣзжанъ встрѣчаютъ холостыми выстрѣлами. Они врываются въ домъ, грубо расталкивая защитниковъ, и ведутъ себя, какъ побѣдители: шапокъ не снимаютъ, бьютъ кнутами по стѣнамъ, по лавкамъ, говорятъ грубыя слова. Когда поѣздъ возвращается изъ церкви послѣ вѣнчанія, невѣсту, которая при этомъ сопротивляется, вносятъ въ домъ на рукахъ.

Время смягчало отношенія, и похищеніе невѣстъ замѣнилось ихъ куплей, вымѣномъ за извѣстную плату, которая называлась „вѣномъ". Такимъ, напримѣръ, вѣномъ за невѣсту, по мнѣнію лѣтописца, было возвращеніе Владиміромъ грекамъ завоеваннаго имъ города Корсуня, и лѣтописецъ прямо выражается объ этомъ фактѣ такимъ образомъ: „вдастъ же за вѣно грекамъ Корсунь опять царицѣ дѣля". Въ обрядахъ и пѣсняхъ и до сихъ поръ сохранились слѣды этой купли-продажи невѣстъ, при чемъ происходилъ торгъ. На этотъ торгъ или „рядъ" имѣется указаніе въ самомъ названіи жениха суженымъ-ряженымъ. Особенно характеръ торга проявляется въ сватовствѣ, первомъ моментѣ свадебнаго чина, когда сватъ начинаетъ свои переговоры обычной формулой: „у васъ товаръ, у насъ купецъ", а невѣста проситъ ея не продавать:

Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся,
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Однако, ея просьба не исполняется, потому что

Брату мила сестра,
А золото милѣй,

Братецъ татаринъ
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Въ другой пѣснѣ рисуется почти та же картина продажи невѣсты:

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дунюшку.
Торгуйся, торгуйся, братецъ,
Не отдавай меня дешево:
Проси за меня сто рублей
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.

Такимъ же ненадежнымъ защитникомъ невѣсты оказывается и ея отецъ, который сперва какъ бы рѣшительно отказываетъ сватамъ, цѣнитъ волю невѣсты въ сто рублей, косу въ тысячу, и говоритъ, что самой „красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ", но затѣмъ поддается хитрымъ увѣщаніямъ сватовъ:

Но лукавъ былъ злодѣй большій сватъ:
Онъ близехонько къ родителю двигается,
Низконько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему, да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На томъ мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную волюшку.
Какъ на этое, на сладко зелено вино,
Пропилисъ, да промоталися
Прогуляли мою волюшку!

Характеръ торговой сдѣлки, кромѣ первоначальнаго заявленія сватовъ и желанія пріобрѣсти товаръ, обнаруживается и въ другихъ подробностяхъ, отличающихъ сватовство, смотрины и сговоръ: во-первыхъ, невѣста обыкновенно пропивается, а вино пьется всегда при заключеніи выгоднаго торга *), во-вторыхъ,

*) Это пропиванье невѣсты совершается иногда (въ Пермской губерніи) съ весьма сложной церемоніей: „съ большимъ подносомъ, уставленнымъ рюмками по числу гостей, является подружье, дружка наливаетъ вино, привезен-

какъ и всякій товаръ, невѣсту осматриваютъ весьма внимательно: смотрятъ руки, лицо, шею, заставляютъ пройтись по горницѣ и т. п.; въ третьихъ, при окончаніи сговора совершается рукобитье, товаръ передается изъ полы въ полу; въ-четвертыхъ, продается коса „дѣвья красота", при чемъ сватъ или самъ женихъ, положивъ деньги на столъ, беретъ невѣсту за косу; и, наконецъ, въ-пятыхъ, женихъ покупаетъ мѣсто около невѣсты, которое обыкновенно бываетъ занято какимъ-нибудь мальчикомъ изъ ея родни, и только уплативши, давши подарокъ, можетъ сѣсть рядомъ съ невѣстой.

нос имъ отъ жениха, вмѣстѣ съ подарками невѣстѣ, и, приготовивъ все, передаетъ подносъ жениху; женихъ вмѣстѣ съ невѣстою принимаютъ его и держатъ среди комнаты. Затѣмъ дружки торжественно берутъ подъ руки и подводятъ къ подносу, по старшинству, всю родню и всѣхъ гостей невѣсты, не исключая и подругъ ея—дѣвушекъ. Сначала, конечно, подводятъ тестя—отца невѣсты, женихъ проситъ его кушать, говоря: „по всей пожалуйте", т. е. пейте всю рюмку до дна—и лишь только тесть принимаетъ рюмку, дѣвушки заунывнымъ тономъ поютъ ему пропойную пѣсню:

Сине море на волнахъ спитъ—
Красна дѣвица на думахъ стоитъ.
Думавши, она слово вымолвила:
Батюшка, пей—да меня не пропей!
Пропьешь ты меня—не выкупишь,
Пропьешь ты меня—не выручишь.
Пропей, пропей, батюшка, кафтанъ-отъ съ себя!
Ты его пропьешь—ты его и выкупишь,
Ты его пропьешь—ты и выручишь;
А меня-то младу на выкупъ не дадутъ.
За эту чару, за зеленое вино,
Увезутъ меня на чужу сторону,
Ко чужому отцу, къ чужой матери!

Затѣмъ съ той же церемоніей подводятъ тещу; за ней прочихъ родственниковъ невѣсты по старшинству и, наконецъ, дѣвушекъ. Пѣсня для всѣхъ поется одна и та же, съ тою только разницею, что тещѣ вмѣсто кафтана, котораго она не носитъ, рекомендуется пропить шамшуру (т. е. головной уборъ замужней женщины): „пропей, пропей, матушка, шамшуру-ту съ себя!", а дѣвушкамъ—косу: „пропейте, пропейте косу-ту съ себя, косу-ту съ себя съ алой ленточкою!"

Когда такимъ образомъ всѣ пропьютъ невѣсту, женихъ передаетъ подносъ съ пустыми рюмками дружкѣ, а самъ, схвативши невѣсту за руку, стремглавъ тащитъ ее за порогъ, вонъ изъ комнаты. Дѣвушки бросаются отнимать ее, хватаются за нее и едва-едва удерживаютъ жениха, приговаривая: „сегодня она наша, а завтра будетъ ваша...". Тогда женихъ отдаетъ имъ невѣсту, прощается съ нею, хозяевами и гостями, и со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется домой.

Третій моментъ въ развитіи свадебнаго чина—свободный выборъ жениха и невѣсты отразился въ очень немногихъ пѣсняхъ и не оставилъ никакого слѣда въ обрядности. Въ этомъ отношеніи любопытна слѣдующая пѣсня, когда мать выводитъ свою дочь въ „свѣтлую свѣтличку" и предлагаетъ ей:

Выбирай, мое дитятко,
Выбирай, мое милое,
Изъ гостей незнакомыхъ—знакомаго:
Изъ молодыхъ—молодого, нарядпаго:
Ужъ какъ съ тѣмъ ли тебѣ гостемъ вѣкъ вѣковать,
Вѣкъ вѣковать и меня забывать.
Ужъ какъ выбрала—Марьюшка,
Ужъ какъ выбрала Ефимовна
Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
Изъ молодыхъ молодого нарядпаго,
Петра, сударь, Петровича.
Ужъ и я ли съ нимъ, матушка,
Съ нимъ вѣкъ вѣковать буду,
А тебя, матушка, не позабуду.

Та же свобода выбора, любовное отношеніе къ жениху представляются характерною чертой и слѣдующей пѣсни:

Красно солнышко зашло,
И темна ночь наступила,
А гостей не бывало въ Ефимовъ день
Въ Ефимовъ домъ, свѣтъ Гавриловичевъ.
Машенька душа Ефимовна
Суженаго себѣ ожидаетъ,
Петра, сударь, Петровича.
Во цвѣтно платье, сударь, снаряжается,
Во цвѣтное, во шелковое.
Ужъ какъ пріѣдетъ ли мой ряженый.
А вы, дѣвушки, голубушки,
Подруженьки мои милыя,
Запойте погромче, повеселѣе,
Повеселѣе, да порадостнѣе,
Чтобы суженому моему не соскучилось.
Чтобы ряженому моему не взгрустнулося.

Сообразно съ такимъ новымъ любовнымъ отношеніемъ къ жениху, невѣста уже не желаетъ ему всѣхъ напастей, не проситъ загородить ему дорогу, а, наоборотъ, поетъ:

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку,
Во весь путь, во всю дороженьку,
Свѣтилъ бы моему суженому,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадь не воротился...
Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
Безъ него-то мнѣ грустнехонько.

Однако, подобныя выраженія нѣжнаго чувства къ жениху вообще рѣдки, и свадебныя пѣсни, въ виду тяжелаго положенія, которое создалось для дѣвушки бракомъ, совершаемымъ путемъ насильственнаго похищенія или продажи, при чемъ ея согласіе также не играло никакой роли, представляются почти исключительно воплями, причитаніями по поводу разставанія съ родителями и ухода въ чужой родъ. Жизнь въ родительскомъ домѣ въ этихъ воплях идеализируется въ противоположность той горькой участи, которая ожидаетъ дѣвушку въ новой семьѣ. Такъ, когда расплетается коса невѣсты передъ отправленіемъ въ баню, поется:

У свово-то родимаго батюшки
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,
Среди-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ краснымъ солнышкомъ.

Совсѣмъ другое предстоитъ „на чужой дальней сторонушкѣ", у свекра и свекрови: тамъ придется „чесать русы волосы во кутѣ, за занавѣсой", поливать ихъ „горючими слезами" и сушить „своей тоской да кручинушкой". Ласки тамъ не будетъ:

Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу, къ матери,

Ко чужому роду, племени,
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице, не спашивай,
Терпи горюшко, не сказывай...
Ты во темную во почeньку
Выходи моя подруженька,
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку уличку-
Разнесутъ твою обидушку
Часты—буйны вѣтерки...

Въ чужомъ роду всѣ оказываются врагами выходящей замужъ дѣвушки, и она съ горькой ироніей сравниваетъ своихъ „богоданныхъ батюшку и матушку" съ медвѣдемъ и медвѣдицей, „богоданныхъ братцевъ" съ „шипицей колючею", а „богоданныхъ сестрицъ", которыя носятъ характерное имя „золовка" съ „крапивою жгучею", а самъ суженый представляется въ образѣ орла, „птицы острой", который „въ когтяхъ держитъ лебедушку". Когда она пріѣзжаетъ въ чужой домъ, ее ждутъ укоризненныя слова:

Свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;
А свекровь говоритъ:
Къ намъ медвѣдку ведутъ;
А деверья говорятъ:
Къ намъ неряху ведутъ;
А золовки говорятъ:
Къ намъ непряху ведутъ;
Двѣ тетушки сидятъ
Все про то-же говорятъ

Вступая въ бракъ, дѣвушка теряетъ красоту свою и разстается со своей вольной волюшкой: внѣшнимъ признакомъ „дѣвьей красоты" была коса дѣвушки,—и теперь эта коса расчесана на двѣ; знакъ воли—ленточка въ косѣ (часто называемая „волею") замѣнился повойникомъ, символизирующимъ подневольное состояніе замужней женщины, и естественно, что среди свадебныхъ воплей видное мѣсто занимаетъ оплакиваніе красоты и воли, причемъ послѣдняя представляется именно, какъ внѣшнее украшеніе:

Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку, чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку,—
Я кладу въ оковану коробеечку;
Какъ отомкну оковану коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку,
Будто я красна дѣвушка—
Разгоню свою обидушку.

При такомъ взглядѣ на бракъ весьма понятно, что отношенія къ свату и къ свахѣ оказываются весьма непріязненными. Сватъ—врагъ, и ему выражаются такія нелестныя пожеланія:

Да тебѣ свату большому,
Да тебѣ измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить—ногу сломить,
На другую ступить—другу сломить,
На третьей—голову свернуть!
Того мало свату большому,
Да измѣнщику дѣвичьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полушубками,
Подъ четырема тулупами,
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь провалится,
Во мясныхъ щахъ сварится!

Обращаясь къ отцу, невѣста проситъ его:

Государь ты мой, батюшка,
Ты возьми свата за воротъ,
Поведи свата за двери,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,
Чтобъ расчесалъ буйну голову.
Еще дай, Боже, сватушкѣ
Ему за эту за выслугу,
Ему сорокъ бы сыновей,

Да пятьдесятъ ему дочерей,—
Сыновей бы не женивать
Дочерей бы не выдавать.

Къ свахѣ относятся такія же пожеланія, и при этомъ добавляется:

Ты злодѣйка наша, сватовщица,
Лиходѣйка—обманщица!
Умереть бы тебѣ, сватовщица,
На печи въ углу подъ шубою...
Мы схоронимъ тебя, сватовщица,
Мы въ темный лѣсъ, во каменье,—
Мы подъ горькою осинушкой...

Это пожеланіе свахѣ быть похороненной подъ осиною тѣмъ болѣе оскорбительно, что осина считается со своими дрожащими листьями проклятымъ деревомъ, такъ какъ на ней по преданію повѣсился Іуда, а въ могилы вѣдьмъ вбиваютъ осиновый колъ.

Выходя замужъ, дѣвушка не только символически теряла свою „вольную волюшку", но и на дѣлѣ пріобрѣтала повелителя въ лицѣ мужа, и при заключеніи брака эта новая ея зависимость отличалась нѣкоторыми обрядами юридическаго характера: съ древнѣйшихъ временъ она должна была разувать молодого, какъ это видно изъ сказанія лѣтописи о Рогнѣдѣ, которая отказалась „разути робичича", т. е. Владимира, и этотъ обычай удержался кое-гдѣ даже и теперь: затѣмъ молодая цѣловала ногу своего новаго господина, но если эта черта гдѣ и удержалась, она смягчена тѣмъ, что и молодой цѣлуетъ ногу жены; послѣ брака, становясь защитникомъ жены, молодой прикрывалъ ее полой своего кафтана, и, наконецъ, отецъ новобрачной, какъ бы передавая свою власть надъ дочерью ея мужу, ударялъ ее плеткой, которую отдавалъ молодому, и тогда тотъ также ударялъ жену.

Кромѣ юридическихъ обрядовъ, необходимо было исполнить и нѣкоторые обряды религіозные, которыми закрѣплялось вступленіе женщины въ новую семью, въ новый родъ, имѣвшій своего родового бога. Этотъ родовой богъ — домовой или чуръ (или щуръ, что видно изъ слова пращуръ) есть духъ умершаго родственника и является естественнымъ покровителемъ рода, а потому лицо, вступающее въ родъ, должно извѣстнымъ обрядовымъ дѣйствіемъ установить свою связь съ родовымъ божествомъ, расположить его въ свою пользу. „Дѣдушка" живетъ, обыкно-

венно, у домашняго очага, на печи. Поэтому уже при сватовствѣ, входя въ избу невѣсты, сваты прикладываютъ руки къ печи, какъ бы отдавая себя подъ покровительство родового бога; невѣста выражаетъ свое согласіе на бракъ, слѣзая съ печи; а ея родители, благословляя ее, садятся у печи. Еще важнѣе тѣ обряды, которые исполняются уже послѣ бракосочетанія, когда молодая входитъ въ домъ мужа: ее обводили при этомъ вокругъ очага, и она должна была взятися за цѣпь, на которой надъ очагомъ вѣшался котелъ. Домовому невѣста должна дѣлать подарки, т. е. приносить ему жертву: съ этой цѣлью въ Малороссіи молодая бросаетъ подъ печь пѣтуха, въ Бѣлоруссіи въ печь она бросаетъ поясъ или связку баранокъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ кладетъ на печь хлѣбъ. Такимъ образомъ пріобрѣтается расположеніе новаго родового божества, и молодая становится членомъ рода, съ которымъ ее соединилъ бракъ.

Б. Пѣсни похоронныя.

Русскіе славяне вѣрили въ загробную жизнь, думали, что умершій уходитъ въ какой-то другой міръ, на облака или къ небеснымъ свѣтиламъ, и поэтому они сжигали трупы покойниковъ. Когда одинъ арабскій путешественникъ разсказалъ русскому, что у нихъ трупы зарываютъ, то русскій удивился этому, говоря: „умершему и такъ тяжело, а вы еще наваливаете на него лишнюю тяжесть, зарывая въ землю; вотъ у насъ лучше: посмотри, какъ легко нашъ покойникъ подымается къ небесамъ вмѣстѣ съ дымомъ". Сожженіе трупа совершалось съ торжественнымъ обрядомъ: на расчищенномъ мѣстѣ раскладывали костеръ, на который возлагался трупъ покойника, а послѣ сожженія надъ нимъ насыпали курганъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ хоронили, вѣроятно, и его жену, которая добровольно принимала смерть и сжигалась на кострѣ, при погребеніи воина убивали и сжигали его коня. Съ принятіемъ христіанства стали покойниковъ зарывать въ землю, при чемъ стали думать о переселеніи умершаго въ подземный міръ.

Мысль о томъ, что покойникъ находится въ надзвѣздномъ мірѣ, отражается и въ тѣхъ пѣсняхъ, которыми сопровождается погребеніе, хотя самое погребеніе уже давно утратило свой языческій характеръ. Пѣсни эти называются воплями, плачами,

заплачками, причитаніями, въ прежнія времена пѣлись особыми плакальщицами, которымъ теперь на сѣверѣ Россіи соотвѣтствуютъ подголосницы, вопленницы или плачеи; иногда заплачки поются и родственниками умершаго, которые въ нихъ ищутъ облегченія своему горю, думаютъ его выплакать. Вотъ въ этихъ-то причитаніяхъ мы встрѣчаемся съ отголоскомъ древняго вѣрованія, что покойникъ удалился „къ красну солнышку на прибереглушку, къ свѣтлу мѣсяцу—на придракушку (на ласковый уходъ), или что онъ удалился,

За темные лѣса, за дремучіе,
За высокія горы, за толкучія,
Ко зари, да ко восточноей;
Туда вѣтрышки вѣдь не провѣваютъ,
Лютое звѣрье не прорыскивае,
Малая птица не прелетывае,
Не прохожіихъ туда, ни проѣзжіихъ.

Или же покойники уносятся „вровень съ облачками ходячими" и тамъ, въ облакахъ, они встрѣчаются другъ съ другомъ.

Это мнѣ-ка печальноей головушкѣ
Написать да скоропечатая грамотка
Ко своимъ свѣтамъ-желаннымъ родителямъ;
Мнѣ послать бы по тебѣ, мило дитятко,
На иное второе живленьице:
Стане облачко со облачкомъ сходитися,
Може другъ съ другомъ на стрѣту пострѣтаетесь.

Рядомъ же съ этимъ представленіемъ о заоблачной странѣ въ причитаніяхъ мы встрѣчаемся съ указаніемъ на переселеніе въ подземный міръ, въ „погреба глубокіе", въ мать сыру землю, и самый гробъ называется „домовищой", „холодной хороминой", въ которой приходится жить покойнику:

Ночь повыду на крылечко перелое,
Гдѣ дѣлаютъ колоду бѣлодубову,
Гдѣ ладятъ кресты животворящіе
На допросъ возьму я плотничковъ—работничковъ.
Ай-же плотнички—работнички,
Кто задалъ вамъ золоту казну безсчетную,
Что вы дѣете холодную хоромину не мшоную.
Не обнесены брусовы бѣлы лавочки,

Не врѣзаны стекольчаты околенки
Не прорублены костѣвчаты оконечки,
Не складена печенька муравленая,
Не услана перинушка пуховая
Не собраны утѣхи вси съ забавушкой:

Вѣрованіе въ то, что послѣ смерти покойникъ находится въ общеніи съ близкими ему людьми отразилось въ поминкахъ, справляемыхъ по умершемъ: на сѣверѣ Россіи во время поминальнаго обѣда ставятъ лишній приборъ для покойника, причемъ ложку кладутъ подъ скатерть, и если послѣ обѣда ложка окажется влажною, это считаютъ признакомъ того, что покойникъ ею ѣлъ.

По своему содержанію похоронныя пѣсни, конечно, являются выраженіемъ горя родственниковъ, которыхъ покинулъ усопшій. Горе въ духѣ старинной русской повѣсти представляется въ видѣ горькой судьбины, преслѣдующей человѣка отъ самаго рожденія, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго плача вдовы о мужѣ:

Какъ жила я съ надежной головушкой,
Была счастлива вѣдь я да все таланная.
Вдругъ знать счастье-то сусѣди обзавидовали,
Добры людушки меня да пріобаяли,
Черны вороны таланъ знать пріограяли,
Видно, участь ту собаки пріоблаяли.
Какъ по моему великому несчастьицу,
Тутъ проклятая злодѣйка безталанница,
Впереди меня, злодѣйка, уродилася,
Впереди меня въ купели окрестилася.
Какъ жила я у таланныхъ родителей
Въ своемъ да я прекрасномъ дѣвичествѣ,
Изнавѣшена была я цвѣтнымъ платьицемъ,
Изнасажена была я скатнымъ жемчугомъ;
Мои милыи, желанныи родители
Тутъ повыбрали судимую сторонушку,
Мнѣ по разуму млада сына отецькаго;
Знать не участью, таланомъ награждали,
Ужъ какое-то зло великое безчастьице
Впереди меня злодѣйно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,

Во большомъ углу безчастьице садилося,
Впереди да шло безчастье яснымъ соколомъ,
Позади оно летѣло чернымъ ворономъ:
Впереди оно безчастье не укатится,
Позади оно злодійно не останется,
Посторонь оно злодійно не отпятится;
Кругомъ—около безчастье обстолнилося,
Всѣмъ беремечкомъ злодійно ухватилося
За могучія оно да мои плечушки.

Это несчастіе представляется иногда даже въ образѣ, напоминающемъ Обиду, съ которою мы встрѣчаемся въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Какъ эта дѣва—обида изображается съ лебедиными крыльями „всплеснувшею на синемъ морѣ“, такъ и въ причитаніи на сѣверѣ:

. . . . . . Судинушка по бережку ходила,
Страшно, ужасно голосомъ водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженныхъ головъ да добиралась.

Кромѣ изображенія горя въ причитаніяхъ вполнѣ естественно видное мѣсто занимаютъ аллегорическія представленія смерти, при чемъ въ одной и той же пѣснѣ иногда смерть является въ разныхъ видахъ, то молодой женой, то красной дѣвицей, то каликою перехожею, то чернымъ ворономъ:

Подходила тутъ скорая смеретушка,
Она крадучись шла злодѣйка—душегубица,
По крылечку ли она—да молодой женой,
По новымъ ли шла сѣнямъ—да красной дѣвушкой,
Аль каликою она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла, да все голодная;
Со чиста ли поля шла да вѣдь холодная;
У дубовыхъ дверей да не ступялася,
У окошечка вѣдь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила,
И чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла.

Иногда въ причитаніяхъ изображается попытка умилостивить смерть разными подарками, обѣщаніемъ дать ей „гулярное, цвѣтное платье“, „жемчужную подвѣсточку“, „платочки леванте-

ровы", „коня добраго", но смерть чужда жалости и на просьбы отвѣчаетъ:

Я не ѣмъ, не пью въ домахъ да вѣдь крестьянскіихъ,
Мнѣ не надобно любимоей скотинушки,
Мнѣ со стойлы то не надо коня добраго,
Мнѣ не надо золотой казны безсчетной;
Не за тимъ я у Владыки Свѣта послана;
Я беру, да злодѣй скорая смерегушка,
Я удалыя бурлацкія головушки;
Я не брезгую вѣдь, смерть да душегубица,
Я не нищіимъ вѣдь есть да не прохожіимъ,
Я не бѣднымъ не брезгую убогіимъ.

Во всѣхъ почти причитаніяхъ есть нѣкоторыя постоянно встрѣчающіяся черты, которыя можно назвать общими ихъ мѣстами. Къ такимъ общимъ чертамъ можно отнести опрашиваніе близкихъ людей, не видали ли они умершаго, и намѣреніе отыскивать покойнаго или дома, или во дворѣ, или въ селѣ.

Повзыскать пойду сердечно свое дитягко,
По всему пойду хоромному строеньицу,
Обойду да по селу я деревенскому,
Попрошу я у любимыхъ поровестниковъ.
Дите да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ,
Онъ у точеныхъ у пялушекъ,
Подлѣ красныхъ тихъ дѣвушекъ?
Онъ не шутитъ ли, съ ними сидя, шуточекъ?
Не могу найти, печальная головушка;
Пойду съ горюшка во чистое во полюшко,
Онъ не ходитъ ли въ раздольѣ во чистомъ полѣ,
Не гуляетъ ли онъ свѣтъ во зеленомъ саду?
Не могу прибрать печальная головушка;
Я съ тоски пойду ко быстрой этой рѣченькѣ:
Онъ не ходитъ ли по крутому по бережку,
Не стрѣляетъ ли водоплавныхъ сѣрыхъ утушекъ,
Съ этого оружія зарукавнаго?

Къ такимъ же общимъ мѣстамъ нужно отнести обращеніе къ вѣтрамъ и водѣ съ просьбою разнести могилу, а къ ангеламъ-архангеламъ, чтобы они „вложили душу въ грудь умершую"; наконецъ, общими мѣстами надо считать изображеніе унылаго

вида дома послѣ смерти хозяина и тяжкой участи вдовъ и сиротъ при помощи символовъ изъ жизни природы, какъ, напримѣръ:

Ой не дай же, Боже-Господи,
Какъ синя моря безъ камышка,
Какъ чиста поля безъ кустышка,
Такъ же жить бѣдной горюшицѣ
Безъ тебя, мила ладушка.
Какъ листочекъ въ непогодушку,
Я шатаюсь на бѣломъ свѣтѣ,
Какъ зеленая травиночка,
Сохну-вяну я кажинной день.

Указанныя общія мѣста причитаній, отличаясь яркостью и правдивостью выраженія душевныхъ движеній при своемъ возникновеніи, впослѣдствіи, когда причитанія обратились въ спеціальную работу вопленицъ-профессіоналокъ, стали въ большинствѣ простымъ шаблономъ, облегчающимъ эту работу, такъ что при помощи различныхъ сочетаній подобныхъ общихъ мѣстъ вопленицы получали возможность создавать рядъ новыхъ плачей, которые, конечно, уже не имѣютъ той же высокой поэтической, художественной цѣнности: свободное, истекавшее изъ глубокихъ психическихъ переживаній, художественное творчество въ этихъ плачахъ замѣнилось ремесломъ, техническимъ навыкомъ пользоваться уже готовымъ матеріаломъ для выраженія скорбнаго чувства при погребеніи усопшаго.

В. Заговоры.

Къ обрядовой народной поэзіи слѣдуетъ отнести также и обширную группу заговоровъ, которые представляютъ собою формулы, иногда довольно большія по объему, имѣющія цѣлью вызвать или устранить какія-нибудь явленія. Хотя это произведенія дѣлового, практическаго характера, но въ формѣ ихъ несомнѣнно присутствуютъ черты поэтическія, и поэтому они должны быть включаемы въ число памятниковъ народной поэзіи. *Заговоры* извѣстны у всѣхъ народовъ, стоящихъ на сравнительно низкой ступени культуры: они встрѣчаются въ древнихъ ассирійскихъ надписяхъ, употреблялись въ античномъ мірѣ, имѣются у западно-европейскихъ народовъ. Возникли они, вѣроятнѣе всего, вслѣд-

ствіе вѣры въ чудодѣйственную, магическую силу человѣческаго слова: человѣкъ видѣлъ, что его слово можетъ оказывать иногда очень сильное вліяніе на другихъ людей, и ему казалось, что этой силѣ слова подчиняются не только люди, но и явленія природы. Какъ греческій Орфей своими пѣснями укрощалъ бурю, такъ и въ русскихъ пѣсняхъ мы видимъ заключительныя слова: „синему морю на утишенье“. Слово „обаяніе“ происходитъ отъ одного корня съ словами „басня“, „баять“ (т. е. говорить), и такимъ образомъ самая рѣчь можетъ заключать въ себѣ чары. Въ сущности таково самое простое объясненіе возникновенія заговоровъ, но, кромѣ того, можно предположить, что заговоръ представляетъ собою остатокъ языческой молитвы или является выраженіемъ пожеланія, силу которому придавали какія-нибудь символическія дѣйствія: такъ, напримѣръ, заговоръ: „какъ въ огнѣ горятъ дрова, такъ горѣло бы сердце такого-то или такой-то“, вѣроятно, произносился именно, когда въ огнѣ горѣли дрова.

Обращаясь къ русскимъ заговорамъ, мы можемъ сказать, что нѣкоторые изъ нихъ возникли еще во времена язычества славянъ, но есть много такихъ, которые были занесены къ намъ изъ другихъ странъ, особенно волхвами, принадлежавшими къ болгарской сектѣ богомиловъ, въ которой сильны были дуалистическія восточныя вѣрованія; и, наконецъ, значеніе заговоровъ получили и нѣкоторыя христіанскія, не еретическія, молитвы, сопровождавшіяся различными магическими дѣйствіями. Для характеристики заносныхъ заговоровъ представляется весьма любопытною исторія такъ называемой „молитвы св. Сисинія“. Въ заговорѣ разсказывается, что „святой великій апостолъ Сисиній“, сидя въ столпѣ на берегу Чернаго моря, видѣлъ вышедшихъ изъ моря двѣнадцать „женъ простоволосыхъ“, которыя сказали, что онѣ — „Трясовицы, дочери царя Ирода“ и пришли мучить родъ человѣческій. По молитвѣ Сисинія Христосъ послалъ ангеловъ Сихаила и Аноса и четырехъ евангелистовъ, которые стали бить трясовицъ четырьмя дубцами желѣзными, нанося имъ по три тысячи ранъ въ день. Трясовицы стали просить прощенія и сказали Сисинію свои имена: ихъ зовутъ Трясея, Огнея, Ледея, Гнетея, Пухнея, Грынуша, Глухея, Ломея, Желтея, Коркуша, Глядья, Невья. И вотъ, когда человѣкъ заболѣетъ лихорадкой, священникъ долженъ творить надъ нимъ такую молитву: „Во имя Отца, и Сына и Св. Духа! Окаянныя Трясовицы, заклинаю васъ

святымъ великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Маркомъ, Матееемъ и Іоанномъ. Ты еси окаянная Трясея, ты еси окаянная Огнея, ты еси окаянная Ледея, ты еси окаянная Гнетея, ты еси окаянная Грынуша, ты еси окаянная Глухея, ты еси окаянная Ломея. ты еси окаянная Пухнея, ты еси окаянная Желтея, ты еси окаянная Коркуша, ты еси Глядѣя, ты еси Невѣя, сестра старѣйшая! заклинаю васъ святымъ великимъ апостоломъ Сисиніемъ, святымъ Сихаиломъ и Авосомъ и четырьмя евангелистами—Лукою, Маркомъ, Матееемъ и Іоанномъ! Побѣгите отъ раба Божія (имя) за три дня, за три поприща, а если не побѣжите отъ раба Божія, и я призову на васъ великаго апостола Сисинія, и святыхъ Сихаила и Авоса, и четырехъ евангелистовъ,—Луку, Марка, Матеея, Іоанна и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день". Давши затѣмъ больному выпить воды съ креста, священникъ говоритъ: „крестъ всей вселенной хранитель, крестъ церквамъ красота, крестъ апостоламъ похвала, крестъ царямъ держава, крестъ христіанамъ утвержденіе и недугамъ исцѣленіе, крестъ отцамъ просвѣщеніе и украшеніе, крестъ бѣсамъ прогонитель, крестъ трясовицамъ и идоламъ прогонитель, крестъ рабу Божію огражденіе.

Разсматривая приведенный разсказъ о 12 трясовицахъ, можно найти его источникъ въ греческой легендѣ о чудовищѣ Гилло, пожиравшемъ дѣтей у нѣкоей аравійской женщины Мелитины. Желая спасти двухъ своихъ сыновей, Мелитина заперлась въ каменную башню. Въ это время къ ней пріѣхали ея братья, Сисиній и Сисинодоръ. Мелитина впустила ихъ въ башню, но вмѣстѣ съ ними пробралась и Гилло и ночью умертвила ребенка. Мелитина проситъ братьевъ наказать чудовище, и они отправляются на поиски. По пути они спрашиваютъ вербу и терновникъ, не видали ли они Гилло, и получивъ отрицательный отвѣтъ, проклинаютъ эти деревья, такъ что они перестаютъ давать плоды. Мѣстопребываніе Гилло указывается оливою на морскомъ берегу. Гилло обращается въ рыбу, а когда святые ловятъ ее, становится ласточкой. Святые обращаются въ соколовъ, но Гилло дѣлается козлинымъ волосомъ въ царской бородѣ. Наконецъ, чудовище поймано святыми, которые начинаютъ его сильно бить, и передъ казнью Гилло объясняетъ, что нужно, чтобы лишить ее силы вредить людямъ: если кто напишетъ 12 съ половиною моихъ именъ, не взойду въ домъ раба Божія, имѣющаго молитву сію. Затѣмъ идетъ перечень этихъ именъ. Легенда эта

возникла въ ересяхъ богомильской и манихейской, а сюда проникла изъ иранскихъ халдейскихъ сказаній о двѣнадцати духахъ.

Говоря о содержаніи нашихъ заговоровъ, ихъ можно раздѣлить на четыре группы: 1) заговоры отъ болѣзней, 2) касающіеся нравственныхъ отношеній—„на присушку“, „на остуду“, 3) хозяйственные—отъ засухи, на пчелъ и т. п. и 4) касающіеся общественныхъ отношеній (войны, поединка, суда). Состоитъ заговоръ изъ пяти частей: 1) вступленія, въ которомъ изображается дѣйствіе, якобы совершаемое при заговорѣ: „иду я изъ поля въ поле, опоясываюсь частыми звѣздами, облаками окутываюсь“, 2) пожеланія, 3) символа—„въ печи огонь горитъ, и дрова тлѣютъ, такъ бы горѣло сердце“, 4) обращенія къ стихіямъ—солнцу, мѣсяцу—за помощью и 5) замыканія, составляющаго особенность именно русскихъ заговоровъ и являющагося какъ бы вторичнымъ закрѣпляющимъ заговоромъ: „чуръ“, „пусть будетъ такъ“, „слово мое крѣпко“, „а будь мое слово выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горючаго камня Алатыря, могучае богатыря“.

Г. Бытовыя пѣсни.

Уже въ свадебныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ, какъ мы видѣли, ярко характеризуются тѣ особенности народнаго быта, которыя появились, какъ результатъ ненормально слагавшихся брачныхъ и семейныхъ отношеній: выходя замужъ, дѣвушка предчувствовала, что въ домѣ мужа ее ожидаютъ не привѣтъ и ласка, а непріязнь и постоянные попреки и притѣсненія, какъ со стороны самого супруга, такъ и его родныхъ. Если тяжела была жизнь жены при подобныхъ условіяхъ, то весьма часто семейные нелады омрачали и судьбу мужа, который жаловался, что ему приходится жить съ женой нелюбимой, „худою, непокорною“, которой ему „ни сжить, ни сбыть“.

Однако, помимо семейныхъ отношеній, условія жизни нашего крестьянства заключали въ себѣ много такого, что наводило на грустныя размышленія, что вызывало скорбь, выливавшуюся въ пѣсняхъ. Прежде всего удручала крайняя бѣдность, доходившая до того, по словамъ пѣсни, что даже и „повѣситься негдѣ было“, не было ни гвоздя, ни веревки; оставалось утѣшиться только своеобразно-юмористическимъ отношеніемъ къ

своему горькому положенію, которое иронически опредѣлялось, какъ „богачество“; а составъ этого богачества таковъ:

Наготы и босоты
Изнавѣшаны шесты,
А холоду и голоду
Полны амбары стоятъ.

Въ былыя времена, кромѣ бѣдности, крестьянство пригнеталось еще и неволею, крѣпостною зависимостью отъ помѣщиковъ, характернымъ протестомъ противъ которой является „Плачъ холоповъ“, составленный въ XVIII вѣкѣ. Существованіе холоповъ въ этомъ „Плачѣ“ представляется, какъ послѣдняя степень бѣдствія, спасенья отъ котораго приходится ждать только отъ Бога:

Пройти всю подселенную—нѣтъ такова житья мерзкова!
Развѣ намъ просить на помощь Александра Невскова?

Несмотря на тягость крѣпостного права, пѣсенъ, его изображающихъ, сохранилось мало, такъ какъ онѣ, вѣроятно, преслѣдовались, какъ опасное проявленіе стремленія къ освобожденію; но въ тѣхъ, которыя извѣстны, запечатлѣлись именно наиболѣе характерныя особенности крѣпостничества, и на первомъ мѣстѣ, конечно, выставляется угнетеніе работой: такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка жалуется соловью:

Что пропали наши головы
За боярами, за ворами:
Гонятъ стараго, гонятъ малаго
На работушку тяжелую,
На работушку ранешенько,
А съ работушки поздненшенько.

Въ другой пѣснѣ мы видимъ жалобу на то разстройство, которое вносилось крѣпостнымъ правомъ даже въ самую крестьянскую семью, такъ какъ сплошь и рядомъ дѣти отрывались отъ родителей, однихъ членовъ семьи продавали, другихъ брали во дворъ помѣщичій, третьихъ сдавали въ солдаты:

Батюшку съ матушкой за Волгу везутъ,
Большого-то брата въ солдаты куютъ,
А середняго-то брата въ лакеи стригутъ,
А меньшого-то брата въ прикащики.

Тяжела была и солдатчина, которая въ прежнее время, до введенія общей воинской повинности, ложилась всею тяжестью на крестьянство. При весьма продолжительномъ срокѣ службы, рекрутчина совершенно отрывала человѣка отъ родного дома: уходилъ онъ на службу въ полномъ расцвѣтѣ силъ, а возвращался изъ нея почти уже безсильнымъ старикомъ, и вполнѣ естественнымъ являлось горестное сѣтованіе на службу царскую:

Разстилалась въ полѣ травушка полынь горькая;
Горька ты, полынушка, изо всей травы;
Еще горчѣй, тошнѣй тово служба царская,
Служба царская, нужда крайняя.
И на день-то, на ночь намъ угомону нѣтъ:
Темна ночь настанетъ—на часахъ стоишъ;
Бѣлый день настанетъ—во строю стоишь.

Суровая служба не считалась съ чисто человѣческими стремленіями солдата, и полную драматизма картину рисуетъ пѣсня, въ которой разсказывается, какъ солдатъ, давно взятый на службу, приходитъ на постой къ своей женѣ, считающей себя уже вдовою; она сперва не узнаетъ мужа, а потомъ, когда онъ показываетъ ей обручальное кольцо и полотенце ея „рукодѣльница", и она, обрадовавшись, хочетъ разбудить дѣтей, онъ съ грустью говоритъ, что пришелъ, „на одинъ денечекъ, на единый часочекъ".

При подобныхъ условіяхъ жизнь крестьянская представлялась сплошнымъ, неизбывнымъ горемъ, спасенья отъ котораго слабые духомъ люди, какъ герой въ древней повѣсти о Горѣ-Злосчастіи, искали въ царевомъ кабакѣ, въ „синемъ кувшинѣ", о которомъ говорится въ слѣдующей пѣснѣ, отзывающейся нѣсколько книжнымъ складомъ:

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину:
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину.
Посѣдѣла ты, моя буйная головушка,
Не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ.
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для меня же молодца да полюбила.
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,

Иссыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ синему кувшину:
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину.

Если слабые люди, обращаясь съ синему кувшину, старались только заглушить свое горе, то сильные выступали съ протестомъ противъ своего тягостнаго положенія, и единственной формой этого протеста являлся уходъ въ степи широкія, въ лѣса дремучіе, гдѣ ютилась вольная голытьба. Становясь казаками, они по своему несли тоже царскую службу, далеко расширяя предѣлы государства, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Ермака, присоединившаго къ Московскому царству Сибирь, или на примѣрѣ Донскихъ, Запорожскихъ и Терскихъ казаковъ, колонизировавшихъ южныя степи и прикавказскій край. Но огромная масса этихъ вольныхъ станичниковъ занималась исключительно разбоемъ, и подобное положеніе противорѣчило укрѣплявшемуся государственному и общественному порядку: вольныхъ людей преслѣдовали, ловили, и жизнь ихъ большею частью кончалась на висѣлицѣ или на плахѣ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда разбойничьихъ пѣсенъ, хотя бы, напримѣръ, изъ знаменитой пѣсни „Не шуми, мати, зеленая дубровушка“, въ которой царь жалуетъ „дѣтинушку, крестьянскаго сына“, „среди поля хоромами высокими, что двумя столбами съ перекладиною“.

Разбойничьи пѣсни показываютъ намъ, что и независимо отъ преслѣдованія со стороны властей, жизнь этихъ „удалыхъ-добрыхъ молодцевъ“ исполнена была всякихъ горестей: не даромъ одинъ изъ нихъ, жалуясь въ пѣснѣ на свою судьбу, называетъ себя „безпріютною головушкой“. Эта безпріютность, это одиночество горькое весьма реально сказывается уже въ самыхъ зачинахъ, т. е. вступленіяхъ къ разбойничьимъ пѣснямъ, а также и во всемъ ихъ содержаніи. Въ одной пѣснѣ въ зачинѣ подчеркивается именно эта подробность:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка......

Другая пѣсня характеризуетъ въ зачинѣ горе, отъ котораго нѣтъ спасенія:

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману со синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.

И эта жизнь, исполненная тоски и кручины, кончается всегда или тюрьмой, или казнью, или одинокой смертью въ степи. Грустно думать доброму молодцу, что тотъ товарищескій кругъ, гдѣ онъ нашелъ пріютъ, уничтоженъ, что

....всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ наши товарищи переиманы,

и что онъ остался одинъ „въ темныхъ лѣсахъ:“ вѣдь товарищество было такъ крѣпко, что даже на допросѣ передъ грознымъ царемъ станичникъ никого не выдаетъ, признавая своими товарищами лишь „темну ночь“, „булатный ножъ“, „добраго коня“ и „тугой лукъ“. Грустно представлять себѣ разбойнику, что и его ожидаетъ та участь, которая постигла добраго молодца въ пѣснѣ:

Что на камушкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя;
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпалися.

Было бы, однако, ошибкой думать, что бытовая русская народная пѣсня проникнута исключительно тоской, печалью: напротивъ, рядомъ съ грустными мотивами въ ней, по выраженію поэта, слышится часто и „разгулье удалое“, проявляющееся иногда даже въ такихъ пѣсняхъ, въ которыхъ изображаются факты печальные. Напримѣръ, пѣсня, представляющая трагически заканчивающуюся любовь холопа къ боярышнѣ, начинается слѣдующимъ бодрымъ запѣвомъ:

Ахъ, нынѣшняя зима непогожая была,
Непогожая была—все метелица мела,
Завыла, замела, всѣ дорожки занесла!
Ахъ, нѣтъ у меня пути, куда съ миленькой пттп!
Я по старымъ по примѣтамъ, по загуменью пройду
И я улицею—сѣрою утицею,
Черезъ черную грязь—перепелицею,
Подъ воротенку пойду бѣлой ласточкой
На широкій дворъ—горностаюшкой,
На крылечко взлечу яснымъ соколомъ,
На высокъ теремъ пойду добрымъ молодцемъ.

Или другая пѣсня, тоже очень мрачная по содержанію, изображающая убійство казакомъ своей жены, начинается веселымъ описаніемъ красавицы:

Какъ у Дунюшки, у голубушки,
Лицо бѣлое, набѣленное...
Щеки алыя разгораются,
Брови черныя наведенныя.
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена,
Въ русой-то косѣ—лента алая,
Лента алая, Дуня—дѣвка нравная!
Кто бы Дуню полюбилъ—тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунюшки отсталъ—разбесчастнымъ сталъ.

Кромѣ этихъ настроеній, въ народной лирической поэзіи можно указать и много нѣжныхъ мотивовъ, особенно въ любовныхъ пѣсняхъ. Здѣсь мы отмѣтимъ прежде всего признаніе молодца въ любви, въ которомъ восхищеніе красотой дѣвушки соединяется съ какимъ-то предчувствіемъ бѣды:

Я люблю тебя, красна дѣвица, какъ душу свою!
Не могу на тебя, красна дѣвица, наглядѣтися,
Что на лѣтнее красно солнышко!
Я боюсь тебя, красна дѣвица, какъ лютой змѣи,
Я боюсь тебя, красна дѣвица—изведешь меня!
Пропадетъ-то моя головушка не за денежку,
Наваляется тѣло бѣлое по чисту полю....

Особенно нѣжно выражается любовь при разлукѣ съ милымъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго обращенія дѣвушки къ уѣзжающему „дружку“.

Воротись, моя надежда, воротися сердце,
Не воротишься, надежда,—хотя оглянися!
Не оглянешься, надежда,—махни правой ручкой,
Хоть не правою рукою—шляпой пуховою,
Хоть не шляпой пуховою—аленькимъ платочкомъ,
Хоть не аленькимъ платочкомъ—нѣжнымъ голосочкомъ!

Но милый—далеко, и дѣвушка грустно поетъ:

Ты возвейся, вознесися,
Сизокрылый голубокъ!

На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Разскажи мому милому,
Что я въ горести живу,
Что я въ горести—печали
О тебѣ, милый, грущу,
По тебѣ ли, по себѣ ли
По любви по своей.

Никакая разлука не можетъ заставить дѣвушку забыть любимаго человѣка, и надъ ея чувствомъ властна одна только смерть:

Я тогда его, дружка, забуду, когда закроются мои глаза,
Вотъ положатъ мое тѣло бѣло во дубовый новый гробъ,
Вотъ закроютъ мое тѣло бѣло гробовой доской,
Понесутъ же мое тѣло бѣло на крутую на гору,
Вотъ положать мое тѣло бѣло во сырую мать землю,
Вотъ засыплютъ мое тѣло бѣло желтымъ мелкімъ пескомъ.

Слѣдуетъ, однако, указать, что эта никогда не угасающая любовь представляется совершенно чуждой эгоизма, и какъ въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина мы находимъ замѣчательныя слова:

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ,

—такъ и въ народной пѣснѣ дѣвушка обращается къ милому съ просьбой забыть ее и полюбить другую.

Къ бытовой лирической поэзіи относится и современная „частушка", называемая такъ въ противоположность „долгой пѣснѣ", отличающаяся быстрымъ темпомъ пѣнія и риѳмою. „Частушка" касается самыхъ разнообразныхъ явленій общественной жизни: отозвалась она и на введеніе винной монополіи, или „монопольки", и на японскую войну, и на революціонное движеніе 1905 г., въ которомъ участвовали „демократы". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней часто выражаются и чисто личныя чувства, причемъ рядомъ съ очень красивыми, нѣжными формами, сближающими частушку съ болѣе старыми долгими пѣснями, въ ней есть отраженіе новаго быта. Видно, напримѣръ, что прежній авторитетъ родителей въ вопросахъ семейной жизни поколебался, и дѣвушка самостоятельно выбираетъ себѣ жениха:

Ставь-ка, мама, самоваръ,
Золотыя чашки:
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ.
Потчуй, тятя, потчуй, мама,—
Этотъ гость-отъ дорогой:
Скоро зять будетъ родной.

Въ частушкѣ сильно замѣтно вліяніе городской, фабричной внѣшней культуры, хотя иногда эта культура представляется и съ ея отрицательной стороны.

Пословицы. Поговорки. Загадки.

Пословицы представляются особымъ видомъ народной лирики, подходящимъ къ тому, что у древнихъ грековъ называлось гномической поэзіей, т. е. поэзіей мудрыхъ изреченій, которыя приложимы къ разнымъ случаямъ человѣческой жизни. По своей формѣ пословицы именно могутъ быть названы сжатыми, краткими изреченіями, въ которыхъ выражаются народные взгляды на тѣ или другія стороны личной и общественной жизни, такъ что ихъ по справедливости признаютъ выраженіемъ народной мудрости. Однако, говоря такъ, не слѣдуетъ думать, что каждая пословица сложена самимъ народомъ, въ которомъ она хранится; напротивъ, извѣстно, что пословицы явились изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Нѣкоторыя извѣстны у другихъ народовъ, такъ что могутъ считаться общечеловѣческимъ, международнымъ выраженіемъ житейской мудрости: такъ, напримѣръ, наша пословица „конецъ—дѣлу вѣнецъ" есть у нѣмцевъ (Ende gut, alles gut), была у римлянъ (finis coronat opus), или пословица „сытое брюхо къ ученью глухо" соотвѣтствуетъ латинскому изреченію „plenus venter non studet libenter", или же пословица „тише ѣдешь, дальше будешь" распространена у разныхъ восточныхъ народовъ. Кромѣ этого, мы знаемъ, что нѣкоторыя пословицы заимствованы изъ книгъ: напримѣръ, изъ сборника мудрыхъ изреченій „Пчела", перенесеннаго въ древнюю Русь изъ Византіи, или изъ басенъ („мы пахали"), популярныхъ литературныхъ произведеній (напримѣръ изъ „Горя отъ ума") и т. д. Наконецъ, очень многія пословицы возникли по поводу какихъ-нибудь отдѣльныхъ слу-

чаевъ частной или общественной жизни; происшествія эти были впослѣдствіи забыты, но сказанное по ихъ поводу мѣткое изреченіе понравилось, распространилось въ народѣ и стало примѣняться къ другимъ подобнымъ случаямъ. Какъ ни разнообразны источники, изъ которыхъ произошли пословицы, мы тѣмъ не менѣе признаемъ ихъ выраженіемъ народной мудрости, такъ какъ народу онѣ полюбились, онъ усвоилъ ихъ и придаетъ имъ огромное значеніе, говоря: „пословица въ вѣкъ не сломится".

Пословицы отражаютъ въ себѣ древнія языческія вѣрованія или суевѣрія народа: напримѣръ, пословица „какой богъ вымочитъ, такой богъ и высушитъ" напоминаетъ намъ о старинномъ многобожіи; пословица „взялъ боженьку за ноженьку, да и объ полъ" можетъ пониматься, какъ отголосокъ стараго фетишизма, вслѣдствіе котораго, напримѣръ, дикіе люди иногда угощаютъ своихъ идоловъ, иногда же бьютъ ихъ, или же въ этой пословицѣ можно видѣть упадокъ вѣры въ языческихъ боговъ; пословица „что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ" является отраженіемъ взгляда на св. Георгія, какъ на покровителя волковъ.

Особый разрядъ составляютъ пословицы историческія, какъ напримѣръ: „пусто, словно Мамай прошелъ", „незванный гость хуже татарина" (монгольское иго), „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день" (установленіе крѣпостного права), „пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой", „голодный французъ и воронѣ радъ". Примѣры такихъ историческихъ пословицъ находимъ и въ древнее время: въ лѣтописи приводится пословица: „погибоша, аки Обрѣ", вспоминающая о нашествіи аваровъ; тамъ же находимъ пословицу „миръ стоитъ до рати, а рать до мира", характерную для княжескихъ усобицъ удѣльнаго времени; изъ нея же взято изреченіе „земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ", являющееся искаженіемъ лѣтописной фразы „наряду нѣтъ", т. е. нѣтъ государственнаго устройства.

Есть рядъ пословицъ, характеризующихъ государственныя и общественныя отношенія: „Богъ безкровенъ, царь безроденъ" (т. е. царь покровитель всѣхъ сословій), „міръ—великъ человѣкъ", „мірская правда крѣпко стоитъ", „законъ,—что паутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ", „что мнѣ законы? мнѣ судьи знакомы", „конь любитъ овесъ, воевода—приносъ", „не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ", „не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника" и т. д.

Въ нѣкоторыхъ пословицахъ отразились черты семейнаго быта: напримѣръ, тяжелое приниженное положеніе женщины характеризуется въ пословицахъ: „въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, замужъ выдано—вдвое прибыло“, „курица не птица, женщина не человѣкъ“, „люби жену, какъ душу,—тряси ее, какъ грушу!“

Во многихъ пословицахъ выражаются возвышенныя религіозныя и нравственныя мысли: „Богъ правду видитъ“, „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, „безъ Бога ни до порога“, „голенькій, охъ, а за голенькимъ Богъ“, „лучше кривду терпѣть, чѣмъ правдой вертѣть“ и т. д., хотя рядомъ встрѣчаются и такія пословицы, въ которыхъ видна нравственная покладливость, какъ, напримѣръ, „не пойманъ—не воръ“, „правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться“.

Къ пословицѣ очень близка поговорка, которая представляется какъ бы частью пословицы, не содержа въ себѣ нравоученія, напр., поговорка „съ больной головы на здоровую“ можетъ разсматриваться, какъ часть пословицы „сваливать съ больной головы на здоровую не накладно“.

По своей формѣ близки къ пословицамъ загадки, отличающіяся часто риѳмами и созвучіями, хотя по содержанію онѣ ничего общаго съ пословицами не имѣютъ. Это большею частью краткія, всегда иносказательныя изреченія, которыми символически обозначается какой-нибудь предметъ; разгадать такой символъ иногда бываетъ очень трудно, такъ что умѣнье разрѣшать вопросы, предлагаемые загадками, признается въ сказкахъ признакомъ особой мудрости, въ награду за которую иногда отмѣняется смертная казнь, иногда молодецъ женится на прекрасной царевнѣ. Есть очень древнія загадки, въ которыхъ проглядываютъ миѳологическія представленія о солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, которые иногда уподобляются живымъ существамъ: „поле полянское, стадо лебединское, пастухъ вышнескій“ (небо, звѣзды, мѣсяцъ), „шли козы мостомъ, увидѣли зорю, попадали въ воду“ (падающія звѣзды); „взгляну я въ окошко, раскину рогожку, посѣю горошку, положу хлѣба краюшку“. „Всякій видитъ, да не всякій чуетъ: кому свѣтло, кому темно, мнѣ голубо“ (небо, звѣзды, мѣсяцъ), „сивый жеребецъ на все царство ржетъ“ (громъ). Утративъ миѳологическій смыслъ, загадки стали предметомъ забавы и примѣняются къ самымъ обыкновеннымъ предметамъ: „маленькій, сухонькій—всѣхъ одѣваетъ“ (игла), „идетъ въ баню черенъ, выходитъ красенъ“ (ракъ), „безъ оконецъ, безъ дверей, полна горница людей“ (огурецъ) и т. д.

Русскій народный эпосъ.

Произведенія, относящіяся къ отдѣлу русскаго народнаго эпоса, весьма многочисленны и могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: 1) старины, которыя въ свою очередь подраздѣляются на былины и историческія пѣсни, 2) духовные стихи, называемые въ народѣ часто просто стихами, и 3) сказки, къ которымъ примыкаютъ и народные анекдоты. Первыя двѣ группы отличаются стихотворною формой изложенія, въ сказкахъ рѣчь немѣрная, прозаическая, хотя часто встрѣчаются созвучія, рифмы и цѣлые отрывки съ размѣромъ стихотворнымъ.

Былины.

Самымъ богатымъ по количеству и самымъ интереснымъ по своему поэтическому достоинству отдѣломъ русскаго народнаго эпоса являются былины, которыя въ народѣ называются „старинами", „старинками", старыми пѣснями. Названіе „былина" дано этимъ пѣснямъ учеными и взято изъ „Слова о полку Игоревѣ", авторъ котораго вначалѣ говоритъ: „начати же ея той пѣсни, по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню". Изъ того, что въ этой фразѣ замышленіе Бояна противополагается былинамъ, можно заключить, что этимъ словомъ обозначалась историческая дѣйствительность въ отличіе отъ поэтическаго вымысла. Такимъ образомъ, называя извѣстныя эпическія пѣсни былинами, мы хотимъ указать, что онѣ основаны на исторіи, что причиною ихъ возникновенія послужили важныя историческія явленія.

Русскія былины, какъ эпическія произведенія, въ которыхъ воспѣвались событія, имѣвшія большое вліяніе на народную жизнь, воспѣвались подвиги народныхъ вождей, появились въ весьма отдаленныя времена. Мы можемъ предполагать, что такія эпическія пѣсни существовали уже на зарѣ русской исторіи: о нихъ именно говоритъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ", вспоминая о томъ, какъ Боянъ пѣлъ объ усобицахъ „первыхъ временъ", какъ онъ прославлялъ старыхъ князей: Ярослава, Мстислава, побѣдившаго Редедю, касожскаго богатыря, Романа Святославича. Отголоски этихъ пѣсенъ мы находимъ въ нашей древней лѣтописи, когда она повѣствуетъ о началѣ русскаго государства, о вѣщемъ князѣ Олегѣ, о мести Ольги древлянамъ за убитаго Игоря, о богатырѣ Янѣ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго

великана и т. п. Въ этихъ сказаніяхъ поэтическія украшенія, замышленіе Бояна, совершенно ясны, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ о мести Ольги, который напоминаетъ по многимъ подробностямъ германское эпическое сказаніе о мести Кримгильды за Зикфрида. Отъ этихъ старыхъ пѣсенъ, уже давно исчезнувшихъ, въ современной народной поэзіи сохранились нѣкоторыя имена, напр., Добрыни, дяди князя Владиміра, Александра Поповича (обратившагося въ Алешу—Алексу), Ильи или въ нѣмецкой сагѣ Eligas, что соотвѣтствуетъ историческому имени Олега. Тѣ былины, которыя мы знаемъ теперь, если не болѣе новаго происхожденія, во всякомъ случаѣ представляютъ множество измѣненій первоначальныхъ пѣсенъ: въ нихъ явилось столько позднѣйшихъ наслоеній, что мы съ великимъ трудомъ и то далеко не всегда можемъ открыть, какими онѣ были при своемъ возникновеніи.

Впервые были записаны очень немногія былины въ XVI и XVII вѣкахъ, и только въ XVIII в. былъ составленъ небольшой, но довольно полный ихъ сборникъ казакомъ Киршею Даниловымъ, который записалъ ихъ на Уралѣ для извѣстнаго богача Демидова. Въ XIX столѣтіи къ этимъ записямъ прибавилось весьма много новаго матеріала, найденнаго П. В. Кирѣевскимъ въ центральной Россіи и Поволожьѣ, а въ особенности П. А. Рыбниковымъ и А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Олонецкой губерніи. Въ новѣйшее время большое количество былинъ было найдено въ той же Олонецкой губерніи и больше всего въ Архангельской губерніи, въ Поморьѣ и Печорскомъ краѣ, г.г. Марковымъ, Григорьевымъ и Ончуковымъ. Такимъ образомъ мѣстностью, сохранившею былины въ наибольшемъ количествѣ и при томъ въ лучшей, наименѣе искаженной формѣ, оказывается сѣверъ Россіи; малороссы былинъ совсѣмъ не знаютъ, у бѣлоруссовъ имѣются самые скудные и страшно искаженные ихъ остатки, а у южныхъ великоруссовъ былинъ сохранилось во много разъ меньше, чѣмъ на сѣверѣ, и нѣкоторыя изъ сѣверныхъ былинъ совсѣмъ неизвѣстны въ южныхъ частяхъ мѣстности, занятой великорусскимъ племенемъ. Поются былины въ крестьянской средѣ особыми пѣвцами, которыхъ называютъ на сѣверѣ *сказителями*, при чемъ нужно замѣтить, что пѣніе старинъ или былинъ не есть профессіональное, исключительное занятіе этихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, и сказители всегда домовитые крестьяне, живущіе тѣмъ же трудомъ, что и сосѣди ихъ, только отличающіеся лучшею памятью и большею любовью къ произведеніямъ стариннаго эпоса.

Изъ того факта, что наиболѣе богатъ былинами сѣверъ и что ихъ почти совсѣмъ не знаетъ въ наше время южная Россія, нельзя дѣлать заключенія, что эти пѣсни и появились на сѣверѣ: напротивъ, во многихъ изъ нихъ встрѣчаются такія черты, которыя съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ занесены сюда изъ другихъ мѣстъ, гдѣ онѣ первоначально были сложены. Но прежде, чѣмъ говорить о томъ, въ какой мѣстности возникли былины, остановимся на вопросѣ о томъ, что такое представляютъ собою былины по содержанію. Разсматривая былины съ этой стороны, легко можно установить, что онѣ распадаются на два разряда, почти одинаково богатыхъ по количеству дѣйствующихъ лицъ и сюжетовъ. Въ первый отдѣлъ входятъ былины богатырскаго характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ врагами Русской земли, съ татарами и съ разными чудищами—Змѣемъ Горынычемъ, Тугариномъ Змѣевичемъ, Идолищемъ Поганымъ и т. п.; ко второму же разряду надо отнести былины не воинскаго характера, или, какъ ихъ принято называть, былины-новеллы, такія, которыхъ содержаніе составляютъ событія частной жизни или городскія происшествія, какъ, напримѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ и т. п. Кромѣ этого, есть нѣкоторыя, сравнительно немногочисленныя былины, не могущія быть включенными ни въ одинъ изъ этихъ отдѣловъ: такъ, напримѣръ, трудно сказать, въ какой отдѣлъ нужно отнести былины, въ которыхъ поется о добываніи женщинъ, сопровождающемся боемъ,—таковы былины о Дунаѣ Ивановичѣ, о боѣ Добрыни съ поленицею удалою и его женитьбѣ на ней; съ одной стороны, обстановка боевая заставляетъ причислять эти былины къ богатырскимъ, съ другой же стороны, причина боя не имѣетъ ничего общаго съ богатырствомъ, которое состоитъ въ обереганіи Русской земли отъ враговъ, и сюжетъ былины болѣе подходитъ къ новеллѣ, изображающей любовное приключеніе. Наконецъ, въ былинахъ, связанныхъ съ именами Самсона и Святогора, видны черты или легендарно-апокрифическія (смерть Святогора за похвальбу, Святогоръ и гробъ), или почерпнутыя изъ сказокъ о судьбѣ (женитьба Святогора), и о невѣрныхъ женахъ (Илья Муромецъ и жена Святогора), и такимъ образомъ богатырство Святогора, выражающееся въ его сверхъестественной силѣ, по которому эти былины можно было бы отнести къ первому отдѣлу, не является въ нихъ на-

столько существеннымъ и не имѣетъ такого назначенія, чтобы дѣйствительно отнести ихъ въ эту группу; къ былинамъ новелламъ ихъ причислить тоже нельзя, потому что въ нихъ не затрагиваются никакія особенности бытовыя. Итакъ, основываясь на этомъ раздѣленіи былинъ, мы не должны непремѣнно искать въ былинахъ героическихъ подвиговъ, и совокупность эпическихъ пѣсенъ, которымъ присвоено обозначеніе былинъ, мы назовемъ не героическимъ, а героически-бытовымъ эпосомъ.

Присматриваясь къ указаннымъ двумъ группамъ былинъ, мы можемъ прежде всего сказать, что нѣкоторая часть былинъ-новеллъ несомнѣнно исконнаго сѣвернаго происхожденія, каковы былины о „Садкѣ, богатомъ гостѣ", Василіи Буслаевичѣ и Вольгѣ Святославичѣ, такъ какъ въ нихъ ярко отразились черты сѣверной природы и новгородскаго быта, насколько ихъ раскрываетъ намъ исторія Великаго Новгорода съ его колоніями. Во всѣхъ почти остальныхъ былинахъ заключаются отголоски южнаго ихъ происхожденія. Часть былинъ небогатырскихъ (о Чурилѣ и Дюкѣ) и большинство богатырскихъ переноситъ насъ на югъ Россіи, и даже не великорусскій югъ, а въ степи Украины, въ тѣ степи, гдѣ до татаръ русскому населенію пришлось вести многолѣтнюю борьбу съ разными кочевниками. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ представляется непониманіе нѣкоторыхъ былинныхъ подробностей самими пѣвцами и происходящія отсюда попытки приноровить къ своей обстановкѣ черты чуждой природы. Степи сѣверный житель совершенно не знаетъ и, найдя ее въ былинѣ, представляетъ совсѣмъ по своему. По указанію собирателя былинъ, А. В. Маркова „вслѣдствіе того, что сѣверный сказитель никакъ не можетъ представить себѣ совершенно „чистое" поле, безъ деревьевъ, является сравненіе

Не лѣсина въ чистомъ полѣ шатается;

богатырь ѣдетъ по „чистому полю", но оно наполнено валежникомъ, какъ и всякій сѣверный лѣсъ:

Сухо пеньице, кореньице поломалося.

Такъ какъ сказитель не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о степи, то не мудрено, если онъ поетъ о „степныхъ лѣсахъ Саратовыхъ". Всю жизнь имѣя дѣло съ морскими звѣрями, сказитель вводитъ обстановку звѣроловныхъ промысловъ даже въ такія страны, гдѣ она вовсе не идетъ къ дѣлу. Князя Бориса

послали на островъ Буянъ убить кабана, который, подобно морскимъ звѣрямъ, выходитъ изъ моря; Борисъ поставилъ у моря неводъ, изловилъ звѣря и убилъ его такъ, какъ бѣломорскіе промышленники убиваютъ тюленей или бѣлухъ.

Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ, что при переходѣ пѣсни съ юга на сѣверъ совершалось извѣстное примѣненіе къ новой обстановкѣ: при этомъ нѣкоторыя южныя черты совершенно сглаживались, и вся обстановка дѣлалась сѣверною, такъ что мы могли бы признать ту или другую былину возникшею на сѣверѣ, если бы не имѣли другихъ ея варіантовъ, указывающихъ на южное происхожденіе; въ тѣхъ же случаяхъ, когда примѣненіе ведетъ къ несообразностямъ въ родѣ только что указанныхъ, мы имѣемъ гораздо большее основаніе для предположенія о южномъ происхожденіи былины. Но рядомъ съ этими примѣненіями, мы знаемъ, были такіе случаи, когда южный колоритъ вполнѣ сохранился въ былинахъ, особенно въ богатырскихъ, которыя поражаютъ своимъ „ароматомъ степи“.

Этимъ „ароматомъ степи“ повѣяло въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ, вѣроятно, очень и очень давно, уже въ начальную пору ея развитія, въ тѣ времена удѣльной Руси, когда нашимъ предкамъ приходилось быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ разными южными степными кочевниками, печенѣгами, половцами и др. Сожительство это, какъ мы знаемъ изъ исторіи, далеко не было мирнымъ: за степь шла борьба, и, охраняя свои границы, русскіе предвигались въ степь все больше и больше; конечно, эта обстановка степной жизни, постоянныхъ мирныхъ и немирныхъ столкновеній съ кочевниками не могла не отражаться и на слагавшемся въ ту пору русскомъ эпосѣ. Независимо отъ какихъ-либо литературныхъ вліяній со стороны разныхъ восточныхъ сказаній, проникавшихъ на Русь черезъ половецкую среду изъ Ирана, въ былевыхъ пѣсняхъ того времени должны были проявляться черты степной природы и быта, какъ это, напримѣръ, случилось со „Словомъ о полку Игоревѣ“. Этотъ драгоцѣнный памятникъ древнѣйшей русской поэзіи, несомнѣнно, въ сильной степени отдаетъ ароматомъ степи, и тотъ же ароматъ долженъ былъ чувствоваться въ памятникахъ былевой поэзіи того времени, безвозвратно для насъ погибшей. Отголоски этой южной древнѣйшей поэзіи слышатся и теперь въ нашихъ богатырскихъ былинахъ, и мы имѣемъ полное право думать, что они были еще слышнѣе 3—4 столѣтія тому назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ вѣроятно,

что ароматъ степи былъ тогда сильнѣе, тѣмъ болѣе, что старыя впечатлѣнія общенія съ южно-русскими кочевниками, сохранившіяся въ пѣсняхъ, освѣжались для формировавшейся великорусской народности новыми воздѣйствіями татарскаго ига: въ монголахъ великоруссы видѣли тѣхъ же степняковъ-кочевниковъ, съ которыми ихъ братья, южноруссы, вели долгую борьбу, и это бытовое общеніе съ новыми азіатскими элементами естественно должно было отслаиваться уже въ новой южно-великорусской былинѣ, сохранявшей въ ней гораздо лучше, чѣмъ въ сѣверно-великорусской, исконный ароматъ степи.

Въ это монгольское время живетъ своей самостоятельною жизнью уже ранѣе обособившійся Великій Новгородъ: татары не мѣшаютъ развиваться его торговлѣ, а эта торговля, съ одной стороны, усиливаетъ его колонизаціонную дѣятельность, подчиняя его вліянію огромный районъ сѣверной Руси, нынѣшнія Олонецкую, Архангельскую, Пермскую губерніи, а съ другой,—закрѣпляетъ его культурныя связи съ европейскимъ Западомъ, введя его въ кругъ городовъ Ганзейскаго союза. Это непрекращающееся въ теченіе двухъ столѣтій общеніе съ Европой отражается и на литературныхъ памятникахъ великой Новгородской республики (упомянемъ хотя бы посланіе новгородскаго архіепископа Василія о земномъ раѣ) и на всемъ культурномъ складѣ ея населенія: религіозныя движенія стригольниковъ и жидовствующихъ происходятъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ раціоналистическихъ теченій; въ домашнемъ быту новгородцевъ можно отмѣтить несомнѣнныя черты этого общенія съ Западомъ, и было бы странно, если бы народный эпосъ новгородскаго Сѣвера за это время не зажилъ своею обособленною отъ остальной Россіи жизнью. И въ немъ мы находимъ эту жизнь: слагаются былевыя пѣсни, совсѣмъ неизвѣстныя прежнему южно-русскому эпосу; въ старыя пѣсни, быть можетъ, теперь вносятся нѣкоторыя подробности, заимствованныя изъ богатаго запаса западно-европейскихъ поэтическихъ сказаній. Конечно, варяжскіе, скандинавскіе мотивы и раньше могли проникать въ нашу народную поэзію лучше всего черезъ Новгородъ, но теперь, при монгольскомъ владычествѣ, этотъ вольный городъ естественно сталъ главнымъ (чуть ли не единственнымъ) пунктомъ, черезъ который къ намъ проникали сюжеты и мотивы западно-европейской народной поэзіи. Черезъ него шли и книжныя нѣмецкія вліянія, такъ или иначе отразившіяся въ нашихъ эпическихъ сказаніяхъ. Но это была поэзія

своя, домашняя, новгородская, почти не распространявшаяся на югъ и двигавшаяся только на востокъ, въ районы колонизаціи вольнаго города. Прежнее единство русскаго эпоса исчезло, и Вольга, бывшій, вѣроятно, раньше общерусскимъ богатыремъ, отразившій въ себѣ черты кіевскаго вѣщаго Олега, сталъ исключительнымъ героемъ новгородскаго Сѣвера. Та же переработка произошла и въ отношеніи другихъ былинныхъ типовъ, такъ что во многихъ былинахъ мы теперь даже совсѣмъ не можемъ иногда открыть признаковъ ихъ южнаго происхожденія и вынуждены признавать ихъ новгородскими.

Особою, самостоятельною жизнью живетъ въ это время и южно-великорусскій, суздальско-московскій эпосъ, сохраняя гораздо болѣе чертъ богатырскихъ, чѣмъ сѣверный новгородскій: торговый центръ могъ удовлетворяться новеллами; строившееся военное государство должно было питаться богатырскими воспоминаніями, тѣмъ болѣе, что они освѣжались разными новыми впечатлѣніями борьбы за національную независимость, а потомъ и внутренней борьбы классовъ, результатомъ которой явилось упроченіе опредѣленнаго государственнаго принципа. На эпосъ этой среды должны были наслоиться вліянія эпохи Іоанна Грознаго, Смутнаго времени, борьбы казацкой вольницы противъ государственныхъ стремленій московскаго правительства, и совершается весьма любопытное измѣненіе характера главнаго героя Русскаго эпоса, Ильи Муромца: этотъ богатырь, извѣстный уже давно, вѣроятно, и южно-русскому эпосу, теперь пріобрѣтаетъ характерныя босяцкія черты, проявившіяся у казаковъ и вольныхъ людей Смутнаго времени. Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ различныхъ бытовыхъ условій, мы имѣемъ вмѣсто прежняго единаго, общерусскаго эпоса тѣ два рода эпическихъ произведеній, которые мы наблюдаемъ теперь: эпосъ сѣверный, съ преобладаніемъ былинъ-новеллъ, и эпосъ южно-великорусскій, богатырскій по преимуществу, но получившій въ московской средѣ новую окраску, рѣзко отличающую его отъ прежней былевой поэзіи.

Зародившись на югѣ Россіи, въ древній удѣльный періодъ жизни русскаго государства, былины, какъ уже сказано выше, явились отраженіемъ той борьбы, которую русскимъ пришлось вести со степными кочевниками. Онѣ не сразу приняли форму эпической пѣсни, а первоначально были проникнуты сильною примѣсью лирическаго элемента: въ нихъ прославлялись герои

борьбы, оплакивались павшіе въ бою и, можетъ быть, подвергались осмѣянію тѣ, что вели себя въ бою неподобающимъ образомъ, а также выражались чувства торжества въ случаѣ побѣды, или же мести по отношенію къ врагамъ. Творцы и хранители этой первоначальной поэзіи „вѣщіе“ баяны „пѣснетворцы“, и въ ихъ воспроизведеніи исторія украшается вымысломъ, „замышленіемъ“, матеріалъ для котораго черпается изъ бродячихъ сказаній, изъ той поэзіи, которая заносится на Русь пришлыми пѣвцами съ востока и съ запада. Тѣ самые восточные кочевники, борьба съ которыми является основой этой поэзіи баяновъ, даютъ имъ немало весьма цѣнныхъ подробностей, взятыхъ изъ иранскаго эпоса: черезъ Кавказъ и черезъ южно-русскую степь въ нашъ эпосъ уже въ это время проникаютъ черты образовъ персидскаго царя Кейкуаса и его супруги Судабэ и, можетъ быть, эпизодъ боя отца съ сыномъ, встрѣчающійся въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и ранѣе всего представленный въ иранскихъ сказаніяхъ о боѣ Рустема съ Сохрабомъ. Захожіе греки и южные славяне приносятъ съ собою сказанія о драконахъ и о борьбѣ съ ними, легенды о святыхъ змѣеборцахъ, которыя ложатся въ основу былинъ о змѣеборствѣ Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Дружинники-варяги являются проводниками западнаго вліянія, германскаго и скандинавскаго: благодаря имъ, становятся извѣстными западныя саги, въ которыхъ имѣется много подробностей, вошедшихъ въ наши былины, а онѣ же дѣлаютъ извѣстными на западѣ героевъ русскаго эпоса, Илью Муромца, вѣщаго Олега.

Въ центрѣ этихъ поэтическихъ сказаній, вѣроятно, уже въ это время становится Владиміръ, князь стольно-кіевскій, при чемъ прославленіе выпадаетъ на долю обоихъ Владиміровъ, т. е. и Святого, имя котораго связано съ крещеніемъ Руси, и Мономаха, этого энергичнѣйшаго борца противъ степныхъ кочевниковъ и, какъ его называетъ лѣтопись, „добраго страдальца за русскую землю“. Уже въ этихъ пѣсняхъ встрѣчается Илья Муромецъ, который представляется еще не крестьянскимъ сыномъ, а дружинникомъ (по западнымъ сказаніямъ-ярломъ) и даже княземъ, такъ что, при сближеніи именъ Илья-Ilias—Eligas и Олегъ, въ его образѣ можно видѣть отраженіе исторической личности Олега. Рядомъ съ нимъ воспѣвается дядя Владиміра, Добрыня, навсегда сохранившій въ былинахъ свое сословное отличіе. Къ концу существованія удѣльной Кіевской Руси въ кругъ этихъ пѣсенъ включается Александръ (Алеша) Поповичъ. Можетъ быть,

извѣстны и кое-какія другія дѣйствующія лица былинъ, намъ современныхъ: Вольга Святославичъ, по своему походу на Турецкую землю и по самому своему имени близкій къ Олегу, Чурило Пленковичъ, память о которомъ и до сихъ поръ смутно хранится въ южнорусскихъ пѣсняхъ. Всѣ эти поэтическія сказанія образуютъ то, что называется **циклом** или кругомъ. Въ центрѣ цикла всегда стоитъ какое-нибудь крупное историческое лицо: на западѣ такою личностью оказался Карлъ Великій, около имени котораго сгруппировался цѣлый рядъ эпическихъ пѣсенъ; у насъ же центральное лицо—Владиміръ, и былины образуютъ Владиміровъ или Кіевскій циклъ.

Монгольское иго и наступившее вскорѣ развитіе Литовскаго государства принесли съ собою конецъ Кіевской Руси, и былины перенеслись съ юга на сѣверь, въ Суздальскую землю и въ возникшее вскорѣ Московское княжество. Здѣсь онѣ уже утратили тотъ живой интересъ, который съ ними связывался на югѣ, и въ этомъ заключалась первая причина измѣненій, которыя въ нихъ стали вноситься. Другою причиною измѣненія былинъ слѣдуетъ считать переходъ ихъ отъ прежнихъ вѣщихъ баяновъ въ собственность веселыхъ людей—скомороховъ. Эти люди уже не пользуются тѣмъ почетомъ, который вполнѣ естественно оказывался прежнимъ пѣвцамъ, получившимъ вдохновеніе свыше,—они уже простые потѣшники, и даже не всегда удалого скоморошину приводятъ къ столу, за которымъ пируютъ, не всегда даютъ ему „золотъ стулъ", а отводятъ ему мѣсто, какъ свидѣтельствуютъ былины, „на той печкѣ на муравленой". Для этихъ потѣшниковъ былины не могутъ быть такимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ старины, чтобы въ нихъ не допускать измѣненій, сообразно новымъ поэтическимъ вкусамъ: имъ важно позабавить свою публику, и, пользуясь широко заносными сказаніями западными и восточными, они понемногу совсѣмъ удаляютъ изъ былинъ лирическій элементъ, уже не хватающій за живое новыхъ слушателей, вводятъ въ нихъ измѣненія, отражающіяся на самомъ типѣ богатырей, такъ что въ богатырскія былины проникаютъ особенности, болѣе умѣстныя въ былинахъ-новеллахъ. Впослѣдствіи тѣ же скоморохи, пристававшіе къ казацкимъ ватагамъ, приглаживаясь ко вкусамъ этой среды, внесли въ былины даже босяцки-казацкія черты, такъ что Илья Муромецъ сталъ не только крестьянскимъ сыномъ, но даже казакомъ, и въ его поведеніи проявляются такія повадки, которыя были совсѣмъ не соотвѣтственны принадлежавшему ему ранѣе званію дружинника или князя.

Въ то же время въ Новгородѣ усиленно развивается былина-новелла: она, можетъ быть, и раньше интересовала торговыхъ людей новгородцевъ гораздо больше, чѣмъ богатырская былина, воспѣвавшая отдаленную отъ нихъ борьбу южной Руси со степными кочевниками. Теперь же образы богатаго гостя и удалого ушкуйника, столь типичные для новгородскаго быта, становятся преобладающими въ новгородскихъ эпическихъ пѣсняхъ, и слагается свой новгородскій циклъ былинъ, въ которомъ нѣтъ центральной личности въ родѣ кіевскаго Владиміра, и роль ея выпадаетъ на долю самого „господина Великаго Новгорода". При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ западной Европой вполнѣ понятно, что должны въ него приходить съ запада новыя эпическія сказанія, которыя отражаются на своемъ домашнемъ эпосѣ: Василій Буслаевъ, несомнѣнно мѣстный новгородскій типъ, пріобрѣтаетъ свойства, сближающія его съ героемъ норманскихъ сказаній о Робертѣ Дьяволѣ, а Садко, богатый гость, становится похожимъ на героя французскаго романа, Садока. Ересь жидовствующихъ знакомитъ новгородцевъ со сказаніями талмудическими, изъ которыхъ заимствуются подробности въ нѣкоторыя старыя былины о Добрынѣ, Чурилѣ, Святогорѣ. Наконецъ, сношенія съ финнами даютъ образъ гусляра Вейнемейнена, повліявшій на характеристику Садка, богатаго гостя.

Таковъ весьма сложный ходъ развитія нашихъ былинъ: въ нихъ, какъ мы видѣли, явилось много подробностей, заимствованныхъ у сосѣднихъ народовъ, но эти подробности подверглись своеобразной переработкѣ, такъ что обиліе заимствованій не мѣшаетъ нашимъ былинамъ считаться драгоцѣннымъ достояніемъ русскаго національнаго эпоса.

Придерживаясь указанной выше классификаціи былинъ, мы прежде всего остановимся при характеристикѣ „героевъ" былевого эпоса, на былинахъ богатырскихъ, а изъ нихъ выдвинемъ на первое мѣсто тѣ, которыя посвящены Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эти три богатыря, извѣстные какъ сѣверной, такъ и южной группѣ нашихъ былевыхъ пѣсенъ, могутъ считаться общерусскими, тогда какъ всѣ другіе, какъ мы видѣли, являются или въ новгородскомъ эпосѣ, или же въ южно-великорусскихъ былинахъ. Кромѣ этого, слѣдуетъ сказать, что число богатырскихъ похожденій, приходящихся на долю другихъ героевъ былинъ, значительно уступаетъ подвигамъ названныхъ трехъ богатырей, которые на этомъ основаніи могутъ считаться характерными для самаго типа богатырства.

Но прежде, чѣмъ приступить къ характеристикѣ этихъ богатырей, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ терминѣ „богатырь", рядомъ съ которымъ въ былинахъ встрѣчаются выраженія „витязь" и „поленицы". Прежде считали слово „богатырь" славянскимъ и, связывая его съ словами „богъ", „богатство", „божественный", толковали его, какъ выраженіе, обозначающее человѣка, надѣленнаго божественной силой, героя, происшедшаго отъ бога; но теперь такое толкованіе совершенно оставлено, и слово „богатырь", явившееся въ русскомъ языкѣ (и у поляковъ) только со времени монгольскаго ига, признается заимствованнымъ у татаръ. Въ древнѣйшую пору для обозначенія понятія „богатырь" употреблялись слова кметь (въ Словѣ о полку Игоревѣ", такъ называются куряне), витязь, храбръ, храборъ, хороборъ, и это обстоятельство, конечно, прежде всего можетъ быть выставлено противъ славянскаго происхожденія слова. У татаръ багатиремъ назывался воевода, въ этомъ же значеніи это слово было, кажется, извѣстно и половцамъ, и такимъ образомъ его происхожденіе слѣдуетъ признать тюркскимъ. Слово витязь, вѣроятно, происходитъ отъ скандинавскаго viking, а поленица—русское слово, соотвѣтствующее древне-русскому обозначенію гиганта—полоникъ (польникъ, испольникъ, исполинъ).

Указанные выше три общерусскихъ богатыря вмѣстѣ съ нѣсколькими другими представляются въ былинахъ дѣйствующими при дворѣ ласковаго князя Владиміра Краснаго Солнышка. За исключеніемъ этихъ эпитетовъ Владиміръ весьма мало соотвѣтствуетъ представленію о двухъ историческихъ князьяхъ того же имени, т. е. о Владимірѣ Святомъ и Владимірѣ Мономахѣ. Сходство съ ними у былиннаго Владиміра проявляется въ хлѣбосольствѣ, гостепріимствѣ, такъ какъ и они любили пировать со своею дружиною. Но на этомъ сходство оканчивается, и у былиннаго Владиміра оказываются черты восточнаго царя: онъ трусливъ, коваренъ, неблагодаренъ въ отношеніяхъ къ своимъ вѣрнымъ слугамъ, за что ему приходится иногда выслушивать горькіе, но справедливые упреки съ ихъ стороны. Вполнѣ соотвѣтствуетъ Владиміру его супруга, княгиня Апраксѣевна: она зла, хитра, неблагодарна, измѣняетъ мужу, наталкиваетъ его на дурныя дѣла и также часто подвергается рѣзкимъ обличеніямъ богатырей. Такія особенности этой княжеской четы придаютъ довольно большую вѣроятность предположенію, что на ихъ образахъ отразились черты эпическаго персидскаго царя, Кейкуаса и

его супруги Судабэ. Дворъ этого царя такъ же, какъ и дворъ Владиміра, является мѣстомъ, гдѣ собираются богатыри (пехлеваны), изъ которыхъ самый видный—Рустемъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ съ Рустемо сходенъ Илья Муромецъ, но это еще не можетъ служить основаніемъ къ полному отожествленію этихъ богатырей, такъ какъ у Ильи есть свои черты, объясняемыя бытовыми, историческими и литературными вліяніями, при которыхъ слагался его типъ.

Древнѣйшія упоминанія объ Ильѣ Муромцѣ указываются изслѣдователями въ относящихся къ XIII вѣку германской поэмѣ объ Ортнитѣ и норвежской Тидрекъ-сагѣ, въ которыхъ является богатырь знатнаго рода Ilias von Riuzen или Ilias af Grecа, причемъ, по послѣднему толкованію А. Н. Веселовскаго, это af Grecа или еще af Gersekeborд всего лучше объясняется названіемъ города Герцека на Двинѣ, о которомъ часто упоминаетъ Ливонская хроника. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Илью уже въ XVI в.: въ 1574 г. Илью Муравленина вмѣстѣ съ Соловьемъ Будимировичемъ упоминаетъ оршанскій староста Кмита Чернобыльскій въ письмѣ къ троцкому кастеляну Евстафію Воловичу, а черезъ 20 лѣтъ нѣмецкій путешественникъ Эрихъ Ляссота, описывая кіевскія святыни, говоритъ о „капеллѣ“, въ которой похороненъ знаменитый богатырь Илья Муромецъ. Въ записяхъ былинъ XVII в., а также въ двухъ замѣткахъ XVIII в. Илья называется Муровичъ, Муровецъ, Muravetz, и всѣ эти формы прозвища Ильи, если не отожествлять Мурома съ Муровомъ, заставляютъ искать родину Ильи на югѣ или въ мѣстечкѣ Муравицѣ на Волыни, или же по Муравскому шляху,— дорогѣ, шедшей отъ Куликова поля въ Крымъ, возлѣ которой лежали города: Моровскъ по Деснѣ и Карачевъ недалеко отъ Орла, или, наконецъ, въ г. Моровійскѣ въ Черниговскомъ княжествѣ. Ни одно изъ этихъ предположеній прочно обосновано пока быть не можетъ, хотя въ пользу ихъ говоритъ южное, по всей вѣроятности, зарожденіе сказаній объ Ильѣ.

Какъ бы то ни было, былины въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ, родиной Ильи почти единогласно называютъ село Карачарово около г. Мурома. Илья—сынъ крестьянина Ивана Тимофеевича и его жены, которая иногда называется въ былинахъ Ипестеньей (Епистимією) Александровной; этотъ крестьянскій сынъ довольно часто является съ эпитетомъ „старый казакъ“. Однако, какъ недавно указалъ В. Ѳ. Миллеръ, и крестьянство и казачество Ильи—сравнительно новыя его черты, такъ какъ въ старыхъ

записяхъ былинъ XVII—XVIII в.в. онъ называется либо „святорусскимъ богатыремъ“, либо „свѣтъ-государемъ“, да и теперь въ былинахъ Архангельской губерніи мы часто встрѣчаемся съ эпитетомъ „осударь“, или „государь“ въ примѣненіи къ Ильѣ, а древнѣйшія свидѣтельства о немъ съ XIII по XVI в. представляютъ его уже вполнѣ человѣкомъ знатнаго происхожденія. Изъ этихъ фактовъ В. Ѳ. Миллеръ полагаетъ возможнымъ заключить, что эпитетъ „казакъ“ къ имени Ильи едва ли прикрѣпился ранѣе XVII в., и что даже придашный ему, конечно, въ казацкой средѣ, онъ распространился не повсемѣстно, хотя бы точный подсчетъ и обнаружилъ, что Илья называется казакомъ въ большемъ числѣ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ былинъ, чѣмъ не казакомъ. Если бы онъ искони былъ казакомъ, намъ трудно было бы объяснить, почему, въ силу какихъ историческихъ условій онъ пересталъ быть таковымъ и сталъ крестьянскимъ сыномъ изъ центральной Руси. Наоборотъ, мы имѣемъ въ смутномъ времени на лицо тѣ условія, при которыхъ популярный народный богатырь могъ стать казакомъ. Какъ въ этомъ періодѣ особенно рѣзко проявляется столкновеніе земщины и казачества, такъ въ крестьянской центральной и сѣверной средѣ Илья является крестьянскимъ сыномъ изъ Мурома, села Карачарова, а въ казацкой вольницѣ старымъ, вольнымъ казакомъ, иногда Донскимъ атаманомъ“. Можетъ быть, въ Смутное же время на образѣ Ильи Муромца отложились и нѣкоторыя черты историческаго Ильи изъ Мурома, самозванца Лже-Петра, но это предположеніе еще не можетъ считаться прочнымъ, и существенно важнымъ результатомъ является признаніе того, что казацко-босяцкія черты наслоились въ типѣ нашего богатыря именно въ эпоху Смуты.

Богатырскія похожденія Ильи начинаются сравнительно въ позднемъ возрастѣ, и большею частью въ былинахъ онъ представляется старымъ, съ сѣдой головой, съ сѣдой бородой. Это обстоятельство, по мнѣнію В. Ѳ. Миллера, должно было послужить причиной сложенія былинъ и сказокъ, объяснявшихъ, почему Илья не вышелъ на богатырскіе подвиги молодымъ человѣкомъ. Онъ не могъ, былъ боленъ, слабосиленъ, и, исходя изъ этого предположенія, народная фантазія примѣнила къ Ильѣ довольно распространенную сказочную подробность исцѣленія, пріобрѣтенія чудеснымъ путемъ богатырской силы. Былины объ этомъ исцѣленіи являются первымъ звеномъ поэтической біографіи Ильи

Муромца, которая можетъ быть воспроизведена съ достаточной полнотой.

Пріобрѣтеніе Ильей силы представляется двояко: по одной былинѣ, о которой скажемъ далѣе, Илья получаетъ свою силу отъ умирающаго Святогора; другая же былина основана на указанномъ мотивѣ исцѣленія. Тридцать лѣтъ (или 33 года) Илья „сидитъ сиднемъ“:

Не несутъ-то все, не служатъ ножки рѣзвыя.

Какъ-то его родители ушли въ поле на работу, и Илья остался дома одинъ. Въ это время подошли къ окну „двѣ калики перехожіе“, попросили его подать милостыню и напоить ихъ „пивомъ сладкіимъ“.

Уже однимъ этимъ приказаніемъ каликъ, въ образѣ которыхъ явились Іисусъ Христосъ и два апостола, Илья былъ исцѣленъ; а затѣмъ, выпивъ принесеннаго для нихъ пива, онъ получилъ богатырскую силу. Давъ ему наставленіе не биться съ нѣкоторыми богатырями и пообѣщавъ, что ему „смерть на бою не написана“, калики „потерялися“.

Почувствовавъ силу, Илья отправляется испытать ее и исполняетъ трудную крестьянскую работу: очищаетъ пашню „отъ дубья, отъ колодья“. Выраставъ себѣ коня, какъ совѣтовали ему калики, Илья рѣшаетъ отправиться на подвиги послужить родинѣ, и проситъ у родителей благословенія. Отецъ отвѣчаетъ:

„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ полѣ чистомъ христіанина“.

Богатырь отправляется въ путь. На дорогѣ онъ наѣзжаетъ на „силу поганую, несмѣтную“, которая обложила городъ Черниговъ (по другимъ варіантамъ Чиженецъ, Бекетовъ, Кидошъ, Туровъ). Онъ разбиваетъ эту силу и освобождаетъ Черниговъ.

Такимъ образомъ, первый подвигъ Ильи является характернымъ признакомъ его служенія интересамъ родной земли, онъ не ищетъ славы, не ищетъ и почестей, такъ какъ на приглашеніе жителей города остаться у нихъ онъ отвѣчаетъ отказомъ и проситъ указать ему дорогу прямоѣзжую въ Кіевъ. Но прямоѣзжая дорога заколочена и замуравлена, такъ какъ на ней залегъ Соловей-разбойникъ.

Этотъ Соловей, существо сверхъестественное, можетъ быть, представляетъ собою поэтическій символъ, въ которомъ народъ отразилъ историческое явленіе стараго разбойничества, весьма распространеннаго въ лѣсныхъ мѣстностяхъ средней Руси; кромѣ этого историческаго объясненія, къ образу Соловья можетъ быть указана и литературная параллель въ образѣ разбойника Исфандіара или же чудовищной птицы Симургъ, которыхъ побѣждаетъ иранскій богатырь, Рустемъ, сходный во многомъ съ Ильей Муромцемъ.

Не послушавшись черниговцевъ, которые совѣтовали ему ѣхать окольной дорогой, Илья встрѣчается съ Соловьемъ, беретъ его въ плѣнъ и привозитъ къ князю Владиміру, а затѣмъ убиваетъ. Съ этого времени онъ поступаетъ на службу къ ласковому князю Красному Солнышку и исполняетъ нѣкоторыя его порученія, являясь главнымъ образомъ защитникомъ русской земли отъ разныхъ ея враговъ.

Послѣ побѣды надъ Соловьемъ былины разсказываютъ о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца. Выѣхалъ богатырь въ поле и увидѣлъ надпись на камнѣ, лежавшемъ на перепутьи трехъ дорогъ:

А во дороженьку-ту ѣхать—убиту быть,
Во другую-то ѣхать—женату быть,
Да во третью-ту ѣхать—богату быть.

Илья ѣдетъ сначала по первой. Здѣсь онъ встрѣчается съ разбойниками, которыхъ побѣждаетъ. Поѣхалъ онъ по второй,—и тутъ не исполнилось предсказаніе: онъ перехитрилъ здѣсь „дѣвицу-королевичну“ и освободилъ много плѣнниковъ, которые содержались въ подвалахъ дворца королевичны. Поѣхавъ по третьей дорогѣ, Илья нашелъ большое богатство, но не взялъ его себѣ, а построилъ церковь.

Возвратившись въ Кіевъ, Илья, противъ воли цѣловальниковъ, беретъ изъ кабака царскаго три бочки вина и угощаетъ голь кабацкую. Владиміръ разсердился, велѣлъ посадить богатыря въ погребъ и не давать ему пищи 40 дней.

Но дочь Владиміра тайно отъ князя кормитъ и поитъ богатыря. Въ это время сосѣдніе „цари-короли“ узнали, что нѣтъ у Владиміра Ильи Муромца и напали на Кіевъ. Князь испугался и захотѣлъ помириться съ богатыремъ.

По другому варіанту ссора произошла изъ-за того, что Владиміръ устроилъ пиръ, но не позвалъ на него Илью. Послѣдній разсердился.

Скоро онъ натянулъ тугой лукъ,
Складываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлитъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченымъ.

Собравъ эти „маковки золоченыя" и продавъ ихъ, Илья созываетъ голь кабацкую и угощаетъ ее на вырученныя деньги. Владиміръ испугался, увидѣвъ,

Что пришла бѣда неминучая,

и рѣшаетъ устроить новый пиръ для Ильи: на пиру князь мирится съ богатыремъ.

Однако въ нѣкоторыхъ варіантахъ этой былины весьма существенное есть добавленіе. Илья высказываетъ по адресу князя упреки и угрозы:

„А было,—говоритъ Илья,—намѣреніе наряжено—
Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
А класть стрѣлочку каленую,
Стрѣлить во гридню, во столовую,
Убить тебя, князя Владиміра,
А нонѣ тебя Богъ проститъ,
За этую вину, за великую.

Въ этомъ грубомъ обращеніи съ княземъ, въ кощунственномъ отношеніи къ церквамъ, въ пріятельскомъ общеніи съ голями кабацкими можно видѣть отголоски Смутнаго времени, которое придавало образу Ильи Муромца черты вольнаго казачества.

Послѣ примиренія Владиміръ проситъ Илью избавить Кіевъ отъ Калина-царя, напавшаго на городъ; Владиміръ поручаетъ богатырю поѣхать для этого къ царю и просить у него отсрочки. Илья отправляется. Но вмѣсто того, чтобы просить отсрочки,

Енъ да схватилъ татарина за ноги,
Тако сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ онъ бить татаръ татариномъ
И куда идетъ—дѣлать улицу,

Въ сторону вернетъ переулочки.
И согналъ собакъ онъ со чиста поля.

Былина объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-царѣ, въ которой, можетъ быть, есть отголосокъ борьбы съ татарами, самая распространенная; она поется по множеству варіантовъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ у Ильи есть помощники—Ермакъ, Василій, Самсонъ Самойловичъ. По другимъ, богатыри, одержавъ побѣду, начали хвастаться и вызвали на бой силу нездѣшнюю, отъ которой и погибли. Объ этомъ, впрочемъ, есть отдѣльная былина—„О томъ, какъ перевелись богатыри на святой Россіи"....

Одна былина разсказываетъ о посѣщеніи Ильей Муромцемъ Царьграда, куда онъ ходилъ подъ видомъ калики. Подъ тѣмъ же видомъ дѣйствуетъ онъ и въ борьбѣ съ Идолищемъ поганымъ, въ образѣ котораго нѣкоторые старые изслѣдователи видѣли символическую характеристику древняго русскаго язычества: какъ Илья разсѣкъ Идолище „на полы" шапочкой земли греческой, такъ и язычество было побѣждено христіанствомъ, заимствованнымъ изъ Греціи. Однако, такое объясненіе этой былины теперь уже не принимается, такъ какъ народная поэзія вообще не знаетъ столь сложныхъ аллегорическихъ образовъ, и болѣе вѣроятнымъ представляется предполагать въ былинѣ объ Идолищѣ поганомъ отраженіе какого-нибудь дѣйствительнаго эпизода изъ борьбы древней Руси съ внѣшними врагами.

Подобно этому объясненію и былина, разсказывающая о боѣ Ильи Муромца съ Жидовиномъ, толковалась изслѣдователями, какъ отраженіе борьбы русскихъ съ хозарами и вообще съ кочевниками. Содержаніе былины таково: нѣсколько богатырей стояло на заставѣ богатырской. Атаманомъ у нихъ былъ Илья Муромецъ, подъатаманомъ—Добрыня Никитичъ, есауломъ—Алеша Поповичъ. Кромѣ того, здѣсь были еще Гришка, боярскій сынъ, да Васька Долгополый. Однажды Добрыня, возвращаясь съ охоты, увидѣлъ въ полѣ „исконыть великую" и заключилъ, что мимо заставы проѣхалъ сильный богатырь. Богатыри собрались на совѣтъ и начали рѣшать, кого послать противъ нахвальщика, осмѣлившагося проѣхать мимо заставы и не оказавшаго богатырямъ должнаго почета. Ваську послать нельзя: Васька ходитъ, заплетается, и въ бою онъ можетъ запутаться въ своихъ долгихъ полахъ и погибнуть понапрасну (въ лицѣ Васьки Долгополаго, вѣроятно, изображено подьячество). Нельзя послать и Гришку: Гришка рода боярскаго, а боярскіе

роды хвастливые: расхвастается Гришка въ бою и погибнетъ понапрасну. Не годится для этого дѣла и Алеша Поповичъ: поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія: увидитъ Алеша на нахвальщикѣ дорогое платье, много злата, серебра, разгорятся его глаза, и погибнетъ Алеша понапрасну. Рѣшаютъ послать Добрыню. Добрыня выѣзжаетъ въ поле, гдѣ видитъ „черкизину“, на которую и ѣдетъ. Но когда нахвальщикъ повернулъ коня противъ Добрыни, послѣдній струсилъ и убѣжалъ на заставу. Оставалось ѣхать самому атаману—Ильѣ Муромцу. Поѣхалъ Илья и встрѣтился со врагомъ. Произошелъ жаркій бой. Не повезло Ильѣ: повалилъ его на землю непріятель, сѣлъ на грудь и началъ насмѣхаться, говоря, что слѣдовало бы ему не богатыремъ быть, а монахомъ. Но Илья вспомнилъ завѣтъ каликъ, что смерть ему въ бою не написана, и прибыло у него отъ земли силы втрое; онъ сбросилъ съ себя врага, сѣлъ ему на грудь и убилъ его.

Эта былина любопытна, съ одной стороны, приведенными характеристиками отдѣльныхъ богатырей, характеристиками, въ которыхъ сказалось отношеніе народа къ разнымъ сословіямъ; а съ другой стороны, въ былинѣ выражается высокая нравственная идея о тѣхъ обязанностяхъ, которыя соединяются съ большими преимуществами, такъ какъ „старшему некѣмъ замѣнитися“.

Былины разсказываютъ также о встрѣчѣ Ильи съ Добрыней и о братаньи богатырей. Они сначала не узнаютъ другъ друга и вступаютъ въ бой, который оканчивается побѣдой Добрыни. Усѣвшись на грудь Ильи, Добрыня спрашиваетъ, кто онъ таковъ. Илья сначала не говоритъ, и только послѣ троекратнаго спроса Добрыни называетъ себя. Тогда послѣдній проситъ извиненія и мѣняется крестомъ.

Интересны также былины о битвѣ съ поленицею Горынинкою, которая оказывается то дочерью Ильи, то матерью его сына. Но еще любопытнѣе и важнѣе былины о борьбѣ богатыря съ сыномъ: онѣ даютъ возможность сопоставлять нашъ эпосъ съ эпосами другихъ народовъ, такъ какъ этотъ сюжетъ очень распространенъ и на востокѣ и на западѣ.

Одна изъ былинъ говоритъ о кончинѣ Ильи Муромца, связывается эта былина часто съ другой—о Калинѣ-царѣ, а если не съ этой, то съ какой-нибудь иной, въ которой разсказывается о боѣ, счастливомъ для богатыря. Разбивъ враговъ, они начинаютъ хвастаться своей силой. Алеша Поповичъ говоритъ: „Подай намъ

силу нездѣшнюю,—мы и съ той силой справимся". Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ появились два витязя, которые начали вызывать богатырей на бой. Алеша разрубилъ ихъ единымъ ударомъ—каждаго на двѣ части. Ихъ стало четверо; разрубилъ четверыхъ Добрыня—стало 8; разрубилъ восьмерыхъ Илья Муромецъ—стало 16. Бросились всѣ богатыри рубить. Но чѣмъ больше они рубили, тѣмъ больше сила растетъ, да на богатырей съ боемъ идетъ. Богатыри бились три дня, три часа, три минуты. Наконецъ, они испугались и бросились къ темнымъ пещерамъ, гдѣ всѣ и превратились въ каменные столбы. Объясняется эта былина различно: гибель богатырей предполагалась слѣдствіемъ сознанія ненужности ихъ физической силы, которая должна была уступить свое мѣсто другой—духовной, нравственной силѣ, принесенной христіанствомъ и распространившейся по русской землѣ изъ Кіевскихъ пещеръ; но народная поэзія, какъ уже сказано относительно былины объ Идолищѣ, не символизируетъ такихъ общихъ явленій и держится обыкновенно чего-нибудь болѣе конкретнаго, почему гораздо правильнѣе видѣть въ былинѣ отраженіе важнаго, запечатлѣвшагося въ народной памяти, историческаго факта,—битвы на Калкѣ, гдѣ, по лѣтописи, погибли Александръ Поповичъ и 70 храбрыхъ.

Переходимъ ко второму изъ указанныхъ выше общерусскихъ богатырей, къ Добрынѣ Никитичу. Съ его именемъ въ былинахъ связываются слѣдующіе три сюжета: его змѣеборство, женитьба и послѣдствія этой женитьбы.

Змѣеборство—очень распространенный былинный сюжетъ; оно связывается съ упоминаніемъ въ былинахъ о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ. Основу его мы должны искать въ духовныхъ стихахъ о Георгіи Храбромъ, въ сходныхъ легендарныхъ представленіяхъ. Добрыня Никитичъ, какъ мы узнаемъ изъ его былинной біографіи, по происхожденію дружинникъ и приходится племянникомъ князю Владиміру, хотя историческій Добрыня былъ дядею Владиміра. Отецъ былиннаго Добрыни, Никита Романовичъ,—рязанецъ, хорошаго рода. Отличительною чертой въ характерѣ Добрыни является мягкость, „вѣжество, не ученое, а прирожденное“, вызывающее по отношенію къ нему особенное расположеніе. Мягкость его нрава выражается также въ нѣсколько сентиментальной съ богатырской точки зрѣнія его жалобѣ на то, что онъ не родился бѣлымъ горючимъ камушкомъ и не лежитъ на днѣ моря, а проливаетъ кровь „неповинную“, хотя именно такого пролитія

неповинной крови нигдѣ въ былинахъ о Добрынѣ не видно. И послѣ Ильи Муромца Добрыня—наиболѣе симпатичный народу богатырь, потому что онъ подобно Ильѣ совершаетъ свои подвиги на благо родной русской землѣ. Первая его служба—побѣда надъ Змѣемъ-Горынчищемъ.

Былина начинается съ бесѣды Добрыни съ его матушкой, которая дѣйствуетъ то безъ имени, то въ качествѣ „честной вдовы Мамелфы Тимофеевны“. Мать объ одномъ проситъ сына, рѣшившагося топтать на горѣ Сорочинской змѣенышей и „выручать полоновъ русскіихъ“:

Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ:
Пучай-рѣка есть свирѣпая,
Средняя струйка, какъ огонь, сѣчетъ...

Добрыня, однако, не послушался матери. Истребивъ змѣенышей и освободивъ плѣнниковъ, онъ купается въ Пучай-рѣкѣ, какъ вдругъ, въ эту пору, въ то время налетаетъ Зміище-Горынчище о двѣнадцати хоботахъ съ намѣреніемъ „въ хобота взять“ Добрыню или полонить его. Добрыня плавать гораздъ; онъ вынырнулъ на берегъ, но вмѣсто своего платья цвѣтного и оружія нашелъ „пуховъ колпакъ, насыпанный земли греческой“, вѣсомъ въ три пуда. Этимъ колпакомъ онъ отбиваетъ двѣнадцать хоботовъ Зміища, и тотъ падаетъ въ ковыль-траву. Взмолился Зміище, проситъ помилованія. Противники примиряются, но на слѣдующемъ условіи:

. . . Не летать (Зміищу) на Святую Русь,
Не носить людей больше русскіихъ,
А (Добрынѣ) не ѣздить далече въ чисто поле,
Не топтать молодыхъ зміенышей,
Не выручать полоновъ русскихъ;
Положили они заповѣдь великую.

Горынычъ, разумѣется, вскорѣ же нарушаетъ заповѣдь. Пролетая черезъ Кіевъ, онъ уноситъ племянницу князя Владиміра, Забаву (Запаву) Путятишну. Алеша Поповичъ даетъ совѣтъ Владиміру отправить Добрыню къ Запавѣ на выручку. Закручинился Добрыня: грустный идетъ онъ къ своей матери. Та спрашиваетъ, не обидѣлъ ли его кто-нибудь на честномъ пиру. Добрыня сообщаетъ причину своей кручины. Мать совѣтуетъ лечь спать, ибо утро вечера мудренѣе. На другой день снаряжаетъ онъ своего коня и вмѣстѣ съ плеткой получаетъ отъ матери такое наставленіе.

Когда будешь на тыихъ горахъ да сорочинскіихъ,
Ты возьми ту плетушку шелковую,
Бей бурушку промежду ушей.
Станетъ бурушка—ковурушка подскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да отряхивать,
Притопчетъ всѣхъ да до единаго.

Пріѣзжаетъ Добрыня на Сорочинскую гору и, по совѣту матери, перетаптываетъ всѣхъ змѣенышей. Появляется и самъ Змѣище, который упрекаетъ Добрыню въ нарушеніи „заповѣди великой“. На упрекъ Добрыня отвѣчаетъ упрекомъ, такъ какъ самъ Змѣище, захвативъ Запаву, нарушилъ уговоръ. Горынычъ никакъ не хочетъ отпустить плѣнницу, и между противниками завязывается трехсуточный „бой—драка великая“. Побѣда остается за Добрыней, который убиваетъ пановать Змѣище и, спустившись въ пещеру, выводитъ оттуда Запаву, и вмѣстѣ съ ней несмѣтное количество полоненныхъ царей, царевичей, королей, королевичей. Съ освобожденной Запавой Добрыня возвращается въ Кіевъ.

Разбирая подробности этой былины, можно указать, что рѣка Пучай соотвѣтствуетъ Почайнѣ, находящейся подъ Кіевомъ, въ которой Владиміръ крестилъ кіевлянъ; что лѣтописный Добрыня вмѣстѣ съ Путятой, имя котораго сохранилось въ былинѣ въ отчествѣ Запавы, крестилъ новгородцевъ; наконецъ, что около Новгорода сохранялось преданіе о Змѣѣ Перюнѣ, который былъ побѣжденъ при утвержденіи христіанства. Всѣ эти фактическія подробности позволяютъ думать, что былина о змѣеборствѣ Добрыни явилась отраженіемъ важнѣйшаго историческаго событія—утвержденія христіанства на Руси.

Въ такомъ видѣ излагается первый сюжетъ былинъ о Добрынѣ—змѣеборство. Иногда всѣ эти былины соединяются въ одну цѣлую былину, въ которой вслѣдъ за освобожденіемъ Запавы излагается другой сюжетъ—женитьба Добрыни.

Возвращаясь въ Кіевъ послѣ побѣды надъ Горынычемъ, Добрыня встрѣчается съ поленицей, женщиной великой, и вступаетъ съ ней въ бой. Всѣ удары Добрыни ей „все равно, что комаръ укусилъ“. Она схватываетъ Добрыню за желтые кудри и сажаетъ его къ себѣ въ карманъ. Конь начинаетъ жаловаться, что ему отъ этого невмоготу, тяжело, и она вынимаетъ изъ кармана Добрыню. Богатырь приходится ей по сердцу, и она вѣнчается съ нимъ по пріѣздѣ въ Кіевъ.

Послѣ свадьбы Добрыня уѣзжаетъ на новые подвиги. Этимъ моментомъ начинается изложеніе третьяго сюжета въ былинахъ, связанныхъ съ именемъ Добрыни.

Добрыня прощается съ матерью. Жена выходитъ провожать его „Жди меня, Настасья Микулишна [*],—говоритъ онъ ей,—три года, и потомъ три еще года; не дождешься—замужъ иди за кого захочешь; только не выходи за Алешу Поповича“. Уѣзжаетъ Добрыня. Ждетъ, пождетъ его Настасья Микулишна три года, ждетъ и еще три года, а Добрыни все нѣтъ. Вотъ привозитъ Алеша Поповичъ вѣсть, что Добрыни не стало. Плачетъ его родимая матушка, а Настасья Микулишна хочетъ еще подождать шесть лѣтъ. Проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, годъ за годомъ, а Добрыни все нѣтъ, какъ нѣтъ. Мамелфа Тимоѳеевна и Настасья Микулишна слезно горюютъ. Тогда вмѣшивается въ дѣло самъ князь Владиміръ; сталъ онъ похаживать, Настасью Микулишну посватывать:

Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
Молодой вѣкъ свой коротать?
Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русскаго могучаго богатыря,
А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.

Настасья Микулишна ждетъ Добрыню еще пять лѣтъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ увѣщаній Владиміра нарушаетъ „заповѣдь свою женскую“: выходитъ замужъ за Алешу Поповича. Добрынѣ, находящемуся въ это время въ Царьградѣ, сообщаетъ о предстоящемъ замужествѣ Настасьи Микулишны его конь, который его съ необыкновенной быстротой приноситъ въ Кіевъ, къ „подворью вдовиному“. Оставивъ своего коня на дворѣ и всѣхъ приворотничковъ оттолкнувъ „въ запятей прочь“, Добрыня приходитъ прямо въ палаты бѣлокаменныя. Мамелфа Тимоѳеевна не узнаетъ въ добромъ молодцѣ своего сына, упрекаетъ его за самоуправство съ привратниками и высказываетъ увѣренность, что если бы живъ былъ Добрыня, ея дитятко, то отрубилъ бы онъ ему буйну голову. Въ отвѣтъ на это пріѣзжій молодецъ увѣряетъ, что Добрыня живъ и проситъ его узнать о его супругѣ—Настасьѣ Микулишнѣ. Мамелфа Тимоѳеевна сообщаетъ, какъ оставленная

[*] Поленица великая, жена Добрыни, оказывается дочерью Микулы Селяниновича.

Добрыней жена долго пребывала вѣрной ему, и какъ, наконецъ, принуждена теперь вопреки данному слову, обвѣнчаться съ Алешей Поповичемъ. Тогда Добрыня проситъ у Мамелфы Тимоѳеевны „гуселька яровчаты" и платье скоморошеское, принадлежащія ея мнимо-умершему сыну, переряживается въ скомороха и въ такомъ видѣ отправляется на почестный пиръ къ князю Владиміру. Расправившись и здѣсь съ привратниками, онъ входитъ въ палаты Владиміра, привѣтствуетъ князя съ княгиней и проситъ указать ему „мѣсто скоморошеное". Въ указанныхъ грубыхъ поступкахъ Добрыни явное противорѣчіе обычному его вѣжеству, и весьма возможно, что эти подробности вошли въ былину въ болѣе позднее время.

Добрыня садится и начинаетъ свою пѣсню.

А какъ играетъ во Царѣ-Градѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все во Кіеви,
Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго.

Призамолкли всѣ и заслушались пѣсни Добрыниной, видять, что это не простой скоморошина, а могучій богатырь. Тогда князь Владиміръ позволяетъ ему спуститься съ запечки и занять любое мѣсто на пиру—хоть рядомъ съ княземъ, хоть супротивъ него. Добрыня садится противъ своей жены, проситъ подать чару вина, опускаетъ въ нее свой злаченъ перстень и уговариваетъ Настасью Микулишну выпить ее единымъ духомъ до дна. Выпила она чару, увидала злаченъ перстень и догадалась, что скоморошина, который противъ нея сидитъ, не кто иной, какъ ея мужъ, Добрыня. Вскочила она черезъ дубовый столъ, припала къ рѣзвымъ ногамъ Добрыни и проситъ у него прощенія за неисполненіе его наказа:

Не дивую я (отвѣчаетъ Добрыня) разуму женскому.
У нихъ волосъ долгъ, умъ коротокъ,
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я князю Владиміру,
Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
А княгиня-то Опраксія да свахою,
У живого мужа жену просватали.

Стыдно стало князю Владиміру. Алеша, сознавая свою вину, проситъ прощенья у Добрыни. Послѣдній готовъ простить Алешѣ

его сватовство, но не можетъ ему простить того, что привезъ онъ нерадостную вѣсточку Мамелфѣ Тимоѳеевнѣ и тѣмъ заставилъ ее понапрасну горевать. „Вѣдь она, говоритъ Добрыня,

Жалобнешенько по мнѣ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ, по рожономъ дитяткѣ.

Схватилъ тутъ Добрыня Алешу за желтыя кудри и началъ Алешу шалыгой подорожной охаживать

А всякъ-то, братцы, женится,
А не всякому женитьба удавалася,
А не дай Богъ женитьбы Алеши Поповича.
Только Алеша и женатъ былъ.

Былины о Добрынѣ Никитичѣ, заключающія въ себѣ сплетеніе различныхъ эпическихъ мотивовъ, представляются интересными, между прочимъ, потому, что могутъ сближаться съ Гомеровской Одиссеей. Настасья Микулишна напоминаетъ Пенелопу, сватовство Алеши аналогично сватовству жениховъ Пенелопы, возвращеніе Добрыни, не узнаннаго никѣмъ, подобно возвращенію Одиссея и, наконецъ, въ расправѣ съ Алешей есть нѣчто, напоминающее античную поэму. Въ сватовствѣ Алеши, который побратался съ Добрыней, можно видѣть пережитокъ древняго взгляда, по которому вдова должна была выходить замужъ за брата своего умершаго мужа.

Змѣеборство, которымъ отличается Добрыня, связано также и съ именемъ третьяго общерусскаго богатыря, Алеши Поповича. Алеша, сынъ ростовскаго попа Леонтія, тоже могучій богатырь, и змѣеборство является такимъ же служеніемъ его землѣ русской, какъ у Добрыни Никитича. Но у Алеши еще особыя, чисто личныя черты. По отзыву другихъ богатырей, его поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія, а кромѣ того, въ былинахъ характеризуется и его коварство: гдѣ силой онъ не можетъ взять, тамъ беретъ хитростью.

На подвиги Алеша отправляется съ Якимомъ Ивановичемъ, человѣкомъ довольно простоватымъ, по отношенію къ которому богатырь ведетъ себя очень недобросовѣстно. Пріѣзжаютъ они къ стольному Кіеву, около котораго объявилось „новое чудовище" —

Тугаринъ Змѣевичъ. Князь Владимиръ устраиваетъ пиръ и приглашаетъ на него Тугарина. Сидитъ Тугаринъ за дубовымъ столомъ, по цѣлой лебедушкѣ глотаетъ. Алеша начинаетъ смѣяться надъ нимъ, и какъ Илья Муромецъ сравнивалъ Идолище съ коровой ядучей, такъ и Алеша сравниваетъ Тугарина съ песищемъ сѣдатымъ", подавившимся костью, и съ „коровищемъ великимъ", треснувшимъ отъ питья. Тугаринъ, разсердившись, бросаетъ въ Алешу ножемъ, но Якимъ, подхвативъ ножъ, спасаетъ Алешу, который рѣшаетъ итти противъ „гагары безногой" и отправляется съ товарищемъ къ Сафатъ-рѣкѣ. А Тугаринъ между тѣмъ явился на бумажныхъ крыльяхъ, „по поднебесью летать". По молитвѣ Алеши Богъ посылаетъ дождь, который смочилъ бумажныя крылья Тугарина, и тотъ упалъ на землю. Алеша съ „сабелькой вострой" подъѣзжаетъ къ Тугарину. Зарычалъ Тугаринъ звѣринымъ голосомъ:

Хошь ли, я тебя огнемъ спалю,
Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу,
Хошь ли, Алеша, копьемъ заколю.

Алеша упрекаетъ противника въ нарушеніи условія биться одинъ на одинъ: „за тобой,—говоритъ онъ змѣю,—силы смѣтны нѣтъ". Тугаринъ оглянулся назадъ; воспользовавшись моментомъ, хитрый Алеша подскочилъ къ противнику и срубилъ ему голову. Эту голову онъ отвезъ въ Кіевъ къ князю Владиміру, который позволилъ богатырю жить въ Кіевѣ и пожаловалъ его службой.

Таковы эти три общерусскіе богатыря. Главною ихъ отличительною чертою является *служилость*: они служатъ своими подвигами благу русской земли, оберегая ее отъ враговъ, и въ томъ отношеніи болѣе всѣхъ замѣчательнымъ представляется Илья Муромецъ, почти вся былинная біографія котораго составляется изъ подвиговъ, совершаемыхъ для народнаго блага. Тотъ же служилый характеръ можно отмѣтить и у нѣкоторыхъ другихъ, менѣе выдающихся богатырей: Михаила Даниловича, побѣждающаго татаръ, которые подступили къ Кіеву, Василія Пьяницы, освобождающаго Кіевъ отъ Батыги, Сурозца-Суздальца и Саура Ванидовича (Саула Леванидовича), тоже бьющихся съ татарами, Михаила Казаринова и проч. Но на нихъ мы останавливаться не будемъ и перейдемъ къ былинамъ не богатырскаго, но воинскаго характера.

Прежде всего мы остановимся на той группѣ богатырей, которыхъ прежніе изслѣдователи считали древнѣйшими, до-кіевскими, называли „старшими". Это—Святогоръ, Вольга Святославичъ, Микула Селяниновичъ, Колыванъ, Сухманъ или Суханъ Одихмантьевичъ, Дунай Ивановичъ и др. Наиболѣе интересными представляются трое первыхъ изъ этихъ богатырей, такъ какъ о нихъ сохранились очень хорошія по полнотѣ содержанія старины.

Передъ нами Святогоръ, о которомъ наилучшая былина найдена недавно въ Поморьѣ: въ этой былинѣ соединено нѣсколько мотивовъ, встрѣчавшихся раньше отдѣльно. Святогоръ связывается тутъ съ Ильей Муромцемъ. Случайно Илья наѣхалъ въ полѣ на „ископыть ту лошадиную" и „раздумался" о томъ, какой богатырь могъ оставить такой слѣдъ. Послѣ этого онъ увидалъ въ полѣ бѣлый полотняный шатеръ. Въ немъ стояла богатырская желѣзная кровать и былъ накрытъ столъ. Илья хотѣлъ было съѣсть то, что было заготовлено на столѣ; но его останавливаетъ его конь, и по его совѣту Илья „залѣзъ на сырой дубъ".

Вдругъ онъ услышалъ чудо-чудное:
Какъ згремѣлъ-то будто громъ-то гдѣ,
Збушевала-то погодушка немалая
Какъ со всѣхъ съ четырехъ сторонъ-то;
Потемнѣло небо синее,
Задрожала матушка сыра земля.

Появился Святогоръ на богатырскомъ конѣ съ хрустальнымъ ларцомъ за плечами. Вынувъ изъ ларца свою красавицу-жену, Святогоръ съ нею пообѣдалъ, „потѣшился игрой въ карточки" и заснулъ. Во время его сна жена его, выйдя въ поле, жалуется на свою судьбу. Ея жалобы проникнуты чрезвычайнымъ лиризмомъ, напоминающимъ свадебныя пѣсни.

Когда была я на своей родимой-то на сторонѣ,
Находилась когда красной дѣвушкой,
Гуляла все вѣдь я да въ зеленомъ саду;
Я рвала-то разны-ти растенья все садовыя,
Распѣвала веселы-ти пѣсни дѣвія;
А слыхали-то тогда да какъ дѣвицы-ти да вси мои
подруженьки;

Приходили-то онѣ вѣдь всѣ да пріѣзжали-то,
Увеселяли-то меня, да красну дѣвушку.
Пріѣзжали-то вѣдь къ намъ да гость съѣзжались-то
Всѣ вѣдь руськіе могучи-ти богатыри;
Они гуляли съ нами по зелену саду.
Въ одну пору-то вѣдь я да загулялась;
Какъ увидѣла,—ѣдеть-то изъ поля все богатырь-отъ,
Что пресильней-отъ да все престрашной-отъ.
Увидалъ-то онъ меня, да красну дѣвицу;
Я понравилась ему, да красна дѣвица.
Онъ заѣхалъ все къ моимъ родителямъ
Предлагать на мнѣ да все вѣдь сватаьце.
Устрашились-то мои честны родители.
Не спросили они-то меня-то, не доложили,
Что желаю-ли вѣдь я, да не желаю-то;
Они взяли-то миня да все просватали
За того ли за богатыря за сильнего.
Я живу-то вѣдь теперь да не красуюсь:
Мнѣ-ка негдѣ-то теперь да разгулятце-то;
Какъ вѣдь ничѣмъ-то онъ мене да не утѣшилъ-то
Ище мой супругъ да все вѣдь милой-отъ.
Мы сидѣли въ одну пору съ нимъ-то одну соль да кушали,
Росьпивали мы питья да разноличныя.
Онъ вѣдь взялъ въ стаканъ себѣ браги налилъ-то.
Не допилъ до дна да мнѣ-ка отдалъ-то:
„Допивай, ты моя все да молода жена“.
Какъ вѣдь не хотѣлось мнѣ-ка выпить-то;
Побоялась я его да не послушать-то·
Когда допила я все да изъ стакана-то,
Почувствовала въ себѣ силушку великую,
Я раздумала, что онъ меня поленицей сдѣлалъ богатырьскою.
Онъ не ѣдитъ-то вѣдь на святую Русь,
Потому что не подыметъ матушка сыра земля;
Все здѣсь, по горамъ святымъ разъѣзживатъ.

Увидавъ Илью Муромца, богатырша схватила его за „желты кудри“ и положила его въ карманъ Святогора. Когда они отправились въ дальнѣйшее странствованіе, конь сталъ жаловаться

на тяжесть ноши, так, какъ ему вмѣсто двухъ богатырей пришлось нести на себѣ троихъ. Святогоръ вынулъ Илью изъ кармана, убилъ свою жену за хитрость, а съ Ильей побратался. Странствуя съ Ильей по святымъ горамъ, онъ научилъ его всѣмъ подвигамъ богатырскимъ". Наконецъ, они наѣхали въ полѣ на желѣзный гробъ. Легъ въ этотъ гробъ Илья Муромецъ.

„Онъ малой по немъ, лежитъ, какъ маленькій ребенокъ-то".

Тогда легъ въ гробъ Святогоръ, и гробъ оказался совсѣмъ ему въ пору, а когда онъ попробовалъ изъ него выбраться, на гробу „очутилось три обруча желѣзныихъ". По просьбѣ Святогора Илья сталъ „сѣкать" эти обручи, но тутъ „у гроба кровля задвинулась", и Святогоръ понялъ, что ему здѣсь „смерть писана".

Вѣрно, этотъ гробъ изъ тучи выпалъ-то,
Подойди ты, братъ, ко мнѣ поближе-то,
Припади-тко-се къ землѣ, ко гробу-то пониже-то;
Я вѣдь дуну-ту своимъ духомъ въ тебя да богатырскимъ-то,
Ты прими-ко отъ меня да въ себя силушки.

Илья исполняетъ желаніе Святогора, и получаетъ великую силу, но когда Святогоръ приказываетъ ему вторично нагнуться къ гробу, Илья не хочетъ этого сдѣлать, говоря, что его не будетъ съ Святогоровой силой носить земля, и Святогоръ, признавшись, что хотѣлъ „дунуть мертвымъ духомъ" и убить Илью, прощается съ нимъ:

Распрощусь-то я съ тобою теперь навѣчно вѣдь.
Привяжи ты моево коня ко гробу-ту,
Потому что не совладѣть да никому будетъ;
А самъ ты поѣзжай да на святую Русь,
Ты не бойся теперь со всима теперь богатырями;
Со тѣма-то ты теперь состоишь-то вѣдь;
Не убьютъ тебя некто, некакой да изъ богатырей.
Тебѣ въ чистомъ полѣ да смерть не писана;
Ты помрешь, Илья, въ своемъ домѣ родительскомъ.

Такъ и умираетъ Святогоръ, но въ другой былинѣ его кончина описывается иначе; Святогоръ, по этому разсказу, наѣзжаетъ въ степи на маленькую сумочку переметную. „Щупаетъ онъ сумочку погонялкой—она не сдвинется, двинетъ перстомъ—не сворохнется, рукой хватитъ—не подвинется", и говоритъ онъ:

Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ.

Слѣзъ богатырь съ коня, ухватилъ сумочку обѣими руками, но не поднялъ ее выше колѣнъ,

И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ
Тутъ ему было и кончаніе.

Источники былинъ о Святогорѣ, который, несмотря на свою непомѣрную силу, не совершаетъ никакихъ героическихъ подвиговъ и не можетъ становиться въ параллель съ охарактеризованными выше общерусскими богатырями, можно указать въ книжныхъ легендарныхъ сказаніяхъ о Самсонѣ, Ааронѣ, Моисеѣ и др. библейскихъ лицахъ; мотивъ же о Святогоровой женѣ имѣется въ нѣкоторыхъ кавказскихъ сказкахъ.

Такимъ образомъ Святогоръ—богатырь сказочно-легендарный. Болѣе близкимъ къ исторіи представляется Вольга Святославичъ или Волхъ Всеславичъ: одинъ изъ главныхъ мотивовъ былинъ, къ нему относящихся, отличается чисто воинскимъ, богатырскимъ характеромъ, да и въ самой его личности можно различить черты, принадлежащія нѣкоторымъ историческимъ дѣятелямъ. Прежде всего Вольга уже по имени близокъ къ Олегу; кромѣ того, Олегъ извѣстенъ съ эпитетомъ „вѣщій", а Вольга отличается „хитростью-мудростью"; наконецъ, походъ Олега на Царьградъ составляетъ основу одной изъ былинъ о Вольгѣ. Изъ другихъ историческихъ лицъ болѣе всего подходитъ къ Вольгѣ князь Всеславъ Полоцкій: [illegible] Всеславъ виденъ въ имени Волхъ Всеславьевичъ; о Всеславѣ „Слово о полку Игоревѣ" говоритъ, какъ объ оборотнѣ, и то же свойство приписывается въ былинѣ Вольгѣ.

Первая изъ былинъ, посвященныхъ Вольгѣ, разсказываетъ въ началѣ о его рожденіи. Богатырь—сынъ змѣя и княжны Марѳы Всеславьевны. Родится онъ въ Кіевѣ при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ:

Мать сыра земля сколебалася
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.

Развивается Вольга чрезвычайно быстро: черезъ 1½ часа онъ говоритъ, „точно громъ гремитъ“, затѣмъ требуетъ, чтобы его пеленали не „въ пелену червчатую“, а въ „крѣпки латы желѣзныя“, чтобы „не поясали его въ поясы шелковые“, чтобы на голову надѣли шлемъ, чтобы дали ему палицу.

Въ десять лѣтъ Вольга научился „разнымъ хитростямъ-премудростямъ“: онъ оборачивается волкомъ, соколомъ, муравьемъ. Научившись этому, онъ въ 17 лѣтъ набираетъ себѣ „дружинушку хоробрую“. Въ это время дядя его „Владиміръ, даетъ ему три города—Гурчевецъ, Орѣховецъ и Крестьяновецъ [1]), куда онъ и отправляется за получкой дани. По дорогѣ происходитъ встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ. По другому варіанту еще до этой встрѣчи Вольга совершаетъ походъ на „Турецъ-землю“.

Обернувшись „малою птицею“, онъ летитъ въ „Турецъ-землю“ и подслушиваетъ рѣчи Салтана—царя. Царь хочетъ итти на Русь, завоевать девять городовъ и отдать ихъ царицѣ Давыдьевнѣ. Но та отговариваетъ его, при этомъ разсказываетъ свой сонъ:

Бывъ сподъ восточныя, сподъ сторонушки
Налетѣла птица, малая пташица,
А сподъ западней, сподъ сторонушки
Налетѣла птица—черный воронъ.
Слеталися они во чистомъ полѣ,
Промежду собой подиралися;
Малая то птица-пташица
Чернаго ворона повыклевала,
По перышку она повыщипала
И на вѣтеръ все повыпускала.

Царь сердится на царицу, даже бьетъ ее, не вѣритъ мрачному предзнаменованію и рѣшаетъ итти на русскую землю. Вольга, однако, предупреждаетъ его. Обернувшись горностаемъ, онъ портитъ оружіе, волкомъ онъ перегрызаетъ горла лошадей; затѣмъ опять въ видѣ „малой пташицы“ онъ улетаетъ домой, откуда скоро возвращается со своей дружиной. Обернувъ дружинниковъ въ муравьевъ, онъ проникаетъ съ ними въ Царь-градъ и одерживаетъ побѣду надъ Салтаномъ-царемъ.

---

[1]) Первые два города находятся въ Новгородской области, что и является однимъ изъ основаній предполагать Новгородское происхожденіе былины.

Другой сюжетъ — встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ. Вольга отправляется въ свои три города за получкой дани. Выѣхавъ въ поле, онъ слышитъ голосъ ратая, но приблизиться къ этому ратаю ему удалось только на третій день. Вольга вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. На вопросъ ратая, куда онъ ѣдетъ, Вольга отвѣчаетъ, что за получкой дани, и приглашаетъ его съ собой. Ратай соглашается. Когда они немного отъѣхали, ратай вспоминаетъ, что оставилъ свою сошку въ бороздѣ, и говоритъ, что надо

Сошку съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ.

Вольга посылаетъ для этого пять молодцевъ, но тѣ не могутъ вытянуть сошки. Вольга посылаетъ десять, затѣмъ всю дружину и, наконецъ, ѣдетъ самъ, но ничего не можетъ сдѣлать. Подъѣзжаетъ ратай — выдернулъ сошку одной рукой и бросилъ ее за кустъ. Въ дальнѣйшемъ пути Вольга никакъ не можетъ поспѣть за ратаемъ, „кобылка" котораго отличается замѣчательной рѣзвостью. Вольга изумленъ, а пахарь-богатырь открываетъ свое званіе:

А я ржи напашу, до во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужики меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!"

Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся съ третьимъ представителемъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей — съ богатыремъ пахаремъ. По старымъ теоріямъ, эти три богатыря служатъ олицетвореніемъ трехъ періодовъ жизни народа — кочевого, дружиннаго и земледѣльческаго: ни Святогору, ни Вольгѣ не далась земная тяга, представляемая въ былинахъ то въ видѣ сумочки переметной, то въ видѣ сошки; только земледѣльцу Микулѣ Селяниновичу она по силамъ. По новымъ изысканіямъ для Вольги у насъ есть историческія основы, а представленія о Святогорѣ и Микулѣ Селяниновичѣ заимствованы у другихъ народовъ.

Перейдемъ къ типичнымъ и несомнѣннымъ былинамъ-новелламъ. Трое изъ героевъ этихъ былинъ въ своихъ похожденіяхъ

пріурочиваются къ Кіеву, хотя В. Ѳ. Миллеръ указываетъ, что это пріуроченіе сравнительно позднѣйшее явленіе (за исключеніемъ, можетъ-быть, Дюка Степановича, связаннаго съ Галичемъ Волынскимъ, да въ нѣкоторыхъ мотивахъ и былинъ о Чурилѣ), и старины о нихъ сложились въ Новгородѣ. Эти герои—Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и Соловей Будимировичъ, которые назывались въ недавнее время „заѣзжими богатырями“, потому что въ былинахъ они представляются чужестранцами, пріѣзжающими ко двору Владиміра.

Былина изображаетъ Чурилу щеголемъ, франтомъ, обладающимъ притомъ огромнымъ богатствомъ. Благодаря этимъ своимъ качествамъ, онъ производитъ сильное впечатлѣніе на женщинъ, а въ томъ числѣ на княгиню Апраксѣевну. Эти черты иллюстрируются тѣми мотивами, которые развиваются въ былинахъ о Чурилѣ: а) столкновеніемъ Чурилы со слугами князя Владиміра, его пріѣздомъ въ Кіевъ и службой Владиміру, б) связью Чурилы съ женой Бермяты, и в) состязаніемъ Чурилы съ Дюкомъ Степановичемъ.

Во время пира къ князю Владиміру являются триста незнаемыхъ людей—избитыхъ, израненныхъ, съ разбитыми головами. Бьютъ они челомъ князю, что въ „государево займище“ наѣхали какіе-то молодцы на „латынскихъ коняхъ“, одѣтые очень нарядно и повыловили всѣхъ соболей, куницъ и лисицъ, перестрѣляли оленей и туровъ, ихъ же самихъ „избили, изранили“.

Не успѣли выйти отъ князя эти челобитчики, какъ появляются охотники рыболовные, и вслѣдъ за ними сокольники и кречетники. Они приносятъ князю такую-же жалобу, при чемъ сокольники сообщаютъ, что опустошеніе на княжескихъ поляхъ производитъ дружина Чурилова. Старый Бермята Васильевичъ разсказываетъ князю о томъ, что онъ знаетъ о Чурилѣ и его богатствахъ. Тогда князь, въ сопровожденіи Добрыни Никитича, Бермяты Васильевича и пятисотъ князей и бояръ, отправляется ко двору Чурилы Пленковича. Встрѣтилъ ихъ самъ старый Пленъ, ввелъ ихъ въ свои „свѣтлы гридни“ и разугостилъ „яствами сахарными, питьями заморскими“. Во время пира князь изъ окошечка видитъ въ полѣ толпу. Онъ думаетъ, что ѣдетъ, вѣроятно, король изъ орды, либо грозенъ посолъ. Но старый Пленъ успокаиваетъ князя и говоритъ ему, что это ѣдетъ не король изъ орды и не посолъ, а его сынъ, Чурило, съ своей храброй дружиной. Князь успокоился; всѣ ѣдятъ, потѣшаются,—всѣ уже

безъ памяти сидятъ. Вотъ подъѣзжаетъ и Чурило со своими молодцами.

„Предъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица“.

Чурило пріѣзжаетъ „на свой окольный дворъ“. Онъ беретъ изъ подваловъ глубокихъ разныя драгоцѣнности и подноситъ ихъ Владиміру. Обрадованный богатыми дарами, князь беретъ Чурилу къ себѣ на службу.

Далѣе мы узнаемъ, какъ Чурило Пленковичъ понравился княгинѣ Апраксѣевнѣ. Любуясь красотой Чурилы, княгиня за столомъ порѣзала себѣ руку и оправдывается тѣмъ, что у нея „помѣшался разумъ во буйной головѣ, помутилися очи ясныя“. То же говорится въ Коранѣ о египетскихъ женахъ и Іосифѣ: „онъ отвергъ любовь жены Пентефрія; ея навѣты на него оказались ложными, а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду; возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: „Пойди и покажись имъ“. Когда увидѣли онѣ его, то восхитились его красотой“. „Это не смертное существо, а достойный почитанія ангелъ“, сказали онѣ и порѣзали себѣ руки... Въ еврейскомъ апокрифѣ прямо сказано, что женамъ были предложены апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ руки.

За свое легкомысленное поведеніе Чурило несетъ кару. Этотъ мотивъ развивается въ былинѣ о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ: въ то время, какъ благочестивый Пермята (Бермята) молится въ церкви, Чурило приходитъ къ его женѣ, Катеринѣ; услыхавъ объ измѣнѣ жены, Бермята спѣшитъ домой и убиваетъ сперва жену, а потомъ и Чурилу.

Третій мотивъ былинъ о Чурилѣ, состязаніе въ щегольствѣ, связываетъ его съ Дюкомъ Степановичемъ, который также отличается богатствомъ и красотой. Дюкъ Степановичъ заѣзжій богатырь изъ славнаго богатаго Волынь города, хотя былина добавляетъ, что онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ посмотрѣть на богатство и богатырей князя Владиміра. Онъ поспѣлъ къ „ранніи обѣдни воскресныя“ и направился въ церковь. Когда онъ является къ князю, Владиміръ спрашиваетъ его, изъ какой онъ земли и какихъ родителей. Дюкъ рекомендуется молодымъ бояриномъ изъ Индіи богатой. Чурило Пленковичъ, недовольный и явленіемъ конкурента, старается очернить его въ глазахъ князя и говоритъ

Владиміру, что это не молодой бояринъ, а „халупа господская" или „голь кабацкая", и пріѣхалъ къ князю потому, что ему ѣсть нечего.

Дюкъ Степановичъ объясняетъ свой пріѣздъ желаніемъ посмотрѣть „красы и убожество" города, Господу Богу помолиться, потому что у него

„Хлѣба-соли дома водится,
Золота казна не тощится",

что его, наконецъ, послалъ братецъ крестный — старый казакъ Илья-Муромецъ. Въ Кіевѣ Дюкъ во всемъ находитъ недостатки: и на улицахъ грязно, и на пиру ему не нравятся напитки и калачики. Въ Индіи богатой, по его словамъ, ничего подобнаго нѣтъ: и калачики, и напитки такіе сладкіе, что никогда не надоѣдаютъ.

Мало того, цвѣтныя платьица не изнашиваются, кони не выѣзживаются, и въ двѣнадцати погребахъ глубокихъ насыпано много злата, серебра и мелкаго скатнаго жемчуга. Не по сердцу были всѣ эти рѣчи Чурилѣ Пленковичу, вызывается онъ „перещапить" Дюка. Но Владимиръ, чтобы провѣрить гостя нахвальщика, рѣшается послать въ Индѣюшку „оцѣнщиковъ". Послѣдніе встрѣчаютъ въ домѣ Дюка какую-то женщину, которую они принимаютъ за честную вдову Настасью Васильевну, мать Дюка; но она оказывается „рукомойницей": встрѣчаютъ другую, и эта—не матушка Дюка, а его „портомойница"; встрѣчаютъ третью „стольницу" и, наконецъ, уже видятъ самое честну вдову, которой оцѣнщики объясняютъ цѣль своего пріѣзда, и которая угощаетъ ихъ пиромъ. Затѣмъ оцѣнщики приступаютъ къ исполненію своей задачи. Три года и три дня описывали они сбрую лошадиную и все-таки всю описать не могли и вообще они увидѣли, что не въ состояніи выполнить такой колоссальной задачи, и съ этимъ возвратились въ Кіевъ. Они даютъ такой совѣтъ князю:

Продай-ка свой стольно Кіевъ градъ
На эти, на бумаги (на гербовыя),
Да на чернила-перья продай еще Черниговъ-градъ,
Тогда можно Дюково имѣнье описать.

Это невѣроятное богатство Дюка напоминаетъ легендарное преданіе о несмѣтныхъ богатствахъ Индіи. Слѣды вліянія этой легенды на нашу былину очевидны. Дюкъ изъ Индіи, онъ невѣ-

роятно богатъ; по легендѣ, послы изъ Царьграда, посланные для оцѣнки и описанія индійскихъ богатствъ, нашли послѣднія настолько огромными, что, по ихъ мнѣнію, не достало бы средствъ для покупки бумаги и чернилъ.

Трудно такого богача „перещапить": несмотря на это, Чурило дѣлаетъ попытку перещапить Дюка сначала костюмомъ, а потомъ конемъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ эта попытка не удалась: Дюкъ перещеголялъ своими необыкновенными пуговицами, а когда Чурилѣ на конѣ пришлось „скачить черезъ быстру рѣку", онъ упалъ среди рѣки, и Дюкъ долженъ былъ вытащить его изъ воды за желты кудри.

Третій богатырь этой группы — Соловей Будимировичъ. Былина о немъ интересна по запѣву, которымъ она начинается, и котораго мы не встрѣчаемъ въ другихъ былинахъ. Вотъ этотъ запѣвъ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Соловей Будимировичъ появляется изъ славнаго города Леденца, т. е., вѣроятно, изъ Исландіи (ледяной земли), изъ-за моря Вирянскаго, изъ царства Заморскаго на тридцати корабляхъ. Изъ кораблей особеннымъ убранствомъ отличается одинъ, на которомъ ѣдетъ самъ богатырь.

У того, было, сокола, у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные и т. д.

Корабли приближаются къ Кіеву. Соловей Будимировичъ раздумываетъ, чѣмъ бы ему одарить князя кіевскаго съ княгиней и, по совѣту спутниковъ, рѣшаетъ князю поднести черныхъ соболей и бурнастыхъ лисицъ, а княгинѣ „камку бѣло-хрущатую".

Не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича.

Во дворцѣ богатырь ведетъ себя такъ, что очаровываетъ всѣхъ; всѣмъ полюбился онъ, и князь предлагаетъ ему остаться въ Кіевѣ.

Соловей Будимировичъ проситъ князя только „загонъ земли непаханной" для того, чтобы выстроить на немъ „снаряденъ дворъ" для племянницы князя Запавы Путятишны. Князь исполняетъ желаніе гостя. Скоро, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, были выстроены дружиной Соловья „терема златоверховаты":

Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.

Проснулась Запава Путятишна, видитъ изъ окошечка чудный теремъ и хочетъ посмотрѣть его. Подходитъ къ первому терему: „щелчитъ, молчитъ" въ теремѣ; лежитъ здѣсь казна Будимирова. Во второмъ теремѣ, слышитъ, потихоньку говорятъ: это матушка Соловья молитву творитъ съ честными вдовами. Въ третьемъ теремѣ Запава слышитъ чудную музыку. Поразилась она богатствомъ и убранствомъ этого терема, да такъ, что „подломилися ея ноженьки рѣзвыя". Соловей подхватилъ ее за „бѣлыя руки" и говоритъ:

Чего-де ты Запава, испугалася:
Мы де оба на возрастѣ.
— А и я-де дѣвица на выданьѣ.
Пришла-де сама за тебя свататься.
Тутъ они и помолвили.

Однако въ нѣкоторыхъ варіантахъ конецъ не столь благополученъ: поступокъ Запавы (сама сваталась) разочаровалъ въ ней Соловья, который отказывается отъ ея руки и уѣзжаетъ въ Кіевъ.

Къ тому же отдѣлу былинъ-новеллъ, что и былины объ этихъ „заѣзжихъ богатыряхъ", относятся и былины, дѣйствующими лицами въ которыхъ представляются новгородцы, Василій Буслаевъ и Садко, богатый гость. Эти былины, какъ уже мы указывали выше, могутъ быть связаны съ нѣкоторыми западно-европейскими сказаніями, но помимо этого литературнаго вліянія, онѣ представляютъ большой интересъ, какъ вѣрное отраженіе давней

новгородской внутренней жизни. Въ нихъ поэтически воспроизведены два крупныхъ явленія исторіи новгородской республики: съ одной стороны, рисуется богатство вольнаго торговаго города, а съ другой—предпріимчивый духъ знаменитыхъ новгородскихъ повольниковъ, расширявшихъ господство Новгорода, но въ то же время своимъ буйствомъ, безудержемъ приходившихся въ тягость мирнымъ его жителямъ.

Былины о Садкѣ заключаютъ въ себѣ три сюжета: 1) о томъ, какъ Садко разбогатѣлъ, 2) о его состязаніи въ богатствѣ съ новгородцами и 3) сказочный сюжетъ о пребываніи Садка у морского царя. Иногда эти сюжеты передаются въ отдѣльныхъ былинахъ, но чаще они переплетаются и являются въ видѣ цѣльнаго разсказа, особаго склада повѣсти.

Садко, по былинѣ, былъ сначала очень бѣднымъ человѣкомъ, и добывалъ себѣ пропитаніе игрою на своихъ „гуселькахъ яровчатыхъ“. Съ этими гусельками Садко ходилъ по „почестнымъ пирамъ“, увеселялъ гуляющихъ людей и получалъ извѣстное вознагражденіе за свое искусство. Однако случилось такъ, что работа остановилась: гусляра никто не приглашаетъ потѣшить гостей, и Садко закручинился. Въ горѣ пошелъ онъ на берегъ Ильмень-озера, присѣлъ на бѣлъ горючь камень и заигралъ на гусляхъ. Вдругъ совершенно неожиданно вода въ озерѣ всколебалась отъ игры Садка. Возвратился онъ въ Новгородъ, и опять никто его не приглашаетъ. Снова пошелъ Садко къ Ильменю, и послѣ этого нѣтъ ему удачи. Пошелъ онъ къ озеру въ третій разъ: на этотъ разъ, наконецъ, является морской царь и спрашиваетъ у Садка, чѣмъ бы онъ могъ наградить его за его „игру нѣжную“. Царь совѣтуетъ ему идти и биться объ закладъ съ новгородцами, что есть-де въ Ильмень-озерѣ рыба золотыя перья: онъ обѣщаетъ дать Садку три рыбки золотыя, которыя принесутъ ему съ собой счастья. Садко поступаетъ такъ, какъ совѣтуетъ ему царь морской, разбогатѣлъ и построилъ себѣ богатыя палаты.

Устроивъ у себя пиръ для мужиковъ и настоятелей новгородскихъ, Садко похвастался, что на свою безсчетную казну можетъ скупить въ Новгородѣ всѣ товары. Услышавъ это, Новгородцы ударились съ Садко о великъ закладъ. На слѣдующій день рано утромъ Садко съ своей дружиной скупилъ новгородскіе товары. Но на другой день товаровъ оказалось въ Новгородѣ вдвое больше прежняго, и все-таки у Садка хватило денегъ на ихъ покупку. А когда на третій день подоспѣли въ Новгородъ

товары московскіе, такъ что ихъ здѣсь оказалось втрое больше, чѣмъ въ первый день, то призадумался Садко;

> Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,
> Побогаче меня славный Новгородъ.

И отдалъ онъ денегъ настоятелямъ тридцать тысячъ.

На свою безсчетную казну настроилъ Садко тридцать кораблей,—такъ начинается третій сюжетъ въ былинѣ о Садкѣ,—и отправился на нихъ по обычному новгородскому торговому пути, по Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ по сине море, въ золоту орду, какъ говорится въ былинѣ, хотя, конечно, этотъ путь велъ совсѣмъ въ другую сторону. Въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ болѣе поздняго измѣненія текста пѣсни о широкихъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода, который торговалъ и съ Западомъ и съ Золотой Ордой, но уже забыли, какой путь велъ въ Орду. Возвращаясь послѣ удачнаго торга, Садко попадаетъ въ бурю и догадывается, что морской царь требуетъ жертвы, „живой головы". По жребію выпало самому Садку итти въ сине море. Оставивъ себѣ только гусельки, спустился онъ на дубовой дощечкѣ на воду и полетѣли кораблики по синему морю, какъ черные вороны. Садко заснулъ на дощечкѣ, а проснулся уже на самомъ днѣ моря. И увидѣлъ онъ палаты бѣлокаменныя, а въ нихъ и самого морского царя, который требуетъ отъ Садка, чтобы поигралъ ему на гусельках. Подъ вліяніемъ игры Садка морской царь приходитъ въ радостно-игривое настроеніе и начинаетъ плясать, вслѣдствіе чего на морѣ поднимается сильная буря: тонутъ корабли, гибнутъ люди. Сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому. Тогда Садку приказываетъ какой-то старикъ „сѣдатый" прекратить игру. Садко отказывается исполнить, такъ какъ играетъ не по своей волѣ. Старикъ научаетъ его испортить гусельки: струночки повырвать, шпенечки повыломать. Садко такъ и сдѣлалъ и прекратилъ игру. Царь послѣ этого предложилъ ему жениться въ синемъ морѣ. По совѣту старика, онъ выбралъ себѣ дѣвушку-черновушку... Проснулся Садко въ Новгородѣ, гдѣ его встрѣчаютъ дружина и жена. И зажилъ снова въ Новгородѣ Садко и не сталъ онъ больше ѣздить по синю морю. А Миколѣ Можайскому онъ „состроилъ церкву соборную".

Вторымъ, чисто новгородскимъ по происхожденію, богатыремъ является Василій Буслаевичъ, съ именемъ котораго связаны два сюжета: первый—его новгородскія похожденія, второй—его

поѣздка на богомолье въ Іерусалимъ и смерть. И тотъ, и другой сюжеты, какъ мы упоминали, даютъ возможность сблизить новгородскаго богатыря съ героемъ западныхъ сказаній—Робертомъ Дьяволомъ, норманскимъ герцогомъ, прославившимся своей удалью и звѣрствомъ. Робертъ—сынъ дьявола, и потому его рожденіе обставлено такими же подробностями (рожденіе отъ стариковъ), что и Василія Буслаева. Подобно Василію Буслаевичу, Робертъ подъ конецъ жизни раскаялся и отправился въ Святую землю замаливать грѣхи. Смерть обоихъ героевъ одинакова.

Сказанія о сынѣ черта могли проникнуть къ намъ черезъ Новгородъ, при этомъ въ Новгородѣ они обрусѣли, обрусѣли настолько сильно, что обстановка въ былинахъ вполнѣ новгородская, начиная съ отдѣльныхъ лицъ и бытовыхъ чертъ и оканчивая общимъ характеромъ, напоминающимъ характеръ новгородской вольницы. Переходъ сказаній о Робертѣ Дьяволѣ былъ тѣмъ возможнѣе, что у насъ существовали подобные удальцы, составлявшіе отдѣльный классъ—это новгородскіе ушкуйники, повольники. Типы въ родѣ Василія Буслаевича—обычные типы Новгорода. Однако всѣми этими соображеніями, какъ указываетъ акад. Ждановъ, „не устраняется возможность и другого предположенія. Легендарные элементы, изъ которыхъ сложилось сказаніе о грѣшномъ удальцѣ, представляютъ общее достояніе средневѣковой литературы. Они такъ же были извѣстны на христіанскомъ Востокѣ, какъ и на христіанскомъ Западѣ. На Востокѣ-же въ области греческой, византійской литературы могла сложиться и та комбинація легендарныхъ элементовъ, которую находимъ въ сказаніи, давшемъ основу для саги о Робертѣ и для новгородской былины". Такимъ образомъ возможно предположить не перенесеніе сказанія, а сложеніе былины на основаніи общаго источника.

Содержаніе былинъ о Василіи Буслаевичѣ таково: отецъ его, Буслай, жилъ въ Новгородѣ до 90 лѣтъ.

..... Жилъ, не перечился,
Съ мужиками новгородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.

По смерти онъ оставилъ свое имѣніе женѣ Мамелфѣ Тимофеевнѣ и „милому чаду Василію". Послѣдній развивается очень быстро. Семи лѣтъ мать отдаетъ его учиться грамотѣ (грамотность въ то время—черта преимущественно новгородская).

А грамота ему въ наукъ пошла.

Такъ же легко дается Василію письмо и церковное пѣніе. Подрости,

> Повадился Васька Буславичъ
> Со пьяницы, съ безумницы
> Съ веселыми, удалыми, добрыми молодцы.

Въ этой компаніи Василій отличается такимъ буйствомъ, что мужики новгородскіе обращаются къ Амелфѣ (Мамелфѣ) Тимоѳеевнѣ съ просьбой унять его. Та журитъ и бранитъ сына, но „журьба Васькѣ не взлюбилася“, и онъ рѣшаетъ собрать себѣ дружину для борьбы съ Новгородомъ. И зоветъ онъ къ себѣ на дворъ всѣхъ,

> Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго.

Приходятъ къ нему всякіе люди: Костя Новоторженинъ, два брата, Лука и Моисей, дѣти боярскіе, мужики Залѣшане, семь братьевъ Сбродовичей и др. Но прежде, чѣмъ принять пришедшихъ въ свою дружину, онъ испытываетъ ихъ силу; для этого бьетъ каждаго по головѣ червленымъ вязомъ, вѣсомъ въ 12 пудовъ. Выдержавшему эти удары Василій и предлагаетъ свое побратимство.

Буйство Василія съ этой дружиной становится еще сильнѣе. Услышалъ онъ, что у новгородцевъ „канунъ варенъ, пива ячныя“, и захотѣлъ присоединиться къ празднику. Его приняли. На пиру всѣ перепились. Василій бросается на царевъ кабакъ и напивается со своей дружиной (здѣсь анахронизмъ—царевы кабаки появились гораздо позже времени существованія вольницы). Начинается драка. Василій хочетъ разнять дерущихся.

> А одинъ дуракъ зашелъ съ носка,
> Его по уху оплелъ.

Рассердился молодецъ и бросился со своей дружиной на новгородцевъ. Онъ обѣщаетъ драться со всѣмъ городомъ и бьется о закладъ на 3000 рублей. Написали договоръ и начали бой. Побѣда оказалась на сторонѣ Василія. Тогда новгородцы идутъ съ хорошими подарками къ Амелфѣ и просятъ ее унять „свое чадо милое“. Послѣдняя посылаетъ для этого дѣвушку-чернавушку, которая приводитъ Василія къ матери, а она сажаетъ его „въ погреба глубокіе“.

Между тѣмъ дружина его продолжаетъ начатый бой, но не можетъ устоять противъ цѣлаго города и обращается за помощью къ дѣвушкѣ-чернавушкѣ, которая, перебивъ „коромысломъ кипарисовымъ многихъ мужиковъ новгородскихъ, освобождаетъ Василія. Онъ хватаетъ „ось желѣзную“ и идетъ на помощь дружинѣ. По дорогѣ онъ убиваетъ старчища-пилигримища, своего крестнаго отца, который упрекалъ его за буйство.

Съ освобожденіемъ Васьки, его дружина одолѣваетъ новгородцевъ, и только личное вмѣшательство Амелфы Тимоѳеевны кладетъ конецъ безчинству, при чемъ, однако, расходившійся Василій чуть не убилъ свою мать.

Помирившись съ новгородцами, Василій не совсѣмъ оставилъ свои потѣхи и иногда продолжалъ буйствовать. Наконецъ, это ему надоѣло, и онъ рѣшилъ, что нужно замолить грѣхи. И проситъ онъ благословенія у матери на путешествіе въ Святую землю. На это мать отвѣчаетъ:

...... Коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Дамъ тебѣ благословенье великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
И не носи Василья сыра-земля.

Снаряжается въ дорогу Василій и „бѣжитъ по озеру Ильменю“. Навстрѣчу ему идутъ гости корабельщики, которыхъ богатырь разспрашиваетъ о прямомъ пути во Святую землю. Тѣ отвѣчаютъ, что прямымъ путемъ итти 7 недѣль, а окольной дорогой—полгора года. На прямомъ пути, по словамъ корабельщиковъ, стоитъ застава крѣпкая, стоятъ атаманы казачіи..... грабятъ бусы галеры“. „А не вѣрю я ни въ сонъ, ни въ чохъ“, отвѣтилъ Василій и поѣхалъ прямымъ путемъ. На горѣ Сорочинской нашелъ онъ пустую голову и пнулъ ее съ дороги прочь. На это голова провѣщила ему: „гдѣ лежитъ пустая голова, лежать будетъ головѣ Васильевой“.

Пробѣжали они дальше по морю Каспійскому „за заставу корабельную“. Соскочилъ Василій на берегъ, червленымъ вязомъ подпирается; разбойники перепугалися и разбѣжались съ пристани. Василій взялъ отъ нихъ предложенные подарки и провожатаго и поѣхалъ дальше.

Придя въ Іерусалимъ, онъ служитъ обѣдни, панихиды за свое благочестіе. Объясняется тѣмъ, что смолоду много было

граблено, подъ старость надо грѣхи замаливать. Затѣмъ, несмотря на прежнее предостереженіе и на уговоры дѣвицъ-портомойницъ, купается въ Іорданъ-рѣкѣ „нагимъ тѣломъ" и расплатившись съ попами, дьяконами, отправляется въ обратный путь. На горѣ Сорочинской онъ опять пнулъ пустую голову, и та повторила старую угрозу. На горѣ стоялъ высокій камень съ надписью слѣдующаго содержанія:

А кто-де у камня станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломитъ будетъ буйну голову.

Василій не повѣритъ надписи и началъ прыгать черезъ камень: перепрыгнувъ благополучно поперекъ камня, онъ попробовалъ скакнуть вдоль, но зацѣпился ногой и ушибся до смерти. Дружина похоронила его возлѣ пустой головы и отправилась въ Новгородъ сообщить Амелфѣ Тимофеевнѣ о смерти сына. Амелфа одарила дружинниковъ, раздавъ золоту казну на поминъ души Василія:

И пошли добры молодцы,
Кому куда хотѣлося.

Таковы важнѣйшіе представители обѣихъ группъ русскаго былевого эпоса какъ героической, такъ и бытовой.

Отъ этихъ ихъ характеристикъ мы обратимся къ формѣ нашего былевого эпоса, при чемъ остановимся только на такихъ ея особенностяхъ, которыя даютъ возможность до извѣстной степени опредѣлить, кто были слагатели былинъ, и какая среда ихъ сохранила.

Въ былинахъ обыкновенно отмѣчается слѣдующее построеніе: сперва *зачинъ*, который часто состоитъ изъ двухъ частей, собственно зачина и предшествующей ему *прибаутки*, затѣмъ слѣдуетъ самое изложеніе, самая старина, а кончается былина *славой* или прибауткой. Характеренъ зачинъ съ прибауткой въ одной изъ былинъ о Добрынѣ и Алешѣ:

Изъ-подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго латыря камени,
Тутъ повыникла, повыгнула, повыбѣжала.

Выбѣгала-вылегала матка Волга рѣка,
Широка матка—Волга подъ Казань прошла.
Пошире того подъ Вастракань.
Она много матка—Волга въ собѣ рѣкъ побрала.
Побольше того она ручьевъ пожрала,
Давала плеса она Далинскіе,
А горы-долы Сорочинскіе,
А мѣсто-то шла она три тысячи,
А выпала Волга въ море Черное,
Да устьевъ пустила ровно семьдесятъ,
Широкъ перевозъ да подъ Новымъ градомъ
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это братцы прибауточка.
Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошелъ.
Во стольнемъ-то городѣ во Кіевѣ и т. д

Какъ видно изъ этого зачина, прибаутка не имѣетъ отношенія къ содержанію былины. „Это,—говоритъ В. Ѳ. Миллеръ,—такъ сказать, прелюдія, которая должна сосредоточить вниманіе слушателей, настроить его извѣстнымъ образомъ. Такъ піанистъ пробѣгаетъ по клавишамъ рояли, гусляръ—по струнамъ гуслей раньше, чѣмъ приступить къ пьесѣ. Въ прибауткѣ намѣчается въ широкихъ размахахъ картина природы—въ данномъ случаѣ великое теченіе Волги. Конечно, этотъ искусственный артистическій пріемъ долженъ былъ выработаться не въ кругу случайныхъ сказителей, а въ кружкѣ артистовъ, мастеровъ по профессіи, какими могли быть скоморохи, и какими до сихъ поръ могутъ быть названы олонецкіе и всякіе другіе русскіе калики. Дѣйствительно, прибаутка артистовъ, занесенная въ простонародную среду, должна была пострадать въ частностяхъ: такъ, олонецкій крестьянинъ могъ пустить Волгу въ Черное море, чего не могъ сдѣлать скоморохъ, человѣкъ бывалый, и тотъ-же олонецкій сказитель могъ не кстати приплести детали изъ другихъ прелюдій. „Леванидовъ крестъ и латырь камень“.

Прибаутки весьма разнообразны, но въ большинствѣ отличаются шутливымъ характеромъ, напримѣръ:

Нашему хозяину честь бы была
Намъ бы ребятамъ ведро пива было,
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребяты, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте и т. д.

Эта прибаутка показываетъ, что старины исполнялись пѣвцами во время пировъ, а такими застольными пѣвцами—профессіоналами были скоморохи.

Что касается собственно зачина, то его цѣль свести слушателей въ самое происшествіе, изображаемое былиною, при чемъ средствомъ является указаніе времени или мѣста дѣйствія, какъ, напримѣръ, за приведенной выше прибауткою, по указанію самого пѣвца, слѣдуетъ зачина:

Во стольномъ-то городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя, у Владиміра.....

Иногда зачинъ, содержа географическое указаніе, соединяется со сравненіемъ:

Изъ-за моря, моря синяго
Изъ славнаго Волынца, красна Голичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ.
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ вынархивалъ,
Выѣзжалъ удача-добрый молодецъ........

Или:

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-Городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василія Буслаевича.... ..

Заканчиваются былины такъ называемымъ исходомъ, въ которомъ прибаутка соединяется со славою богатырю, какъ напримѣръ:

Только той Соловнику славы поютъ,
А Ильюши-то слава не минуется—
Оныньѣ-то вѣкъ по вѣку поютъ его, Ильюшеньку.

Иногда бываетъ одна прибаутка:

Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ.
Синему морю на тишину
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье

Или:

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утишеніе,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря
А и добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

Упоминанье веселыхъ молодцевъ въ послѣднемъ стихѣ можетъ служить основаніемъ къ утвержденію о профессіонально-скоморошескомъ сложеніи былины.

Профессіональность пѣвцовъ подтверждается и строеніемъ главной части былины, въ которой видно присутствіе многихъ установившихся шаблонныхъ пріемовъ, вырабатывавшихся средой пѣвцовъ-профессіоналовъ. Нѣкоторые изъ этихъ шаблонныхъ пріемовъ встрѣчаются во всѣхъ произведеніяхъ народной поэзіи: таковы постоянные эпитеты, тавтологія и сравненіе.

Изъ эпитетовъ чаще всего встрѣчаются: Владиміръ Красное Солнышко, могучіе русскіе богатыри, раздольице чисто поле, душа красна, гнѣдой туръ золотые рога, матера вдова, кудри желтые, коса русая, почестенъ пиръ, яства сахарныя, питья медвяныя, пиво пьяное, зелено вино и др. Иногда шаблонность эпитетовъ приводитъ къ тому, что они употребляются совсѣмъ не кстати, напр., когда татаринъ называетъ своего же татарскаго Калина-царя собакой, а другого татарина называетъ поганымъ, или когда новгородцы, жалуясь Амелфѣ Тимофеевнѣ на Ваську Буслаева, говорятъ: „уйми ты свое чадо милое", или же когда, описавъ коварный поступокъ Королевичны въ отношеніи Ильи Муромца, былина къ ней примѣняетъ ласковое опредѣленіе: душечка красна дѣвица.

Тавтологія выражается въ соединеніи двухъ или нѣсколькихъ словъ одного корня: „суды судить, ряды рядивалъ", „святой святынѣ поклонитися", „чудо-чудное, диво-дивное", „думу думать". Другой видъ тавтологіи состоитъ въ соединеніи словъ, близкихъ по значенію: родъ-племя, конь лошадь добрая, а не мало дѣло, то великое, путь-дороженька, ковыль-трава. Цѣль такихъ тавтологическихъ выраженій—вызвать болѣе сильное впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, при описаніи осады Чернигова величина вражескаго войска лучше всего характеризуется усиленной тавтологіей: „нагнано-то силушки черныимъ черно, ай черныимъ черно, какъ черна ворона".

Сравненія бываютъ положительныя и отрицательныя. Вотъ примѣры положительныхъ сравненій:

1) Голова-то у Идолища, какъ пивной котелъ.
Уши у его, какъ тарелочки....
2) Ужъ какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ,
Сестра то ли плачетъ, какъ ручьи кипятъ,
Жена плачетъ, какъ роса падетъ.
3) Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ перебѣжалъ.
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ.

Изъ отрицательныхъ сравненій приведемъ такіе примѣры:

1) Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ.
2) Что не трубонька вострубила,
Не сиповочка возгласила:
Возговоритъ Владиміръ, князь стольно-кіевскій.

Къ числу шаблонныхъ пріемовъ, свойственныхъ самымъ былинамъ, слѣдуетъ отнести такъ называемыя эпическія общія мѣста, т. е. повторяющіяся постоянно описанія какихъ нибудь дѣйствій. Когда богатырь отправляется въ походъ, въ былинѣ почти всегда подробно описываются его сборы, особенно сѣдланье коня, какъ напримѣръ:

Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водою бѣлешенько,
Подкрутился да вѣдь хорошохонько.
Онъ пошелъ въ конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь коня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣдельшико черкасское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкасское сѣдельшико.
Онъ накладывалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для-ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,

А шпеньки-то были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ, не старѣетъ.

Такимъ же общимъ мѣстомъ является описаніе похвальбы на пирахъ:

Да какъ день отъ идетъ до ко вечеру,
Ныньче солнышко катится ко западу,
А да почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Еще всѣ на пиру сидятъ пьяны-то, веселы,
Еще всѣ же на пиру да принрасхвастались:
А какъ богатой-отъ хвастаетъ да золотой казной,
А какъ наѣздникъ—отъ хвастаетъ добрымъ-то конемъ,
А богатырь-отъ хвасталъ да могучей силой,
Еще глупой—отъ хвасталъ да молодой-то женой,
А неразумной—отъ хвасталъ да онъ родной сестрой,
Еще умной—отъ хвастаетъ старой матерью

Общими мѣстами нужно считать и такъ называемыя эпическія числа: богатырь пьетъ „чару въ полтора ведра", составляетъ себѣ дружинушку, въ которой „тридцать молодцевъ безъ единаго", а онъ „во тридцатыихъ"; Илья Муромецъ сидnемъ сидитъ тридцать лѣтъ и три года; богатыри бьются съ врагами три дни, три часа и три минуточки".

Наконецъ, шаблоннымъ пріемомъ, отчасти общимъ былинамъ съ другими произведеніями народной поэзіи, надо считать огромную массу всякихъ повтореній, которыя объясняются или стремленіемъ усилить впечатлѣніе, или требованіемъ напѣва или размѣра пѣсни. Къ первому разряду относится повтореніе, близкое къ тавтологіи: „прямой дорожкой, не окольноей", „а и холостъ хожу, не женатъ гуляю" „безъ бою, безъ драки, кровопролитія", „завѣщалъ завѣты тѣ великіе", „мурава трава зеленая". Во второй разрядъ входятъ повторенія предлоговъ („Кто бы намъ сказалъ про старое, про бывалое—про тово Илью про Муромца", „ко тому ли ко кресту къ Леванидову", „на ту бѣду на великую) или повтореніе словъ предшествующаго стиха, такъ называемая палиллогія:

Пришла къ нему въ кабакъ вѣсточка скорая,
Скорая вѣсточка, невеселая.....

Или:

Калика эта старая,
Эта старая калика, да сѣдатая.
Сѣдатая калика, да плѣшатая.

Главнымъ образомъ былинамъ, а также отчасти нѣкоторымъ другимъ видамъ народнаго эпоса, свойственъ особый видъ повтореній, называемый *ретардаціей*, т. е. замедленіемъ, выражающійся въ повтореніи въ былинѣ однихъ и тѣхъ же словъ и картинъ, иногда довольно обширныхъ рѣчей. Напримѣръ, въ былинѣ о боѣ съ Жидовиномъ имѣется такая картина:

Поѣзжаетъ (Добрыня) на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ черпизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ,
Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
На всю нашу братію наборную?

Весь приведенный отрывокъ повторяетъ самъ Добрыня, вернувшись на заставу богатырскую, а затѣмъ тѣ же слова повторяются, когда выѣзжаетъ Илья Муромецъ.

Бываетъ даже, что при ретардаціи повтореніе ничѣмъ не отдѣлено отъ повторяемаго, какъ напримѣръ, въ былинѣ о женитьбѣ Добрыни имѣется слѣдующая ретардація:

Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годомъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣлыхъ три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля,
И день-то за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ, какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки друго три года.

Такого рода повтореніе при ретардаціи, придавая извѣстную медлительность разсказу, усиливаетъ впечатлѣніе эпически-спокойнаго тона былины.

Историческія пѣсни.

Историческія пѣсни, какъ уже выше отмѣчено, въ народѣ не различаются отъ былинъ и наравнѣ съ ними носятъ названіе старинъ или старинокъ, а терминъ „историческая пѣсня" былъ принятъ въ наукѣ, чтобы отдѣлить отъ былинъ такія эпическія пѣсни, которыя тѣснѣе примыкаютъ къ нѣкоторымъ вполнѣ опредѣленнымъ событіямъ. Если и въ былинахъ отражается иногда исторія, то подобное отраженіе относится не къ единичнымъ фактамъ, а къ крупнымъ историческимъ явленіямъ, характеризующимъ болѣе или менѣе продолжительные періоды народной жизни: такъ, напримѣръ, объясняя исторически былину о борьбѣ Ильи Муромца съ жидовиномъ, нельзя указать на какой-нибудь отдѣльный эпизодъ, который послужилъ ей основаніемъ, и можно утверждать, что въ ней отразилась борьба древней Руси со степными кочевниками, тянувшаяся не одно столѣтіе. Въ исторической пѣснѣ почти всегда проглядываетъ именно какое-нибудь отдѣльное событіе, какъ напримѣръ, взятіе Казани или Азова, или же характеризуется опредѣленная историческая личность: Іоаннъ Грозный, Скопинъ-Шуйскій, Петръ Великій, Суворовъ и т. д., хотя слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что почти всегда въ исторической пѣснѣ замѣчается уклоненіе отъ документальной точности изображенія лица или событія, и пѣсня отличается стремленіемъ придать извѣстное освѣщеніе тому, о чемъ она повѣствуетъ. Такъ, напримѣръ, въ пѣсняхъ объ Іоаннѣ Грозномъ, при разныхъ историческихъ неточностяхъ, ярко проявляется идея о борьбѣ царя за установленіе самодержавія, или въ новѣйшей пѣснѣ объ Императорѣ Александрѣ II представленіе о злодѣяхъ „князьяхъ-боярахъ", будто бы покушавшихся на его жизнь, объясняется ходившими въ народѣ толками о противодѣйствіи реформамъ Царя-Освободителя со стороны крѣпостниковъ, при чемъ вѣрнымъ сотрудникомъ государя былъ „Костя", т. е. великій князь Константинъ Николаевичъ.

Историческія пѣсни, вѣроятно, существовали и въ очень отдаленныя времена: такъ можно думать, основываясь на показаніяхъ „Слова о полку Игоревѣ", которое упоминаетъ о Боянѣ, воспѣвавшемъ подвиги старыхъ князей, Ярослава, Мстислава, Романа; кромѣ того, Кириллъ Туровскій говоритъ о пѣснотворцахъ, которые „украшаютъ словесы рати, и ополченія, славяще, похвалами вѣнчаются". Но эти древнія пѣсни, если не считать самаго

„Слова о полку Игоревѣ" тоже исторической пѣснею, до насъ не дошли, и первые историческіе отзвуки въ народной пѣснѣ относятся къ монгольскому нашествію. Самое появленіе татаръ отразилось въ пѣснѣ о „Камскомъ побоищѣ", подъ которымъ можно видѣть воспоминаніе о битвѣ на Калкѣ, а также въ пѣснѣ объ осадѣ Кіева Батыемъ съ несмѣтною силою, хотя въ этой пѣснѣ Кіевъ спасенъ отъ нашествія какимъ-то пьяницею-богатыремъ, избивающимъ войско Батыя. Къ этой же татарской порѣ относится пѣсня о Михайлѣ Казариновѣ, который, исполняя приказаніе князя Владиміра настрѣлять бѣлыхъ лебедей, выѣзжаетъ въ поле и видитъ три бѣлыхъ шатра; въ нихъ сидятъ три татарина, а передъ ними ходитъ „красна дѣвица", оказывающаяся его сестрою; она сообщаетъ Михайлѣ любопытныя подробности о томъ, какъ она попала въ плѣнъ:

Я вечоръ гуляла во зеленомъ саду
Со своею сударынею матушкой.
Какъ издалеча, изъ чистаго поля
Какъ черны вороны поналетывали,
Набѣгали тутъ три татарина-наѣздника.
Полонили меня, красну дѣвицу,
Повезли меня въ чисто поле,
А я тѣмъ татарамъ доставалася
Тремъ собакамъ-наѣздникамъ.

Въ одной изъ пѣсенъ татарской поры представляются въ плѣну мать и дочь. Послѣдняя взята была татарами еще въ раннемъ дѣтствѣ, выросла въ плѣну, вышла замужъ за татарина и не узнаетъ своей матери, тоже взятой въ плѣнъ, и мать-рабыня, качая своего внука, поетъ:

Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученокъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь.
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята.
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.

Къ татарской же эпохѣ относится пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, въ которой отразилось событіе, происшедшее въ 1327 г. въ Твери, когда выведенные изъ себя притѣсненіями посланнаго ханомъ Узбекомъ нѣкоего Шевкала Дуденева, тверичи возмутились и убили баскака. Въ пѣснѣ изображенъ ханъ или царь Азвякъ Таврульевичъ, который „суды разсуживаетъ и ряды разряживаетъ, и назначаетъ своихъ мурзъ въ разные русскіе города

Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахромѣя къ Костромѣ.

Остается безъ удѣла любимый Азвяковъ шуринъ, Щелканъ Дудентьевичъ, который уже раньше отличился въ Литвѣ при сборѣ дани:

Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ.
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Чтобы наградить Щелкана, Азвякъ дастъ ему „старую Тверь“, въ которой онъ распоряжается такъ же, какъ и въ Литвѣ. Тверичи жалуются на притѣснителя своимъ князьямъ Борисовичамъ, а они идутъ къ Щелкану съ подарками и просятъ болѣе мягкаго обращенія, но

Втапоры младъ Щелканъ зачванился,
Зачванился онъ, да загордился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ ему смерть случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

Наконецъ, изъ пѣсенъ, относящихся къ татарскому нашествію, весьма любопытною представляется пѣсня „о царѣ Бахметѣ и Авдотьѣ Рязаночкѣ". Бахметъ захватилъ въ плѣнъ множество народу и въ томъ числѣ брата, мужа и свекра Авдотьи. Она рѣшается итти въ турецкую землю выкупать своихъ близкихъ. Съ великими трудностями она добралась до Бахмета, а онъ предлагаетъ ей выбрать одного, кто ей всѣхъ нужнѣе. Авдотья разсуждаетъ такъ:

А въ Казани-то была женка не послѣдняя,
Не послѣдняя я была, женка первая.
А замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ.
Свекра стану звать батюшкомъ;
Прживу я сына любезнаго,
Такъ у меня и сынъ будетъ,
Приживу я дочку любезную,
Вспою-вскормлю, замужъ отдамъ,
Такъ у меня и зять будетъ.
Не видать мнѣ буде единыя головушки,
Мнѣ милаго братца, родимаго,
Да не видать вѣкъ да и по вѣку.

Просьба Авдотьи отдать ей брата растрогала Бахмета, вспомнившаго своего брата, который погибъ „въ походѣ на Рязань"; онъ позволяетъ Авдотьѣ взять „полону, сколько надобно", и она уводитъ съ собой всѣхъ русскихъ плѣнниковъ.

Послѣ татарщины яркое отраженіе въ историческихъ пѣсняхъ нашла себѣ эпоха Іоанна Грознаго. Особенно важное значеніе въ это царствованіе имѣло взятіе Казани, и народная пѣсня нѣсколько даже его преувеличиваетъ, связывая съ этимъ событіемъ основаніе Московскаго царства:

И въ это время князь воцарился
И насѣлъ на Московское царство,
Что тогда де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Жестокость Іоанна, проявляющаяся и въ этой пѣснѣ казнью невинныхъ пушкарей, запечатлѣлась въ памяти народной, особенно его поступокъ съ сыномъ, котораго онъ убилъ, хотя пѣсня въ подробностяхъ и отступаетъ отъ исторіи. На пиру, когда всѣ порасхвастались, Іоаннъ говоритъ:

Есть и мнѣ, царю, теперь похвастати:
Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы.

На эту похвальбу царевичъ Иванъ Ивановичъ указываетъ, что царь измѣны не уничтожилъ, и она даже къ нему очень близка, а затѣмъ на гнѣвный вопросъ Ивана обвиняетъ въ измѣнѣ своего брата, царевича Ѳеодора:

Когда-жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
А я-то ѣхалъ да по другому,
А братецъ мой ѣхалъ по середочкѣ.
Мы съ тобой, государь, да все ѣхали,
Мы все казнили, да все вѣшали,
А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ
Напередъ пословъ поразсылалъ,
Чтобы удалые да поразбѣгались,
А которые по ковыль-траву да разваляпись,
А которые при домахъ оставались,
Теперича измѣна вся повыстала.

Царь приказываетъ казнить Ѳедора, и Малюта Скуратовъ везетъ царевича на болото, мѣсто казни. За горячо любимаго сына вступается царица Авдотья Романовна, посылающая на мѣсто казни своего брата Никиту Романовича, который и спасаетъ царевича. Царь, думая, что его сынъ уже казненъ, надѣваетъ траурную одежду и ѣдетъ къ заутренѣ, а между тѣмъ

Тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ,
Одѣлъ онъ на себя платье цвѣтное самолучшее,
Поѣхалъ къ ранней заутренѣ.

Царь, изумленный такимъ страннымъ поведеніемъ Никиты Романовича, не соотвѣтствующимъ придворному этикету, упрекаетъ его и жалуется на свое положеніе:

И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ:
Какъ по ворахъ было по разбойникахъ,

По разбойникахъ, по ворахъ есть заступщики,
По моемъ рожапомъ по дитяткѣ,
По томъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
По немъ не было никакой заступушки.

Узнавъ отъ Никиты о спасеніи сына, царь „цѣлуетъ его въ уста сахарныя“ и предлагаетъ ему разныя награды, но Никита Романовичъ отказывается отъ богатыхъ подарковъ, отъ селъ, городовъ и золотой казны, и проситъ у царя:

А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
Что хоть съ петли уйди,
Хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Только ушелъ бы въ Микитину вотчину,
Того добраго молодца да Богъ проститъ.

Несмотря на искаженіе многихъ подробностей событія (царь, какъ извѣстно, убилъ царевича Іоанна, а Ѳеодора казнить не приказывалъ), пѣсня эта цѣнна потому, что вполнѣ исторически правильно воспроизводитъ порывистые переходы Іоанна Грознаго отъ гнѣва къ покаянію и его болѣзненное исканіе измѣны, а также и потому, что отразила въ себѣ отношеніе народа къ опричнинѣ въ лицѣ Малюты Скуратова и симпатію къ Романову, какъ защитнику угнетенныхъ и гонимыхъ, а также и къ его сестрѣ, царицѣ Анастасіи, симпатію, перенесенную на новую династію, воцарившуюся послѣ Смутнаго времени.

Смута начала XVII вѣка, отразившаяся, какъ уже сказано, на характерѣ нѣкоторыхъ былинъ, дала матеріалъ и для нѣсколькихъ историческихъ пѣсенъ. Первый самозванецъ, „воръ-собака“ Гришка Отрепьевъ изображается въ нихъ, какъ отступникъ отъ православія: онъ справляетъ свою свадьбу съ Маринкой „лиходѣйкой“ въ Филиппов̂ъ постъ и самъ учитъ Марину не молиться святымъ „чудотворцамъ, не поклоняться честнымъ иконамъ; когда всѣ князья и бояре пошли къ заутренѣ, Гришка Травушкинъ со своей Маринкою въ „мыльню“ идетъ. Такъ какъ пѣсня, вѣроятно, сложилась подъ вліяніемъ партіи Василія Шуйскаго, то въ концѣ ея находится прославленіе этого царя:

Образумился народъ московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя.

Сыскали настоящаго царя Василія Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучать и казнить,
Мучили, казнили, буйну голову съ плечъ срубили.

Впечатлѣнія раздиравшей государство смуты были настолько сильны, что пѣсни слагались непосредственно послѣ событій, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ были записаны въ 1619—20 г.г. для пріѣзжавшаго въ Москву англичанина Ричарда Джемса, и благодаря этому обстоятельству мы имѣемъ рѣдкіе образцы пѣсенъ XVII вѣка въ ихъ первоначальной формѣ. Изъ записей Джемса особенно интересенъ „Плачъ Ксеніи Годуновой", отличающійся сильнымъ и красивымъ выраженіемъ чувства и запечатлѣвшій народную симпатію къ этой кроткой, трагически погибшей царевнѣ. Весьма характерно уже самое построеніе этой пѣсни: она распадается на двѣ части, и въ этомъ дѣленіи мы находимъ прекрасный примѣръ отличительнаго явленія народной поэзіи, такъ называемаго параллелизма или противопоставленія человѣческой жизни тому, что совершается въ окружающей природѣ. Въ данной пѣснѣ плачъ царевны сопоставляется съ горемъ „бѣлой перепелки", тоскующей передъ бѣдой, которая грозитъ ей и ея птенцамъ. Эта параллель съ птицей создалась въ силу поэтическаго преданія и можетъ быть отмѣчена уже въ „Словѣ о полку Игоревѣ", въ знаменитомъ плачѣ Ярославны, которая собирается „полетѣть зегзицею" (кукушкой). Послѣ этой параллели, составляющей какъ бы вступленіе въ пѣсню, мы находимъ уже самый плачъ царевны Ксеніи: она говоритъ объ ожидающей ее бѣдѣ, о приближеніи къ Москвѣ „измѣнника Гришки Отрепьева разстриги", который хочетъ ее постричь, и вполнѣ искренне ея молодая, жизнерадостная натура возстаетъ противъ насильственнаго заточенія въ монастырь, при чемъ Ксенія естественно вспоминаетъ свое недавнее царское житье:

Ино мнѣ постричися не хочется,
Чернеческаго чину не сдержати;
Отворити будетъ темная келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрѣти.
Ино охъ! милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы,

А кому будетъ въ васъ да сидѣти
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

Скорбное чувство является основой и другой пѣсни, записанной для Джемса и составленной по поводу неожиданной кончины популярнаго героя Смутнаго времени, князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Событіе это сильно поразило Москвичей, и они „расплакались“, жалуясь: „тепере наши головы загибли“; бояре же „Мстиславской князь, Воротынской“, которыхъ обвиняли въ убійствѣ Скопина, напротивъ, усмѣхаются и говорятъ:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру мать землю ушибся.

Уже къ царствованію Михаила Ѳеодоровича, вступленіемъ котораго на престолъ завершилась смута въ Московскомъ государствѣ, относятся двѣ другія историческія пѣсни, записанныя для Джемса: „Въѣздъ патріарха Филарета въ Москву“ и „Набѣгъ крымскихъ татаръ“. Изъ нихъ въ особенности первая представляется интересною въ томъ отношеніи, что появилась на свѣтъ и была записана непосредственно послѣ изображаемаго въ ней событія, такъ какъ встрѣча патріарха Филарета состоялась въ іюнѣ 1619 г.; несмотря, однако, на такую близость къ событію, пѣсни отличаются чисто-эпическимъ характеромъ, нисколько не отражаютъ въ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя переживались очевидцами и участниками этихъ событій.

Къ эпохѣ царя Алексѣя Михайловича относится историческая пѣсня, неправильно называемая „пѣснею о земскомъ соборѣ“, такъ какъ въ сущности въ ней изображается не земскій соборъ, а совѣщаніе царя съ боярами. Царь испытываетъ великое затрудненіе по вопросу о томъ, какъ поступить ему съ городомъ Смоленцемъ, признается, что ему „дума думать—не продумать“, и потому спрашиваетъ мнѣнія бояръ, отдать ли Смоленскъ Литвѣ, или нѣтъ. Бояре, князья Казанскій и Хованскій, находя, что „Смоленецъ городъ не крѣпкій“, что въ немъ „золотой казны немножко“ и что онъ „не московское строеньице, литовское“, совѣтуютъ отдать его Литвѣ. Всѣ ихъ доводы опровергаетъ бояринъ Милославскій, и царь велитъ казнить первыхъ бояръ, а Милославскаго назначаетъ въ Смоленскъ воеводой.

Эта пѣсня имѣетъ мало историческаго значенія, и гораздо важнѣе пѣсни той же эпохи, касающіяся Степьки Разина, въ которыхъ можно видѣть отраженіе надеждъ и стремленій, волновавшихъ казачество и крестьянскую голытьбу въ XVII вѣкѣ. Личность Разина настолько идеализирована, что ей придапы прямо сверхъестественныя черты: никакія опасности для него не существуютъ, онъ не гибнетъ ни отъ огня, ни отъ оружія; попавъ въ тюрьму, онъ изъ нея выходитъ до крайности легко, нарисовавши на стѣнѣ углемъ лодку, которая чудесно обращается въ настоящую, и вмѣстѣ съ товарищами выплываетъ на Волгу. Онъ представляется защитникомъ народа отъ „господъ", врагомъ тѣхъ порядковъ, которыми стѣснялась недавняя „воля" казаковъ, другомъ именно самой обездоленной голытьбы:

У насъ это было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимофеевичъ!
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ,
Ходитъ, гулятъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думатъ крѣпку думушку съ голытьбою:
Сударп мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять.
Разобьемъ, братцы, басурманскій корабль,
Возьмемъ мы казны, сколько надобно.

При такой идеализаціи вполнѣ естественно, что извѣстіе о смерти Разина производитъ сильное смущеніе на Дону:

Помутился славный тихій Донъ,
Отъ Черкасска до Черна-Яра!
Помѣшался весь казацкій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванью Степьки Разина!

И сообразно съ этимъ отношеніемъ, въ другой пѣснѣ представляется завѣщаніе Разина о томъ, какъ его слѣдуетъ похоронить:

Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую.

Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему-ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается.
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ
Стенька Разинъ, Тимоѳеевъ по прозванію.

Хотя въ пѣснѣ Разинъ самъ себя называетъ оффиціальною кличкою вора, но ясно, что его воромъ не считаютъ, а признаютъ, напротивъ, удалымъ добрымъ молодцемъ и ставятъ очень высоко. То же отношеніе перенесено и на сообщниковъ Разина, которые гордятся своимъ положеніемъ, рѣшительно требуютъ почета, говоря:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловъ его все помощнички;
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

Историческія пѣсни, относящіяся къ эпохѣ Петра Великаго, несмотря на свою многочисленность, почти совсѣмъ не коснулись его главнаго дѣла—совершенныхъ имъ преобразованій, отмѣтивъ лишь отдѣльные факты его жизни и нѣкоторыя привлекавшія народное сочувствіе черты его характера. Въ личности великаго императора особенно обращала на себя вниманіе народа та черта, которая поразила Пушкина,—его необыкновенная, самоотверженная работа на благо Россіи. Пушкинъ назвалъ Петра Великаго „вѣчнымъ работникомъ на тронѣ", и съ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ совпадаетъ мнѣніе, высказанное Олонецкимъ крестьяниномъ, что Петръ „даромъ хлѣба не ѣлъ, все самъ дѣлалъ". Какъ работникъ, царь въ пѣсняхъ представляется необыкновенно простымъ: онъ переодѣвается плотникомъ, работаетъ вмѣстѣ съ другими плотниками и даже женится на вдовѣ прекрасной Екатеринѣ Алексѣевнѣ, которая въ плотничьей артели была стряпухою, и только въ день свадьбы, когда священникъ отказывался вѣнчать его изъ-за вьюги и непогоды, царь открывается, давши священнику много золота:

Ты бери, бери, да кольки дано тутъ,
Обвѣнчай ты только царя бѣлаго,
Царя бѣлаго, меня, хоть Петра Перваго,

Петра Перваго меня да Алексѣевича!
Скидавалъ-то онъ свое-то платье плотниковъ;
Да увидѣли тогда-то, што тутъ бѣлый царь,
Еще попъ-отъ вѣдь тутъ да испугался тутъ
За свои-то вѣдь онъ да за грубы рѣчи;
Екатерина Алексѣевна-да чуть въ умѣ стоитъ,
Чуть въ умѣ она стоитъ, да изъ глазъ слези льетъ,
Подломились-то у ей да ножки рѣзвыя,
Пріупали у ей да ручки бѣлыя.
Еще тутъ они да повѣнчалися.

Та же своеобразная простота отношеній Петра представляется въ пѣснѣ о томъ, какъ „царь борется съ драгуномъ". На приглашеніе царя „поборотися" всѣ его приближенные „князья—бояре испужалися, по платушкамъ разбѣжалися", и выступилъ только „молодой драгунъ лѣтъ пятнадцати". Царь ему обѣщаетъ:

Когда поборешь ты меня, молодой драгунъ,—милую тебя;
А я поборю, казнить буду тебя.

Драгунъ побѣждаетъ и за это получаетъ награду.

Сочувствіемъ, можетъ быть, именно къ этой простотѣ и трудолюбію Великаго Преобразователя объясняется и мягкое отношеніе историческихъ пѣсенъ къ такимъ дѣйствіямъ царя, въ которыхъ проявлялась его жестокость къ противникамъ его дѣла. Таковъ, напримѣръ, взглядъ пѣсни на дѣло царевича Алексѣя Петровича. Царя какіе-то „премудрые люди" предупреждаютъ, что царевичъ, который въ пѣснѣ называется Ѳеодоромъ, будетъ врагомъ его дѣла:

Онъ вѣдь сдѣлаетъ-то тебѣ, вѣдь, измѣнушку,
Онъ измѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣрѣ.
Онъ вѣдь будетъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будетъ вѣру богомольную—
Богомольную хранить вѣрушку спасенную!

И, дѣйствительно, царевичъ возстаетъ противъ вѣры „папиной" и „дѣдовой" и убѣждаетъ отца вернуться къ вѣрѣ „прадѣдка", въ чемъ мы можемъ видѣть отголосокъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на Алексѣя Петровича старообрядцами. Царь за это держитъ его въ темницѣ „трои сутки", а когда эта мѣра не дѣйствуетъ, хочетъ зарубить сына саблей, несмотря на просьбы

„царицы Королевичны“. Однако онъ не убиваетъ царевича, а тотъ умираетъ отъ испуга, и этимъ характерно смягчены дѣйствительныя отношенія Петра къ сыну.

Столь же характернымъ представляется и смягченіе дѣйствительности въ изображеніи пѣснями участи стрѣлецкаго войска. Причины гнѣва царя на стрѣльцовъ совсѣмъ не указываются въ пѣснѣ *). Прежде царь „любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ“, теперь-же онъ „хочетъ стрѣльцовъ казнить—вѣшати“; однако, несмотря на эту безпричинность гнѣва, въ пѣсняхъ нѣтъ ни одного слова осужденія царю, хотя къ стрѣльцамъ и проявляется симпатія, напримѣръ, въ слѣдующей грустной картинѣ, которою начинается одна изъ этихъ пѣсенъ:

Дотолева зеленъ-садъ зеленъ стоялъ
А нынче зеленъ-садъ присохъ-приблекъ,
Присохъ-приблекъ, къ землѣ прилегъ,
Пріуныли во садочкѣ вольны пташечки,
Всѣ горькія кукушечки.

Къ той же группѣ пѣсенъ, касающихся стрѣлецкой смуты, принадлежатъ пѣсни, изображающія судьбу князя Василія Голицына, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Голицынъ пользуется милостями Петра, а въ тѣхъ, гдѣ онъ соотвѣтственно исторіи представленъ сторонникомъ „царевны-матушки Софіи Алексѣевны“, ему приписывается лестная роль защитника людей обездоленныхъ, такъ что онъ обращается къ царю даже съ упрекомъ

Ты зачѣмъ, государь-царь, чернь-атъ разоряешь?
Ты зачѣмъ большихъ господъ сподобляешь?

Жизнь Петра представляется съ самаго его рожденія. Въ пѣснѣ, вѣроятно, сложенной вскорѣ послѣ этого событія, разсказывается, какъ радовался царь Алексѣй Михайловичъ, какъ на пиру у царя „весь народъ Божій“, „князья и бояре“ въ веселіи и радости не видали, какъ дни прошли. Плотники для новорожденнаго царевича „всю ночь колыбель, люльку дѣлали“, а „нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки“ вышивали ему шириночку.

*) Впрочемъ въ одной пѣснѣ указывается причина: стрѣлецкаго атамана казнятъ „за измѣну противъ царскаго величества“, и, несмотря на уговоры родныхъ, онъ „царю не покоряется“.

Послѣ стрѣлецкой смуты пѣсни останавливаются на разныхъ эпизодахъ великой сѣверной войны, характеризуютъ Шереметева, Меньшикова, а изъ шведскихъ генераловъ упоминаютъ „Шлильнебахта и Левенопта“, т. е. Шлиппенбаха и Левенгаупта. Поэтическое достоинство этихъ пѣсенъ, вѣроятно, возникшихъ въ солдатской средѣ, очень невысоко, и весьма неожиданнымъ представляется въ одной изъ нихъ вступленіе, напоминающее очень близко картину битвы въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

При край было синяго моря,
При усть было тихаго Дунаю
Тутъ распахана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими копьями,
Поливана была пашня
Тою ли христіанскою кровью.

Изъ упомянутыхъ сподвижниковъ Петра сочувствіемъ пользуется Шереметевъ, Меньшикова же въ одной пѣснѣ казаки „бранятъ, клянутъ“, говоря:

Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное.

Такое отношеніе къ Меньшикову объясняется и дѣйствительнымъ его лихоимствомъ, а также и тѣмъ, что пѣсня эта сложилась въ казацкой средѣ, вообще враждебно относившейся къ новымъ порядкамъ. Солдатскія пѣсни, напротивъ, всегда проникнуты сочувствіемъ къ новому строю, создавшему регулярную армію; вполнѣ естественно, что кончина Петра особенно оплакивалась именно арміей, въ которой сложился характерный „плачъ“, представляющій собою сочетаніе народнаго причитанія въ старинномъ духѣ съ новымъ солдатскимъ стилемъ пѣсни.

Наконецъ, изъ той же эпохи слѣдуетъ отмѣтить особенно враждебныя Петру пѣсни старообрядческія, въ которыхъ его реформы изображаются, какъ дѣло антихриста.

Пришло времячко гонимо,
Народился злой антихристъ,
Въ сію землю онъ вселился,
На весь міръ вооружился.

Стали его волю творити,
Усы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити,
Трепроклятую траву (т. е. табакъ) пити.

Послѣ Петровской эпохи историческая пѣсня приходитъ совсѣмъ въ упадокъ: политическая жизнь новой имперіи, созданной Петромъ, была чужда народу, оторванному отъ высшихъ классовъ, принявшихъ европейскій обликъ, и событія этой новой исторіи отражаются только въ пѣсняхъ солдатскихъ, весьма невысокаго поэтическаго достоинства. Творчество казацкой вольной голытьбы исчезаетъ, такъ какъ и самая голытьба уничтожается укрѣпившимся государственнымъ порядкомъ; а что касается стиховъ „старообрядческихъ", то они больше лирическіе и слагаются подъ сильнымъ книжнымъ вліяніемъ. Совершенно падаетъ историческая пѣсня уже въ XIX вѣкѣ, когда даже 1812 годъ, ознаменованный борьбою съ Наполеономъ, не вызвалъ ничего, кромѣ самыхъ безвкусныхъ, блѣдныхъ солдатскихъ произведеній, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей пѣсни:

Во Двѣнадцатомъ году
Объявилъ французъ войну,
Объявилъ французъ войну
Въ славномъ городѣ въ Данскомъ
(Данцигѣ).
Мы подъ Данскоемъ стояли......
Много нужды принимали,
Все приказа ожидали.
Мы дождалися приказу
Во семомъ часу ночи:
Закричали всѣмъ во фрунтъ.
Повелитель съ нами былъ
Самъ царевичь Констангинъ.

Особнякомъ въ ряду историческихъ пѣсенъ стоятъ весьма любопытныя украинскія „думы", которыя были извѣстны еще въ XVI вѣкѣ, какъ это видно изъ свидѣтельства одного польскаго историка, сообщающаго, что у южноруссовъ печальнымъ тономъ поются „элегіи, которыя они называютъ думами". Эти пѣсни распѣвались до недавняго времени подъ аккомпаниментъ кобзы или бандуры и сочинялись частью казаками, частью же, „старцами", т. е. нищими, которые ихъ пѣніемъ добывали себѣ милостыню; существенною особенностью формы думъ является рифма, для которой иногда даже нарушаются грамматическія правила; размѣръ стиха обыкновенно свободный, такъ что въ одной и той же думѣ чередуются стихи разной длины, какъ напримѣръ:

Ти дитя молоде (6 слоговъ)
Разумомъ не дійшло

У походахъ не бувало,
Крови христіанської не видало (10 слоговъ)

или

Бо дався мені гетьманъ Хмелницкій гараздъ
добре знати (16 сл.)
У первій войни (5 сл.)
На жовтій води.

По содержанію своему думы являются отраженіемъ борьбы казачества съ одной стороны съ татарами и турками, а съ другой—съ поляками, въ болѣе же позднихъ думахъ отразились явленія внутренней жизни казачества, особенно притѣсненія голытьбы богатыми и сильными людьми. Наибольшій интересъ представляютъ думы древнія, относящіяся къ XVI в. и характеризующія тягости борьбы казаковъ съ татарами и турками. Конечно, сила турокъ одолѣвала казаковъ, и думы поютъ больше всего о турецкой или татарской неволѣ, о плѣнѣ, изъ котораго казаки ищутъ спасенія.

Въ основѣ нѣкоторыхъ изъ думъ лежатъ опредѣленные историческіе факты, и думами характеризуются опредѣленныя личности, такъ что подобныя думы ближе всего подходятъ къ историческимъ пѣснямъ. Такова, напримѣръ, дума о Байдѣ. Казакъ Байда гуляетъ на рынкѣ въ Царьградѣ и получаетъ предложеніе отъ султана перейти въ магометанство, за что будетъ сдѣланъ папомъ и женится на султанской дочери; онъ отказывается перейти въ „проклятую вѣру“ и жениться на „поганой дочкѣ султана“. Султанъ приказываетъ повѣсить его на крюкѣ за ребро, но Байда твердъ и черезъ нѣсколько дней, получивъ отъ товарища джуры лукъ, убиваетъ султана. Въ лицѣ этого Байды (т. е. гуляки) можно видѣть князя Дмитрія Вишневецкаго, который былъ казненъ въ Царьградѣ самымъ жестокимъ способомъ: турки его сбросили со стѣны, и онъ, падая, повисъ на желѣзномъ крюкѣ; вися такимъ образомъ три дня, онъ смѣялся надъ Магометомъ, пока не былъ убитъ турками изъ луковъ.

Также съ историческимъ лицомъ мы встрѣчаемся въ думѣ о побѣгѣ Самойла Кошки изъ турецкаго плѣна. Кошка былъ гетмановымъ атаманомъ въ Запорожьѣ и, вѣроятно, былъ въ плѣну, но изъ исторіи неизвѣстно, какъ онъ вернулся. Дума опоэтизировала его плѣнъ и освобожденіе. Онъ томится съ другими невольниками на турецкой галерѣ, которой командуетъ жестокій Алкань-паша. Притворно отрекшись отъ православной вѣры, Кошка напаиваетъ

своихъ сторожей турокъ, избиваетъ ихъ и завладѣваетъ галерой, на которой отправляется въ Сѣчь. Запорожцы, видя турецкое судно, стрѣляютъ въ него, и оно уже тонетъ. но Кошка выставляетъ казацкое знамя и съ радостью принимается запорожцами, съ которыми дѣлитъ турецкое золото: часть жертвуютъ въ монастыри, церкви, остальное же пропиваютъ, прославляя Кошку **„гетмана запорожскаго“:**

Слава не вмре, не поляже,
Буде слава славна
Поміж казаками
Поміж друзями,
Поміж рыцарями
Поміж добрыми молодцами!

Исторически-бытовая основа, какъ въ пѣснѣ объ Авдотьѣ Рязаночкѣ, можетъ быть предположена въ думѣ о Марусь Богуславкѣ. Исторія намъ не даетъ матеріалу, чтобы опредѣленно сказать, была ли дѣйствительно такая женщина, какъ изображаемая въ думѣ Маруся, но дума характеризуетъ очень правдоподобно душевное состояніе русской женщины у турокъ, ея сочувствіе къ плѣннымъ землякамъ и тоску по родинѣ, куда ей нѣтъ возврата. Поповна Маруся Богуславка попала въ плѣнъ, вышла замужъ за султана, полюбила его и перешла въ мусульманство, потурчилась „для роскоши турецкой, для лакомства несчастнаго“. Однако, она не забыла Украины и въ великую субботу приходитъ въ темницу, гдѣ заключены казаки, приноситъ ключи, чтобы ихъ освободить. Съ грустью она прощается съ освобожденными плѣнниками, зная, что ей не суждено вернуться на родину.

На ясны горі,
На тихі воды,
У край веселий
У мир хрещеный.

Она проситъ казаковъ передать ея роднымъ, чтобы они не собирали денегъ на ея выкупъ, такъ какъ она побасурманилась и на родину итти не можетъ. Пѣсня полна драматизма, изображая столкновеніе въ душѣ Маруси противоположныхъ чувствъ: любви къ родинѣ и любви къ султану, женою котораго она стала.

На такой же исторически-бытовой основѣ построена и дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Три брата бѣжали изъ плѣна: двое ѣдутъ на коняхъ, а третій еле поспѣваетъ за ними пѣшій. Взять его на коня они не могутъ, потому что онъ задерживаетъ ихъ и подвергаетъ опасности быть пойманными. По его просьбѣ они бросаютъ за собой куски платья, чтобы по нимъ онъ могъ находить путь, но онъ измучился и падаетъ. Перемогаясь, онъ

„приближается къ Савуръ-могилѣ, всходитъ на нее, тамъ безопасно отдыхаетъ въ девятый день бѣгства и ждетъ дождя небеснаго. Сбѣгаются волки, слетаются орлы, хотятъ его растерзать, и онъ молитъ: Волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые, обождите хоть немного, пока казацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черныя очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами". На десятый день онъ умираетъ, звѣри терзаютъ его тѣло, и кукушки оплакиваютъ его кончину:

Сиві зозулі напітали,
У головках сідалі
І так як рідны сестры куковалі.

На исторической основѣ возникаетъ особый разрядъ бытовыхъ пѣсенъ, которыя называются часто *низшими эпическими* и относятся къ пѣснямъ историческимъ такъ же, какъ былины-новеллы относятся къ былинамъ богатырскимъ. Часто такія пѣсни представляютъ собою видоизмѣненіе старой былины или пѣсни исторической: такъ, напримѣръ, подобное измѣненіе былины мы можемъ видѣть въ постепенномъ превращеніи былины о богатырѣ Дунаѣ и Настасьѣ Королевичнѣ въ пѣснѣ о Ванькѣ-ключникѣ и княгинѣ Волконской и далѣе о помѣщичьей дочери и холопѣ дворовомъ, имена которыхъ не упоминаются; такимъ же образомъ первоначально, вѣроятно, историческая пѣсня о князѣ Романѣ, убившемъ жену за измѣну, превращается въ пѣсню безъ именъ о наказаніи мужемъ жены за измѣну.

Апокрифы.

Мы уже упоминали, что нѣкоторые заговоры возникли подъ вліяніемъ апокрифовъ, что иногда въ былинахъ замѣчается такое же вліяніе... Но что же представляютъ собою самые апокрифы? Остановимся теперь на этомъ вопросѣ.

Апокрифическими, по-гречески, или по-русски тайными, скрытыми называются такія сочиненія, которыя повѣствуютъ о библейскихъ лицахъ и ихъ событіяхъ, но во многомъ отступаютъ отъ Библіи, дополняя ее различными вымышленными подробностями. Возникли подобныя произведенія вслѣдствіе сильнаго желанія уяснить себѣ многое, что казалось недоговореннымъ или недостаточно опредѣленно раскрытымъ въ Св. Писаніи, такъ какъ есть большое число лицъ и событій, о которыхъ Св. Писа-

ніе сообщаетъ очень краткія свѣдѣнія, иногда упоминая о нихъ какъ бы вскользь, мимоходомъ. Уже самыя первыя страницы священной исторіи, казалось, нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ: и о сотвореніи человѣка, и о его грѣхопаденіи и объ изгнаніи изъ рая, а въ особенности о жизни Адама и Евы послѣ этого изгнанія хотѣлось имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія. Объ Енохѣ изъ Библіи было извѣстно только то, что онъ за свою праведность былъ взятъ на небо живымъ; Мельхиседекъ, царь солимскій, благословившій Авраама и признаваемый церковью прообразомъ Спасителя, появляется въ Св. Писаніи въ одномъ лишь эпизодѣ, только упоминается, при чемъ остаются неизвѣстными ни предшествующая его жизнь, ни дальнѣйшая судьба; о царѣ Соломонѣ разсказанъ въ книгѣ Царствъ интереснѣйшій случай, характеризующій его мудрость, т.-е. извѣстное рѣшеніе спора двухъ женщинъ изъ-за ребенка, котораго каждая изъ нихъ хотѣла себѣ присвоить,—и представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, что мудрость Соломона обнаруживалась не въ одномъ этомъ случаѣ; но къ искреннему сожалѣнію любопытныхъ и благочестивыхъ читателей такое предположеніе не оправдывалось текстомъ Св. Писанія, которое ничего не говоритъ о другихъ проявленіяхъ необыкновенной мудрости царя. Ветхій Завѣтъ вообще даетъ не мало подобныхъ примѣровъ какъ бы неполноты повѣствованія, и эту кажущуюся неполноту уже съ древнихъ временъ стараются устранить евреи въ различныхъ сказаніяхъ, часто отличающихся поэтическими чертами. Еще болѣе подобныхъ поэтическихъ подробностей являлось въ разныхъ пророческихъ сказаніяхъ о грядущей судьбѣ міра и людей, сказаніяхъ, долженствовавшихъ развить нѣкоторыя мысли, раскрытыя въ библейскихъ пророчествахъ. Широко распространялись всѣ такія сочиненія у древнихъ іудеевъ, но не меньшее развитіе и распространеніе получили они и у христіанъ въ первые вѣка утвержденія новой религіи.

События новозавѣтной исторіи давали также мало матеріала для возникновенія апокрифическихъ сказаній. Евангеліе и апостольскія книги въ той же степени, какъ и ветхозавѣтныя книги, возбуждали пытливую любознательность первыхъ христіанъ, и мы видимъ, что уже очень рано являются сочиненія, стремящіяся дополнить разсказъ каноническихъ книгъ. Не вполнѣ ясно представлялась исторія самого Божественнаго Основателя новой религіи, не было, напримѣръ, ничего почти извѣстно о Его дѣтствѣ и о жизни до 30-лѣтняго возраста, и, по свидѣтельству самихъ апо-

столовъ, въ I вѣкъ по Р. Х. ходило много разсказовъ о Христѣ, между прочимъ, неправильныхъ: здѣсь и былъ безъ сомнѣнія первый легендарный источникъ апокрифическихъ новозавѣтныхъ сказаній. По новымъ изслѣдованіямъ, кромѣ четырехъ каноническихъ, существовало болѣе тридцати евангелій апокрифическихъ: извѣстныя по упоминаніямъ у церковныхъ писателей, они большею частью не дошли до насъ или еще не найдены,—сохранилось однако семь апокрифическихъ евангелій. Такимъ предметомъ благочестивыхъ повѣствованій, изъ которыхъ возникли апокрифы, служили факты изъ жизни апостоловъ, мучениковъ и другихъ праведниковъ: данныя, сообщаемыя каноническими книгами, казались скудными и усиленно дополнялись легендарнымъ преданіемъ. Наконецъ, особенное любопытство возбуждалось грядущей судьбой міра; какъ рядомъ съ ветхозавѣтными пророческими книгами возникали апокрифы о будущемъ царствѣ Мессіи, такъ и рядомъ съ Апокалипсисомъ апостола Іоанна появилось нѣсколько апокрифическихъ откровеній, рисовавшихъ второе пришествіе Христово и рядъ бѣдствій отъ антихриста, который долженъ явиться передъ страшнымъ судомъ, при чемъ антихристъ въ этихъ сказаніяхъ иногда уподобляется тому страшному исполину Армиллію, который рисуется въ іудейскихъ апокрифахъ.

Церковь запрещала апокрифическія сочиненія, такъ какъ они своимъ содержаніемъ не сходились съ тѣмъ, что было въ каноническихъ книгахъ, и такъ какъ этими сказаніями часто для своихъ цѣлей пользовались разные еретики; а между тѣмъ къ этимъ сочиненіямъ иногда прибавлялись анонимными авторами наставленія, смущавшія простыхъ людей и внушавшія особенное уваженіе къ апокрифамъ. Такъ, въ одномъ апокрифѣ отъ имени Іисуса Христа говорится: „А вы же вся помнайте ихъ, а сами на грѣшники не впадайте, сами слышите: небо и земля мимо идетъ, а словеса моя не мимо идутъ. И умитите писаніе мое, вы, попы и діаконы, игумены и діячки и причетники церковные, кажите сіе писаніе христіанамъ и души ихъ утверждайте, дабы покаялися, яко словесемъ моимъ кто слушати не станетъ мужъ, или жена, или старъ, или попъ или діаконъ, черноризцы,—да будутъ преданы негасимому огню вѣчному. А кто слушаетъ словесъ моихъ и писаніе мое чтитъ, то будетъ со мною въ раю, веселящеся по всякъ день. Или кто станетъ читать сіе писаніе предъ христіаны—и душѣ спасеніе, а тѣлу здравіе и отпущеніе грѣховъ“. Понятно, что при интересѣ содержанія и при подоб-

ныхъ подтвержденіяхъ ихъ авторитетности апокрифическія сказанія, приходившія къ намъ изъ южно-славянскихъ земель или при посредствѣ паломниковъ заносившіяся изъ Палестины и другихъ святыхъ мѣстъ, получали весьма широкое распространеніе и могли оказывать сильное вліяніе на литературу и устную словесность.

Разсмотримъ нѣсколько образцовъ апокрифическихъ сказаній.

О сотвореніи человѣка разсказывается такъ: Богъ создалъ человѣка въ землѣ мадіамской, взявши отъ восьми частей: отъ земли—тѣло, отъ камня—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ свѣта—свѣтъ, отъ вѣтра—дыханіе. отъ огня—тепло. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи и Адамъ лежалъ на землѣ, то пришелъ къ Адаму окаянный сатана и вымазалъ его всего грязью; и когда Богъ, возвратившись, хотѣлъ вложить Адаму очи, то увидѣлъ его въ грязи, разгнѣвался на дьявола и проклялъ его. Дьяволъ исчезъ, какъ молнія, сквозь землю. Господь, снявши съ Адама „пакости сатанины", сотворилъ изъ этого собаку и повелѣлъ ей стеречь Адама, а самъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханіемъ. Сатана во второй разъ пришелъ, чтобы навести на Адама злую скверну. но, увидѣвъ въ ногахъ его собаку, которая начала на него лаять, испугался и, взявши дерево, истыкалъ имъ всего Адама и сотворилъ въ немъ семьдесятъ недуговъ. Господь, возвратившись, снова отогналъ дьявола, но недуги вошли внутрь человѣка. Затѣмъ, Господь позаботился дать Адаму имя и послалъ Ангела своего—взять азъ на востокѣ, добро на западѣ, мыслете на сѣверѣ и на югѣ, и человѣкъ былъ названъ Адамомъ. Онъ сталъ царемъ всѣмъ землямъ, и птицамъ небеснымъ, и звѣрямъ земнымъ, и рыбамъ морскимъ, и Богъ далъ ему „самовласть". Затѣмъ, Господь насадилъ на востокѣ рай и велѣлъ Адаму пребывать въ немъ, навелъ на него сонъ, создалъ изъ ребра его Еву, и въ этомъ снѣ Господь показалъ ему свою смерть, распятіе, воскресенье и вознесеніе на небо за 5½ тысячъ лѣтъ: и увидѣлъ Адамъ Господа распятаго, Петра ходящаго въ Римѣ, Павла учащаго въ Дамаскѣ и т. д. Проснувшись въ великомъ трепетѣ, Адамъ сказалъ Господу о своемъ видѣніи, и Господь ему сказалъ: ради тебя подобаетъ мнѣ сойти на землю, быть распяту и воскреснуть на третій день, а ты никому не повѣдай этого видѣнія, пока не увидишь меня въ раю сѣдящимъ одесную Отца, и ты объ этомъ не скорби. Адамъ пробылъ въ раю семь дней, и этимъ прообразо-

валъ Господь жизнь человѣческую: десять лѣтъ исполнится роженіе, 20 лѣтъ—юноша, 30 лѣтъ—свершеніе, 40 лѣтъ—средовѣчіе, 50 лѣтъ—сѣдина, 60 лѣтъ—старость, 70 лѣтъ—скончаніе. Въ изображеніи дѣятельности дьявола несомнѣнно возможно видѣть отраженіе дуалистическихъ вѣрованій болгарской секты богомиловъ, отъ которой къ намъ не мало перешло апокрифовъ, почему послѣдніе и назывались „болгарскими баснями“ попа Іереміи.

Изъ апокрифовъ о первыхъ людяхъ извѣстны „Слово о Адамѣ и Евѣ“ и „О исповѣданіи Евинѣ“ близкіе другъ къ другу по содержанію. Проживъ 930 лѣтъ, Адамъ, какъ разсказывается въ апокрифѣ, впалъ „въ болѣзнь чревную“, тогда какъ раньше не зналъ, что такое болѣзнь. Онъ ужаснулся и возопилъ гласомъ велiимъ: „соберитеся, чада мои, ко мнѣ“. Его потомки собрались и стали около него „на три страны“. Сиѳъ сказалъ Адаму, что его болѣзнь, вѣроятно, происходитъ отъ печали при воспоминаніи о потерянныхъ райскихъ благахъ, и вызвался сходить въ рай и принести ему что-нибудь для утѣшенія. Адамъ объясняетъ, что его „болѣзнь сердечная“, и разсказываетъ о наказаніи, которому подвергся за нарушеніе Господней заповѣди“. Затѣмъ Ева съ Сиѳомъ отправляются въ рай за масличною вѣтвью, которая должна облегчить страданія Адама. При входѣ въ рай Сиѳа хочетъ пожрать звѣрь кутуръ (или горгоній), говоря, что онъ такъ поступаетъ за нарушеніе людьми повелѣнія Божія. Однако, Сиѳъ усмиряетъ звѣря своимъ словомъ и получаетъ въ раю отъ ангела вѣтви кипариса, кедра и певга. Эти вѣтви онъ приноситъ Адаму, который изъ нихъ плететъ себѣ вѣнецъ, а затѣмъ, чувствуя приближеніе смерти, подробно разсказываетъ о своемъ грѣхопаденіи (иногда, впрочемъ, этотъ разсказъ приписывается Евѣ). Подробности этого повѣствованія во многомъ оказываются добавленіемъ къ Библейской исторіи: такъ, сообщается, что послѣ паденія Адама и Евы всѣ деревья лишились листьевъ, и только смоковница ихъ сохранила, а потому изъ ея листьевъ были сдѣланы первыя одежды людей; послѣ торжественнаго суда, преступные прародители изгоняются „свирѣпыми ангелами“; семь дней продолжается плачъ Адама и Евы, а затѣмъ они стараются найти себѣ пропитаніе, но земля даетъ имъ сорныя травы; когда Адамъ пытается воздѣлывать землю, ему препятствуетъ дьяволъ, беруцій съ него рукописаніе, т.-е. обязательство повиноваться ему; затѣмъ, была попытка умилостивить Бога 40-дневнымъ постомъ, при чемъ

Ева чуть снова не поддалась искушенію со стороны дьявола, который внушалъ ей обойти повелѣніе Адама. Когда Адамъ умеръ, Ева увидѣла сонмъ ангеловъ, поклоняющихся его тѣлу и поющихъ (при свѣтѣ трехъ свѣтильниковъ и при куреніи еиміама): „Святая святымъ. Владыко, прости тварь свою, яко отъ твоею руку есть“. Все это чудесное явленіе Ева показала Сиеу, который видѣлъ также Бога, повелѣвающаго воинствамъ ангеловъ. Богъ послалъ архангела Михаила предать землѣ тѣло Адама, а черезъ сто дней и Евино. И съ того времени началось погребеніе людей по завѣту Божію.

Изъ другихъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ наибольшій интересъ представляетъ сказаніе „Суды царя Соломона“. Это есть собраніе нѣсколькихъ разсказовъ о мудрыхъ рѣшеніяхъ Соломона въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ. Содержаніе „суда перваго“ слѣдующее: „Въ дни еврейскаго царя Соломона жилъ нѣкій мужъ, имѣвшій трехъ сыновей. Умирая, онъ призвалъ сыновей и сказалъ имъ: я схоронилъ свое сокровище въ нѣкоторомъ мѣстѣ, тамъ стоятъ три сосуда, одинъ на другомъ; послѣ моей смерти пусть старшій изъ васъ возьметъ верхній сосудъ, среднему достанется средній, а младшему нижній. Когда сокровища были раскопаны, то въ верхнемъ сосудѣ оказалось золото, въ среднемъ кости, а въ нижнемъ земля. Между братьями начался раздоръ, младшіе возстали на старшаго, и всѣ они пошли къ Соломону. Онъ разрѣшилъ распрю, сказавъ: старшему назначено золото, слѣдовательно, онъ долженъ получить всѣ отцовскія деньги; среднему завѣщаны кости, т.-е. скотъ и вся челядь, а младшему отдается виноградники, нивы и вся отцовская земля“.

Весьма любопытнымъ эпизодомъ въ разбираемомъ апокрифѣ является разсказъ о царицѣ Южской, которая пришла къ Соломону съ цѣлью испытать его мудрость и предлагала ему разные затруднительные вопросы. „Привела она къ нему прекрасныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, и попросила его отгадать, которые изъ нихъ мальчики и которыя дѣвочки. Соломонъ приказалъ имъ умываться. Мальчики стали мыться „твердо и бодро“, а дѣвочки „сладко и мягко“. Царица подивилась мудрости Соломона, но вторично рѣшила предложить ту же загадку. Соломонъ приказалъ „принести овощи и разсыпать предъ ними“. Мальчики стали собирать въ полы, а дѣвочки въ рукава. Царица снова испытываетъ Соломона на другой день, прося распознать среди мальчиковъ, какіе изъ нихъ обрѣзанные.

Соломонъ приказалъ принести „вѣнецъ святой, на коемъ написано имя Господне". Обрѣзанные стояли, а не обрѣзанные пали передъ вѣнцомъ. Тогда царица удалилась въ свою землю, мудрецы же ея предложили „Соломоновымъ хитрецамъ" нѣсколько загадокъ: „Какъ привести къ городу далекій колодезь"? спросили они. „Сплетите веревку изъ отрубей", отвѣчали хитрецы. Если на нивѣ вырастутъ ножи, чѣмъ ихъ скосить"?—„Ослинымъ рогомъ".— А развѣ у осла есть рога?"—„А гдѣ-же слыхано, чтобы на нивѣ произрастали ножи"?

Изъ апокрифовъ, примыкающихъ къ новозавѣтной исторіи, остановимся прежде всего на „Сказаніи Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ". Здѣсь сообщается о томъ, какъ радовались идолы въ персидской кумирницѣ, предсказывая рожденіе Іисуса Христа.

Царь персидскій, узнавъ объ этомъ, послалъ въ Іерусалимъ волхвовъ, которые и записали разсказъ о своемъ путешествіи на золотой доскѣ. Найдя Богородицу съ Младенцемъ и убѣдившись, что о нихъ именно было пророченіе идоловъ, волхвы воздаютъ хвалу Богородицѣ. „Мати матерямъ, говорятъ они, вси бози персіи блажипша тя; хвала твоя велика, превознесеся паче всѣхъ человѣкъ". „Отроча же, какъ разсказываютъ они, сѣдяше на земли яко второе лѣто ему, якоже самъ глаголаше, малъ прикладъ имый образъ родившія; сама же бяше высока тѣломъ, смаглъ блескъ имущи, кругловатымъ лицемъ и власы увиты имущи. Мы же обою обличье написано (т.-е. изображеніе обоихъ) имущи въ страну свою занесохомъ и бысть положено нашими руками, иже бѣ проречено сице въ Діоновѣ кумирницѣ, солнцу богу великому царю вписа перская держава. И взя отроча кождо насъ и подержа на руку, и поклоншеся ему и цѣловавше, дахомъ ему злато и ливанъ и змюрну, рекуще ему: „тебѣ творимъ любезнъ и чтемъ тя, Небесный Іисусе", и т. д. Въ этомъ описаніи характернымъ представляется сообщеніе о наружности Богородицы и Спасителя, а также и о томъ, что ихъ изображенія были поставлены въ персидской кумирницѣ.

Изъ другихъ новозавѣтныхъ апокрифовъ особенно распространено было въ древней Руси, благодаря подробному изображенію загробныхъ мученій, „Хожденіе Богородицы по мукамъ". Богородица, движимая милосердіемъ, пожелала узнать о мукахъ грѣшниковъ въ аду. По Божію повелѣнію, архангелъ Михаилъ, въ сопровожденіи 400 ангеловъ отъ четырехъ странъ свѣта, показываетъ ей

адъ и страждущихъ въ немъ грѣшниковъ. Описаніе этихъ страданій въ апокрифѣ отличается необыкновенною яркостью красокъ: видитъ Богородица тьму великую, въ которой раздаются страшные вопли,—это мучатся люди, не вѣровавшіе во св. Троицу; въ другомъ мѣстѣ передъ нею огненная рѣка, въ которую по поясъ погружены проклинавшіе своихъ родителей, по грудь грѣшившіе съ кумами, по шею люди, ѣвшіе человѣческое мясо, а доверху закрыты ложно клявшіеся честнымъ крестомъ; далѣе она видитъ лихоимца, повѣшеннаго за ноги и терзаемаго червями, жену сплетницу и раздорницу, повѣшенную за зубы и терзаемую змѣями, которые выходятъ изъ ея устъ; затѣмъ Богородица замѣчаетъ огненное облако, въ которомъ на кроватяхъ и столахъ горятъ разные нечестивцы; въ смоляной огненной рѣкѣ мучатся жидове, распявшіе Христа, и христіане, предавшіеся демонамъ, и т. д. Осмотрѣвъ всѣ муки ада, Богородица сжалилась надъ грѣшниками и сказала архангелу: „молю ти ся, да вниду и азъ, да ся мучу съ христіаны, понеже нарекошася чада Сына моего“. Но архангелъ отвѣтилъ, что ей должно почивать въ раю. Тогда Богородица обращается съ мольбой къ престолу Божію, и послѣ долгихъ моленій ея и всѣхъ святыхъ и ангеловъ Спаситель облегчаетъ муки грѣшниковъ: имъ дается покой отъ великаго четверга до пятидесятницы. Таково содержаніе этого апокрифа, прекрасно рисующаго представленіе о безграничномъ милосердіи Богородицы, готовой раздѣлить съ грѣшниками ихъ адскія муки.

Апокрифическое сказаніе „Бесѣда трехъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста“ состоитъ изъ ряда вопросовъ и отвѣтовъ преимущественно космогоническаго характера. Вотъ примѣры такихъ вопросовъ: „Гдѣ былъ Богъ, когда не было свѣта?—Суть три коморы на воздусѣхъ; ту бяше Господь въ трехъ коморахъ агнцемъ, а свѣту тогда не бысть.—Отъ чего ангелы сотворени? Отъ духа Господня, отъ свѣта и огня.—Отъколикихъ частей Адамъ сотворенъ? Отъ семи частей: первое взято отъ земли—тѣло, второе отъ камня—кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ вѣтра духъ, отъ огня теплота, душу Господь вдохнулъ.—Сколько пробылъ Адамъ въ раю? Отъ шестого часу до девятаго.—Сколько великихъ морей сквозь землю идутъ? Двѣнадцать морей, а рѣкъ великихъ тридцать, а изъ рая идутъ четыре рѣки.—Сколько островъ великихъ? 72 и столько же разныхъ языковъ, столько же и разныхъ птицъ, рыбъ, деревъ, а костей въ человѣкѣ 295 и столько же

суставовъ.—Кому Господь первѣе послалъ грамоту? Сиоу, Адамову сыну". Нѣкоторые вопросы имѣютъ характеръ загадокъ, какъ напримѣръ: „Нѣкій царь имѣетъ у себя множество слугъ, а слуги же его не имѣя у себя оружія, только по единой стрѣлѣ въ тѣлѣ—гдѣ стрѣляютъ, а стрѣлы не собираютъ? Царь—пчелиная матка, а слуги у него пчелы; а имѣютъ у себя по единому жалу: гдѣ испущаютъ изъ себя, а опять ихъ къ себѣ не собираютъ".—Стоитъ градъ долгъ, а въ немъ сидитъ царь съ царицею и со всѣми друзи, и пріиде къ нимъ высокоумливый вельможа и разгнаша царя съ царицею: и разъѣжаются любимые его други, и расплачется царица, аки заклепанная голубица? Градъ есть человѣкъ, а царь умъ, а царица душа, а любовные други—мысли, а вельможа хмель".—„Стоитъ дубъ безъ вѣтвей и безъ корня, и пріиде къ нему нѣкто безъ ногъ и возьметъ его безъ рукъ и зарѣжетъ его безъ ножа, и съѣстъ его безъ зубъ? Дубъ—человѣкъ, а пріидетъ къ нему смерть безъ ногъ и зарѣжетъ безъ ножа".

Интересъ къ загробной жизни, проявляющійся въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ", выразился и въ другихъ апокрифахъ, изображающихъ кромѣ мукъ грѣшниковъ также и блаженное состояніе праведниковъ въ раю; таковы, напримѣръ, „Павлово видѣніе, сказанія о Макаріи Римскомъ, о Зосимѣ и др. Однако еще большее любопытство возбуждалось вопросомъ о конечной судьбѣ человѣчества, всего міра, объ антихристѣ, страшномъ судѣ и явленіяхъ, которыя имъ будутъ предшествовать. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ давался разными апокрифами, въ особенности же „Словомъ Меѳодія, епископа Патарскаго о царствии языкъ послѣднихъ временъ, извѣстнымъ сказаніемъ отъ перваго человѣка до скончанія вѣка". Послѣ разсказа о потомствѣ Адама и Евы, о Ноевомъ ковчегѣ, объ Измаиловичахъ и нѣкоторыхъ другихъ фактахъ священной исторіи, разсказа, исполненнаго всякихъ баснословныхъ подробностей, неизвѣстный авторъ „Слова" представляетъ картину развращенія, имѣющаго наступить въ послѣднія времена, и тѣхъ бѣдствій, которыя постигнутъ людей въ наказаніе за ихъ преступленія.

Весьма любопытно здѣсь слѣдующее повѣствованіе: „И потомъ отверзетъ Господь Богъ горы сиверскія, иже загради Александръ, царь македонскій, сынъ Филиппа царя: онъ былъ мудръ и весьма храбръ, основалъ городъ Александрію великую и царствовалъ въ немъ 19 лѣтъ. И оттуда онъ пошелъ на востокъ

въ Персиду, и убивъ Дарія, царя персовъ, завладѣлъ всею его землею. Потомъ побѣдивъ индѣйскаго царя Пора и покоривъ его царство, онъ дошелъ до страны солнечной и нашелъ тамъ нечистыхъ людей, Іафетовыхъ внуковъ. Александръ былъ пораженъ ихъ нечистотой: „ядяху бо всякое животное нечисто и гнусное— мыши, и кошки, и змѣи, и мертвыя плоти человѣческія, и дѣти своя мертвыя—никого не погребаху, но все ядяху". Чтобы предохранить святую землю отъ оскверненія, если эти люди въ нее проникнутъ, Александръ приказалъ собрать ихъ, и мужей, и женъ, и дѣтей и погнати аки скотъ" на сѣверъ, въ горы, такъ чтобы ни къ нимъ нельзя было войти, ни оттуда выйти. По молитвѣ Александра Богъ повелѣлъ тѣмъ горамъ около нихъ сступиться; осталось лишь отверстіе въ 12 локтей, которое Александръ закрылъ желѣзными воротами и замазалъ сункитомъ (искаженное греческое слово: асинхитъ), котораго „ни желѣзо, ни огонь неймётъ". Однако въ послѣднія времена за беззаконіе людей Богъ откроетъ эти „горы сиверскія", и выйдутъ изъ тѣхъ горъ со своими людьми 24 нечистыхъ царя: Гогъ, Магогъ, Инаѳаазъ, Дафафолъ, Динъ и др. „Гогъ бѣ крылатъ, держатъ его 29 человѣкъ, четырьми цѣпи распяленъ на четыре стороны, дабы не заѣлъ вся человѣки. А инымъ скотія ноги, песія главы, а ины о семи рукахъ. И тогда отъ лица ихъ подвижется вся земля, смятутся вси человѣки и начнутъ бѣгати и крытися въ горахъ и въ пещерахъ и въ пропастехъ земныхъ, и отъ страху ихъ и съ гладу начнутъ умирати и не будетъ кому погребати ихъ. Вышедши же изъ горъ человѣцы тіи начнутъ человѣчью плоть ясти, кровь пити, и имутъ младенцы заклати и ясти, и опустѣетъ отъ нихъ земля, и не будетъ живущаго на ней. И въ три лѣта они дойдутъ до Іерусалима и станутъ на удоли Асафатовѣ. И пошлетъ Господь Богъ архангела Михаила и ту побьетъ царей тѣхъ".

Послѣ этого въ Іерусалимѣ воцарится одинъ „отъ сыновъ размышленныхъ", человѣкъ крайне нечестивый, и будетъ онъ всѣхъ людей склонять къ своимъ порокамъ; подымется „братъ на брата", повсюду будутъ „селища демоновъ и гнѣзда гадовъ", появятся всякія страшныя знаменія небесныя. Затѣмъ въ Царьградѣ будетъ царствовать нѣкая жена „буява и потворница", дочь дьявола, именемъ Дана, она начнетъ богохульствовать, и съ нею вмѣстѣ погибнетъ Царьградъ отъ Божія гнѣва. Наконецъ, черезъ 4 года и 40 дней „объявятся" города Хоразинъ, Виѳсаида

и Капернаумъ. Въ Хоразинѣ „будетъ черница дѣвою, дщи нѣкоего болярина. Сѣдящи въ келіи своей услышитъ въ винограде своемъ птицу, поющую таковыя пѣсни, иже ни умъ человѣчь возможетъ разумѣти. Она же открывши оконца и хотя обозрѣти птицу, птица же возлетѣвши и заширбетъ ея въ лице, и въ томъ часу зачнется у нея сынъ погубѣ, окаянный антихристъ. И родивши его, срама ради отдастъ его отъ себе въ градъ, нарицаемый Вивсаиду; въ томъ же градѣ вскормленъ будетъ, а въ Капернаумѣ царствовати будетъ". Далѣе апокрифъ изображаетъ царствованіе антихриста, которое закончится знаменіемъ пришествія Спасителева, и тогда уже наступитъ послѣдній страшный судъ.

Рядомъ съ такого рода сочиненіями, болѣе или менѣе примыкавшими къ христіанскому ученію и пытавшимися дополнить его легендарными подробностями, къ намъ съ давнихъ временъ проникли и тоже были включены въ индексъ отреченныхъ книгъ разныя произведенія, излагавшія тотъ или иной способъ гаданія, каковы, напр., Воронограй, Куроклинкъ, Рафли, Аристотелевы Врата, Звѣздочетецъ, Астрологъ, Волховникъ, Колядникъ, Молнійникъ, Сносудецъ, Путникъ, Зелейникъ и др. Подобныя книги, извѣстныя намъ иногда больше по названію, способствовали распространенію въ народѣ различныхъ суевѣрій, но далеко не имѣли такого литературнаго вліянія, какъ апокрифическія сказанія, благодаря которымъ возникъ обширнѣйшій отдѣлъ произведеній народной словесности, называемыхъ духовными стихами.

Духовные стихи.

Среди формъ народнаго эпическаго творчества духовные стихи занимаютъ весьма выдающееся положеніе: количественно они не уступаютъ былинамъ и далеко ихъ превосходятъ по своей распространенности. Въ то время, какъ былины составляютъ, такъ сказать, собственность только извѣстной части великорусскаго племени, духовные стихи одинаково встрѣчаются въ изобиліи какъ у великоруссовъ, такъ и малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Если статистическими наблюденіями относительно былинъ установлено, что главнымъ ихъ хранилищемъ (а можетъ-быть, даже мѣстомъ возникновенія многихъ изъ нихъ) является сѣверъ Россіи, преимущественно Олонецкая и Архангельская губерніи, то для духов-

ныхъ стиховъ мы не можемъ указать такой мѣстности, которая могла бы считаться особенно ими богатой, а если бы мы даже и нашли подобную мѣстность, это имѣло бы весьма мало значенія, и такая находка не могла бы намъ ничего уяснить относительно мѣста происхожденія духовныхъ стиховъ. Дѣло въ томъ, что этотъ видъ поэзіи народной является почти въ буквальномъ смыслѣ слова странствующимъ, бродящимъ изъ конца въ конецъ Россіи, и такимъ онъ былъ всегда, не прикрѣпляясь ни къ какой отдѣльной мѣстности, да и возникали отдѣльные духовные стихи, по всей вѣроятности, во время странствованій ихъ слагателей и исполнителей.

Слагателями и хранителями ихъ были, должно быть, тѣ же самые люди, изъ устъ которыхъ мы и теперь слышимъ эту религіозную поэзію. Это не домовитые хозяева въ родѣ олонецкихъ сказителей, поющихъ былины: это бездомные странники, нищіе, калики перехожіе, часто слѣпцы, зарабатывающіе себѣ своими пѣснями пропитаніе. Въ поискахъ правды Божіей, эти обездоленные люди идутъ къ святымъ мѣстамъ, посѣщаютъ русскія святыни и заходятъ гораздо дальше, на святую гору Аѳонскую и въ Палестину, это главное хранилище благочестивыхъ христіанскихъ легендъ, преданій поэтически-религіознаго характера. Этотъ богатѣйшій религіозный эпосъ воспринимался нашими странниками съ полною вѣрою и благоволеніемъ и переносился ими на родину, дѣлаясь такимъ образомъ духовною пищею самыхъ широкихъ слоевъ русскаго общества. А странствованія ко святымъ мѣстамъ, и притомъ не однихъ каликъ, начались, вѣроятно, уже съ первыхъ временъ русскаго христіанства, и мы знаемъ, что уже игуменъ Даніилъ въ своемъ „Хожденіи" сообщаетъ разныя подробности, заимствованныя изъ апокрифическихъ сказаній. Переходя на Русь, благочестивыя легенды, конечно, подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ: онѣ сталкивались съ мѣстными русскими поэтическими сказаніями, подвергались литературной обработкѣ въ общественномъ эпическомъ складѣ и по внѣшности приблизились къ былинамъ, иногда отличаясь, однако, отъ нихъ довольно сильной примѣсью лирическаго элемента. Создались такимъ путемъ произведенія, довольно сложныя по своему составу, заключающія въ себѣ какъ по преимуществу книжные элементы, такъ и многое исключительно свойственное старинному народному міровоззрѣнію, какъ христіанскій фонъ, такъ и языческіе на немъ отсвѣты.

Какъ мы сейчасъ сказали, въ прежнія времена паломники, калики (отъ особаго вида обуви, называемой caliga) далеко не всегда были нищими, и это отмѣчается самыми духовными стихами, среди которыхъ два рисуютъ намъ первоначальный характеръ каличества. Первый изъ этихъ стиховъ отличается сильнымъ былиннымъ колоритомъ и представляетъ каликъ въ видѣ богатырей, удалыхъ добрыхъ молодцевъ. Это весьма распространенный духовный стихъ „Сорокъ каликъ со каликою". Здѣсь разсказывается, что:

Изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ со каликою;
Становилися во единый кругъ,
Они думали думушку крѣпкую,
Выбирали большого атамана,
Молода Касьяна, сына Михайловича.

Уже въ этихъ выборахъ атамана, сильно напоминающихъ казацкій кругъ, передъ нами рисуется среда, отличная отъ современныхъ намъ нищихъ-пѣвцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ подлинной чертой древняго паломничества, которое уподоблялось походу (а на походѣ нуженъ предводитель—атаманъ), а также, можетъ-быть, мы и тутъ встрѣчаемся съ тѣмъ же казацкимъ налетомъ, который, какъ мы указывали, замѣчается въ былинахъ. Какъ подобаетъ вновь выбранному атаману, Касьянъ Михайловичъ „чинитъ рядъ", заключаетъ договоръ со своими „дородными молодцами", и налагается заповѣдь великая:

А иттить-то, намъ братцы, дорога не ближняя,
Итти будетъ ко граду Іерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной ризой утиратися;
Итти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородами.
А и въ томъ-то заповѣдь положена:
Кто украдетъ или кто солжетъ,

Не скажетъ большому атаману,
Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
Едина оставитъ въ чистомъ полѣ
И окопать по плеча во сыру землю.

Въ этой самой „заповѣди" людямъ, отправляющимся на богомолье, нельзя не видѣть подробности, не совсѣмъ соотвѣтствующей обстоятельствамъ, и обязательство не воровать, подкрѣпляемое угрозой смертной кары, скорѣе подходитъ къ тѣмъ, кого часто называли „ворами", къ казакамъ Смутнаго времени. Въ дальнѣйшемъ изложеніи духовный стихъ близко подходитъ къ типу былины-новеллы: дѣйствіе переносится въ Кіевъ, ко двору Владиміра, и являются подробности относительно княгини, приводящія на память былины о Чурилѣ Пленковичѣ, а также и исторію Іосифа Прекраснаго, которая, какъ намъ извѣстно, чрезъ ветхозавѣтные апокрифы отразилась въ былинахъ, характеризующихъ отношенія княгини Апраксѣевны къ Чурилѣ.

Калики подходятъ къ Кіеву и встрѣчаютъ князя Владиміра, отъѣзжающаго на „гусей, бѣлыхъ лебедей".

Завидѣли его калики тутъ перехожія,
Становилися во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.

Этотъ эффектъ силы богатырскаго голоса, извѣстный въ былинахъ о Соловьѣ-разбойникѣ, встрѣчается въ духовномъ стихѣ еще разъ, когда калики, по приказу Владиміра, приходятъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ. Княгиня, несмотря на то, что „испужалася и больно передрогнула", принимаетъ каликъ очень ласково, „поджавъ ручки, будто турчаночка", и устраиваетъ для нихъ богатый пиръ, послѣ котораго они хотятъ двинуться въ дальнѣйшій путь... Но тутъ происходитъ эпизодъ, нѣсколько напоминающій исторію Іосифа:

А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ;

Пошлетъ Алешеньку Поповича
Атамана ихъ уговаривати,
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечера посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы наединѣ въ спальнѣ съ ней.
Молодой Касьянъ, сынъ Михайловичъ,
Замутилося его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алешѣ Поповичу.

За это княгиня „осердилась", рѣшилась отомстить и приказала Алешѣ Поповичу тайно положить въ сумку Касьяна серебряную чарочку Владиміра (опять библейская подробность о чашѣ, положенной по приказу Іосифа въ сумку Веніамина!). Калики уходятъ. За ними наряжается погоня, а когда при обыскѣ Касьянъ оказывается воромъ, его зарываютъ по плечи въ землю. Однако онъ, какъ невинный, остается цѣлъ и невредимъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, и когда калики приближаются къ нему на возвратномъ пути изъ Іерусалима, Касьянъ „выскакиваетъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда"; зато княгиня несетъ тяжкое наказаніе за свой коварный поступокъ, такъ какъ „съ того время-часу (т. е. со времени зарытія Касьяна въ землю) захворала скорбью недоброю, слегла княгиня въ великое гноище", такъ что князь Владиміръ, входя къ ней въ спальню, „свой носъ зажать". Кончается стихъ тѣмъ, что Касьянъ исцѣляетъ княгиню, и калики благополучно возвращаются домой.

Въ этомъ стихѣ, какъ мы видѣли, перепутаны самыя разнообразныя подробности: тутъ и эпическій князь Владиміръ со своей супругой, надѣленные тѣми же свойствами, которыя приписываются имъ былинами; тутъ и былевой Алеша Поповичъ, отличающійся хитростью, а рядомъ съ этимъ черты казацкаго круга или босячества и, наконецъ, несомнѣнное отраженіе духовныхъ библейскихъ сюжетовъ. Все это показываетъ, насколько сложенъ матеріалъ, входящій въ составъ иныхъ духовныхъ стиховъ, хотя слѣдуетъ оговориться, что есть много стиховъ весьма простого состава.

Если въ стихахъ о сорока каликахъ они надѣляются чертами, присущими скорѣе богатырямъ, то въ стихѣ „На вознесеніе Господне" калики представляются намъ въ совершенно иномъ видѣ, болѣе

подходящемъ къ современному намъ ихъ облику, т. е. къ типу слѣпцовъ, нищихъ, живущихъ подаяніемъ, и стихъ является своеобразнымъ оправданіемъ, санкціей свыше самаго нищенства. Когда Христосъ возносился на небо, то, какъ разсказывается въ стихѣ, нищая братія расплакалась и взмолилась:

Гой еси Христосъ, Царь небесный,
На кого Ты насъ оставляешь?
На кого ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить—кормить станетъ?
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?

Христосъ утѣшаетъ каликъ, обѣщая имъ дать гору золотую, но противъ этого рѣшенія Христа возражаетъ Іоаннъ Златоустъ (или же Іоаннъ Предтеча или Іоаннъ Богословъ), говоря, что калики не сумѣютъ раздѣлить между собой золотую гору, что они будутъ несчастны попрежнему, потому что есть люди сильнѣе ихъ.

Зазнаютъ гору князья и бояре,
Зазнаютъ гору пастыри и власти,
Зазнаютъ гору торговые гости,
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
По себѣ они ту гору разверстаютъ,
Да нищую братію не допустятъ.
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кровопролитства.
Да нечімъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ будетъ имъ пріодѣтися,
Отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ—убогимъ
Имя Твое святое:
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя, Христа, величати,
Въ каждый часъ прославляти,
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
Отъ темныя ночи пріукрыты.

Христосъ принимаетъ совѣтъ Іоанна и въ награду даетъ ему золотыя уста, чѣмъ и объясняется эпитетъ этого отца Церкви.

Изъ числа духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ этою нищею братіею, каликами перехожими, остановимся прежде всего на очень распространенномъ, космогоническомъ „Стихѣ о голубиной книгѣ", вѣроятно, весьма древнемъ по происхожденію, такъ какъ въ немъ рядомъ съ христіанскими представленіями, развивавшимися какъ изъ свидѣтельствъ Св. Писанія, такъ и изъ апокрифическихъ сказаній, встрѣчаются нѣкоторые отголоски языческихъ вѣрованій. Изъ апокрифовъ главнымъ источникомъ этого стиха можетъ считаться „Бесѣда трехъ святителей", а также „Іерусалимская бесѣда", гораздо болѣе близкая къ стиху и признаваемая даже иногда переходнымъ звеномъ къ нему отъ „Бесѣды трехъ святителей". Кромѣ этого указываются еще многіе другіе апокрифическіе памятники, давшіе основу тѣхъ или иныхъ подробностей стиха.

Голубиная книга появилась чудеснымъ образомъ:

Изъ-подъ стороны изъ-подъ восточныя
Выставала туча темная, грозная;
А изъ той изъ тучи грозной темныя
Выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Ѳаворъ-гору,
Ко чудну кресту къ животворящему,
Ко тому ко камню ко бѣлатырю,
Ко честной главѣ ко Адамовой.

Всѣ эти подробности о мѣстѣ появленія книги весьма характерны для благочестиваго настроенія составителей стиха: Ѳаворская гора ознаменована важнѣйшимъ событіемъ новозавѣтной исторіи, Преображеніемъ Христовымъ; Адамова голова изображается у подножія креста, а „бѣлатырь камень" иначе называемый „латыремъ" объясняется или, какъ янтарь, (по гречески—электронъ), или же, какъ камень алтарный. Такимъ образомъ самая обстановка появленія книги должна внушить къ ней благоговѣйное отношеніе, которое усиливается далѣе ея описаніемъ, такъ какъ она необыкновенной величины, такъ что ее

На рукахъ держать—не сдержать будетъ;
На налой положить Божій—не уложится.

Не одной величиной отличается эта книга, она необыкновенно важна по своему глубокомысленному содержанію, которое никому почти недоступно:

Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ
Исусъ Христосъ, Царь небесный;
Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ (или Иванъ Богословъ).
Читалъ онъ книгу ровно три года,
Прочиталъ онъ изъ книги ровно три листа...
Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
И очами намъ книгу не обозрити,—
Великая книга голубиная.

Глубиною содержанія, можетъ-быть, объясняется и самое названіе книги: по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что св. Авраамія Смоленскаго упрекали за чтеніе „глубинныхъ“ книгъ; и поэтому эпитетъ „голубиная“ можно толковать, какъ измѣненіе старинаго названія, явившееся подъ вліяніемъ символическаго изображенія Св. Духа.

Въ книгѣ, какъ разсказываетъ стихъ, сходятся сорокъ царей и царевичей, сорокъ королей и королевичей и много простыхъ людей; приходитъ и царь Волотъ или Волотоманъ (иначе онъ называется Владимиромъ или Малодуморомъ, т.-е. мало думающимъ, въ чемъ выражается желаніе осмыслить непонятное имя Волотомана). Онъ предлагаетъ царю Давиду рядъ вопросовъ характера космогоническаго, т. е. касающихся происхожденія разныхъ явленій природы, при чемъ эти вопросы, а также и отвѣты Давида чрезвычайно близки (иногда до буквальнаго сходства) къ вопросамъ и отвѣтамъ „Іерусалимской бесѣды“.

Отчего зачался у насъ бѣлый свѣтъ?
Отчего зачалось солнце красное?
Отчего зачался младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отчего зачались звѣзды частыя?
Отчего зачались ночи темныя?
Отчего зачались вѣтры буйные?
Отчего у насъ зори утренни?
Отчего у насъ дробенъ дождекъ?
Отчего у насъ умъ-разумъ?
Отчего наши помыслы?
Отчего у насъ міръ-народъ?
Отчего у насъ кости крѣпкія?
Отчего тѣлеса наши?
Отчего кровь-руда наша?

Отчего у насъ на землѣ цари пошли?
Отчего зачались князья-бояре?
Отчего крестьяны православные?

На эти вопросы премудрый царь Давидъ Евсеевичъ отвѣчаетъ, какъ онъ выражается, „по старой своей памяти, какъ по грамотѣ“ при чемъ анализъ отвѣтовъ показываетъ, что они взяты частью изъ „Бесѣды трехъ святителей“ (или, что почти то же, изъ „Iерусалимской бесѣды“), а также изъ апокрифической статьи „отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ“.

Послѣ этихъ космогоническихъ вопросовъ царь Волотоманъ предлагаетъ рядъ другихъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить первенствующіе предметы въ разныхъ родахъ.

Который царь надъ царями царь?
Кая земля всѣмъ землямъ мати?
Который городъ городамъ отецъ?
Кая церковь всѣмъ церквамъ мати?
Кая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? и т. д.

Отвѣты мудраго царя Давида на эти вопросы представляютъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ отразились разныя книжныя вліянія. Такъ, патріотическое утвержденіе, что всѣмъ землямъ мать—земля святорусская, а надъ всѣми царями царь—Бѣлый царь, объясняется тѣми взглядами на высокое міродержавное положеніе Москвы, которые стали распространяться съ XV вѣка, когда слагалась теорія о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ. Признаніе первымъ звѣремъ индрика (единорога) и первой птицей—страфили (страуса) характеризуетъ естественнонаучныя представленія древней Руси, возникшія подъ вліяніемъ принесенныхъ изъ Византіи сочиненій. Изъ того же источника почерпнуто представленіе о первенствѣ среди рыбъ кита потому, что на трехъ китахъ земля держится.

Когда всѣ приведенные вопросы разрѣшены, царь Волотоманъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ во снѣ, будто съ полуночной, восточной стороны явились два какихъ-то лютыхъ звѣря и „промеждү собой дралися—билися, одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ“. Этотъ вѣщій сонъ царь Давидъ объясняетъ, что два лютыхъ звѣря—правда и кривда, и что, переспоривъ кривду,

Правда пошла на небо,
А кривда пошла у насъ по всей землѣ,

По всей землѣ по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому;
Отъ правды земля восколебалася
Отъ того народъ весь возмущается;
Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный:
Они другъ друга обмануть хотятъ.
Кто будетъ кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа.....
Кто не будетъ кривдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу,
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царство небесное...

Имѣя тѣсную связь съ апокрифическими сказаніями, весьма многіе духовные стихи примыкаютъ къ событіямъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, вводя въ повѣствованіе о нихъ нѣкоторыя поэтическія подробности. Приведемъ примѣры подобныхъ библейскихъ стиховъ. Весьма любопытенъ такъ называемый „Плачъ Адама". По изгнаніи изъ рая Адамъ оплакиваетъ прежнее свое блаженство и восклицаетъ:

„О раю, мой раю, пресвѣтлый мой раю!
Для меня ты, раю, былъ сотворенный,
Для Евы ты былъ, раю, заключенный!
Ева сотворила, Богу согрѣшила,
Душу погубила, Адама прельстила.
И прочь отогнала отъ святого раю;
Ужъ я не слышу архангельскаго гласа,
Ужъ я не вижу райскія пищи!"

Ева старается утѣшить Адама, убѣждаетъ его смириться передъ волей Божіей и напоминаетъ ему заповѣдь о трудѣ:

Адаме, Адаме, ты мой господине!
Велѣлъ намъ Господь Богъ въ раю жити,
Видь велѣлъ намъ Господь Богъ трудитися,
Землю намъ копати, хлѣба насѣвати,
Сытымъ пребывати и нищимъ подавати.

Весьма трогательными изъ стиховъ на ветхозавѣтныя темы представляются тѣ, которые касаются исторіи „Іосифа Прекраснаго".

Въ нихъ очень художественно изображается какъ отцовская любовь Іакова, оплакивающаго своего безъ вѣсти пропавшаго сына, такъ и сыновняя привязанность Іосифа, который желалъ бы, чтобы какая-нибудь голубица извѣстила Іакова о томъ, гдѣ онъ находится. За свою праведность Іосифъ даже становится „царемъ во Египтѣ“. Радость Іакова при свиданіи съ Іосифомъ не знаетъ границъ, такъ что при богатырской силѣ, приписываемой стихомъ Іакову, является даже опасной для самого Іосифа, который, однако, случайной предусмотрительностью устраняетъ бѣдствіе. Ожидая отца, Іосифъ приказалъ поставить въ землю столбъ, обитый рытымъ бархатомъ, и

Какъ скоро отецъ Яковъ на пріѣздѣ,
Приказалъ онъ отца къ столбу приводити;
Осипъ за столбъ становился,
Жезло свое съ руки оброняетъ,
Осипъ за жезломъ наклонился,
Осипъ же отцу поклонился.
„Здравствуешь, старѣйшій отецъ Яковъ!“
Яковъ же столопъ къ себѣ прижимаетъ,
Съ обоихъ концовъ сокъ выступаетъ:
„—Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
Юношъ ты мой молодой,
Именемъ же Осипъ прекрасный!
Затужило твое ретивое сердечко
На чужой на дальней на сторонкѣ!“
Речетъ ему Осипъ прекрасный:
„—Старѣйшій отецъ ты нашъ Яковъ!
Тутъ тебѣ столопъ, сударь, поставленъ,
Ты былъ ко столбу, сударь приведенъ;
Укроти свое сердце богатырское,
Сдѣемъ со мной доброе здоровье!“
„—Спасибо, любезное чадо мое,
Что ты не шелъ ко мнѣ теперь въ руки:
Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти“.

Изъ стиховъ, относящихся къ новозавѣтной исторіи, нѣкоторые посвящены Рождеству Христову и представляютъ сравнительно мало интереса, такъ какъ довольно близки къ евангельскому повѣствованію; другіе изображаютъ страданія Спасителя и любопытны трогательнымъ описаніемъ душевнаго состоянія

Богородицы, которая, услышавъ отъ „жидовъ" о распятіи Христовомъ, изливаетъ свое горе въ выраженіяхъ, близкихъ къ народнымъ причитаніямъ, обращаясь съ призывомъ плакать къ солнцу и лунѣ, ко вдовамъ и сиротамъ, прося мать сырую землю: „возьми меня къ себѣ"!

Наиболѣе распространеннымъ среди каликъ перехожихъ является стихъ новозавѣтнаго содержанія, излагающій притчу о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Распространенность этого стиха была поводомъ возникновенія извѣстнаго выраженія „пѣть Лазаря". Въ стихѣ Лазари представлены братьями, при чемъ старшій изъ нихъ, которому на долю выпало „богатства тьма", оказывается чрезвычайно грубымъ: когда младшій пришелъ просить призрѣнія, пищи, говоря, что онъ цѣлый день „не пилъ, не ѣдалъ, хлѣба—соли въ ротъ не бралъ", богачъ „возгаркнулъ громкимъ своимъ голосомъ":

Что ты за невѣжа—такой человѣкъ?
Братомъ меня нарекаешь?
А есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы-же да бояре-то братья моя;
Попы-же церковны-то хлѣбъ-соль съ ними одна у меня,
А есть у меня два люта пса—
Али они-то братья твоя.

Бѣдный Лазарь вынужденъ питаться тѣми „обронными крошечками", которыя къ нему приносятъ эти два лютыхъ пса; они же зализываютъ его раны, но онъ, выздоровѣвши, все-таки проситъ у Бога смерти, и по этой его просьбѣ

Сослалъ ему Господь тихихъ ангеловъ,
Тихихъ ангеловъ, милостивыхъ,
По его по душу по Лазареву.
Вынимали его душеньку честно-хвально въ-сахарны уста
Положили его душеньку на Божью пелену,
Воздымали его душеньку вверхъ на небеса,
Отдавали его душеньку ко Якову во рай:
Вотъ тебѣ, святой отецъ Яковъ святая душа!

Другой конецъ, согласно евангельской притчѣ, ожидаетъ богатаго Лазаря: къ нему посланы грозные и немилостивые ангелы, которые вынимаютъ его душу „нечестно-нехвально".

Сквозь реберъ его костей
Вздымали его душеньку весьма высоко,
Обряшили его душеньку весьма глубоко,
Во тьму глубоко, во палящій огонь.

Въ аду Лазарь кается въ своей жестокости по отношенію къ бѣдному брату, но Авраамъ отвѣчаетъ ему изъ рая

Вспокаялся, братъ Лазарь, да не во-время!
Подернуло адъ кромѣшной травой-муравой!

Нѣкоторые духовные стихи характеризуютъ дѣянія святыхъ: особенно важнымъ въ этомъ отношеніи является стихъ „о Егоріи храбромъ", основанный на апокрифическомъ житіи св. Георгія Побѣдоносца,—житіи, дополненномъ подробностями богатырскаго характера. По этому стиху, Георгій родился въ Іерусалимѣ, находящемся во свято-русской землѣ. Отецъ его—царь Θеодоръ, мать—Софія Премудрая, у которой три дочери—Вѣра, Надежда и Любовь. Наружность св. Георгія рисуется такими чертами, что въ нихъ съ нѣкоторой вѣроятностью можно видѣть отраженіе сказочныхъ народныхъ представленій:

По локоть у него руки въ красномъ золотѣ,
По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
На всемъ Егоріи часты звѣзды,
Во лбу-то солнце, въ тылу-то мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.

На Іерусалимъ нападаетъ царище Діоклитіанище (иначе называемый Дихтіанище, Демьянище, Даріанище, при чемъ всѣ эти имена являются искаженіемъ первоначальнаго имени императора Діоклетіана, при которомъ подвергался мученіямъ св. Георгій). Этотъ невѣрный царь умертвилъ Θеодора, а все его семейство взялъ въ плѣнъ. Онъ пытается соблазнить Георгія богатствомъ, уговариваетъ его покориться и обратиться въ язычество, но Георгій не измѣняетъ христіанству, такъ какъ „пропадешь на семъ свѣту на бѣломъ со златомъ, со серебромъ, съ драгоцѣннымъ камнемъ", и восклицаетъ:

Велика наша вѣра крещеная,
Мать Божія Богородица,
Еще Троица нераздѣльная!

Тогда „Діоклитіанищо предастъ Егорія мученіямъ, велитъ его „во пилы пилить во железныя" „въ топоры рубить", „въ сапоги ковать железные, разжигать жаромъ—огнемъ-пламенемъ", „въ пещи жечь", „въ котелъ садить и въ смолѣ варить", „на водѣ топить на синемъ морѣ", но ничто не вредитъ Егорію, онъ остается цѣлъ и продолжаетъ прославлять истиннаго Бога, „глася свои гласы до небесъ". Наконецъ, царь приказалъ заключить Георгія въ „погребы преглубокіе, закрыть крышею железною и засыпать песками рудожелтыми", при чемъ самъ притоптывалъ и приговаривалъ:

Не бывать бы Георгію на бѣломъ свѣту,
Не видать бы Георгію свѣта бѣлаго,
Не узрѣть бы Георгію солнца краснаго,
Что на тридцать лѣтъ на три года.

По прошествіи указаннаго срока Георгій взмолился Богородицѣ и былъ чудесно освобожденъ изъ своего заключенія. Онъ отправляется „на свято-русскую землю, святую вѣру утверждаючи". Встрѣтивши свою мать въ соборной церкви и узнавъ, гдѣ его конь и доспѣхи, Георгій снаряжается на свои подвиги. Ему представляется множество препятствій въ дѣлѣ распространенія христіанства на Руси.

Описаніе боя Георгія съ своимъ притѣснителемъ напоминаетъ другой духовный стихъ, посвященный св. Өеодору Тирону, а также и богатырскія народныя сказанія, былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ:

Зашипѣлъ онъ, злодѣй, по—змѣиному
Заревѣлъ по—звѣриному;
Устрашился у Георгія богатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю;
Вынимаетъ Георгій палицу боевую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ у него кожу до мяса,
Мясо пробиваетъ до костей,
Пробиваетъ кости до мозгу.
Отвѣчаетъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
—Гой ты еси, Георгій, святый храбрый!
Вынимай свой тугой лукъ,
И вкладывай калену стрѣлу,

Пускай злодѣю въ челюсти,
Отбей у него легкое съ печенью,
Пролей кровь за батюшку и за матушку
И за родныхъ сестеръ.

Георгій исполняетъ этотъ совѣтъ коня, но его чуть не „одолѣла кровь басурманская, окаянная“:

Стоялъ онъ въ крови не по колѣни, не по поясъ,
А стоялъ онъ въ крови по бѣлы груди;
Вынимаетъ онъ копье долгомѣрное,
Ударилъ въ мать во сыру землю:
„Разступися, мать сыра-земля!
Покрой кровь басурманскую и окаянную!“

Земля исполняетъ это повелѣніе Георгія, и онъ, такимъ образомъ, преодолѣваетъ всѣ затрудненія и, утверждая святую вѣру, въѣзжаетъ въ царство Вавилонское, и тутъ

Сколь народу Георгію поклонилося,
Ко святому Георгію обратилося.
И стали они святую вѣру вѣровать—
Во мать Божію Богородицу,
Въ Троицу нераздѣльную,
И сдѣлали Георгію въ году два праздника.

Особую группу, весьма обширную, составляютъ духовные стихи аскетическаго содержанія, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ отличаются примѣсью богатырскаго элемента. Основаніемъ аскетическаго настроенія было размышленіе о суетности жизни земной, неизбѣжности смерти, о тайнахъ загробнаго міра и о предстоящемъ при кончинѣ міра страшномъ судѣ Христовомъ. Восхваленіе пустыннаго житія, спасающаго отъ соблазновъ мірскихъ, и это стремленіе бѣжать отъ міра выражаются во многихъ высоко поэтическихъ духовныхъ стихахъ, каковы, напримѣръ, „стихъ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ“ или „стихъ объ Іосафѣ Прекрасномъ“. Алексѣй, сынъ благочестивыхъ родителей, чуждается міра, но, по настоянію отца и матери, вступаетъ въ бракъ; однако онъ сразу объявляетъ своей „обрученой княгинѣ“ о своемъ отрицательномъ взглядѣ на бракъ. Сказавши „Промежъ насъ будетъ Духъ Святой“, онъ отдаетъ своей женѣ шелковый поясъ и золотой перстень и уходитъ въ „иную землю“, гдѣ онъ „молится Богу, трудится“:

Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася;
Сталъ Алексѣй, какъ убогій.

Іосафъ-царевичъ также убѣждается въ суетности мірскихъ благъ, удаляется въ пустыню, и хотя сама пустыня пытается отклонить его отъ этого рѣшенія, указывая на лишенія, его ожидающія, онъ говоритъ, что и въ удаленіи отъ людей его ждутъ радости, и радости истинныя, не кажущіяся, какъ въ міру:

Во зеленой во дубровѣ
Есть частыя древа,
Со мной будутъ думу думати;
На древахъ есть мелкіе листья,
Со мной станутъ говорити;
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати.

Та же аскетическая мысль о грѣховности земной жизни выражается въ стихахъ „о прощаніи души съ тѣломъ“ и о „великой грѣшницѣ“.

Всѣ грѣхи человѣка вспоминаются предъ смертью, которая представляется въ стихѣ „объ Аникѣ-Воинѣ“ въ видѣ „чуда-чуднаго“, „дива-дивнаго“.

У чуда тулово звѣриное,
Ноги лошадиныя,
Голова человѣчья и руки человѣчьи,
Власы у чуда до пояса.

Смерти ничѣмъ нельзя устранить, она не дастъ Аникѣ никакой отсрочки, когда онъ ужаснулся ея появленія: гдѣ она раба застигаетъ, тутъ его и искушаетъ, хотя бы онъ былъ даже самымъ сильнымъ богатыремъ.

Былъ на землѣ богатырь Малафей, говоритъ Смерть,
Былъ на землѣ богатырь Соловей,
Былъ на землѣ богатырь Егоръ-Святогоръ,
Былъ богатырь надъ семьюдесятью землями богатырь,
И то они мнѣ покорились,
И то они мнѣ поклонились.

Въ виду такой неизбѣжности смерти, надо готовиться къ загробной жизни, не нужно насильничать, какъ это дѣлаетъ Аника-воинъ, и слѣдуетъ всегда помнить о страшномъ судѣ, который изображается во многихъ духовныхъ стихахъ, частью на основаніи священнаго писанія, частью по апокрифическимъ сказаніямъ. В время этого суда Богородица ходатайствуетъ о смягченіи участи грѣшниковъ, но Христосъ отвѣчаетъ ей:

Ой ты мати моя воспѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица!
Могу ради тебя грѣшныхъ рабовъ помиловати
Отъ злыя муки вѣчныя,
Отъ огня—пламя неугасимаго,
Отъ пропасти неисповѣдимыя,
Да все ради тебя,
Госпожи Владычицы и Богородицы.
Да можешь ли, Мати, меня видѣти
Во второе на Христовѣ на распятіи?

Богородица не можетъ согласиться на вторичное мученіе Христа, вспоминая „ту чару", которую ей пришлось выпить „горькими слезами плачучи" при распятіи Христовомъ. Грѣшники осуждаются, и мы находимъ въ стихѣ ихъ горестное прощаніе съ раемъ и со всѣми святыми.

Легенды.

Любопытнымъ видомъ народной поэзіи, возникшимъ такъ же, какъ и духовные стихи, на основаніи Библіи, апокрифовъ и церковныхъ житій святыхъ, являются разсказы въ прозаической формѣ, называемые легендами. Въ нихъ обыкновенно дѣйствуютъ Богъ, Христосъ, ангелы, апостолы, святые, діаволъ, при чемъ видно постоянное стремленіе народной фантазіи къ *вульгаризаціи*, т. е. къ опрощенію всѣхъ этихъ образовъ. Эта вульгаризація выражается или въ дополненіи библейскихъ, житійскихъ и апокрифическихъ разсказовъ какими-нибудь пополняющими ихъ подробностями, или же въ изображеніи обыденной, народно-бытовой обстановки, въ которой указаннымъ лицамъ приходится дѣйствовать. Образецъ вульгаризаціи перваго рода мы можемъ видѣть

въ легендахъ о мірозданіи, гдѣ съ Богомъ въ твореніи соучаствуетъ чертъ, вслѣдствіе чего поверхность земли, созданная Богомъ, оказывается ровною, плодородною, полезною человѣку, часть же, созданная чертомъ, состоитъ изъ горъ и овраговъ, безплодныхъ и вредныхъ людямъ. То же можно сказать о легендахъ объ Адамѣ и Евѣ, гдѣ разсказывается, что діавола въ рай пустила собака (которая за это признается нечистымъ животнымъ), что Адамъ и Ева изгнаны изъ рая потому, что ихъ заплевалъ діаволъ; такова же вульгаризація въ легендѣ о Соломонѣ, премудрость котораго выразилась въ томъ, что онъ обманулъ черта и вышелъ изъ ада самъ, тогда какъ всѣхъ другихъ людей вывелъ оттуда Христосъ, сошедшій въ адъ послѣ своей крестной смерти. Другой типъ вульгаризаціи мы видимъ въ легендахъ о посѣщеніи Христомъ бѣдной вдовы и богача, о Николаѣ угодникѣ и Касьянѣ, объ Ильѣ и Николѣ, о св. Егоріи, при чемъ эти святые вводятся въ обстановку крестьянской жизни, помогаютъ крестьянамъ въ работѣ, пасутъ скотъ и т. п.

Сказки.

Обширный отдѣлъ русскаго народнаго эпоса составляютъ сказки, весьма разнообразныя по содержанію, которыя можно назвать разсказомъ о вымышленныхъ происшествіяхъ, привлекающихъ вниманіе или своей фантастичностью, или юморомъ, или нравоучительностью. Сказки чрезвычайно распространены въ народѣ, и если былины и историческія пѣсни извѣстны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, то врядъ ли найдется такая деревня, въ которой крестьяне не знали бы довольно большого числа сказокъ. Такою популярностью сказки пользуются съ древнѣйшаго времени: уже въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ упоминаніями о баятеляхъ, т. е. сказочникахъ, а въ XVI–XVII в.в., по словамъ извѣстнаго историка Забѣлина, „сказка была одной изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну". Сказочники, или бахари приглашались часто къ царю Ивану Грозному, когда онъ ложился спать; при царяхъ бахари бывали на постоянной службѣ и получали жалованье; при бахаряхъ бывали „понукалки", обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы понуждать сказочниковъ къ продолженію почему-нибудь прерваннаго разсказа. Сказками тѣ

шились провинціальные дворяне и въ XVIII столѣтіи, какъ это видно, напримѣръ, изъ словъ Фонвизинскаго Митрофанушки, который вмѣстѣ со своимъ учителемъ Вральманомъ слушаетъ „исторіи“, разсказываемыя скотницей Хавроньей. Въ дворянскихъ семьяхъ мамушки и нянюшки поддерживали любовь къ сказкамъ, и въ XIX в. припомнимъ знаменитую Арину Родіоновну, сказки которой приводили въ восторгъ Пушкина во время его ссылки въ село Михайловское, а въ дѣтскіе годы были для него серьезнымъ противовѣсомъ французскому вліянію родительскаго дома.

Каковы были наши древнѣйшія сказки, насколько онѣ были оригинальны, и въ какой мѣрѣ въ нихъ проявлялось вліяніе поэзіи другихъ народовъ мы не можемъ сказать, такъ какъ эти древнія сказки намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что чуждыя сказки стали къ намъ проникать ужъ въ XII—XIV в.в., когда была переведена у южныхъ славянъ повѣсть объ Акирѣ премудромъ, входящая въ составъ знаменитаго арабскаго сборника „Тысяча и одна ночь“, и когда появился болгарскій переводъ сборника сказокъ о животныхъ, извѣстнаго подъ заглавіемъ „Стефанитъ и Ихнилатъ“. Отъ южныхъ славянъ перешла къ намъ уже позже восточная сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ, восточнаго происхожденія извѣстная въ древней Руси сказка о судѣ Шемяки. Изъ Западной Европы черезъ Польшу и Чехію къ намъ приходили многія сказки волшебно-фантастическаго характера, представлявшія собою переводъ или передѣлку рыцарскихъ романовъ и повѣстей; оттуда же въ XVI—XVII в.в. явились различные сатирическіе и юмористическіе разсказы изъ сборниковъ фацецій, фабльо и др. Такимъ образомъ тотъ огромный сказочный матеріалъ, который у насъ собранъ, явился изъ весьма разнообразныхъ источниковъ, и теперь, разбирая наши сказки, мы съ великимъ трудомъ можемъ отдѣлять въ нихъ оригинальное отъ заимствованнаго, а часто даже такое отдѣленіе оказывается для насъ совсѣмъ невозможнымъ.

Въ виду этого представляетъ большую трудность даже самая классификація сказокъ, распредѣленіе ихъ по группамъ. Очень часто, напримѣръ, выдѣляютъ въ особый разрядъ сказки, называемыя миѳологическими, но мы можемъ только сказать объ этихъ сказкахъ, что событія, въ нихъ изображаемыя, отличаются волшебно-чудесными подробностями; утверждать же, что въ нихъ отразились вѣрованія древнихъ славянъ или русскихъ, мы никакъ

не можемъ потому, что съ одной стороны мы не знаемъ съ достовѣрностью самыхъ этихъ вѣрованій, а съ другой стороны мы не можемъ, какъ уже сказано, отдѣлить въ сказкахъ оригинальное отъ заимствованнаго. Что касается такъ называемыхъ нравоучительныхъ сказокъ, то изъ нихъ весьма многія по характеру своего изложенія почти сливаются съ указаннымъ отдѣломъ сказокъ волшебно-чудеснаго содержанія, или же, примыкаютъ къ сказкамъ, характеризующимъ народный бытъ, такъ что сказокъ чисто нравоучительныхъ или философскихъ имѣется сравнительно очень мало. Вполнѣ обособленными представляются сказки о животныхъ, образующія такъ называемый животный эпосъ, и, наконецъ, отдѣльно стоятъ сказки историческія, а также юмористическія.

Обращаясь къ первому отдѣлу сказокъ, къ сказкамъ волшебно-чудеснаго содержанія, мы видимъ, что онѣ отличаются крайнею иногда фантастичностью событій и дѣйствующихъ лицъ: въ нихъ выводятся сверхъестественныя существа, помогающія и вредящія человѣку, существа, въ которыхъ можно видѣть отголосокъ очень отдаленныхъ вѣрованій первобытнаго человѣка въ стихійныя силы природы. Здѣсь встрѣчаются трехголовые, девятиголовые и двѣнадцатиголовые змѣи, а змѣй, какъ извѣстно, играетъ видную роль въ религіозныхъ представленіяхъ и въ поэзіи почти всѣхъ народовъ Востока и Запада: драконовъ мы видимъ и въ Китаѣ, и въ Индіи, и въ Византіи, и у южныхъ славянъ, откуда представленіе о нихъ могло проникнуть и въ русскую народную поэзію. Змѣевъ и драконовъ знаютъ и благочестивыя легенды, оказавшія вліяніе на былины, духовные стихи и сказки, и очень часто, по библейскому примѣру, представлявшія въ образѣ змѣя самого дьявола. Близко къ змѣю стоитъ Баба-Яга, самое имя которой значитъ, вѣроятно, змѣя-баба, такъ какъ, можетъ быть, происходитъ отъ латинскаго слова *anguis*-*змѣя* (яга); однако, въ ея образѣ есть и другія черты, свойственныя средневѣковымъ представленіямъ о колдуньяхъ, изъ которыхъ одна, называемая въ итальянской сказкѣ „дикою бабой“ очень похожа на нашу Бабу-Ягу; есть у Бабы-Яги сходство и съ бабой-людоѣдкой, встрѣчающейся въ „Тысячѣ и одной ночи“. Въ одной изъ сказокъ змѣй замѣняетъ и Кощея безсмертнаго, мрачное, таинственное существо, похищающее красавицу, которую находитъ ея женихъ или мужъ: узнавъ, что смерть Кощея находится въ яйцѣ, схороненномъ на морѣ, герой достаетъ это яйцо и губитъ Кощея. Этотъ ужасный врагъ героя извѣстенъ и не русскимъ сказкамъ, есть онъ у фран-

цузовъ, у норвежцовъ, даже встрѣчается въ одномъ египетскомъ романѣ, написанномъ за 15 вѣковъ до Рождества Христова: въ этомъ романѣ повѣствуется о колдунѣ Битіу, который для безопасности спряталъ свое сердце въ цвѣтокъ акаціи и неосторожно сообщилъ объ этомъ своему брату Апушу и женѣ, она же открыла его тайну врагамъ, которые и убили Битту, уничтоживъ его сердце.

Кромѣ того, въ этихъ сказкахъ дѣйствуютъ олицетворенныя силы природы: Морозъ, Морской царь, Вихрь, лѣшіе, водяные. Часто выводятся въ нихъ черти, иногда внушающіе страхъ, иногда надѣляемые комическими особенностями и попадающіе въ просакъ. Рядомъ съ ними выставляются служители нечистой силы, колдуны и вѣдьмы, мертвецы—упыри, пьющіе людскую кровь.

Въ противоположность этимъ страшнымъ, злымъ существамъ сказки этого рода выставляютъ и благодѣтельныя силы: то является Сивка-бурка, вѣщая каурка, то корова Буренушка, то „пѣтушекъ—золотой гребешокъ, масляна головка", то чудесная курочка, несущая самоцвѣтные камушки, или золотая рыбка, обогащающая бѣднаго рыбака, или сѣрый волкъ, спасающій героя при помощи живой и мертвой воды. На каждомъ шагу встрѣчаются въ сказкахъ диковинные предметы, которые оказываются полезными герою въ достиженіи его цѣли или въ спасеніи отъ преслѣдованія: тутъ и скатерть-самобранка, на которой всегда готовы пища и питье для героя, тутъ и сапоги-скороходы или коверъ-самолетъ, тутъ и шапка-невидимка.

Сказочный герой добываетъ себѣ прекрасную невѣсту, освобождая ее отъ темной силы Кощея, достаетъ Жаръ-птицу и золотогриваго коня, пріобрѣтаетъ богатство и славу, торжествуетъ надъ коварными врагами. Онъ освобождаетъ красавицу отъ чаръ, которыми она усыплена или превращена въ жабу, мышь или кикимору, при чемъ, подобно Сандрильонѣ Золушкѣ, эта красавица надѣлена и высокими нравственными качествами. Самъ герой тоже представляетъ собою выдающуюся нравственную силу, какъ это видно на примѣрѣ Иванушки дурачка, который по существу совсѣмъ не можетъ считаться глупымъ и торжествуетъ надъ своими братьями—умными эгоистами.

Какъ мы видимъ въ этихъ послѣднихъ сказкахъ представляется вѣра въ конечное торжество добра надъ злымъ началомъ, и съ этой же вѣрой мы встрѣчаемся, какъ въ чисто нравоучительныхъ („Правда и Кривда", гдѣ послѣ всякихъ испытаній,

человѣкъ, живущій правдой, награждается за свою добродѣтель), такъ и въ бытовыхъ, изъ которыхъ сказки о дуракѣ Иванушкѣ и о доброй падчерицѣ (золушкѣ), какъ только что указано, сливаются съ волшебно-чудесными сказками.

Иногда нравоучительныя сказки переходятъ въ своего рода философскія разсужденія: такова сказка о Лихѣ-Одноглазомъ, по многимъ подробностямъ замѣчательно близкая къ мнеу объ Одиссеѣ и циклопѣ Полифемѣ; хотя въ этой сказкѣ кузнецъ и выкололъ Лиху его единственный глазъ, но самъ пострадалъ, лишившись руки. Въ этомъ случаѣ, а въ особенности въ сказкѣ о судьбѣ, проявляется чисто фаталистическое смиреніе передъ горемъ, преслѣдующимъ человѣка.

Къ бытовымъ сказкамъ, кромѣ указанныхъ нравоучительныхъ, относятся многочисленные анекдоты объ инородцахъ, евреяхъ, цыганахъ, татарахъ, о разныхъ ловкихъ людяхъ, такъ называемыхъ докахъ, которые обманываютъ довѣрчивыхъ простаковъ. Этого рода бытовыя сказки обыкновенно отличаются чертами юмористическими и сатирическими. Къ тому же разряду относятся многочисленные народные анекдоты о глупцахъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется „набитый дуракъ“ или „бабій дурень“, дѣлающій все невпопадъ: на похоронахъ онъ высказываетъ пожеланіе „носить—не переносить, таскать—не перетаскать“, на свадьбѣ говоритъ „кануиъ да ладанъ“ и т. п.

Особенно важный отдѣлъ составляютъ сказки о животныхъ, близкія къ баснямъ и, можетъ быть, давшія происхожденіе нѣкоторымъ баснямъ. Въ огромномъ большинствѣ эти сказки заимствованы изъ разныхъ сборниковъ сказокъ о животныхъ: „Луцидарія“, „Бестіарія“, индійскаго сборника Панчатантра, изъ упомянутаго выше „Стефанита и Ихнилата“. Особенно много сказокъ о продѣлкахъ хитрой лисицы, однако иногда лису перехитряютъ животныя, считаемыя обыкновенно глупыми. Въ сказкахъ животныя часто называются человѣческими именами: Лизавета Ивановна—Лиса Патрикѣевна, волкъ—Левонъ Ивановичъ, медвѣдь—Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ.

Что касается формы сказокъ, то хотя она и прозаическая, но въ ней есть особый складъ, такъ что, по пословицѣ, сказка въ отношеніи формы противопоставляется пѣснѣ: „красна пѣсня ладомъ, а сказка красна складомъ“. Этотъ складъ придаетъ сказкѣ особую занимательность и выражается въ извѣстной послѣдовательности и плавности изложенія. Можно указать для примѣра

такой выдержанной послѣдовательности на повторенія, при которыхъ усиливается впечатлѣніе: герой встрѣчается сперва съ змѣемъ о 3 головахъ, потомъ съ шестиголовымъ, девятиголовымъ. Въ сказку вводятся присказки, прибаутки, пословицы, загадки, и есть даже сказки, основанныя на разгадываніи трудныхъ загадокъ. Обычны въ сказкахъ рифмы, созвучія, какъ напримѣръ: „Былъ себѣ человѣкъ Яшка, на немъ сѣрая сермяжка, на затылкѣ пряжка, на шеѣ тряпка, на головѣ шапка—хороша ли моя сказка?“ или: „Въ лѣсу шумитъ, трещитъ, идетъ Верлiока, ростомъ высокій, объ одномъ глазѣ, носъ крючкомъ, борода клочкомъ, усы въ полъ-аршина, на головѣ щетина, на одной ногѣ, въ деревянномъ сапогѣ, костылемъ подпирается, самъ страшно ухмыляется“. Эпитеты постоянные (Баба-Яга—костяная нога), сравненія, олицетворенія—общая черта сказокъ съ другими произведеніями народной поэзіи.

Народная драма.

Элементы драмы, соединеніе діалога съ дѣйствіемъ, имѣются уже въ нѣкоторыхъ народныхъ обрядахъ и въ хороводныхъ играхъ: въ свадебномъ обрядѣ, напримѣръ, драматическій элементъ можетъ быть указанъ въ той притворной борьбѣ, съ которою невѣста берется женихомъ и его поѣздомъ; такіе же зачатки драмы замѣчаются и въ причитываніи на похоронахъ; хороводная игра „сѣянье проса“ тоже представляется соединеніемъ діалога съ дѣйствіемъ. Однако, все это только зачатки недоразвившихся драматическихъ представленій, и названіе народной драмы можетъ быть присвоено нѣкоторымъ другимъ „играмъ“, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Эти народныя драмы весьма немногочисленны: ихъ наберется, по свидѣтельству ихъ новѣйшаго собирателя, Н. Н. Виноградова, всего около двухъ десятковъ, и такая бѣдность народнаго репертуара объясняется трудностью постановки въ деревнѣ драматическихъ произведеній, а болѣе всего весьма распространеннымъ взглядомъ на нихъ, какъ на грѣховное „бѣсовское“ дѣло, за которое придется дать отвѣтъ на томъ свѣтѣ. Этотъ взглядъ поддерживался духовенствомъ, которое видѣло въ театральныхъ зрѣлищахъ остатки язычества, и отразился даже въ духовныхъ стихахъ, въ которыхъ говорится:

По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала...
Провалилась душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться.

Обыкновенно представленія устраиваются въ деревняхъ на святкахъ, но подготовка начинается задолго до этого времени. „За нѣсколько недѣль до рождественскихъ праздниковъ, какъ разсказываетъ г. Виноградовъ, организуется труппа, и участники представленія, прячась отъ посторонняго глаза по овинамъ, ригамъ и банямъ, подъ руководствомъ опытнаго товарища, обыкновенно фабричнаго или отставного солдата, разучиваютъ свои роли. Въ то же время нѣсколько искусниковъ изъ разноцвѣтной, золотой и серебряной бумаги приготовляютъ принадлежности костюма, мечи, ордена и пр. Долгая подготовка къ представленію необходима потому, что деревенскимъ исполнителямъ всѣ роли, всѣ нужные жесты, всѣ выходы нужно знать, что называется, „на зубокъ“. Суфлера и режиссера на деревенской сценѣ не полагается. Большое затрудненіе выходитъ и съ женскими ролями. Дѣвицамъ обычай запрещаетъ участвовать въ представленіяхъ, а ребята очень неохотно берутъ на себя женскія роли, такъ какъ обыкновенно женскія клички становятся обидными прозвищами на долгое время... Поэтому въ народныхъ драмахъ очень мало женскихъ ролей.

Въ до-Петровской Руси народная драма была въ рукахъ скомороховъ, которые устраивали разныя потѣшныя представленія; слѣды этихъ-то представленій сохраняются кое-гдѣ и теперь. Такъ, въ XVII столѣтіи была распространена „игра“, въ которой въ комическомъ видѣ выставляется бояринъ; его били оборванцы, чтобы показать, „какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ“; тутъ же доставалось и купцу, обобравъ котораго, голытьба отправлялась пьянствовать въ царевъ кабакъ. Отголосокъ этого фарса можно видѣть въ игрѣ въ барина, и до сихъ поръ исполняющейся въ посадѣ Пижмозеро Архангельской губерніи. Въ этомъ представленіи дѣйствующими лицами являются баринъ, панья, кучеръ (онъ же и палачъ), жеребецъ (мальчикъ съ колокольчикомъ), быкъ (мальчикъ съ широкимъ лбомъ), просители, отвѣтчики и удивительные люди. Вся эта группа является въ какую-нибудь избу: баринъ становится у передней лавки, между

паньей и купчиной, и выпивъ водки, говоритъ: „Здравствуйте, міряне".—„Здорово, баринъ!"—„Все-ли у васъ ладно? Нѣтъ-ли ссоръ какихъ? Баринъ разберетъ". Затѣмъ подходятъ истцы и отвѣтчики, и виноватыхъ, по приказу барина, палачъ бьетъ ремнемъ. Послѣ этого баринъ покупаетъ у купчины жеребца, за котораго купчина требуетъ „сто рублей деньгами, сорокъ амбаровъ сушеныхъ таракановъ". „Ну, это все у насъ найдется, говоритъ баринъ,—взыщете-ли, міряне? Взыщемъ, господинъ баринъ". Быка баринъ покупаетъ за 50 рублей, а удивительныхъ людей по 25 рублей „за штуку". Подъ конецъ всѣ поютъ, а баринъ съ паньей ходятъ по комнатѣ, взявшись за платокъ.

Насмѣшкой надъ бариномъ представляется и діалогъ „Аѳонька малый и баринъ голый", въ которомъ выведены глупый, разорившій своихъ крестьянъ баринъ и хитрый лакей Аѳонька, надъ нимъ издѣвающійся. Подобныхъ сатирическихъ діалоговъ очень много, въ нихъ часто происходятъ измѣненія, такъ какъ въ большомъ ходу импровизаціи, и нѣкоторыя изъ нихъ просто являются игрою словъ.

Большое значеніе имѣлъ въ развитіи народной драмы кукольный театръ, вертепъ, въ которомъ изображались событія, сопутствовавшія Рождеству Іисуса Христа. Въ этихъ представленіяхъ характеризовался Иродъ, несшій подъ конецъ за свои преступленія заслуженную казнь, такъ какъ его тащилъ въ адъ чертъ со словами:

О, Проклятый Ироде, за твоя превеликія злости
Поберу тя въ преисподнюю и съ кости.

Изъ вертепнаго представленія, можетъ быть, возникла и драма о царѣ Максемьянѣ и непокорномъ его сынѣ, Адольфѣ, драма, въ которой проглядываетъ сатира на Петра Великаго. Царь Максемьянъ объявляетъ, что женился на „Кумирической Богинѣ", и требуетъ отъ сына перехода въ Магометанство; но Адольфъ, ревностный защитникъ православія, отказывается исполнить это требованіе; за это онъ посаженъ на „хлѣбъ и на воду", а потомъ казненъ. Въ этомъ отразилось отношеніе драмы къ судьбѣ царевича Алексѣя Петровича.

Столь же популярна, какъ „царь Максемьянъ", и пьеса „Лодка", которая характеризуетъ похожденія казацкой вольницы, обстоятельно описанныя г. Виноградовымъ. „Дѣйствующими лицами являются: атаманъ, есаулъ, разбойники, неизвѣстный

(носящій иногда и различныя другія имена), богатый помѣщикъ и его семья. Съ пѣніемъ разбойничьей пѣсни входятъ исполнители въ избу и становятся въ кругъ. Атаманъ приказываетъ есаулу „мигоментально“ построить „косную лодку“. Разбойники дѣлаютъ видъ, что строятъ. Лодка готова и атаманъ приказываетъ: „Весла по бортамъ, молодцы по мѣстамъ!“. Двѣнадцать разбойниковъ садятся на полъ, по два въ рядъ, оставляя между собою пустое пространство, по которому расхаживаютъ атаманъ и есаулъ. Атаманъ приказываетъ трогаться въ путь и спѣть любимую его пѣсню. Гребцы запѣваютъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, покачиваются взадъ и впередъ и прихлопываютъ руками, изображая греблю. Пѣсня поется съ перерывами, во время которыхъ атаманъ съ есауломъ ведутъ между собою разговоры; напр., атаманъ посылаетъ есаула посмотрѣть, нѣтъ ли на Волгѣ какой-нибудь „помѣхи“. Есаулъ кричитъ: „Смотрю, гляжу и вижу: на водѣ колода!“—Атаманъ: „Какой тамъ чертъ-воевода! Будь ихъ тамъ сто или двѣсти, всѣхъ ихъ положимъ вмѣстѣ. Я ихъ знаю и не боюсь, а если разгорюсь,—еще ближе къ нимъ подберусь! Есаулъ-молодецъ, возьми мою подозрительную трубку, поди на атаманскую рубку, посмотри на всѣ четыре стороны: нѣтъ ли гдѣ пеньевъ, кореньевъ, мелкихъ мѣстъ, чтобы нашей лодкѣ на мель не сѣсть! Гляди вѣрнѣй, сказывай скорѣй!...“ Вдругъ раздается громкая пѣсня: „Среди лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ!...“ Атаманъ приказываетъ схватить и привести пѣвца.—его приводятъ. Это—Неизвѣстный. Онъ въ горячемъ монологѣ, представляющемъ собою передѣлку „Братьевъ—разбойниковъ“ А. С. Пушкина, разсказываетъ свою жизнь, какъ онъ сдѣлался разбойникомъ, и проситъ атамана принять его въ шайку. Атаманъ говоритъ есаулу: „Запиши, это будетъ у насъ первый воинъ!“—И приказываетъ снова смотрѣть впередъ. Есаулъ видитъ на берегу село. Атаманъ кричитъ: „Приворачивай, ребята, ко крутому бережечку!“ Разбойники весело подхватываютъ и доканчиваютъ пѣсню. Выйдя на берегъ, атаманъ посылаетъ есаула съ Неизвѣстнымъ на развѣдки. Въ селѣ живетъ богатый помѣщикъ. Съ пѣснею: „Эй, усы, вотъ усы! Атаманскіе усы!“ приходятъ разбойники къ помѣщику и, послѣ недолгихъ переговоровъ, грабятъ его. Представленіе заканчивается при общемъ крикѣ: „Жги, пали богатаго помѣщика!“

ОТДѢЛЪ II.

Древняя русская письменность.

Возникновеніе письменности. Вліяніе Византіи и южныхъ славянъ. Свв. Кириллъ и Меѳодій. Переводная письменность.

Русская письменность возникаетъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства Владиміромъ Святымъ, въ концѣ X и въ началѣ XI в. по Р. X., хотя древнѣйшіе ея памятники, до насъ сохранившіеся, относятся уже къ серединѣ XI вѣка. Принявъ христіанство изъ Византіи, мы естественно должны были въ нашемъ просвѣщеніи подчиниться сильному воздѣйствію византійской образованности, а такъ какъ письменность пришла къ намъ отъ южныхъ славянъ, жившихъ на Балканскомъ полуостровѣ болгаръ, у которыхъ она была создана трудами святыхъ славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, то намъ пришлось испытать на первыхъ порахъ нашей духовной жизни и южно-славянское вліяніе, такъ что даже языкъ нашихъ древнѣйшихъ книгъ былъ церковно-славянскій, т. е. древне-болгарскій. Въ виду этого, прежде чѣмъ говорить о древней русской литературѣ, необходимо остановиться на разсмотрѣніи вопросовъ о томъ, какое значеніе имѣло вліяніе на древнюю Русь Византіи, какова была дѣятельность Свв. Кирилла и Меѳодія, и какія произведенія южно-славянской и византійской письменности были получены нашими предками въ древнѣйшую эпоху нашего просвѣщенія.

То обстоятельство, что русская образованность сразу пріобрѣла довольно сильный византійскій отпечатокъ, имѣло весьма важное значеніе и, можно сказать, даже въ извѣстной степени было благопріятно для русскихъ, такъ какъ Византія въ то время была чуть ли не единственнымъ въ Европѣ государствомъ, въ которомъ процвѣтали науки и искусства и высоко стояла внѣшняя культура. Тѣ новыя государства, которыя создались на развалинахъ Западной Римской Имперіи, несмотря на свою силу, долго

остаются неизмѣримо ниже Византіи по степени своего просвѣщенія. это страны варварскія, тогда какъ въ Византіи преемственно сохраняется древняя греко-римская культура, на Западѣ еле-еле поддерживающая свое существованіе въ ничтожныхъ остаткахъ, которымъ только впослѣдствіи суждено было „возродиться“, при чемъ и самое это возрожденіе не обошлось безъ содѣйствія выходцевъ изъ Византіи.

Превосходство Византіи обнаруживается прежде всего въ томъ вліяніи, которое она оказываетъ на разныя западныя литературы: мы знаемъ, что и въ Италіи, и во Франціи, и въ Германіи въ средніе вѣка распространялось очень много повѣстей, романовъ и всевозможныхъ поэтическихъ сказаній, перенесенныхъ изъ Византіи: изъ этихъ романовъ, напримѣръ, чрезвычайною популярностью пользовалась „Александрія“, изображавшая въ баснословномъ освѣщеніи подвиги Александра Македонскаго и, какъ увидимъ далѣе, извѣстная и древней Руси. Кромѣ этого мы можемъ отмѣтить не мало фактовъ превосходства внѣшней культуры. Высшее общество западно-европейскихъ странъ было по отношенію къ византійскому столь же грубымъ, варварскимъ, какъ черезъ нѣсколько столѣтій наше русское общество сравнительно съ европейскимъ. Сами византійцы отлично сознавали свое превосходство надъ западными варварами, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ одного ученаго византійца по поводу завоеванія въ 1204 г. Константинополя крестоносцами: „Запустѣли города, въ которыхъ водились хоры музъ, и властвовала Ѳемида, и процвѣтала философія. Но намъ не слѣдуетъ предаваться унынію и ограничиваться сѣтованіями. Тѣ, которые считаютъ себя нашими повелителями, столько же понимаютъ въ словесномъ искусствѣ, какъ ослы въ музыкѣ. А мы не будемъ забывать философіи и не перестанемъ украшать себя добродѣтелью и образованностью: въ этомъ мы найдемъ дѣйствительное средство властвовать надъ нашими повелителями, какъ надъ дикими звѣрями. Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая у насъ имущество и пищу. Но тамъ не можетъ быть надежнаго и прочнаго господства, гдѣ побѣдители не обладаютъ ни природными, ни пріобрѣтенными преимуществами. Никто же не скажетъ, что львы, леопарды, или волки властвуютъ надъ людьми, „хотя бы они когтями и зубами достигали того же, чего и наши повелители“.

Однако, отмѣчая важность византійскаго вліянія для Россіи, мы должны указать и нѣкоторыя темныя его стороны: какимъ бы высокимъ мы ни считали уровень византійской образованности, мы никогда не должны забывать, что страна, сообщившая намъ свѣтъ Христовой вѣры, пережила уже очень продолжительную исторію, что культура ея была уже какъ бы состарившеюся, что въ ней были задатки духовной косности,—и въ особенности это относится къ той эпохѣ, когда начались наши сношенія съ Византіей. Блестящій періодъ византійскаго просвѣщенія уже миновалъ: оживленные догматическіе споры, ставшіе предметомъ обсужденія вселенскихъ соборовъ и выдвинувшіе цѣлый рядъ первоклассныхъ богослововъ, мыслителей и проповѣдниковъ, художниковъ слова, давно закончились, и мысль обратилась къ мелкимъ обрядовымъ вопросамъ; художественная литература, давъ лучшія свои произведенія, какъ бы завершила кругъ своего развитія; найденный матеріалъ, казалось, былъ исчерпанъ до послѣдней степени... Новыхъ вопросовъ жизнь не поднимала, движенія впередъ не замѣчалось, и вся забота мыслящихъ людей обратилась на сохраненіе того, что добыто и что представлялось послѣднимъ словомъ истины; естественно, что при такомъ направленіи умовъ чрезмѣрное вниманіе привлекала къ себѣ внѣшность, форма; здѣсь открывалась возможность дальнѣйшаго усовершенствованія, новаго выраженія, и стремленіе человѣческаго духа впередъ направилось на эту область. Отсюда вполнѣ понятны послѣдствія: съ одной стороны, форма пріобрѣтаетъ въ глазахъ людей такую важность, которая ей не можетъ принадлежать, а съ другой стороны, развиваясь независимо отъ содержанія, становится крайне искусственною. И то и другое отражается до извѣстной степени и на нашей литературѣ, и, конечно, подобное отраженіе не можетъ быть признано особенно полезнымъ. Преувеличеніе цѣнности формы, какъ увидимъ, сказывается въ послѣдующемъ развитіи русской литературы и просвѣщенія, когда ничтожныя обрядовыя разногласія, простыя измѣненія словъ и даже буквъ ведутъ къ подозрѣніямъ въ еретичествѣ; искусственность же формы, риторическія украшенія, усвоиваемыя нѣкоторыми нашими писателями изъ византійскихъ образцовъ, обращаютъ ихъ произведенія въ нѣчто малодоступное для народнаго пониманія и отчуждаютъ литературу отъ народной жизни, лишаютъ ее связи съ окружающей дѣйствительностью.

Кромѣ того, въ извѣстной степени вредной стороной византійскаго вліянія на русское просвѣщеніе можетъ быть признано

отраженіе въ литературѣ церковной распри между Западомъ и Востокомъ: появляющіяся въ Византіи въ эпоху раздѣленія церквей полемическія сочиненія противъ латинянъ проникнуты иногда духомъ крайней религіозной нетерпимости. Латинянъ въ этихъ сочиненіяхъ называютъ нечистыми, сравниваютъ съ язычниками, признаютъ злѣйшими изъ всѣхъ еретиковъ и потому запрещаютъ дѣтямъ духовнымъ Восточной церкви имѣть съ ними какое-либо общеніе, даже запрещаютъ оказывать помощь латинянину, если онъ находится въ бѣдѣ. Эта религіозная нетерпимость, этотъ крайне отрицательный взглядъ на латинянъ проникли и въ Россію, при чемъ, конечно, особенно сильно выражаются въ произведеніяхъ пришлыхъ къ намъ духовныхъ лицъ греческаго происхожденія; что касается русскихъ писателей, то они гораздо мягче въ своихъ обличеніяхъ латинянъ. Однако, какъ бы ни сглаживалась рѣзкость отношеній мягкостью славянскаго характера, несомнѣнно, византійскія воззрѣнія отразились въ томъ страхѣ, который внушался нашему народу латинствомъ, при чемъ оно чуть не приравнивалось къ басурманству.

Нельзя также не видѣть темной стороны византійскаго вліянія въ сильномъ развитіи аскетизма въ древней Руси. Будучи порожденъ христіанскимъ стремленіемъ къ нравственному совершенствованію, аскетизмъ въ византійской общественной жизни столкнулся съ крайнею роскошью, изнѣженностью, распущенностью, которыя въ значительной степени являлись наслѣдіемъ античнаго язычества, отчасти же развивались отъ соприкосновенія съ восточными, азіатскими народами. Удовлетвореніе плотскихъ потребностей и стремленій въ высшихъ классахъ византійскаго общества стоитъ на первомъ планѣ, и этимъ угожденіемъ плоти заражаются также и народныя массы, такъ что у аскетовъ, людей, проникнутыхъ жаждою духовнаго совершенствованія, невольно рождалась мысль, что весь „міръ во злѣ лежитъ“, что надо бѣжать отъ міра въ пустыню, отрекаясь отъ всякихъ земныхъ радостей и готовясь къ небесному царствію (civitas Dei). Духъ надо поставить выше той плоти, которой угождаютъ люди, живущіе въ міру—таково основное требованіе аскетовъ, и, выполняя его, они въ свою очередь впадали въ противоположную крайность, отвергая многое не только вполнѣ невинное, но даже и такія проявленія жизни, какъ, напримѣръ, искусство, которое вѣдь также служитъ идеальнымъ, духовнымъ стремленіемъ человѣка. Красота была аскетизмомъ объявлена вредною, грѣховною, порожденіемъ бѣсовской силы,

и какъ языческій греко-римскій міръ преклонялся предъ красотой, такъ аскетизмъ выступилъ ея рѣшительнымъ врагомъ. Великіе учители Церкви, какъ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій, были проповѣдниками свѣтлаго аскетизма, не отвергавшаго всѣхъ радостей земной жизни, не отвращавшагося совершенно отъ людей; но въ ту эпоху, когда Русь знакомится съ византійской образованностью, аскетизмъ дошелъ уже до крайняго развитія, и однимъ изъ проявленій аскетическаго взгляда на жизнь, очень рано отразившимся на нашей литературѣ, былъ отрицательный взглядъ на женщину. Отсюда объясняется распространенность въ древней Руси сочиненій о злыхъ женахъ, распространенность сужденій о женщинѣ, какъ о существѣ вредномъ, особенно грѣховномъ, сужденій, приведшихъ къ тому, что русская женщина была заключена въ теремъ.

Разобравшись въ свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ византійскаго вліянія на древнее русское просвѣщеніе, обратимся ко второму изъ намѣченныхъ выше вопросовъ, остановимся на апостольской дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія.

Дѣтскіе годы Кирилла (въ міру Константина) и Меѳодія прошли въ Македоніи, около г. Солуня (нынѣ Салоники), гдѣ отецъ ихъ, патрицій Левъ занималъ важную военную должность. Большинство населенія окрестностей Солуня и вообще Македоніи въ то время составляли славяне, и весьма возможно, что будущіе первоучители славянъ уже съ дѣтства познакомились со славянскимъ языкомъ: по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, посылая ихъ къ моравскимъ славянамъ, императоръ Михаилъ указывалъ на Солунское происхожденіе свв. братьевъ, какъ на основаніе для такой миссіи, потому что „солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски“.

Получивъ домашнее воспитаніе, старшій братъ, Меѳодій поступилъ на военную службу, занялъ довольно видное положеніе въ администраціи, но черезъ нѣсколько лѣтъ постригся въ монахи. Кириллъ, отличавшійся выдающимися способностями и любознательностью, учился въ Константинополѣ вмѣстѣ съ будущимъ императоромъ Михаиломъ III, подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго, патріарха Фотія. Хотя ему, при его связяхъ, дарованіяхъ и учености, вполнѣ достаточно было почетное положеніе при дворѣ Михаила, онъ пошелъ, однако, въ священники и занялъ скромную должность библіотекаря при соборѣ св. Софіи, а затѣмъ даже удалился въ монастырь. Вернувшись, по просьбѣ друзей, въ Константинополь, онъ сталъ учителемъ философіи,

отчего его имя постоянно почти упоминается съ эпитетомъ „философъ“.

Около 851 г. начинается миссіонерская дѣятельность Кирилла: онъ ѣздилъ къ милитенскому эмиру, гдѣ спорилъ о вѣрѣ съ мусульманами. Послѣ этого онъ поселился съ Меѳодіемъ въ монастырѣ, постригся въ монахи и, вѣроятно, началъ съ братомъ переводить Священное Писаніе на славянскій языкъ. Для своего перевода Кириллъ и Меѳодій составили славянскую азбуку, положивъ въ ея основу греческій алфавитъ и дополнивъ его для обозначенія нѣкоторыхъ звуковъ, не имѣвшихся въ греческомъ языкѣ, буквами, взятыми изъ азбукъ еврейской, коптской, сирійской, или вновь ими изобрѣтенными. Это событіе, по свидѣтельству болгарскаго писателя, черноризца Храбра, относится къ 855 г., хотя, по другимъ показаніямъ, Кириллъ и Меѳодій совершили свое великое дѣло составленія славянской азбуки въ 862 году.

Послѣ миссіонерскаго путешествія вмѣстѣ съ Кирилломъ въ 858 г. къ хазарскому хану, Меѳодій, по нѣкоторымъ показаніямъ, въ 861 г. посѣтилъ Болгарію и обратилъ въ христіанство болгарскаго царя Бориса, хотя, по другимъ свѣдѣніямъ, крещеніе болгаръ относится къ 864—5 г.г. Между тѣмъ моравскій князь Ростиславъ въ 862 г. обратился къ императору Михаилу съ просьбою прислать ему такихъ людей, которые научили бы народъ христіанской вѣрѣ на понятномъ ему языкѣ. Моравскіе славяне уже приняли христіанство отъ нѣмецкихъ католическихъ проповѣдниковъ, но богослуженіе у нихъ совершалось на латинскомъ языкѣ, такъ какъ латинскіе миссіонеры утверждали, что Богъ можетъ быть прославляемъ только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ была написана Пилатомъ надпись на крестѣ Спасителя, т. е. на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Вслѣдствіе непонятности богослуженія христіанство въ Моравіи прививалось съ большимъ трудомъ, и князь Ростиславъ рѣшился обратиться за помощью въ этомъ дѣлѣ въ Царьградъ.

Выборъ императора Михаила, конечно, долженъ былъ пасть на солунскихъ братьевъ, уже вполнѣ готовыхъ къ миссіонерской дѣятельности среди славянъ. Кириллу и Меѳодію вполнѣ чужда была трехъязычная ересь латинскихъ проповѣдниковъ, они, напротивъ, имѣли въ виду заповѣдь Христа научить *вся языки* и чудо Пятидесятницы, когда Св. Духъ сошелъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ и даровалъ имъ для ихъ проповѣди знаніе языковъ многихъ народовъ. Понятно, что съ приходомъ Кирилла

и Меѳодія со славянскими книгами въ Моравію, христіанство въ этой странѣ стало распространяться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это было при латинскихъ проповѣдникахъ. По жалобамъ этихъ послѣднихъ на незаконность славянскаго богослуженія, папа Николай I, враждовавшій съ патріархомъ Фотіемъ, вызвалъ Кирилла и Меѳодія въ Римъ для суда. На пути, въ Венеціи имъ пришлось вступить въ споръ съ представителями латинскаго духовенства, которые говорили Кириллу: „Какъ это ты сотворилъ славянамъ книги и учишь по нимъ, между тѣмъ никто другой не обрѣлъ ихъ прежде, ни апостолы, ни римскій папа, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ; мы же знаемъ только три языка, которыми можно достойно славить Бога въ книгахъ". Кириллъ возражалъ имъ: „не идетъ ли дождь отъ Бога равно на всѣхъ, и не сіяетъ ли солнце на всѣхъ и не всѣ ли мы равно дышимъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ? Такъ не стыдно ли вамъ признавать три языка, всѣ же прочіе языки и племена обрекать на глухоту и слѣпоту. Бога ли считаете немощнымъ, не способнымъ дать сего, или же завистливымъ, не хотящимъ дать? Мы же знаемъ множество народовъ, имѣющихъ свои книги и воздающихъ Богу хвалу своимъ языкомъ". Однако, во время пути Кирилла и Меѳодія въ Римъ, папа Николай I умеръ, патріархъ Фотій былъ низложенъ, и новый папа Адріанъ отнесся къ дѣлу славянскихъ апостоловъ весьма благосклонно, такъ что положилъ даже славянское Евангеліе на алтарь, въ храмѣ св. Петра.

Въ Римѣ въ 869 г. Кириллъ скончался, и послѣ его смерти Меѳодій, назначенный въ Моравію епископомъ, продолжалъ распространеніе христіанства среди славянъ. Несмотря на всякія козни нѣмецкаго духовенства, онъ отстаивалъ славянское богослуженіе въ Моравіи, крестилъ чешскаго князя Боривоя и посылалъ своихъ учениковъ проповѣдывать христіанство въ Силезіи и Польшѣ. Онъ скончался въ 885 г., и послѣ его смерти его ученики, Климентъ, Гораздъ, Наумъ, Савва и Ангеляръ были изгнаны изъ Моравіи и удалились въ Болгарію, гдѣ нашли хорошую обстановку для своей работы: царь Симеонъ, сынъ Бориса, оказывалъ имъ покровительство и содѣйствовалъ развитію славянской письменности въ Болгаріи, такъ что даже самъ перевелъ нѣкоторыя поученія Іоанна Златоуста для сборника „Златоструй". При преемникахъ Симеона дѣло учениковъ Кирилла и Меѳодія продолжалось съ такимъ же успѣхомъ, такъ что „золотымъ вѣкомъ болгарскаго просвѣщенія" можно называть не только царствованіе

Симеона, но и ближайшую къ нему эпоху. Переводы Св. Писанія, твореній отцовъ Церкви и разныхъ другихъ произведеній византійской литературы, сдѣланные въ это время въ Болгаріи, были первыми книгами, принесенными на Русь съ принятіемъ ею христіанства.

Такимъ образомъ мы подошли къ третьему указанному выше вопросу, къ вопросу о томъ, каковъ былъ составъ нашей древнѣйшей переводной письменности.

Само собою разумѣется, что для народа, только что принявшаго христіанство, первою и насущною потребностью является ознакомленіе со Священнымъ Писаніемъ, и самыми старыми памятниками славянской, а слѣдовательно, и русской письменности должны были оказаться переводы библейскихъ книгъ. Однако Библіи въ полномъ составѣ въ одномъ спискѣ мы не имѣли очень долго, и въ древнѣйшемъ періодѣ исторіи нашей письменности существовали списки Библіи по частямъ, при чемъ наиболѣе распространены были переводы только такихъ книгъ Священнаго Писанія, которыя чаще всего употребляются при богослуженіи, т. е. Евангелія, Апостола и Псалтири, или привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе поучительностью своего содержанія, каковы книги Соломоновы или книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова.

Наибольшею популярностью изъ книгъ Св. Писанія пользовалась въ древнія времена у насъ Псалтирь, такъ что многіе знали ее наизусть; помимо своего церковнаго значенія Псалтирь была первою послѣ азбуки школьною книгою, такъ какъ по ней учились читать, и назидательнымъ нравственнымъ произведеніемъ, въ которомъ человѣкъ искалъ разрѣшенія трудныхъ нравственныхъ вопросовъ и утѣшенія въ моменты скорби, и, наконецъ, по этой же книгѣ нерѣдко гадали, или разогнувъ ее наудачу, или какимъ нибудь другимъ способомъ. Столь многостороннимъ примѣненіемъ Псалтири объясняется, почему она пользовалась такимъ почетомъ и почему, напримѣръ, въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной книгѣ о ней говорится, что она „всѣмъ книгамъ мати".

Списки Псалтири относятся у насъ къ XI вѣку, а древнѣйшій, извѣстный намъ, русскій списокъ Евангелія, такъ называемое „Остромірово Евангеліе", былъ написанъ въ 1056—57 г.г. діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остроміра.

Это есть евангеліе апракосъ, т. е. расположенное въ порядкѣ недѣльныхъ чтеній *).

Книги Св. Писанія часто употреблялись и не въ полномъ видѣ, а читались лишь нѣкоторые избранные отрывки, такъ называемыя пареміи, собранныя въ Паремейникахъ, изъ которыхъ древнѣйшіе сохранились отъ XIII вѣка. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у насъ рано являются священныя книги съ толкованіями: такъ, въ одной рукописи XV вѣка мы находимъ упоминаніе, что она есть воспроизведеніе толкованій на книги пророковъ, толкованій, списанныхъ въ 1047 г. попомъ Упиремъ Лихимъ для новгородскаго князя Владиміра Ярославича. Очень распространены были въ древнее время Евангелія съ толкованіями Ѳеофилакта Болгарскаго, толковые Апостолы, Псалтирь съ толкованіями Св. Аѳанасія Александрійскаго, Ѳеодорита Кирскаго и Брунона, еп. Вюрцбургскаго, а также Апокалипсисъ съ толкованіемъ Св. Андрея Кесарійскаго.

---

*) Оно написано на 294 листахъ большого формата и хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Почеркъ, которымъ написанъ этотъ памятникъ, крупный, очень красивый, состоящій изъ прописныхъ буквъ, называется уставомъ. Позднѣе устава появляется болѣе мелкій, но тоже очень четкій почеркъ—полууставъ. Оба эти почерка употреблялись при тщательномъ списываніи какихъ-нибудь важныхъ произведеній. Въ обыкновенной перепискѣ употреблялась скоропись, развившаяся позднѣе изъ полууставнаго письма. Часто намъ неизвѣстно въ точности, къ какому времени относится рукопись, и въ этомъ случаѣ наше затрудненіе разрѣшается при помощи особой науки, палеографіи, которая опредѣляетъ вѣкъ написанія памятника по его внѣшнимъ особенностямъ, почерку, письменному матеріалу (пергаменту или бумагѣ) и др. признакамъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что списываніе книгъ въ древнія времена, при отсутствіи книгопечатанія, было дѣломъ очень важнымъ, оно представляло немалыя трудности уже по самому процессу работы, такъ что вполнѣ понятны радостныя приписки, находимыя въ старинныхъ рукописяхъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: „якоже радуется женихъ о невѣстѣ, тако радуется писецъ, видя послѣдній листъ; какъ радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ, такъ радуется и книжный списатель, дошедъ до конца книгамъ", или же: „радуется заецъ, избѣжавъ тенета,—радуется писецъ, дописавъ конца". Въ это же время списываніе книгъ считалось дѣломъ *богоугоднымъ*, ведущимъ къ спасенію души, такъ что имъ занимались не только простые грамотеи, но и лица высокопоставленныя, князья (кн. Владиміръ Васильковичъ Волынскій), княгини (Св. кн. Евфросинья Полоцкая) епископы и др. Книги цѣнились очень дорого: такъ, за одинъ молитвенникъ было заплачено 11 рублей на наши деньги, хорошая же уставная рукопись Евангелія или Апостола обходилась, конечно, гораздо дороже.

Рядомъ съ переводами Св. Писанія слѣдуетъ упомянуть о переводахъ богослужебныхъ книгъ (каковы Служебники, Требники, Минеи, Тріоди и пр.) и твореній Отцовъ Церкви, которыя существовали иногда отдѣльно, въ сборникахъ, составлявшихся исключительно или преимущественно изъ сочиненій одного святого, или же входили въ составъ сборниковъ смѣшаннаго содержанія. Болѣе всего распространены были произведенія Іоанна Златоуста: въ домонгольскую эпоху изъ сочиненій этого учителя Церкви, въ славянскомъ переводѣ было извѣстно около 200, и изъ нихъ составлялись сборники подъ заглавіями: „Златоструй", (приписываемый царю Болгарскому, Симеону), „Златоустъ", „Измарагдъ", „Маргаритъ". „Адріатисъ". Такая любовь къ произведеніямъ Златоуста объясняется помимо важности ихъ содержанія, помимо поучительности его словъ, необыкновенной ихъ художественною отдѣлкой: въ его произведеніяхъ древній русскій книжникъ находилъ и высокіе нравственные уроки и обильную пищу для своихъ поэтическихъ стремленій. Естественно, что вслѣдствіе этого Златоустъ сталъ наиболѣе популярнымъ изъ святыхъ Отцовъ Церкви, хотя и не всегда глубина его мыслей бывала вполнѣ доступна пониманію русскихъ читателей, которые могли бы о сочиненіяхъ великаго отца Церкви повторить то же, что сказала самому Златоусту нѣкая женщина: „кладязь твоего ученія глубокъ, а верви нашего ума кратки".

Послѣ Златоуста пользовались почетомъ въ древней русской письменности сочиненія св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Іоанна Дамаскина. Привлекали они вниманіе читателей или изложеніемъ догматической стороны христіанства, или тѣми нравоучительными мыслями, которыя въ нихъ развивались, или поэтической передачей легендъ и благочестивыхъ сказаній, или высокимъ молитвеннымъ вдохновеніемъ, или аскетическимъ настроеніемъ, возникавшимъ при размышленіи о грядущихъ судьбахъ міра, или, наконецъ, идеализаціей жизни, посвященной высшимъ подвигамъ благочестія.

Какъ нравоучительное чтеніе, имѣли большое значеніе переводные сборники, извѣстные подъ названіемъ „Пчелъ". Какъ пчела собираетъ медъ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, такъ и составитель сборника пользуется изреченіями весьма многихъ мудрецовъ. Сборники эти раздѣлены на отдѣльныя главы или „слова": о богатствѣ и убожествѣ, о трудолюбіи, о мудрости, о

правдѣ, о житейской добродѣтели и злобѣ, о царѣ и о власти и т. д. Каждое „слово“ представляетъ сборъ нравственныхъ изреченій на ту или другую тему, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, изъ отцовъ Церкви, а потомъ уже изъ писателей свѣтскихъ, т. е. изъ философовъ, историковъ и даже поэтовъ классической древности и, наконецъ, изъ народныхъ пословицъ. Свѣтская часть Пчелы не мало способствовала распространенію между нашими грамотными предками изреченій классическихъ писателей, анекдотовъ и даже свѣдѣній миѳологическихъ. Напримѣръ: „Платонъ мудрый, увидѣвъ, какъ благородный юноша, безпутно промотавшій имѣніе отца своего, сидѣлъ передъ чужими дверями и ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и водою, сказалъ ему: „если бы ты ѣлъ по своей волѣ, то не такъ бы ты вечерялъ“. „Мудрецъ, увидѣвъ друга своего, который просилъ живописцевъ, чтобы они написали на камнѣ его изображеніе, сказалъ ему: ты заботишься о томъ, чтобы камень былъ подобенъ тебѣ, а того не боишься, что самъ можешь уподобиться камню“. „Какъ Актеонъ былъ растерзанъ собственными своими собаками, которыхъ онъ самъ вскормилъ, такъ льстецы своего питателя съѣдаютъ“.

Гораздо большее значеніе въ смыслѣ правоучительномъ имѣли житія святыхъ, такъ какъ здѣсь правоученія даются въ живыхъ примѣрахъ и въ драматической формѣ повѣстей. Они-то и составляли, вѣроятно, самое любимое чтеніе нашихъ книжныхъ начетчиковъ. До сихъ поръ есть пословица, характеризующая, въ чемъ болѣе всего наши предки видѣли проявленіе глубины познанія: „Великій учитель! Прологъ наизусть“. Житія привлекали къ себѣ читателей не только своей правоучительностью, но и характеромъ передававшихся въ нихъ фактовъ: аскетическіе подвиги святыхъ, ихъ чудеса давали обильную пищу фантазіи, а потому житія представляли и чисто беллетристическій элементъ, являлись своего рода трогательными повѣстями.

Изъ житій святыхъ въ Греціи составлялись сборники разнаго объема и разнаго характера: Минеи, Синаксари или Прологи и Патерики. Самымъ обширнымъ сборникомъ были Минеи (что значитъ „мѣсячныя чтенія“), въ которыхъ пространныя житія святыхъ были расположены по днямъ празднованія памяти святыхъ или другихъ событій. Но Четьи-Минеи, вслѣдствіе большого своего объема, дѣлавшаго ихъ неудобными для постояннаго чтенія и у насъ, какъ и въ Византіи, уступаютъ мѣсто другимъ, менѣе объемистымъ сборникамъ, такъ называемымъ Синаксарямъ,

которые сопровождались нравоучительными предисловіями или прологами, откуда самый сборникъ получилъ названіе Пролога. Древнѣйшіе славянскіе списки Пролога относятся къ XIII вѣку. Кромѣ греческихъ житій, въ нихъ мы находимъ данныя и о русскихъ святыхъ, какъ, напримѣръ, о Леонтіи и Исаіи ростовскихъ. Особый видъ сборниковъ житійныхъ представляютъ собою Патерики или Отечники, содержащіе повѣствованія объ отшельникахъ, инокахъ благочестивыхъ, удалявшихся отъ міра, повѣствованія, посвященныя, главнымъ образомъ, назиданію, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго поясненія одного изъ Патериковъ. „Тогда какъ поэты и историки описываютъ воинскіе подвиги, а трагики открыто изображаютъ тщательно скрываемыя несчастія и въ сочиненіяхъ увѣковѣчиваютъ ихъ память, а иные тратятъ рѣчи на смѣхотворства и забавныя шутки,—не странно ли было бы намъ оставлять безъ вниманія то, что мужи, которые въ смертномъ и страстномъ тѣлѣ явили безстрастіе и поревновали безплотнымъ, предаются забвенію". Одинъ изъ древнѣйшихъ Патериковъ, такъ называемый „Лавсаикъ", былъ составленъ въ V в. епископомъ Палладіемъ и, посвященный описанію подвиговъ египетскихъ подвижниковъ, отличается краткостью и сухостью изложенія, и поэтому гораздо большею распространенностью пользовался болѣе поздній Синайскій Патерикъ, называемый Лимонарь, т. е. Лугъ Духовный, въ которомъ очень силенъ элементъ поэтическій.

Но, кромѣ нравоучительнаго чтенія, были и другіе интересы. Хотѣлось имѣть хоть какое-нибудь научное представленіе объ окружающемъ мірѣ, и въ этомъ отношеніи къ услугамъ нашихъ предковъ была та же переводная литература. Здѣсь можно было найти такія сочиненія, какъ „Шестодневъ" Іоанна, экзарха Болгарскаго, „Христіанскую топографію" Козьмы Индикоплова, „Физіологъ". Свѣдѣнія о природѣ, сообщавшіяся въ этихъ трудахъ, заключали въ себѣ много баснословнаго и, въ сущности, не выходили далѣе того круга, который очерченъ былъ въ произведеніяхъ древне-классическихъ астрономовъ и географовъ. Такъ, весьма любопытными для характеристики этихъ свѣдѣній представляются разсужденія Козьмы Индикоплова и Епифанія Кипрскаго, которые считались наиболѣе выдающимися авторитетами. Египетскій монахъ VI столѣтія, Козьма рѣшительно возсталъ противъ тѣхъ, которые „осмѣливаются схоластическими умозаключеніями понять фигуру и положеніе міра, которые доказываютъ

сферическое и кругообразное движеніе неба, и хотятъ геометрическими вычисленіями, на основаніи затменій солнца и луны, опредѣлить форму міра и фигуру земли". „Развѣ могутъ они сообщать свою мудрость иначе, какъ только посредствомъ измѣрительныхъ инструментовъ и продолжительныхъ изслѣдованій", пренебрежительно спрашивалъ Козьма. „Конечно, они говорятъ нѣчто правдоподобное о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, но отъ этого міру мало пользы. Отъ подобныхъ знаній скорѣе рождается гордость". Напротивъ, самъ онъ, Козьма, „не самъ собою и не своими мнѣніями, а божественнымъ писаніемъ наученъ". Земля для него имѣетъ форму четырехугольной плоскости, длина которой вдвое болѣе ширины, потому что такова была форма престола въ святая святыхъ, устроеннаго Моисеемъ по подобію земли. Земля стоитъ на самой себѣ, потому что сказано: „Ты утвердилъ землю на ея основаніи". За предѣлами океана, окружающаго земную плоскость, есть еще земля, потому что писаніе говоритъ: кто пройдетъ за предѣлы моря, чтобы извести оттуда Бога? Тамъ и былъ рай; на краю этой земли поднимается высочайшая стѣна, которая сверху закругляется и образуетъ небесный сводъ. Тамъ, гдѣ стѣна начинаетъ закругляться, растянута наподобіе сѣни твердь и отдѣляетъ отъ земли небо, гдѣ живутъ Богъ и святые. Небесныя явленія производятся разумными силами. По Епифанію Кипрскому, это ангелы, управляющіе движеніемъ свѣтилъ, собирающіе трубами морскую воду, чтобы спустить ее въ видѣ дождя на землю" [1]).

Какимъ баснословіемъ отличались свѣдѣнія о животныхъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго описанія птицы феникса. „Есть птица въ великой Индіи, называемая фюникъ, о которой Давидъ-пророкъ въ 91 псалмѣ сказалъ: праведникъ, яко финикъ процвѣте. И та птица есть единоличезвница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ въ своемъ гнѣздѣ, пищу же свою добываетъ, летая въ Кедры Ливанскія, и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ, и оттого благовонна; но когда эта птица состарѣется, то взлетитъ на высоту и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое, и тутъ же сама сгораетъ, но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица, съ тѣмъ же правомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица является образомъ истинно

[1]) Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры" т. II, стр. 247

вѣрующихъ въ Бога, потому что они, хотя и приняли мученія за Христа, но нашли большую пищу рая и въ благоуханіи водворилися". Подобныя же баснословныя свѣдѣнія сообщаются о звѣряхъ единорогѣ, ехидиѣ и харадрѣ, о птицахъ сиринѣ и алконостѣ. Сиринъ есть сирена, „до чреслъ" имѣетъ образъ человѣческій, подобенъ музъ, а хвостъ гусиный, отличается „благоглаголаніемъ и благословесіемъ", „возжигаетъ сердца беззлобныхъ". алконость есть то же, что гальціона у древнихъ писателей: эта птица превосходитъ ростомъ страуса, живетъ на морѣ и тамъ выводитъ своихъ птенцовъ.

Такія сказанія, заключая въ себѣ въ извѣстной степени поэтическій элементъ, стали весьма популярными и проникли въ народныя лубочныя картинки, при чемъ имъ была придана стихотворная форма.

Свѣдѣнія по всеобщей исторіи давались также переводными сочиненіями византійскими, такъ называемыми хрониками. Старѣйшая изъ византійскихъ хроникъ была составлена въ VI—VII вв. антіохійцемъ Іоанномъ Малалой и переведена на славянскій языкъ при болгарскомъ царѣ Симеонѣ, а древнѣйшій русскій ея списокъ относится къ XIII в., хотя она извѣстна была въ Россіи и ранѣе, какъ это видно изъ цитатъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Въ этой хроникѣ, рядомъ съ чисто-историческимъ матеріаломъ, мы видимъ и разныя легендарныя сказанія: они есть и въ греческомъ оригиналѣ (который сохранился въ отрывкѣ), и вставлялись въ славянскій переводъ; изъ первыхъ упомянемъ повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, („Книги Александръ"), а изъ вторыхъ—апокрифическіе завѣты 12 патріарховъ и Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мельхиседекѣ. Слѣдующая по времени византійская хроника принадлежитъ Георгію Амартолу, писателю IX в., и имѣется въ русскомъ спискѣ XIII в. подъ заглавіемъ: „Лѣтовникъ скращенъ отъ различныхъ лѣтописецъ же и повѣдателей избранъ и составленъ отъ Георгія грѣшника инока". Она также отличается смѣшеніемъ историческихъ фактовъ съ вымысломъ, историческаго повѣствованія съ баснословными разсказами о Сивиллахъ, о царѣ Соломонѣ и царицѣ Южской и т. п. Третья византійская хроника была составлена въ XII в. Константиномъ Манассіей и, быть можетъ, въ томъ же вѣкѣ явилась и въ славянскомъ переводѣ, хотя списки ея относятся къ XIV в. Въ составъ этой хроники входятъ легендарная Троянская исторія.

Говоря о сочиненіяхъ научныхъ, необходимо остановиться на любопытнѣйшемъ сборникѣ энциклопедическаго характера, такъ называемой Палеѣ, которая имѣется двухъ типовъ: Толковая и Историческая. По своему происхожденію Палея Толковая можетъ считаться русскимъ памятникомъ, такъ какъ греческаго оригинала ея не найдено; однако слѣдуетъ сказать, что она есть компиляція, построенная на матеріалѣ переводномъ, съ полемической цѣлью доказать истину христіанства противъ іудеевъ. Акад. Тихонравовъ характеризуетъ ея содержаніе слѣдующимъ образомъ: „Толковая Палея не даромъ называлась „Бытійскою книгою", разсказомъ о бытіи неба и земли (толкованіями средневѣковой богословской науки о мірѣ, животныхъ, людяхъ и пр.). За этой первою главою слѣдуетъ повѣствованіе о „бытіи человѣчемъ", ограничивающееся до потопа хронологическими и генеалогическими указаніями и потомъ уже переходящее къ болѣе строгому и плавному историческому разсказу. Обозначивши число лѣтъ отъ Адама до раздѣленія языковъ и слегка упомянувши объ Авраамѣ, Толковая Палея переходитъ къ разсказу о рожденіи Исава и Іакова и, почти непосредственно затѣмъ, о благословеніи ихъ отцомъ, останавливаясь особенно на символическомъ толкованіи этихъ событій. Къ последнему примыкаетъ исторія бѣгства Іакова къ Лавану, которая почти исключительно занята апокрифическимъ отъ лица Іакова разсказомъ о лѣствицѣ, видѣнной имъ во время сна на пути, и длиннымъ полемически-символическимъ толкованіемъ этого видѣнія. За небольшимъ повѣствованіемъ о встрѣчѣ и примиреніи Іакова съ Исавомъ слѣдуетъ исторія Іосифа, изложенная довольно кратко и въ тѣхъ исключительно подробностяхъ, которыя допускали въ немъ видѣть символическое прообразованіе Христа. Обширное мѣсто въ Палеѣ занимаютъ разсказы о благословеніи сыновей Іаковомъ и „Завѣты 12 патріарховъ", дополненные символическимъ толкованіемъ этихъ предсказаній. Все послѣдующее изложеніе вѣтхозавѣтной исторіи (отъ Моисея до Соломона) въ Толковой Палеѣ отличается меньшею самостоятельностью и ограничивается большею частью выдержками изъ Библіи: полемическія обличенія жидовина и символическія толкованія ветхозавѣтнаго содержанія попадаются въ этой части Палеи гораздо рѣже, а потомъ и совсѣмъ замолкаютъ". Значеніе Палеи опредѣляется не только большимъ количествомъ ея списковъ, но и частыми заимствованіями изъ нея въ разныхъ памятникахъ древне-русской литературы: видно, что книга много читалась и пользовалась

большимъ авторитетомъ. Что касается Исторической Палеи или такъ называемой „Книги бытія небеси и земли“, то ея греческій оригиналъ извѣстенъ и относится къ IX в. По содержанію Историческая Палея есть краткій пересказъ ветхозавѣтной исторіи по Библіи и апокрифамъ безъ полемическаго и символическаго элемента, отличающаго Толковую Палею.

Кромѣ этого, въ числѣ энциклопедическихъ сборниковъ, надо упомянуть о двухъ „Изборникахъ“ Святослава, кн. Черниговскаго. 1073 г. и 1076 г. Первый изъ этихъ Изборниковъ былъ переведенъ съ греческаго языка для болгарскаго царя Симеона и переписанъ для Святослава; относительно второго можно предполагать, что онъ былъ составленъ въ Россіи „изъ многихъ книгъ княжихъ“, хотя, съ другой стороны, и не исключается его болгарское происхожденіе. Въ „Изборникѣ“ 1073 г., рядомъ съ выдержками изъ твореній отцовъ Церкви (напр., съ „Исповѣданіемъ вѣры“ св. Никифора, патр. Константинопольскаго, съ поученіемъ Іоанна Златоуста о злыхъ женахъ), помѣщены отрывки историческіе, философскіе, риторическіе (статья „о образѣхъ“, т.-е. о фигурахъ риторическихъ: „иносказаніи“—аллегоріи, „переводѣ“—метафорѣ, „изобиліи“—плеоназмѣ, „поруганіи“—ироніи и др.). Въ „Изборникѣ“ 1076 г. любопытны статья о чтеніи книгъ и „поученіе дѣтямъ“ Ксенофонта и Ѳеодоры, имѣвшее вліяніе на „поученіе Владимира Мономаха“.

Наконецъ, важнѣйшимъ отдѣломъ этой переводной письменности слѣдуетъ считать памятники литературы повѣствовательной, къ которымъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше апокрифовъ, принадлежатъ повѣсти и романы свѣтскаго содержанія. Изъ нихъ въ древнѣйшую эпоху нашей письменности были извѣстны „Александрія“ „Троянскія Дѣянія“, „Девгеніево Дѣяніе“.

Составленіе „Александріи“ приписывается греку Каллисѳену (или псевдо-Каллисѳену, такъ въ точности онъ неизвѣстенъ), жившему въ III в. по Р. Х. Уже въ IV в. этотъ романъ распространяется отъ грековъ къ другимъ народамъ въ разныхъ передѣлкахъ, причемъ образъ Македонскаго завоевателя окружился поэтическимъ ореоломъ. Разсказъ изобилуетъ фантастическими подробностями и отличается нравственнымъ колоритомъ. Благодаря своей правдивости, непоколебимой вѣрѣ, щедрости и милосердію, Александръ сталъ идеальнымъ царемъ. Его біографія значительно уклоняется отъ того, что намъ извѣстно изъ исторіи. Онъ представленъ сыномъ не Филиппа, а египетскаго волхва Нектанеба. Воспитывается онъ

подъ наблюденіемъ Аристотеля, изучаетъ Гомера, Вергилія и астрономію. Ставъ царемъ, онъ осаждаетъ Аѳины и беретъ ихъ хитростью по совѣту Діогена. Покоривъ Римъ, отправляется онъ въ Іерусалимъ. Особенно богато чудесными подробностями описаніе его похода въ Индію: онъ борется съ „дивьими женами", шестиногими и шестирукими людьми, исполинскими муравьями и чудовищными раками. Попадаетъ онъ на Макарійскій (блаженный) островъ, гдѣ живутъ нагіе мудрецы, потомки Сиѳа, непричастные подобно ангеламъ ни къ какимъ людскимъ смутамъ. Александру такъ нравится ихъ жизнь, что онъ готовъ остаться у нихъ, но ему жаль бросить своихъ македонянъ. На возвратномъ пути изъ Индіи Александръ заключилъ за горами нечистые народы сѣвера, о чемъ, какъ мы знаемъ, говорится въ апокрифическомъ откровеніи Меѳодія Патарскаго. Наконецъ, описывается смерть Александра и приводится плачъ его жены, Роксаны.

„Девгеніево Дѣяніе" интересно потому, что оказало сильнѣйшее вліяніе на наши былины: византійскій герой такъ же, какъ и наши богатыри, убиваетъ змѣя (дракона), борется съ разбойниками, побѣждаетъ поленицу—богатырку.

Кіевская Русь.

Проповѣди. Житія. Лѣтопись. Поученіе Владиміра Мономаха. „Слово о Полку Игоревѣ". „Слово о погибели земли русской". Хожденіе игумена Даніила.

Обращаясь къ оригинальнымъ памятникамъ древней русской литературы, мы прежде всего остановимся на поученіяхъ, такъ какъ первое изъ извѣстныхъ намъ произведеній Кіевской эпохи есть проповѣдь, да и, кромѣ того, мы могли бы съ большой достовѣрностью предположить, что писательство было начато у насъ именно духовными лицами, потому что они въ эту отдаленную эпоху начала русскаго просвѣщенія были почти единственными грамотеями.

Въ оригинальной нашей проповѣднической литературѣ на первыхъ порахъ вполнѣ естественно замѣчается сильная завися-

мость отъ византійскихъ образцовъ, выразившаяся прежде всего въ образованіи у насъ двухъ направленій проповѣди, подобныхъ тѣмъ, которыя наблюдаются въ исторіи греческой проповѣди. Одно изъ этихъ направленій —учительное, другое—торжественное. До V в. преобладающее значеніе имѣлъ родъ проповѣди учительный, съ V в. получаетъ господство родъ торжественный, который усиливался и пріобрѣталъ большее и большее развитіе по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ христіанской церкви кругъ праздничныхъ торжествъ. Между тѣмъ и другимъ родомъ проповѣди существуетъ замѣтное различіе, каждый изъ нихъ находится подъ вліяніемъ особой теоріи, и насколько та или другая теорія вліяетъ на складъ и характеръ проповѣдей, удобнѣе всего изучать на произведеніяхъ одного и того же проповѣдника. Инымъ характеромъ, напримѣръ, запечатлѣны слова Григорія Богослова, гдѣ онъ просто чему-нибудь учитъ, другимъ—гдѣ старается воздѣйствовать на волю слушателей, а инымъ—слова, въ которыхъ прославляется лицо или праздникъ. Вслѣдствіе этого каждое изъ указанныхъ направленій проповѣди имѣетъ свой спеціальный кругъ проповѣдническихъ произведеній. Огласительныя поученія, изъяснительныя бесѣды или гомиліи, слова правоучительныя относятся къ роду, цѣль котораго наученіе вообще и направленіе воли къ извѣстной дѣятельности. Слова же похвальныя на праздники Господскіе и Богородичные и въ честь святыхъ относятся къ роду торжественному, цѣль котораго прославленіе событія или лица, воспѣваніе величія и милостей Божіихъ, явленныхъ роду человѣческому. Область перваго—умъ и воля, область второго—чувство и воображеніе. Первый есть какъ бы проповѣдническая проза, второй—проповѣдническая поэзія, основные элементы которой драма и лирика[1]).

Обыкновенно въ исторіи нашей литературы рядъ проповѣдей перваго направленія, т. е. безыскусственнаго, учительнаго, „открывается поученіемъ къ братіи“, приписываемымъ архіепископу Лукѣ. Можно предполагать, что авторомъ этого поученія былъ Лука Жидята, занявшій епископскую каѳедру въ Новгородѣ съ 1036 года и умершій въ 1059 г. И по изложенію, и по содержанію эта проповѣдь отличается чрезвычайной простотой, которая

[1]) *Митр. Антоній.* Изъ исторіи христіанской проповѣди, стр. 308.

болѣе всего подходила къ пониманію паствы, только что обращенной въ христіанство, мало образованной и упорно сохранявшей въ своей жизни множество языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Новообращеннымъ христіанамъ надо было по возможности доступнѣе указать элементарныя основанія вѣры и нравственности, и эту задачу выполняетъ Лука въ своемъ весьма небольшомъ по объему поученіи, пользуясь символомъ вѣры, десятью заповѣдями, псалмами и евангеліемъ. Отъ нравственныхъ наставленій Луки вѣетъ мягкимъ духомъ любви, новаго начала, долженствовавшаго возродить жизнь той паствы, къ которой обращался проповѣдникъ. А паства была дикая, буйныя ссоры, при которыхъ произносились бранныя, срамныя слова, были не рѣдкостью, и Лука долженъ былъ указать своимъ духовнымъ дѣтямъ, что слѣдуетъ воздерживаться и отъ „буести", и отъ срамныхъ словъ, и отъ гнѣва... Есть нѣкоторые пороки общественнаго свойства: судьи несправедливы, берутъ взятки, есть въ народѣ ростовщики,—и Лука возстаетъ противъ этихъ отрицательныхъ сторонъ современной жизни. Есть порокъ индивидуальный, но отъ него происходитъ и соціальное зло; этотъ порокъ—пьянство, согласно словамъ, приписываемымъ св. Владиміру, весьма распространенное на Руси, и проповѣдникъ призываетъ свою паству къ воздержанію. Это пьянство, вѣроятно, сопутствовало языческимъ игрищамъ, которыя назывались бѣсовскими, и Лука вооружается противъ *москолудства*, которое можно считать именно пристрастіемъ къ игрищамъ.

Почти одновременно съ этимъ поученіемъ появилось образцовое произведеніе, принадлежащее ко второму роду проповѣдей, торжественныхъ, художественно-обработанныхъ. Это сочиненіе митрополита Иларіона, озаглавленное: „О законѣ, Моисеемъ даннымъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшихъ, и какъ законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа". Это сочиненіе написано Иларіономъ около 1037 г. и обращено не къ малообразованной паствѣ, а къ людямъ, „преизлиха насыщьшемся книжныя сладости", каковыми могли быть въ то время, пожалуй, только представители духовенства. Составомъ публики, на которую расчитано произведеніе, объясняется какъ его содержаніе, такъ и внѣшній характеръ, его форма: по содержанію оно не нуждается

въ крайней элементарности, какъ поученіе Луки Жидяты, а по формѣ оно должно быть изящнымъ образцомъ искусства, такъ какъ ему будетъ внимать публика избранная и привыкшая къ книжной сладости.

Какъ видно изъ заглавія, поученіе Иларіона состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: въ первой Иларіонъ разсуждаетъ о превосходствѣ Христовой вѣры, истекающей изъ благодати и истины, передъ закономъ Моисеевымъ и говоритъ о распространеніи христіанства по всей землѣ и его утвержденіи въ русскомъ народѣ. вторая часть заключаетъ восхваленіе великаго князя Владиміра, благодаря которому Русь приняла новую, истинную вѣру, а въ третьей части проповѣдникъ обращается къ Богу съ молитвой отъ всей земли русской. Поученіе имѣетъ цѣлью выяснить значеніе недавно совершившагося великаго историческаго событія крещенія Руси, и три отдѣльныя его части, органически примыкая другъ къ другу, образуютъ стройное цѣлое, такъ что уже по логической выдержанности плана поученіе митрополита Иларіона можетъ быть признано произведеніемъ выдающимся, образцовымъ.

Разсматривая сочиненіе митр. Иларіона въ частностяхъ, разбирая его форму, обильныя стилистическія украшенія, которыми оно блещетъ, мы можемъ видѣть не только силу религіознаго воодушевленія проповѣдника, не только глубокое проникновеніе его въ существо христіанскаго ученія, но и замѣчательное его литературное мастерство, показывающее, что митр. Иларіонъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Историкъ Церкви, акад. Голубинскій называетъ слово митр. Иларіона „самымъ блестящимъ ораторскимъ произведеніемъ, самой знаменитой и безукоризненной академической рѣчью, съ которой изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина, такъ какъ митр. Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры—постоянно одинаково-краснорѣчивый и обработанно-изящный, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества: во-можно хорошо, но въ мѣру —это не легкое и далеко не всѣми ораторами соблюдаемое правило составляетъ его отличительную черту“. При всѣхъ этихъ выдающихся достоинствахъ поученія митр. Иларіона, нельзя не замѣтить, что оно не могло имѣть такого значенія, какъ простая проповѣдь Луки Жидяты, будучи по своему изложенію доступно пониманію немногочисленнаго кружка образованныхъ людей, которымъ и посвящалось.

Тѣмъ не менѣе, оно пользовалось любовью въ древней Руси, долго переписывалось благочестивыми книжными людьми, наслаждавшимися его красотой и возвышенностью развивавшихся въ немъ мыслей.

Къ тому же направленію проповѣди, что и митр. Иларіонъ, принадлежитъ св. Кириллъ, еп. Туровскій, произведенія котораго были весьма распространены въ древней Руси и привлекали читателей красотой своихъ символовъ и аллегорій, при чемъ въ нихъ видно было истинное воодушевленіе проповѣдника возвышенными предметами евангельской исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалось замѣчательное его образованіе. Необыкновенное краснорѣчіе Кирилла было причиною того, что современники называли его „златословеснымъ витіей“ и сравнивали съ Іоанномъ Златоустомъ, и, дѣйствительно, въ проповѣдяхъ обоихъ этихъ учителей есть не мало сходныхъ чертъ, и если иногда высказывается мнѣніе, будто въ проповѣдяхъ св. Кирилла мало замѣтно старанія примѣнить нравственныя наставленія къ потребностямъ и нравамъ своего времени, чѣмъ и отличаются его поученія отъ словъ Златоуста, то на подобное мнѣніе можно возразить, что оно не вполнѣ обосновано и опирается только на тѣ произведенія нашего проповѣдника, которыя до насъ дошли, тогда какъ намъ извѣстно изъ житія Кирилла, что онъ обличалъ самозваннаго епископа ростовскаго Ѳеодорца и, кромѣ того, писалъ много посланій кн. Андрею Боголюбскому и, вѣроятно, въ этихъ своихъ произведеніяхъ онъ уже не являлся такимъ отвлеченнымъ моралистомъ, чуждавшимся дѣйствительности, жизненныхъ отношеній, какимъ онъ представляется по извѣстнымъ намъ его „словамъ“.

Кириллу принадлежитъ много различныхъ произведеній, которыя могутъ быть раздѣлены на три группы: къ первой относятся девять церковныхъ поученій, которыя располагаются въ порядкѣ праздниковъ, въ нихъ объясняемыхъ и прославляемыхъ 1) въ недѣлю Ваій, 2) на Пасху, 3) въ недѣлю Ѳомину, 4) въ недѣлю о мироносицахъ, 5) въ недѣлю о разслабленномъ, 6) въ недѣлю о слѣпомъ, 7) на Вознесеніе Господне, 8) на соборъ 318 св. отецъ и 9) Слово, не приспособленное ни къ какому опредѣленному церковному дню и изложенное въ видѣ „притчи о слѣпцѣ и хромцѣ“; вторую группу составляютъ поученія къ инокамъ (посланія къ Печерскому игумену Василію, въ одномъ изъ которыхъ изложена „притча о бѣлоризцѣ человѣцѣ“, и „Сказаніе о черноризчестѣмъ чину“), а въ третью группу входятъ составленныя Кирилломъ молитвы и канонъ молебный.

Въ поученіяхъ Кирилла проявляется не только его природное дарованіе, особенно ярко замѣтное въ его молитвахъ, но и серьезное образованіе: видно, что онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему наукой проповѣдничества. Прежде всего это обстоятельство сказалось въ томъ, что его поученія всегда построены по нѣкоторому опредѣленному плану: каждое поученіе, какъ говоритъ митр. Макарій, „начинается приступомъ, въ которомъ большею частью заключается какая либо общая мысль, не всегда впрочемъ удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова; въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія или излагается притча; наконецъ, всѣ слова заключаются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ“.

Кромѣ опредѣленнаго плана, усвоеніе Кирилломъ теоріи проповѣдничества выражается и въ тѣхъ искусственныхъ пріемахъ, которые онъ примѣняетъ, въ символизмѣ и драматизмѣ его изложенія. Такъ же, какъ митр. Иларіонъ, онъ любитъ прибѣгать къ обширнымъ сравненіямъ, въ которыхъ видно иногда истинное поэтическое вдохновеніе. Такова, напримѣръ, параллель между весеннимъ возрожденіемъ природы и воскресеніемъ Христовымъ, возрождающимъ человѣчество, которая проводится въ „Словѣ на Ѳомину недѣлю“: „Нынѣ небеса просвѣтилисъ, очистились отъ темныхъ облаковъ, какъ отъ вретищъ, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдуютъ славу Господню: не о видимыхъ небесахъ я говорю, но о разумныхъ-апостолахъ, которые, взойдя на Сіонъ, познавъ Господа и забывши печаль и скорбь іудейскую, и отвергнувъ страхъ, осѣненные Духомъ Святымъ, ясно проповѣдуютъ воскресеніе Христово. Нынѣ солнце, красуяся, восходитъ на высоту и, радуясь, согрѣваетъ землю: ибо взошло праведное солнце отъ гроба—Христосъ и спасетъ всѣхъ вѣрующихъ. Нынѣ луна, сошедши съ высшей степени, отдаетъ честь большему свѣтилу: уже ветхій законъ съ субботами престалъ по Писанію и отдаетъ честь закону Христовой церкви съ воскресеніемъ. Нынѣ зима грѣховная прекратилась покаяніемъ, и ледъ невѣрія растаялъ богоразуміемъ: ибо зима кумирослуженія прекратилась Христовою вѣрою и апостольскимъ ученіемъ, ледъ же Ѳомина невѣрія растаялъ показаніемъ реоръ Христовыхъ. Теперь весна красуется, оживляя земное естество,

и бурные вѣтры, тихо повѣвая, умножаютъ плоды, и земля, питая сѣмена, рождаетъ зеленую траву: весна есть красная вѣра Христова, которая крещеніемъ возрождаетъ человѣческую природу: бурные вѣтры—грѣховные помыслы, которые покаяніемъ обращены въ добрые и умножаютъ душеполезные плоды; земля же природы нашей, принявъ, какъ сѣмя, Слово Божіе, рождаетъ духъ спасенія".

Часто Кириллъ прибѣгаетъ къ такому пріему: онъ влагаетъ пространныя рѣчи, полныя аллегорій, въ уста лицъ Новаго Завѣта. Такъ, въ „Словѣ въ недѣлю о разслабленномъ" мы находимъ слѣдующее обращеніе разслабленнаго ко Христу: „Если Ты, Владыко, вопросилъ меня о здравіи, то выслушай кротко мой отвѣтъ, чтобы я могъ повѣдать тебѣ болѣзнь мою. Тридцать восемь лѣтъ лежу я на этомъ одрѣ, пригвожденный къ нему недугомъ: грѣхи разслабили всѣ члены моего тѣла, а душа уязвлена страстями. Молюсь Богу, но не внимаетъ мнѣ, потому что беззаконія мои превзошли главу мою. Все свое имѣніе я роздалъ врачамъ, но не могъ получить отъ нихъ помощи, ибо нѣтъ зелія, могущаго отмѣнить казнь Божію. Знающіе меня гнушаются мною,—смрадъ мой лишилъ меня всякой утѣхи.—ближніе мои стыдятся меня, всѣ люди клянутся мною (приводятъ меня въ примѣръ), а утѣшающаго не нахожу. Назову ли себя мертвымъ? Но чрево мое требуетъ пищи, а языкъ пасыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя представлю? Но не только встать съ одра, но даже двинуться не могу. Ноги мои не ходятъ, а руки не только не дѣлаютъ, но даже осязать себя ими я не могу. Я непогребенный мертвецъ, и этотъ одръ — гробъ мой; я мертвый между живыми, и живой между мертвыми; ибо, какъ живой я питаюсь, а какъ мертвый ничего не дѣлаю. Я мучусь, какъ въ аду, отъ оскорбленій, поносящихъ меня; предметомъ смѣха я служу для юношей и притчею наказанія для старцевъ; всѣ надо мною глумятся, а я вдвойнѣ страждую; внутри терзаетъ меня болѣзнь, а внѣ я страждую отъ досажденія поносящихъ меня. Голодъ еще сильнѣе недуга удручаетъ меня, ибо если я и найду себѣ пищу, то руками не могу вложить ее въ уста. У меня нѣтъ имѣнія, чтобы наградить человѣка, пекущагося обо мнѣ, я уже расточилъ данное мнѣ въ раю богатство; змій эдемскій похитилъ одежду чистоты, и я лежу здѣсь лишенный Божія покрова; не имѣю человѣка, который, не погнушаясь, послужилъ бы мнѣ. Не имѣю, Господи, человѣка, который ввергъ бы

меня въ купель". На эту пространную рѣчь Христосъ отвѣчаетъ такъ: „что говоришь ты: не имѣю человѣка? Ради тебя Я сдѣлался человѣкомъ, щедрый и милостивый не нарушилъ своего обѣта о вочеловѣченіи. Ты слышалъ пророка, глаголющаго: Отроча родися Сынъ Вышняго и дадеся намъ, и Онъ болѣзни и недуги наши понесетъ. Ради тебя я облекся плотію, чтобы исцѣлить душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Будучи невидимъ для ангельскихъ силъ, Я явился всѣмъ людямъ; ибо не хочу оставить образъ мой въ тлѣніи, но хочу спасти и въ разумъ истинный привести; а ты говоришь: не имѣю человѣка. Я сдѣлался человѣкомъ, да человѣка сотворю Богомъ".

Подобныя пространныя рѣчи, придающія поученію извѣстный драматизмъ, правда, внѣшній, мы находимъ не разъ въ словахъ св. Кирилла, и изъ нихъ особенно замѣчательной представляется бесѣда Іисуса Христа съ апостоломъ Ѳомою. Это есть также своего рода аллегорія, однако лучшею формою аллегоріи является притча, и изъ притчъ Кирилла Туровскаго особенно замѣчательна въ историко-литературномъ отношеніи притча о слѣпцѣ и хромцѣ, которая имѣетъ свой источникъ въ восточныхъ сказаніяхъ. Приводимъ ее цѣликомъ: „Былъ нѣкій человѣкъ; онъ насадилъ вертоградъ, обнесъ оградой, ископалъ точило, устроилъ и ворота, но не затворилъ входа. Возвращаясь домой, онъ сказалъ: кого оставлю я сторожемъ моего вертограда? Если я оставлю кого-либо изъ служащихъ мнѣ рабовъ, то, зная мою снисходительность, расточатъ они мое добро. Вотъ что сдѣлаю: приставлю къ воротамъ слѣпца и хромца,—такъ что, если кто изъ враговъ моихъ захочетъ украсть мой виноградъ, то хромецъ увидитъ, а слѣпецъ услышитъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ двоихъ захочетъ войти въ вертоградъ, то хромецъ, не имѣя ногъ, не можетъ проникнуть внутрь, а слѣпецъ, если и пойдетъ, то попадетъ въ пропасть и расшибется. И, посадивъ ихъ у воротъ, далъ имъ власть надъ всѣмъ, что внѣ вертограда, и пищу и одѣяніе приготовилъ несскудно, только сказалъ: того, что внутри вертограда, не касайтесь безъ моего повелѣнія. И послѣ того ушелъ, сказавъ, что возвратится со временемъ. Долго сидѣли они, и сказалъ слѣпецъ хромцу: что это за благоуханіе повѣваетъ изъ воротъ вертограда? Отвѣчалъ хромецъ: „внутри вертограда есть у господина нашего много добраго и несказанно пріятнаго на вкусъ. Но такъ какъ господинъ нашъ премудръ, то онъ и посадилъ тебя слѣпого и меня хромого, такъ что не можемъ до-

стигнуть и насытиться тѣхъ добрыхъ плодовъ". А слѣпецъ сказалъ въ отвѣтъ: „что же ты давно не сказалъ мнѣ этого, чтобы мы не остались при одномъ желаніи, но пошли и завладѣли тѣмъ, что у насъ подъ руками? Хотя я слѣпъ, но имѣю ноги и силенъ, могу носить и тебя, и бремя; бери корзину и садись на меня; я тебя буду носить, а ты показывай мнѣ путь, и оберемъ всѣ блага господина нашего. Если же, прибавилъ слѣпецъ,—придетъ сюда господинъ нашъ и спроситъ о воровствѣ, то я скажу: ты знаешь, господине, что я слѣпъ. Если же спроситъ тебя, ты скажи: я хромъ и не могу дойти внутрь вертограда. Такъ мы перехитримъ своего господина и сами возьмемъ себѣ награду за сторожевую службу". И вотъ возсѣлъ хромецъ на слѣпца и, достигнии внутрь ветрограда, обокрали всѣ бывшіе тамъ плоды господина своего. И пришелъ человѣкъ оный, и увидѣвъ, что его вертоградъ обокраденъ, счелъ нужнымъ разлучить слѣпца отъ хромца и повелѣлъ сначала привести слѣпца, чтобы его допросить. Когда же приведенъ былъ слѣпецъ, то послѣдовалъ допросъ: „Не поставилъ ли я тебя,—сказалъ господинъ,—какъ добраго сторожа моему вертограду; зачѣмъ же ты его обокралъ"? „Господи!—отвѣчалъ слѣпецъ—ты знаешь, что я слѣпъ и безъ водящаго меня не вижу, куда итти; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь шелъ мимо меня въ ворота. Но я думаю, Господи, что воровалъ хромецъ". Тогда повелѣлъ господинъ блюсти слѣпца, гдѣ самъ зналъ,—пока призоветъ хромца и будетъ судить обоихъ. Затѣмъ господинъ призвалъ хромца и поставилъ его на очную ставку со слѣпцомъ и начали обличать другъ друга. Хромецъ говорилъ слѣпцу: „если бы ты меня не носилъ, никакъ бы я не могъ при своей хромотѣ добраться туда". Тогда господинъ сказалъ: „какъ вы крали, такъ и теперь пусть всядетъ хромецъ на слѣпца". И когда хромецъ всѣлъ на слѣпца, то господинъ приказалъ предъ всѣми рабами своими немилостиво казнить ихъ и мучить въ мрачной темницѣ; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

Разумѣйте же, братіе, толкованіе сей притчи. Человѣкъ домовитый—Богъ, Творецъ всяческихъ. А вертоградъ—это земля и міръ сей. А оплотъ вертограда—Законъ Божій и заповѣди. А слуги, сущіе съ Господомъ—Ангелы. Хромецъ—тѣло человѣка, а слѣпецъ—душа его. А что Господь посадилъ ихъ у воротъ—это значитъ, что онъ отдалъ во власть человѣка всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Когда же человѣкъ преступилъ заповѣди

Божію и за это осужденъ на смерть, то сначала душа его приводится къ Богу и оправдывается, говоря: не я, Господи, но тѣло согрѣшило. Поэтому и нѣтъ мученія душамъ до втораго пришествія, но онѣ блюдутся, гдѣ Богъ знаетъ. Но когда Господь придетъ обновить землю и воскресить всѣхъ умершихъ, какъ предрекъ Самъ Христосъ, тогда всѣ сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и оживутъ, и изыдутъ сотворившіе благая въ воскрешеніе живота, а сотворившіе злая, въ воскрешеніе суда. Тогда души наши внидутъ въ тѣла, и каждый получитъ воздаяніе сообразно съ своими дѣлами: праведники—вѣчную жизнь, а грѣшники—безконечную и безсмертную муку".

Въ ряду памятниковъ духовной литературы одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ житіямъ святыхъ; помимо біографическаго интереса, а также весьма существенныхъ данныхъ, касающихся бытовой обстановки древней Руси, этотъ родъ сочиненій представлялъ обиліе трогательныхъ подробностей и элементовъ назидательнаго свойства въ разсказахъ о духовныхъ подвигахъ святыхъ и чудесахъ, совершавшихся ими при жизни и происходившихъ отъ ихъ мощей. Подобныя повѣствованія, содѣйствуя укрѣпленію въ сознаніи русскихъ людей мысли объ истинности новой, воспринятой ими, вѣры, въ то же время оказывали благодаря своей распространенности, сильное вліяніе на народную фантазію, вели къ созданію благочестивыхъ легендъ и отражались въ духовныхъ стихахъ, для которыхъ, кромѣ того, какъ мы указывали, источникомъ служили и разныя апокрифическія сказанія.

Древнѣйшія русскія житія посвящены св. Борису и Глѣбу, мученическая кончина которыхъ, естественно, привлекала къ себѣ общее вниманіе: эти князья-мученики представлялись образцомъ трогательной братской любви, и мы имѣемъ два ихъ житія: одно написано черноризцемъ Іаковомъ, которому, кромѣ того, принадлежитъ житіе Владиміра, а другое преподобнымъ Несторомъ Лѣтописцемъ. Первое изъ этихъ житій пользовалось большою популярностью, вѣроятно, вслѣдствіе того яркаго лиризма, которымъ оно проникнуто. Характеризуя христолюбивыхъ князей, Іаковъ воздаетъ имъ хвалу въ такихъ выраженіяхъ: „Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать, недоумѣваю. Назову ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе вся-

каго и смиреніемъ стяжали небесное жилище. Поистинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ и вашею помощью хвалятся. Вы имъ и намъ оружіе, вы земли россійской забрало и утвержденіе и мечъ обоюду-острый, которымъ побѣждаемъ языческую дерзость и попираемъ дьявола. Поистинѣ могу сказать: вы небесные человѣки и земные ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей. О блаженные страстотерпцы Христовы! Не забывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы во плоти, посѣщайте его и въ молитвахъ всегда молитесь о насъ.. Гладъ и озлобленіе отгоните, отъ всякаго браннаго меча и междоусобныя брани избавьте насъ и заступите насъ отъ всякаго грѣхопаденія, уповающихъ на васъ". Моленіе избавить отъ междоусобной брани было вполнѣ естественнымъ въ ту эпоху, когда подобныя брани составляли главное бѣдствіе, истощавшее русскую землю, и, конечно, умѣстнѣе всего казалось обратиться съ этимъ моленіемъ къ тѣмъ святымъ князьямъ, которые явили на землѣ прекрасный примѣръ братолюбія, жизнь которыхъ приводила на память ихъ біографу слова Писанія: „се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ"! То же изреченіе мы встрѣчаемъ и въ Несторовомъ житіи святыхъ князей: и нашъ лѣтописецъ обратилъ особенное вниманіе на эту выдающуюся черту взаимныхъ отношеній „христолюбивыхъ" братьевъ.

Въ своемъ повѣствованіи о чудесахъ св. Бориса и Глѣба Несторъ пользовался сочиненіемъ черноризца Іакова, но самое жизнеописаніе у него подробнѣе и однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ его произведеніи является слѣдующая характеристика св. братьевъ въ связи съ воспоминаніемъ о началѣ христіанства въ Россіи: „между тѣмъ, какъ повсюду умножались христіане, и требища идольскія были упраздняемы, страна русская оставалась въ прежней прелести, потому что она не слыхала ни отъ кого слово о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; не приходили къ русскимъ апостолы, и никто не проповѣдалъ имъ слова Божія... Но когда соблаговолилъ небесный Владыка, то въ послѣдніе дни помиловалъ ихъ и не далъ имъ до конца погибнуть въ прелести идольской. Былъ въ то время обладателемъ всей земли Русской князь Владиміръ, мужъ праведный, милостивый къ нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, но по вѣрѣ язычникъ... Этому Владиміру было явленіе отъ Бога, что онъ будетъ христіаниномъ, что и исполнилось. И наречено было ему имя Василій. Потомъ онъ

повелѣлъ всѣмъ вельможамъ своимъ и всѣмъ людямъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чудѣ, исполненномъ благодати: какъ вчера онъ (Владиміръ) заповѣдалъ приносить требы идоламъ, а нынѣ повелѣваетъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа; вчера не вѣдалъ, кто есть Іисусъ Христосъ, а нынѣ проповѣдникомъ Его явился; вчера назывался язычникъ Владиміръ, а нынѣ зовется—христіанинъ Василій! Онъ явился на Руси вторымъ Константиномъ. Но вотъ еще что чудно: когда дана была заповѣдь креститься,—всѣ пошли къ крещенію и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостью текли на крещеніе. Радовался и князь Владиміръ, видя ихъ теплую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа... Много было сыновъ у Владиміра, но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ. Благовѣрный князь отпустилъ всѣхъ своихъ сыновъ, каждаго въ его удѣлъ; но св. Бориса и Глѣба удержалъ при себѣ, потому что они были еще юны, особенно Глѣбъ. Блаженный Борисъ, будучи уже въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ: онъ былъ наученъ грамотѣ. Читалъ житія и мученія святыхъ и, молясь со слезами, говорилъ: Владыко мой, Іисусе Христе! Сподоби меня, какъ одного изъ сихъ святыхъ, и даруй мнѣ по стопамъ ихъ ходить. Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя суетнаго міра сего; но просвѣти сердце мое на уразумѣніе Твоихъ заповѣдей и даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты отъ вѣка угодникамъ Твоимъ... Когда онъ молился такимъ образомъ непрестанно, св. Глѣбъ слушалъ его, сидя, и не отлучался отъ блаженнаго Бориса, но съ нимъ пребывалъ день и ночь, слушая его. Былъ же Глѣбъ, какъ я прежде сказалъ, юнъ тѣломъ, но старъ умомъ; много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію".

Другое сочиненіе біографическаго характера, написанное Несторомъ, есть житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго. Въ этомъ произведеніи есть много такихъ чертъ, которыя представляются общими для многихъ житій святыхъ: таково описаніе дѣтства Ѳеодосія, который уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ оказывается предназначеннымъ къ высокому своему призванію; такова и характеристика отношеній Ѳеодосія къ матери, которая препятствуетъ стремленіямъ его къ иноческой жизни. Эти шаблонныя черты являются причиной нѣкоторыхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ житіи. Несторъ руководился готовыми образцами греческихъ

житій святыхъ, и дѣйствительно, изслѣдованіе академика Шахматова показало, что однимъ изъ такихъ образцовъ было „Житіе Саввы Освященнаго“. Савва, въ числѣ прочихъ обителей, основалъ пещерный монастырь, своимъ названіемъ напоминавшій Нестору о собственной, дорогой для его сердца обители, а потому вполнѣ естественно было Нестору особенно заинтересоваться житіемъ этого святого и заимствовать изъ него, какъ это подробно разъясняетъ академикъ А. А. Шахматовъ, „не только отдѣльныя фразы, но также и болѣе или менѣе обширные отрывки“.

Сочиненія Нестора и черноризца Іакова представляютъ собою отдѣльныя житія святыхъ, но рядомъ съ ними отъ до-монгольской эпохи нашей литературы сохранился памятникъ, заключающій въ себѣ сводъ житій подвижниковъ, прославившихся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Это—Кіево-Печерскій Патерикъ, и возникъ онъ первоначально изъ соединенія двухъ памятниковъ, написанныхъ въ началѣ XIII вѣка: посланія Симона, епископа Владимірскаго, къ иноку Кіево-Печерскаго монастыря, Поликарпу, и изъ посланія этого послѣдняго къ его игумену, Акиндину. Къ этимъ посланіямъ въ древнихъ рукописяхъ Патерика присоединялись Нестерово житіе Θеодосія и Несторовы, вошедшія въ составъ лѣтописи его, три сказанія: 1) о томъ, отчего получилъ названіе Печерскій монастырь, 2) о перенесеніи мощей преп. Θеодосія Печерскаго, и 3) о святыхъ первыхъ черноризцахъ печерскихъ. Въ первомъ изъ этихъ сказаній повѣствуется объ основаніи Печерской обители, о первыхъ обитателяхъ пещеръ, митр. Иларіонѣ, преподобномъ Антоніи, объ игуменствѣ Варлаама и Θеодосія; во второмъ сказаніи передаются подробности обрѣтенія мощей пр. Θеодосія, а въ третьемъ сообщаются краткія свѣдѣнія о первыхъ подвижникахъ, іеромонахѣ Даміанѣ, инокахъ Іереміи, Матеоѣ Прозорливомъ, Исаакіи затворникѣ. Здѣсь мы находимъ и общую характеристику жизни Печерской обители послѣ Θеодосія. „Когда Стефанъ—разсказываетъ Несторъ—сталъ управлять монастыремъ и блаженнымъ стадомъ, собраннымъ Θеодосіемъ, какъ свѣтила сіяли на Руси эти иноки. Одни были крѣпкіе постники, другіе подвизались въ бдѣніи, иные на земныхъ поклонахъ; иные постились по дню и по два, иные ѣли хлѣбъ съ водою, иные одну вареную зелень, или одну сырую. И жили всѣ въ несторжанной любви. Меньшіе покорялись старшимъ и не смѣли говорить предъ ними; но все дѣлали съ покорностію и съ великимъ послушаніемъ. Также и старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, научали

и утѣшали, какъ дѣтей возлюбленныхъ. Если братъ впадалъ въ какое-нибудь прегрѣшеніе, другіе утѣшали его, и по великой любви своей эпитемію раздѣляли трое или четверо. Такова-то была любовь между братіею, и такое великое воздержаніе! Если который-нибудь братъ уходилъ изъ монастыря, вся братія сильно печалилась о томъ; посылали за ушедшимъ и, призвавши его въ монастырь, шли къ игумену, кланялись, просили за него и принимали въ монастырь съ радостью. Такіе-то были любящіе, воздержанные, постники".

Идеальными чертами рисуется намъ въ этихъ словахъ братская жизнь печерскихъ иноковъ, однако нельзя не замѣтить, что бывали эпизоды, нарушавшіе ея мирное теченіе, бывали люди, которые своимъ поведеніемъ вносили какой-то диссонансъ въ общій строй обители, уходя изъ нея или сами, или по волѣ игумена, такъ что за нихъ приходилось ходатайствовать остальной братіи. Такимъ-то человѣкомъ, не вполнѣ примирявшимся съ порядками обители, былъ и Поликарпъ, къ которому писалъ епископъ Симонъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣды съ Симономъ, Поликарпъ поступилъ въ Печерскій монастырь. Его увлекали высшія духовныя стремленія; крѣпко рѣшился онъ отказаться отъ міра и всего мірскаго, далъ обѣтъ отдать все имѣніе свое на нужды монастырскія и на первый разъ устроилъ на свой счетъ двое дверей въ церкви Печерской. Такіе крѣпкіе подвиги предпринималъ онъ, что Симонъ былъ вынужденъ нѣсколько разъ повторять ему предостереженіе, чтобы онъ въ высокомѣріи не начиналъ дѣла выше силъ. Но не укрѣпился онъ еще въ великихъ иноческихъ добродѣтеляхъ—послушаніи и смиреніи, и ему приходилось выдерживать постоянную борьбу своей пылкой натуры съ правилами, внушенными Симономъ. Оттого и замѣчаемъ мы въ характерѣ Поликарпа постоянныя противорѣчія: то является онъ кроткимъ и молчаливымъ, то громко высказываетъ свое неудовольствіе на начальство и ссорится съ братіей; то, смиренный и робкій, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ своему игумену, онъ отъ стыда предъ его благочестіемъ не можетъ говорить спокойно, отъ страха забываетъ, что хотѣлъ разсказывать; то, нарушая монастырское правило, ходитъ по кельямъ и возстановляетъ братію противъ архимандрита, и говоритъ: „чѣмъ хуже я нашихъ начальниковъ? Почему не достоинъ я власти"? Самый благоустроенный въ то время, отличавшійся святостію жизни своихъ иноковъ, монастырь Печерскій не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ молодого че-

ловѣка: не былъ онъ доволенъ ни уставами монастырскими, ни начальниками—исполнителями ихъ. Все хотѣлось ему измѣнить, передѣлать по своему; а глубоко было въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, глубока вѣра въ свои силы. И задумалъ онъ самъ сдѣлаться законодавцемъ. Это не была жажда власти для власти: въ глазахъ Симонова ученика она была только средствомъ улучшить положеніе дѣлъ. Случаевъ къ исполненію намѣренія Поликарпу представлялось много. Строгая жизнь и большія дарованія, о чемъ свидѣтельствуетъ посланіе его, рано обратили на него вниманіе. Многіе монастыри желали его имѣть своимъ игуменомъ. Верхуслава Всеволодовна, не жалѣя денегъ, старалась доставить ему епископскій столъ, а братъ ея, Юрій, хотѣлъ оставить его у себя во Владимірѣ совмѣстникомъ Симона. Только этотъ послѣдній успѣлъ отклонить ихъ отъ такихъ намѣреній. Однажды разъ Поликарпъ уже оставилъ Лавру для игуменства во Владимірскомъ Космодемьянскомъ монастырѣ, но вліяніе Симона и здѣсь взяло верхъ: Поликарпъ возвратился въ Печеры. Однако отношенія его въ этомъ монастырѣ не измѣнились: онъ не могъ спокойно покоряться начальникамъ, которыхъ не считалъ лучше себя, ни переносить обидъ отъ равныхъ. И вотъ онъ пишетъ къ своему другу и господину, епископу Симону, посланіе, въ которомъ жалуется на свои огорченія и досады, „уже снова готовъ оставить свой монастырь для игуменства у святаго Димитрія (въ Кіевѣ).

Отвѣтомъ на это, не дошедшее до насъ, обращеніе Поликарпа и является упомянутое посланіе Симона, который рѣшительно увѣщаетъ волнующагося инока покориться игумену, смирить свои самолюбивыя мечтанія. „Братъ"—говоритъ Симонъ—сидя въ безмолвіи, соберись съ мыслями и скажи себѣ: инокъ убогій, не оставилъ ли ты ради Господа и міръ и по плоти родителей? Если же, пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь,—зачѣмъ же облекся въ черническое имя? Не избавятъ тебя отъ муки черническія ризы, если живешь не по-иночески. Пусть же будетъ тебѣ извѣстно, какъ ублажаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои. „Блаженъ онъ" говорятъ они, что возненавидѣлъ этотъ міръ и славу его: онъ уже не заботится о земномъ, желая только небеснаго". А ты живешь не по-чернечески. Какъ стыдно мнѣ за тебя! Что если тѣ, которые ублажаютъ насъ здѣсь, предварятъ насъ въ царствѣ небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы будемъ стонать въ мукахъ! И кто помилуетъ тебя, когда ты

самъ себя губишь? Воспряни, братъ мой, и позаботься мысленно о своей душѣ! Работай Господу со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. И не дѣлай ты такъ, что нынче кротокъ, а завтра яръ и золъ; немного помолчишь, а потомъ опять станешь роптать на игумена и его служителей. Не будь лживъ; подъ предлогомъ немощи не отлучайся отъ церковнаго собранія: какъ дождь роститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Все маловажно, что ты творишь въ келіи, Псалтирь ли читаешь, двѣнадцать ли псалмовъ поешь,—все это не сравнится съ однимъ соборнымъ „Господи, помилуй".

Напоминая Поликарпу о монашескомъ долгѣ смиренія и терпѣнія, Симонъ указываетъ, что никакіе аскетическіе подвиги не могутъ искупить нарушенія этого долга: „будь ты постникъ, будь всегда трезвъ и нищъ, пребывай безъ сна, говоритъ онъ, но если оскорбленія не стерпишь, то не увидишь спасенія. А между тѣмъ все поведеніе Поликарпа является противорѣчіемъ этой основной иноческой добродѣтели, и даже самое его желаніе уйти изъ монастыря должно быть осуждено, какъ проявленіе гордости, мятежныхъ стремленій. Ему слѣдовало бы подумать, какъ славна Печерская обитель, сколько изъ нея вышло епископовъ и знаменитыхъ подвижниковъ, угодившихъ Богу, и онъ долженъ бы считать себя счастливымъ, что онъ принадлежитъ къ братіи такого прославленнаго монастыря. „Устыдись и покайся, убѣждаетъ Симонъ, и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь призвалъ тебя. Я бы радъ былъ оставить свою епископію и работать въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ. И говорю я это, братъ мой, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только возвѣстить тебѣ объ этомъ. Святительства нашего власть ты самъ знаешь, и кто не знаетъ меня грѣшнаго епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владиміра, и другой, Суздальской церкви, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ на нихъ по всей землѣ той. И всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость! А между тѣмъ все это оставилъ бы я; но ты знаешь, какъ велико дѣло духовное. И теперь я весь отдался ему и молю Господа, чтобъ далъ онъ мнѣ время успѣшно исполнить его. Но вѣдаетъ Господь тайное,— истинно говорю тебѣ: сейчасъ же всю эту славу и честь за ничто вмѣнилъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня.

или сдѣлаться однимъ изъ убогихъ, просящихъ милостыню у воротъ честной Лавры. Это лучше было бы для меня временной сей чести; больше желалъ бы я провести одинъ день въ дому Божіей Матери, чѣмъ жить тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшниковъ".

Для того, чтобы подтвердить это свое высокое мнѣніе о достоинствахъ Кіево-Печерской обители, Симонъ, напоминая о томъ, что уже онъ ранѣе разсказывалъ Поликарпу, присоединяетъ къ своему посланію четырнадцать отдѣльныхъ повѣствованій о святыхъ, прославившихся въ обители, и объ ихъ чудесахъ. Вѣроятно, послѣ полученія этого посланія Поликарпъ примирился съ игуменомъ Акиндиномъ и написалъ ему письмо, которое составило вторую часть Патерика. „Преклони ко мнѣ благопріятный твой слухъ,—обращается Поликарпъ къ игумену,—и я стану говорить тебѣ о жизни, дѣяніяхъ и знаменіяхъ дивныхъ и блаженныхъ мужей, жившихъ въ этомъ святомъ монастырѣ Печерскомъ, какъ слышалъ я о нихъ отъ брата твоего, Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго, бывшаго черноризцемъ того же Печерскаго монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ грѣшному о великомъ Антоніи, положившемъ начало русскому монашеству, и о житіи и подвигахъ бывшихъ послѣ него святыхъ и преподобныхъ отцовъ, скончавшихся въ дому Пречистой Божіей Матери. Пусть послушаетъ твое благоразуміе моего малоумія и несовершеннаго смысла. Нѣкогда ты меня спрашивалъ и велѣлъ разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай: о чемъ бы ни была рѣчь, всегда со страхомъ бесѣдовать передъ тобою. Какъ же могъ я ясно разсказывать тебѣ сотворенныя ими чудеса! Кое-что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я сказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и разсказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія. Итакъ, я понудилъ себя извѣстить тебя писаніемъ о святыхъ и блаженныхъ отцахъ Печерскихъ, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы узнали о благодати Божіей, бывшей въ этомъ святомъ мѣстѣ, и прославили Отца небеснаго, показавшаго такихъ свѣтильниковъ въ Русской землѣ, въ монастырѣ Печерскомъ". Послѣ этого смиреннаго вступленія Поликарпъ излагаетъ 11 сказаній о Печерскихъ подвижникахъ.

Много замѣчательныхъ духовныхъ подвиговъ, много чудесъ изображается въ этихъ сказаніяхъ Симона и Поликарпа, и всѣ такого рода факты должны быть свидѣтельствомъ великой славы Печерскаго монастыря, и даже самое построеніе въ немъ церкви

совершилось при обстоятельствахъ чудесныхъ, но наиболѣе важнымъ для прославленія монастыря, какъ такого мѣста, въ которомъ даже погребенные здѣсь грѣшники получаютъ прощеніе отъ Бога, представляется слѣдующее сказаніе о преподобномъ Онисифорѣ и безъименномъ недостойномъ *монахѣ*, которое находится въ посланіи Симона: „Во времена игуменства Пимена въ Печерскомъ монастырѣ былъ тамъ мужъ, совершенный во всякой добродѣтели, именемъ Онисифоръ, пресвитеръ саномъ. Онъ сподобился отъ Бога дара прозорливости, такъ что видѣлъ въ сердцѣ всякаго человѣка согрѣшенія его. Былъ у этого блаженнаго Онисифора сынъ духовный и другъ по любви, нѣкто изъ черноризцевъ. Онъ лицемѣрно подражалъ житію этого святого; являлся постникомъ и цѣломудреннымъ притворялся; втайнѣ же ѣлъ и пилъ, и худо препровождалъ лѣта жизни своей. И утаилось это отъ духовнаго того мужа, и никто изъ братій не узналъ сего. Въ одинъ день, совсѣмъ здоровый, онъ умеръ безъ причины, и такой смрадъ былъ отъ тѣла, что никто не могъ приблизиться къ нему. И страхъ напалъ на всѣхъ. Насилу вытащили его, но отпѣвать не могли: положили тѣло особо, и, ставши поодаль, творили обычное пѣніе: иные же затыкали ноздри свои. Вынесши, положили его внутри пещеры, и пошелъ такой смрадъ, что и безсловесныя бѣгали отъ пещеры той. Много разъ слышался и вопль горькій, какъ будто кто-нибудь мучилъ умершаго брата. И явился св. Антоній пресвитеру Онисифору и говорилъ ему съ угрозами: „что это ты сдѣлалъ? Зачѣмъ положилъ здѣсь такого сквернаго и многогрѣшнаго, какого еще никогда не было положено! Онъ осквернилъ это святое мѣсто“. Очнувшись отъ видѣнія, Онисифоръ палъ *на лицо* свое и молился Богу, говоря: „Господи, для чего ты сокрылъ отъ меня дѣла этого человѣка“? И, приступивъ, Ангелъ сказалъ ему: „это было въ назиданіе всѣмъ согрѣшающимъ и нераскаяннымъ, чтобы, видѣвши это, покаялись“. И сказавъ это, сдѣлался невидимъ. Тогда пресвитеръ пошелъ и возвѣстилъ все это игумену Пимену. Потомъ въ другую ночь то же видѣлъ онъ: „скорѣе выбрось его вонъ на съѣденіе псамъ; недостоинъ онъ пребывать здѣсь“. Пресвитеръ снова обратился на молитву, и былъ къ нему гласъ: „если хочешь,— помоги ему“ Когда же на совѣтѣ съ игуменомъ рѣшили насильно привести кого-нибудь (добровольно никто не могъ приблизиться къ горѣ той, гдѣ была пещера), чтобы, вытащивъ вонъ это тѣло, бросить его въ воду,—опять явился св. Антоній и сказалъ:

„смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ. Положенные здѣсь со мною отцы не хуже бывшихъ прежде закона (въ ветхомъ завѣтѣ) и послѣ закона (въ новомъ), угодившихъ Господу моему и Пречистой Его Матери, и потому никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку. Господь говорилъ ко мнѣ, и я слышалъ голосъ Его: „Я тотъ, Который сказалъ Аврааму: ради двѣнадцати праведниковъ Я не погублю города. Тѣмъ болѣе ради тебя и тѣхъ, которые съ тобою, помилую и спасу грѣшника: если въ твоемъ монастырѣ постигнетъ его смерть,—онъ будетъ въ покоѣ". Услышавъ это отъ святого, Онисифоръ возвѣстилъ все видѣнное и слышанное игумену и братіи. Одного изъ тѣхъ первыхъ нашелъ и я, и онъ разсказалъ мнѣ все то. Игуменъ же Пименъ въ великомъ недоумѣніи былъ отъ такой страшной вещи и со слезами молилъ Бога о спасеніи души брата. И было ему отъ Бога видѣніе, и слышалъ онъ: „Такъ какъ уже здѣсь многіе грѣшные положены были, и всѣ прощены были ради угодившихъ Мнѣ святыхъ, лежащихъ въ пещерѣ сей,—и этого окаяннаго душу помиловалъ Я ради Антонія и Ѳеодосія, рабовъ моихъ, и молитвою спасшихся съ ними черноризцевъ, и вотъ тебѣ знаменіе измѣненію: смрадъ обратится въ благовоніе". Услышавъ это, игуменъ исполнился радости, созвалъ всю братію и, разсказавъ имъ о явленіи, пошелъ съ ними къ пещерѣ, чтобы увидать случившееся. И обоняли всѣ благоуханіе отъ тѣла умершаго брата, и ни малѣйшаго злосмрадія и вопля не было слышно. И всѣ насладились сладкаго запаха и прославили Бога и святыхъ его угодниковъ, Антонія и Ѳеодосія, за спасеніе брата.

Касаясь изложенія отдѣльныхъ сказаній, входящихъ въ Кіево-Печерскій Патерикъ, слѣдуетъ отмѣтить отличающую его простоту: авторы житій не вводятъ въ свое повѣствованіе никакихъ риторическихъ украшеній съ цѣлью прославленія святыхъ, какъ это дѣлается въ болѣе позднихъ житіяхъ; ихъ задачей является обстоятельное сообщеніе данныхъ о жизни святого, о его духовныхъ подвигахъ и о тѣхъ чудесахъ, о которыхъ имѣлись разсказы. Вслѣдствіе этого житія представляютъ большую цѣнность для исторіи: въ нихъ заключается множество важнѣйшихъ подробностей для характеристики быта Кіевской Руси. Говоря о назидательныхъ и чудесныхъ повѣствованіяхъ Пате-

рика, интересно остановиться на совпаденіи въ нихъ различныхъ эпизодовъ съ житіями византійскими. Какъ объяснить подобное сходство? Предположить возможность сочинительства со стороны авторовъ житій мы не можемъ, такъ какъ они относились къ памяти подвижниковъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, не допускавшимъ никакой тѣни лжи. Чтобы отвѣтить на поставленный выше вопросъ, мы должны прежде всего отдѣлить эпизоды назидательные отъ чудесныхъ. Читая разсказъ о благочестивомъ подвигѣ русскаго святого, сходномъ съ дѣяніемъ святого греческаго, мы можемъ объяснить наблюдаемое сходство при помощи одного изъ слѣдующихъ предположеній: или совпаденіе могло имѣть мѣсто въ самой дѣйствительности, и русскій подвижникъ, взявъ себѣ за образецъ извѣстнаго прославленнаго святого подражалъ совершеннымъ имъ благимъ дѣламъ; или же причиной совпаденія было своего рода литературное заимствованіе вслѣдствіе того, что благочестивая молва переносила на русскаго подвижника черты характера и дѣйствія святого греческаго. Что касается сходства эпизодовъ чудесныхъ, то оно объясняется именно вторымъ путемъ, если не предполагать дѣйствительнаго повторенія чуда; о святыхъ ходило много легендарныхъ разсказовъ, и, при отсутствіи критики, благочестиво-настроенная среда легко могла приписать одному святому чудо, первоначально связанное съ именемъ другого; это былъ своеобразный религіозный эпосъ, процвѣтавшій въ извѣстныхъ центрахъ религіозной жизни, особенно возлѣ прославленныхъ обителей, и изъ этого эпоса составители житій вполнѣ добросовѣстно включали въ свои произведенія различные чудесные разсказы.

Къ разсматриваемой кіевской эпохѣ исторіи нашей литературы относится возникновеніе и чрезвычайно важнаго литературнаго произведенія, дошедшаго до насъ уже въ болѣе позднихъ спискахъ, въ которыхъ оно подверглось, вѣроятно, различнымъ видоизмѣненіямъ, памятника, наполовину духовнаго, наполовину свѣтскаго характера, имѣющаго значеніе, какъ историческій источникъ, но весьма интереснаго и въ литературномъ отношеніи, такъ какъ онъ передаетъ намъ существенныя черты стариннаго русскаго міросозерцанія. Это наша древняя лѣтопись.

Обыкновенно, лѣтописью мы называемъ описаніе историческихъ событій по „лѣтамъ", т. е. по годамъ и представляемъ себѣ работу лѣтописца въ такомъ видѣ: годъ за годомъ онъ отмѣчаетъ различныя событія, которыхъ, по выраженію Пушкинскаго Пимена,

„свидѣтелемъ Господь его поставилъ“, или о которыхъ онъ слышалъ отъ другихъ людей. Однако, когда мы обращаемся къ тѣмъ древнимъ русскимъ литературнымъ произведеніямъ, которыя носятъ названіе лѣтописей, мы видимъ, что слово „лѣтопись“ служитъ для обозначенія весьма разнообразныхъ памятниковъ, и надо, употребляя его, различать лѣтописи въ только что указанномъ смыслѣ отъ лѣтописныхъ сводовъ, сборниковъ и списковъ: *лѣтописнымъ сводомъ* называется компиляція, составленная изъ отдѣльныхъ лѣтописей и другихъ источниковъ, съ расположеніемъ событій въ хронологическомъ порядкѣ; *лѣтописнымъ сборникомъ* мы называемъ соединеніе въ рукописи, иногда чисто механическое, нѣсколькихъ лѣтописей или сводовъ, и, наконецъ, *лѣтописный списокъ* есть просто копія, въ которой имѣется та или другая лѣтопись, сводъ или сборникъ.

Древнѣйшія русскія лѣтописи въ тѣсномъ значеніи слова до насъ не дошли, и то, что мы называемъ нашей „первоначальной лѣтописью, есть лѣтописный сводъ, озаглавленный: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Ѳедосьева Печерскаго монастыря, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть“. Этимъ сводомъ начинаются три важнѣйшихъ лѣтописныхъ сборника: 1) Лаврентьевскій, составленный, вѣроятно, въ Суздальской землѣ и потому содержащій въ себѣ послѣ 1110 г. Суздальскую лѣтопись, 2) Ипатьевскій, составленный на югѣ Россіи, причемъ въ немъ за первоначальной лѣтописью слѣдуютъ Кіевская до 1201 г. и Галицко-Волынская до 1292 г., и 3) Никоновскій, составленный въ Москвѣ и заключающій въ себѣ послѣ первоначальной лѣтописи сѣверный сводъ и Московскій сводъ.

Кто же былъ составителемъ свода, называемаго „Повѣстью временныхъ лѣтъ“ или первоначальной лѣтописью. Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, въ Симоновомъ сказаніи о Никитѣ затворникѣ упоминается „Несторъ, который написалъ лѣтопись“, и въ этотъ же Патерикъ вошло сказаніе „отчего получилъ названіе Печерскій монастырь“, принадлежащее Нестору, который сообщаетъ о себѣ такое свѣдѣніе: „тогда пришелъ къ нему (т. е. къ Ѳеодосію) и я, худой, недостойный рабъ, и онъ принялъ меня. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ отъ роду. И вотъ я написалъ это и положилъ годъ, когда начатъ былъ монастырь Печерскій, и почему онъ такъ называется“; наконецъ, въ самой лѣтописи подъ 1051 г. авторъ говоритъ о себѣ: „къ нему же (т. е. Ѳеодосію) и азъ пріидохъ

худый и пріятъ мя лѣти ми сущу семнадесять". Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно было заключить, что авторомъ свода былъ именно Несторъ; однако, достовѣрно принадлежащія Нестору сочиненія, житія Бориса и Глѣба и Θеодосія, по нѣкоторымъ своимъ показаніямъ разнятся съ лѣтописью, и это заставляетъ сомнѣваться въ авторствѣ Нестора. Кромѣ этого указывается, что въ одномъ изъ списковъ Лаврентьевскаго сборника мы находимъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ святого Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Владимірѣ, княжащю ему въ Кіевѣ, а мнѣ игуменящу у святого Михаила въ 6624 индикта 9 лѣта" (въ 1116), и изъ этой приписки можно заключить, что авторомъ лѣтописи былъ игуменъ Выдубецкаго монастыря, Сильвестръ. Однако и противъ авторства Сильвестра можно возразить потому, что о Выдубецкомъ монастырѣ въ лѣтописи говорится слишкомъ мало, а слово „написахъ" могло просто значить „переписалъ". Указывается, наконецъ, что авторомъ лѣтописи не могъ быть монахъ, а былъ какой-нибудь человѣкъ, близко стоявшій къ государственному управленію, такъ какъ инокамъ Нестору и Сильвестру не могли быть извѣстными подробности государственныхъ дѣлъ, сообщаемыя лѣтописью.

Вопросъ объ авторѣ лѣтописи представляется, такимъ образомъ, очень сложнымъ; однако слѣдуетъ сказать, что онъ не имѣетъ особенной важности, такъ какъ въ виду сводного характера „Повѣсти временныхъ лѣтъ" ея авторъ былъ только компиляторомъ, соединившимъ въ своемъ сводѣ различные литературные памятники, оригинальные и переводные. Насколько сложна была эта компиляція, видно изъ слѣдующихъ словъ извѣстнаго историка, проф. С. Θ. Платонова: „Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило намѣтить въ ней слѣдующія составныя части или, точнѣе, самостоятельныя литературныя произведенія: во 1-хъ, собственно, „Повѣсти временныхъ лѣтъ"—разсказъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей; во-вторыхъ, обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ началѣ XI вѣка, и въ 3-хъ лѣтопись о событіяхъ XI вѣка, которую принято называть Кіевскою первоначальною лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ, и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ можно замѣ-

тить „слѣды другихъ, болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній „отдѣльныхъ сказаній", и, такимъ образомъ, можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій,—насколько сложенъ его внутренній составъ".

Источники, изъ которыхъ составлялась постепенно эта компиляція, весьма разнообразны и могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: устные и письменные. Во второй категоріи, т. е. источниковъ письменныхъ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о не дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, которыя существовали до составленія свода, и о немаломъ числѣ обстоятельныхъ, иногда очень обширныхъ повѣствованій, которыя вмѣстѣ съ другими произведеніями, включенными въ лѣтопись, придаютъ ей значительный историко-литературный интересъ. Эти повѣствованія могли возникать независимо отъ лѣтописи: какой нибудь фактъ представлялся особенно важнымъ, и грамотный человѣкъ разсказываетъ о немъ въ отдѣльномъ сочиненіи, а потомъ оно включается цѣликомъ или въ частяхъ лѣтописцемъ въ его сводъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ разсказомъ священника Василія объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича или съ подробностями о Владимірѣ Святомъ и о князьяхъ, мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, подробностями, заимствованными изъ сочиненія черноризца Іакова. Кромѣ этого, лѣтописецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи разныя иноземныя извѣстія, онъ знаетъ греческія историческія сочиненія, Палею, хронографъ, хронику Георгія Амартола, знаетъ житія Кирилла и Меѳодія, принесенныя къ намъ изъ славянскихъ земель, и этотъ матеріалъ онъ вноситъ въ свой разсказъ о всемірной исторіи. Лѣтописцу извѣстны оффиціальные документы, договоры Олега и Игоря съ греками; онъ знакомъ съ произведеніями поучительной литературы (сочиненіями Ѳеодосія Печерскаго и „Поученіемъ" Владиміра Мономаха) съ разными апокрифическими сказаніями, и все это вносится постепенно въ его компиляцію.

Таковы письменные источники лѣтописи, и рядомъ съ ними въ распоряженіи составителя свода находился обширнѣйшій матеріалъ, почерпаемый изъ устныхъ разсказовъ: онъ узнаетъ кое-что отъ очевидцевъ, а многое до него доходитъ изъ преданій, обращающихся въ народѣ и украшенныхъ поэтическимъ вымысломъ, который придаетъ имъ удивительную живость и занимательность. О людяхъ, сообщавшихъ ему тѣ или иныя свѣдѣнія, онъ упоминаетъ въ своемъ трудѣ: такъ, онъ говоритъ о новго-

родцѣ Гюрятѣ Роговичѣ, а подъ 1106 г. отмѣчаетъ: „въ се же лѣто преставися Янъ, старецъ добрый, жилъ лѣтъ девяносто, въ старости маститѣ, у него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ“. Поэтическіе разсказы о первыхъ князьяхъ, объ основаніи Кіева, объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и ея мести древлянамъ, о Святославѣ и Владимірѣ были, вѣроятно, предметомъ обширнаго дружиннаго эпоса, въ которомъ историческая дѣйствительность переплеталась съ созданіями фантазіи, и этотъ эпосъ заполняетъ многія страницы нашей первоначальной лѣтописи, такъ что историкъ Костомаровъ пришелъ даже къ такому выводу: „За исключеніемъ немногаго, что почерпнуто изъ письменныхъ источниковъ, все повѣствованіе о временахъ древнихъ, включительно до смерти Владиміра, взято изъ народныхъ сказаній, преданій, пѣсенъ и пересказовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти древнія времена отразились въ нихъ во второй половинѣ XI и въ началѣ XII вѣка“.

Всѣ эти обильные источники дали матеріалъ для составленія лѣтописныхъ сводовъ задолго уже, можетъ быть, до Несторова времени: существуютъ предположенія о томъ, что подобные своды имѣлись уже въ X и даже въ IX вв. Однако до насъ эти первоначальныя лѣтописи не дошли, и первымъ сводомъ является „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, составленная въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка и легшая въ основу всѣхъ позднѣйшихъ списковъ лѣтописи: по крайней мѣрѣ она у всѣхъ списковъ составляетъ общую часть, а съ начала XII вѣка изложеніе событій въ отдѣльныхъ спискахъ болѣе или менѣе расходится, при чемъ разность зависитъ прежде всего отъ мѣста составленія свода. Есть лѣтопись Кіевская, Суздальская, Новгородская, Галицко-Волынская и т. д., такъ что списки Лаврентьевскій, Ипатьевскій, Новгородскіе и др. представляютъ собою общую начальную лѣтопись или „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (съ незначительными варіантами), дополненную мѣстными продолженіями. Въ этихъ лѣтописяхъ, при ихъ мѣстномъ интересѣ, не исчезаетъ однако сознаніе единства Русской земли, придающее такое одушевленіе начальному своду, и лѣтописецъ не остается безучастнымъ къ такимъ событіямъ, которыя, не касаясь непосредственно его родной области, имѣютъ значеніе для всей Руси. Эти отдѣльныя лѣтописи отличаются каждая своеобразнымъ характеромъ изложенія, какъ это замѣтилъ нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ. „Новгородская лѣтопись, говоритъ онъ, отличается краткостью, сухостью разсказа; такое изложеніе происходитъ, во-первыхъ, отъ

бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „Тому есмь радъ, оже вины моей нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ". Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостью, образностью, можно сказать, художественностью; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи; нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что Новгородская лѣтопись относится къ южной—Кіевской и Волынской—какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа Суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной".

Говоря вообще о характерѣ изложенія древняго лѣтописца, мы часто склонны признавать его полную объективность, припоминая сравненіе знаменитаго Пушкинскаго Пимена съ дьякомъ, посѣдѣлымъ въ приказахъ, внимающимъ „равнодушно добру и злу", не вѣдающимъ „ни жалости, ни гнѣва". Но такое огульное представленіе нашихъ лѣтописцевъ далеко нельзя назвать правильнымъ. Въ дѣйствительности лѣтописецъ, особенно въ древнѣйшія времена, былъ человѣкомъ, живо принимавшимъ къ сердцу то, что вокругъ него совершалось и о чемъ ему приходилось говорить въ своемъ трудѣ. Часто его личность скрывается за изображаемыми событіями, но еще чаще она выдвигается изъ-за нихъ: мы слышимъ его судъ надъ лицами и событіями, мы видимъ его симпатіи и антипатіи, и, что для насъ особенно важно, мы можемъ разсмотрѣть въ его повѣствованіи, какъ относилось къ тѣмъ или другимъ событіямъ современное лѣтописцу общество.

Изъ тѣхъ идей, которыя составляли основу древне-русскаго міросозерцанія и которыя отразились въ лѣтописи, господствующее положеніе занимаютъ идеи религіозная, патріотическая и земская: первая изъ этихъ идей объединяетъ повѣствованіе начальнаго лѣтописца, опредѣляя центромъ всего изложенія фактъ

крещенія Руси и заставляя судить о событіяхъ, какъ о проявленіяхъ гнѣва или милости Божіей, а вторая, земская, есть исходная точка зрѣнія при оцѣнкѣ разныхъ общественныхъ фактовъ, княжескихъ усобицъ, нашествій внѣшнихъ враговъ, княжеской дѣятельности на пользу Руси и т. п. Религіозная идея придаетъ лѣтописи характеръ назидательнаго произведенія, и это соединеніе исторіи съ поученіемъ, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ, было весьма естественнымъ. „На первыхъ порахъ достовѣрной исторіи она должна была разсказать о крещеніи Владиміра и водвореніи христіанства въ русской землѣ. Это былъ величайшій фактъ въ нравственной жизни народа, и лѣтописцу сама собой представлялась мысль о противоположности тьмы идолослуженія и свѣта истинной вѣры, погибели и спасенія, мысль о духовномъ просвѣщеніи, братолюбіи и добродѣтели, смѣнявшихъ звѣрскіе нравы язычества; но христіанство было еще ново, не всѣ утвердились въ его истинахъ, и монастырскій книжникъ не терялъ случая внушать эти истины. Когда въ средѣ новаго общества проявлялись примѣры христіанскаго благочестія, любви къ книжному ученію, иноческаго подвига, это былъ естественный поводъ къ похвалѣ, особенно когда такую похвалу заслуживалъ князь, который могъ быть примѣромъ для окружающихъ. Новая церковь уже въ первомъ вѣкѣ своего существованія имѣла святыхъ подвижниковъ и мучениковъ,—лѣтописецъ объясняетъ величіе ихъ христіанскаго подвига. Наконецъ, когда въ современной народной жизни онъ видѣлъ остатки старыхъ языческихъ заблужденій, въ которыхъ пребывали даже люди, называвшіе себя христіанами, лѣтописецъ гнѣвно ополчался на это двоевѣріе: когда шли раздоры и междоусобія, церковному писателю повелѣвалъ долгъ говорить о мирѣ и братолюбіи. Словомъ, дѣйствительность могла давать постоянные поводы къ христіанскому поученію, и безъ сомнѣнія не свѣтскій, а церковный человѣкъ высказывалъ при этомъ неизмѣнную его мысль о душевномъ спасеніи. Въ изложеніе лѣтописи вошелъ такимъ образомъ не только подробный разсказъ о крещеніи Владиміра (о чемъ приходилось тогда говорить отчасти уже на основаніи разнорѣчивыхъ преданій), не только житія святыхъ, но и цѣлые отрывки изъ церковныхъ поученій (напримѣръ, о казняхъ Божіихъ).

Земскій элементъ въ сужденіяхъ лѣтописца о событіяхъ часто сочетается съ религіознымъ, но иногда онъ проявляется и совершенно самостоятельно въ защиту интересовъ населенія по

отношенію къ дружинѣ и къ княжескимъ междоусобіямъ, нарушавшимъ эти интересы, а также и въ сознаніи единства всей Русской земли, съ которымъ опять таки идутъ въ разрѣзъ эти княжескія дѣйствія „о себѣ". Съ подобной точки зрѣнія лѣтописцу и непонятными и несочувственными представляются нѣкоторыя проявленія личной княжеской и дружинной удали, когда у князей и дружины совсѣмъ не замѣчается попеченія о благѣ земли Русской; еще болѣе огорченія вызываютъ въ немъ такія дѣйствія князей, которыя клонятся къ прямому вреду для земскихъ людей; и понятно, что поэтому наибольшую симпатію вызываютъ въ немъ князья не хищники, а такіе, которые, подобно древлянскимъ князьямъ, противопоставляемымъ Игорю, „распасли" свою землю, и его идеаломъ становится Владиміръ Мономахъ, всѣ свои дѣйствія направлявшій на благо единой Руси, думавшій постоянно о благополучіи ея населенія и заслужившій отъ лѣтописца совсѣмъ исключительный эпитетъ „добраго страдальца за Русскую землю". Этотъ князь миритъ другихъ князей, напоминаетъ имъ объ общихъ интересахъ Руси, зоветъ ихъ противъ общихъ враговъ, убѣждая забыть частные, особые расчеты. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно слѣдующее извѣстіе лѣтописи: „сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею, и бывшю молчанію, и рече Володимеръ: „брате, ты еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о Руськой земли". И рече Володимеръ: „како я хочу молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеши погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно мнѣ, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту, и жену его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите?" И рекоша вся дружина: „право, воистину тако есть".

Присутствіе въ лѣтописи указаннаго земскаго элемента заставляетъ признать ея особую важность, какъ памятника, отражающаго въ себѣ общественные идеалы и стремленія древней Руси, по преимуществу идеалъ земскаго единства, выражающійся и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ до-монгольской эпохи.

Подъ 1096 годомъ въ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ сводѣ находится весьма важное произведеніе, принадлежащее перу свѣтскаго лица, но по характеру своему примыкающее къ сочи-

ненiямъ правоучительной, духовной литературы. Это—„Поученiе Владимiра Мономаха“. Высказывалось предположенiе, что этотъ памятникъ есть не литературное поученiе, а завѣщанiе, написанное Мономахомъ для его дѣтей передъ смертью. Основывалось такое мнѣнiе на томъ, что Мономахъ говоритъ, что онъ написалъ свое поученiе, „сѣдя на санѣхъ“; это выраженiе толковалось, какъ равнозначущее выраженiю „приближаясь къ смерти“, на томъ основанiи, будто въ древнiя времена существовалъ обычай класть умирающаго на сани. Однако, помимо того, что существованiе этого обычая не удостовѣрено, изъ дальнѣйшихъ словъ Мономаха видно, что онъ писалъ свое произведенiе, дѣйствительно сидя на саняхъ, такъ какъ находился „на далечи пути“. Написано поученiе по частному поводу; къ Мономаху пришли послы отъ другихъ князей звать его въ походъ противъ Ростиславичей, и это обстоятельство глубоко огорчило его, потому что распря являлась нарушенiемъ крестнаго цѣлованiя быть въ мирѣ, которое передъ тѣмъ дали другъ другу князья на съѣздѣ въ Любечѣ. Опечаленный Мономахъ взялъ Псалтирь и, найдя въ чтенiи этой божественной книги утѣшенiе, написалъ свою „грамотицу“; однако эта грамотица написана имъ не для однихъ его дѣтей, а разсчитана на всякихъ читателей и, такимъ образомъ, прiобрѣтая общiй интересъ, становится литературнымъ произведенiемъ.

Поученiе Владимiра Мономаха имѣетъ и нѣкоторые литературные источники: такъ, въ „Изборникѣ Святослава“ 1076 г. мы находимъ два поученiя Ксенофонта и Ѳеодоры къ дѣтямъ, но сходство ихъ съ „Поученiемъ“ Мономаха чисто внѣшнее: общность прiема обращенiя къ дѣтямъ; въ апокрифическомъ сочиненiи „Завѣты двѣнадцати патрiарховъ“ разсказъ патрiарха Iуды о своей жизни во многомъ походитъ на автобiографическiя замѣчанiя Мономаха въ третьей части его „Поученiя“; наконецъ, мы находимъ въ Поученiи прямыя цитаты изъ Псалтири и творенiй Св. Василiя Великаго. Этимъ ограничиваются литературныя влiянiя и, какъ видно, они не особенно велики, такъ что памятникъ можетъ быть признанъ существеннымъ для характеристики нравственнаго мiросозерцанiя русскаго общества до-монгольской эпохи.

Владимiръ Мономахъ пользовался особенною любовью народа, и ни объ одномъ изъ князей древняго перiода мы не находимъ такого отзыва, какой даетъ о Владимiрѣ лѣтописецъ. Разсказавъ о кончинѣ князя, лѣтописецъ прибавляетъ: „бысть добрый страдалецъ за русьскую землю“. Производя слово „страдалецъ“ отъ

„страда“, мы поймемъ эту фразу такъ: „Владиміръ былъ добрымъ работникомъ на пользу русской земли“,—а зная его біографію, мы согласимся со справедливостью этого отзыва: вся жизнь этого замѣчательнаго князя прошла именно въ заботахъ о благѣ русской земли, такъ какъ онъ являлся храбрымъ предводителемъ въ войнахъ противъ внѣшнихъ враговъ родины и старался устранять княжескія усобицы. Такимъ же дѣятельнымъ работникомъ представляется намъ Владиміръ и въ своихъ наставленіяхъ: онъ всѣхъ призываетъ къ труду. Нѣсколько разъ въ его „Поученіи“ повторяется, что не слѣдуетъ лѣниться. „Не лѣнитесь, говоритъ онъ, молитеся ночью, ибо ночными поклонами и молитвою человѣкъ побѣждаетъ діавола“. Не надо лѣниться и въ дѣлахъ правленія: „вдовицу оправдайте сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка“. Будьте дѣятельны и на войнѣ: „на войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни яденью не лагодите (не предавайтесь), ни спанью, и сторожа сами наряживайте, и ночь отовсюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе вборзѣ не разглядавше, лѣнощами бо внезапу человѣкъ погыбаетъ“. Наконецъ, не слѣдуетъ лѣниться и въ пріобрѣтеніи знаній: „Его же умѣюче, того не забывайте добраго, а его же не умѣюче, а тому ся учите: яко же отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати, еже умѣешь, то забудешь, а его же не умѣешь, а тому ся не учить: добрѣ же творяще не мозѣте ся лѣнити ни на что же доброе“.

Чтобы подтвердить это наставленіе примѣромъ, Мономахъ перечисляетъ свои походы, и оказывается, что большихъ походовъ онъ совершилъ 83, а числа малыхъ въ точности онъ не можетъ даже припомнить. Кромѣ походовъ, онъ считаетъ трудомъ и „ловы“, т. е. охоты, такъ какъ въ его время при обиліи дикихъ звѣрей въ непроходимыхъ лѣсахъ охота была совсѣмъ не забавой, а серьезнымъ дѣломъ, часто борьбой въ цѣляхъ самозащиты. При этомъ приходилось подвергаться большимъ опасностямъ: какъ сообщаетъ Мономахъ, его и туры метали на рогахъ, и олень бодалъ, и лоси ногами топтали, и какой-то лютый звѣрь вскочилъ ему на бедра и повергнулъ его съ конемъ. Однако Богъ сохранилъ его среди этихъ опасностей, хотя онъ никогда не щадилъ своего живота. Но не въ одиихъ военныхъ и охотничьихъ подвигахъ состояли труды Мономаха, и много пришлось ему поработать и въ гражданскомъ управленіи и по хозяйственному устроенію

своего двора: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сотворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, на посадники не зря, самъ творилъ. что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчіихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ, то же и худаго смерда и убогыя вдовиця не вдалъ есмь сильнымъ обидѣти и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ".

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что Мономахъ призываетъ своихъ читателей къ неусыпному труду на пользу земли русской; но не однимъ этимъ призывомъ любопытно для насъ его „Поученіе": оно является въ то же время показателемъ нравственнаго развитія русскаго общества, только-что усвоившаго себѣ христіанское ученіе, и если можно замѣчать, что на единичный примѣръ нельзя ссылаться, что такой примѣръ могъ быть лишь свѣтлымъ исключеніемъ изъ общаго мрачнаго состоянія нравовъ, то все же приходится признать, что самая возможность подобнаго исключенія находитъ для себя объясненіе только въ какомъ-нибудь общемъ условіи, а таковымъ было воздѣйствіе христіанства на новообращенную среду. Положимъ, сохранилось много слѣдовъ язычества, которые пережили даже до нашего времени, и эти слѣды были очень сильны, но съ другой стороны и разсмотрѣнныя нами ранѣе духовныя поученія, и нѣкоторые весьма яркіе факты бытовой исторіи указываютъ намъ на присутствіе въ тогдашней жизни какой-то мягкости нравственныхъ отношеній, мягкости, несомнѣнно поощрявшейся новой христіанской проповѣдью любви.

Духомъ любви проникнуты всѣ наставленія Мономаха, и ему прежде всего приходится вооружаться противъ такого явленія, которое причиняло много зла въ его время, противъ княжескихъ междоусобій: не даромъ къ „Поученію" присоединено написанное ранѣе посланіе къ Олегу Святославичу, и въ этомъ посланіи Мономахъ напоминаетъ Олегу о необходимости соблюдать миръ, отречься отъ кровавой мести, чтобы „не погубить Русской земли" а вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ замѣчательное изреченіе: „Что есть добро и красно—братья вкупѣ". Братолюбіе—основная христіанская заповѣдь, и на ней настаиваетъ Мономахъ въ частныхъ своихъ наставленіяхъ. Милость Божія не требуетъ отъ насъ непремѣнно чрезвычайныхъ подвиговъ, чернечества, иночества или голода,—она снискивается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и

милостынею, которыя „не суть тяжки“. Здѣсь нѣтъ нравственной регламентаціи, не указываются всякія подробности человѣческаго поведенія, а намѣчается только въ общихъ чертахъ путь, котораго слѣдуетъ держаться. Указанныя добрыя дѣла истекаютъ изъ любви, и она же опредѣляетъ наши отношенія и къ старшимъ, и къ сверстникамъ, и къ подвластнымъ, и къ чужеземцамъ, гостямъ; наконецъ, тѣмъ же высшимъ принципомъ можно объяснить и происхожденіе того правила, въ которомъ Мономахъ высказываетъ отрицаніе смертной казни. „Ни права, ни крива не убивайте, говоритъ онъ, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти: а душа не погубляйте ни какоя же христьяны“.

Среди литературныхъ памятниковъ Кіевской эпохи совершенно исключительное положеніе по своему свѣтскому содержанію, по изложенію и поэтическимъ достоинствамъ занимаетъ „Слово о полку Игоревѣ“. Оно было найдено въ 1795 г. любителемъ древностей, гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, въ одной рукописи XVI в. Тогда же была снята копія съ рукописи „Слова“ для императрицы Екатерины II, а черезъ 5 лѣтъ „Слово“ было издано гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, подъ заглавіемъ: „Героическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія“. Въ 1812 г., при пожарѣ Москвы, подлинная рукопись погибла, и такимъ образомъ намъ остались двѣ копіи, во многомъ между собою различающіяся. Эта разница копій подрываетъ довѣріе къ нимъ: трудно сказать, которая изъ нихъ лучше воспроизводитъ подлинникъ, и можно съ полнымъ основаніемъ думать, что обѣ онѣ неисправны, такъ какъ въ нихъ много мѣстъ темныхъ, очевидно испорченныхъ при перепискѣ въ концѣ XVIII в., когда не умѣли еще правильно читать древнихъ рукописей и не знали достаточно хорошо древне-русскаго языка. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти искаженія, „Слово“ является произведеніемъ драгоцѣннымъ, какъ единственный, дошедшій до насъ, цѣльный памятникъ древне-русской поэзіи: по нему мы можемъ судить, насколько эта поэзія была близка къ народному творчеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ какими она пользовалась искусственными пріемами писанія, подъ вліяніемъ византійской и южно-славянской литературной школы.

Годъ написанія „Слова“ можетъ быть опредѣленъ съ точностью, потому что въ немъ упоминается о спасеніи изъ плѣна сына Игорева, Владиміра, происшедшемъ въ 1187 г., и есть

обращеніе какъ къ живымъ, къ князьямъ Ярославу Осмомыслу и Владиміру Глѣбовичу, а оба они умерли въ 1187 г. Можно замѣтить такимъ образомъ, что „Слово“ написано именно въ этомъ году, ни раньше, ни позже.

Сюжетомъ „Слова“ послужилъ неудачный походъ на половцевъ, предпринятый за два года передъ тѣмъ, т. е. въ 1185 г. Новгородъ-Сѣверскимъ княземъ Игоремъ вмѣстѣ съ братомъ его, Всеволодомъ Курскимъ, съ сыномъ его, Владиміромъ Путивльскимъ, и племянникомъ — Святославомъ Рыльскимъ. Русскія войска двинулись къ Дону и въ первой встрѣчѣ разбили половцевъ, но затѣмъ, окруженныя превосходными силами враговъ, потерпѣли полное пораженіе. Игорь и другіе князья были взяты въ плѣнъ, изъ котораго Игорь вскорѣ спасся бѣгствомъ, а Владиміръ вернулся позже, женившись на дочери половецкаго хана, Кончака. Этотъ походъ описанъ въ Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописяхъ и съ большими фактическими подробностями, чѣмъ въ „Словѣ“, самое же „Слово“ важно для насъ по той картинности, съ которой оно представляетъ событіе, по тому впечатлѣнію, которое оно изображаетъ, по необыкновенному лиризму, его проникающему, и по идеѣ единства русской земли,—идеѣ, составляющей его основу.

„Слово“ не есть произведеніе народной словесности, оно результатъ личнаго творчества человѣка, хорошо знакомаго съ народной словесностью и съ современнымъ книжнымъ богатствомъ, хотя онъ намъ и неизвѣстенъ; мы можемъ догадываться однако, что онъ не духовное лицо, а свѣтскій человѣкъ, быть можетъ, даже принадлежащій къ княжеской дружинѣ, что его „пѣснь-повѣсть“ подобна тѣмъ произведеніямъ дружиннаго эпоса, отголоски которыхъ мы находимъ въ лѣтописи въ извѣстіяхъ о первыхъ князьяхъ. Одного изъ слагателей такихъ дружинныхъ пѣсенъ вспоминаетъ авторъ подъ именемъ „вѣщаго Бояна“. Онъ изображаетъ намъ, какъ Боянъ воспѣвалъ подвиги старыхъ князей и какъ велико было его искусство. „Боянъ бо вѣщій, говоритъ онъ, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, и мняшетъ бо, рече, первыхъ временъ усобицы. Тогда пущашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы косожьскими, красному Роману Святославличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебе-

дей пущаше, нъ своя вѣщія персты на живыя струны вскладаше, они же сами князем славу рокотаху". Не довольствуясь этимъ описаніемъ пѣнія Бояна, котораго онъ называетъ „соловьемъ стараго времени", „внукомъ Велесовымъ", авторъ приводитъ отрывки изъ Бояновыхъ пѣсенъ, или указываетъ, какъ могъ бы выразиться Боянъ въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отголосками старины, еще болѣе отдаленной, чѣмъ „Слово", то полагаемъ не лишнимъ привести эти запѣвки Бояновы. Такъ, говоря о выступленіи русскаго войска въ походъ, авторъ „Слова" высказываетъ предположеніе, что Боянъ въ этомъ случаѣ употребилъ бы слѣдующій оборотъ: „не буря соколы занеси черезъ поля широкія, галицы стады бѣжать къ Дону великому", или же сказалъ бы: „комони (кони) ржуть за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стязи (знамена) стоятъ въ Путивлѣ". Вспоминая о полоцкомъ князѣ Всеславѣ, отличавшемся хитростью, слывшемъ за волхва, авторъ приводитъ „припѣвку" о немъ Бояна: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду (т.-е. умѣющему обращаться въ птицу) суда Божія не минути". Наконецъ, говоря о возвращеніи Игоря изъ плѣна, пѣвецъ припоминаетъ новое Бояново изреченіе: „тяжко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы", добавляя къ этому: „Русской земли безъ Игоря".

Этотъ Боянъ является образцомъ и для автора „Слова", хотя послѣдній въ самомъ приступѣ къ своему произведенію выражаетъ желаніе пѣть „по былинамъ сего времени", т.-е. согласно съ дѣйствительностью, а не „по замышленію Бояню", т.-е.—не руководствуясь поэтическимъ вымысломъ. Въ самомъ же дѣлѣ, присматриваясь къ „Слову", мы сразу замѣчаемъ, что въ немъ главное мѣсто занимаетъ именно замышленіе Бояна, и авторъ не столько занимается описаніемъ фактовъ, сколько изображеніемъ впечатлѣнія, ими производимаго, ихъ картинной характеристикой. Отсюда являются и тѣ краски поэтическаго языка, которыми такъ изобилуетъ „Слово", разные эпитеты, сравненія, описанія природы, миѳологическія упоминанія, выраженія чувства, преимущественно горестнаго.

Изъ поэтическихъ сравненій, кромѣ обширной аллегоріи, посвященной Бояну, приведемъ два сравненія битвы: 1) битва ставится въ параллель съ пиромъ: „бишася день, бишася другой, третьяго дня къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя Каялы. Ту кроваваго вина не доста-

Ту пиръ докончаша храбріи русичи, сваты попоиша и сами полегоша"; 2) битва уподобляется жатвѣ: „на немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными (булатными), на токѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомъ (бологo—благо) бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ". Любопытны также уподобленія, которыя дѣлаются авторомъ при описаніи бѣгства Игоря изъ плѣна: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужину. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу".

Поэтическою чертою „Слова" нужно признать отношеніе его автора къ природѣ: тутъ проявляется не только любовь къ природѣ, а какое-то сродство съ нею, какая-то гармонія между внутреннею жизнью человѣка и внѣшними явленіями природы. „Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, говоритъ Е. В. Барсовъ, вся природа является какъ бы одушевленнымъ лицомъ: она полна сочувствіемъ къ человѣку; она угрожаетъ предвѣстіемъ, и она же откликается на радость. Всѣ явленія природы—чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла". Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Бояна, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ иногда картины природы сѣверной, но еще замѣтнѣе картины природы южной: стадо вороновъ, галокъ и лебедей, орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки проносятся въ „Словѣ", какъ по степямъ южнымъ; трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкіе—это степная трава; „земля тутнетъ, стукну земля"—выраженія, созданныя поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на каждое движеніе: телѣги скрипятъ въ полуноіци, какъ лебеди распуганные—картина, снятая со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скрипятъ обозы чумаковъ, и этотъ скрипъ ярче отдѣляется въ ночной тишинѣ ровнаго поля".

Эта гармонія между природой и человѣческими дѣйствіями выражается въ разныхъ знаменіяхъ, сопровождающихъ описаніе похода. Такъ, уже при самомъ выступленіи въ походъ мы встрѣчаемся съ слѣдующей, предвѣщающей горе, картиной: „тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому

полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въ стазбихъ. Дивъ кличетъ верху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вългѣ и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ, Тьмутараканьскій бълванъ. А половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кричатъ телѣги полунощи—рци лебеди распужени. Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже до бѣды его пасутъ птицы подъ облакы, вльци грозу въсрожатъ по яругамъ (оврагамъ) орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисицы брешутъ на чръвленые щиты. О русская земля, уже за шеломенемъ еси! Дьлго ночь меркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла, щекотъ славій (соловьиное щелканье) успе, говоръ галичь убуди". На другой день новыя знаменія: „велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца (4 князей), а въ нихъ трепещутъ синія мльніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ приломати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкіе, на рѣцѣ, на Каялѣ, у Дону великаго. Се вѣтри, Стрибожи внуци *), вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые плъки Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, пороси (пыль) поля прикрываютъ, стязи глаголютъ". Такой же любопытный параллелизмъ состоянія природы и человѣка находимъ мы и въ описании бѣгства Игоря изъ плѣна: „кликну, стукну землю, въшумѣ трава; вежи ся половецкія подвизашася, а Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь" и т. д.

Иногда природа прямо олицетворяется. Такъ, во время своего бѣгства Игорь вступаетъ въ разговоръ съ Донцомъ: „Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русской земли веселія. Игорь рече: о Донче, не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ и т. д.

Эта близость къ природѣ, быть-можетъ, и есть причина, вызывающая разныя миѳологическія воспоминанія у нашего поэта: онъ знаетъ и Велеса, и Дажьбога, и Хорса, и Стрибога, у него

*) Неоднократно встрѣчаемыя, какъ и здѣсь, упоминанія миѳологическихъ названій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе въ „Словѣ" христіанскаго элемента подали поводъ нѣкоторымъ толкователямъ его предполагать въ авторѣ нехристіанина, язычника. Но всѣ эти миѳологическія упоминанія не имѣютъ реальной подкладки и представляютъ собой просто поэтическія украшенія. Это—своего рода ложно-классицизмъ XII в.

является зловѣщій миѳологическій образъ Дива, у него есть и олицетвореніе Дѣвы—обиды, близко напоминающее народную поэзію. Картина: „встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ у Дону плещущи“ напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами народныя причитанія, въ которыхъ есть образъ „злой обидушки“.

Обидушка по бережку ходила,
Страшно, ужасно голосомъ водила,
Въ длапи плескала,
До суженыхъ головъ добиралась...
Смеретушка—дѣвья красота.
Съ лебедиными крыльями......

Сильную поэтическую окраску придаетъ „Слову“ выраженіе чувства, которое, соотвѣтственно изображаемому событію, отличается болѣе грустнымъ характеромъ. Въ „Словѣ“ много выраженій для обозначенія горя, тоски, много печальныхъ картинъ. Самое произведеніе есть „трудная повѣсть“, какъ авторъ выражается, но наиболѣе художественно представляется печаль въ лирическомъ отрывкѣ, извѣстномъ подъ именемъ „плача Ярославны“. Ярославна, жена Игоря, причитаетъ, какъ кукушка (зегзица) на Путивльской городской стѣнѣ, она хочетъ полетѣть къ Дунаю, омочить свой бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, отереть кровавыя раны Игоря, она обращается за помощью къ разнымъ силамъ природы, она говоритъ: *)

Вѣтръ-вѣтрило! Что ты, господине,
Что ты вѣешь? Что на легкихъ крыльяхъ
Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
Въ небесахъ подъ облаки бы вѣялъ,
По морямъ кораблики лелѣялъ,
А то вѣешь, вѣешь-развѣваешь
На ковыль-траву мое веселье и т. д.

Печальное настроеніе пѣвца „Слова“ возбуждается такими фактами, которые противорѣчатъ его идеалу единства русской земли: это междоусобія князей, которые стремятся отстаивать исключительно свои личные интересы, забывая объ общемъ бла-

*) Цит. по перев. А. Н. Майкова.

горестояніи русскаго народа. „Усобица княземъ, говоритъ авторъ, поганыя погибе“.

Братья спорятъ: то мое и это!
Злой раздоръ отъ малыхъ словъ заводятъ,
На себя куютъ крамолу сами...
А на Русь побѣдами приходятъ
Отовсюду вороги лихіе.

Понятно, что автору долженъ быть антипатиченъ Олегъ Святославичъ, иронически имъ называемый Гориславичемъ, который „мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше“, при которомъ русская земля „сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась“. При этомъ князѣ Русь испытывала тяжкія бѣдствія: „рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врановѣ граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галицы свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе (кормъ)“. Не вызываетъ къ себѣ сочувствія и Всеславъ Полоцкій, думавшій только о своихъ личныхъ выгодахъ, и вообще о всѣхъ удѣльныхъ княжескихъ отношеніяхъ. Мы находимъ въ „Словѣ“ очень печальный приговоръ: „а князи сами на себѣ крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на русскую землю, емляху дань по бѣла отъ двора“.

Естественно послѣ этого, что самою радостною подробностью въ „Словѣ“ (если не единственною радостною) является рѣчь великаго князя Святослава, рѣчь, въ которой выражается идея единства русской земли. Послѣ того, какъ ему объясненъ его „мутный“, зловѣщій сонъ, Святославъ обращается къ разнымъ русскимъ князьямъ, чтобы они вступились „за обиду сего времени“, и, какъ видно изъ его словъ, среди этихъ князей есть нѣкоторые, отличающіеся замѣчательнымъ могуществомъ, какъ, напримѣръ, Всеволодъ Суздальскій и Ярославъ-Осмомыслъ Галицкій. Вотъ эта замѣчательная рѣчь Святослава: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? Великый княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага (рабыня) по ногатѣ, а кощей (рабъ) по рѣзанѣ.

Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, аки тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?

Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святославлича.

Галичкы Осмысле Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыя своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ: отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ огня злата стола салтани за землями".

Таковъ этотъ единственный поэтическій памятникъ Кіевскаго періода, случайно до насъ дошедшій. Несомнѣнно его историческое значеніе, какъ отраженія древне-русскихъ общественныхъ воззрѣній, и такъ же несомнѣнны его достоинства художественныя: тутъ предъ нами развертывается рядъ яркихъ картинъ, обнаруживается глубокое чувство автора, который выражаетъ стремленія своего времени. Однако и независимо отъ эпохи, въ которую сложилось „Слово", въ немъ столько живыхъ поэтическихъ элементовъ, оно по своей образности такъ близко къ народной жизни, что нисколько не представляется страннымъ, почему оно вызвало восторгъ не только спеціалистовъ-филологовъ, но и нашихъ лучшихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Майковъ, стремившихся перевести его на современный языкъ. Вѣроятно, и въ древнія времена „Слово" пользовалось нѣкоторой популярностью; мы находимъ подражанія „Слову" иногда очень близкія, но совершенно безсмысленныя (вмѣсто за шеломенемъ, т. е. за холмомъ—„за соломеномъ", вмѣсто „Трояна"—Урана) въ повѣстяхъ, относящихся къ Куликовой битвѣ, въ „Повѣданіи о мамаевомъ побоищѣ" и въ „Задонщинѣ". Кромѣ того, нѣкоторое подражаніе „Слову" мы можемъ предполагать въ „Словѣ о погибели русской земли", отрывокъ котораго открытъ былъ въ недавнее время.

Хотя этотъ послѣдній памятникъ, т. е. „Слово" о погибели рускыя земли", вѣроятно, относится къ болѣе позднему времени, къ моменту нашествія татаръ, тѣмъ не менѣе, въ виду его связи со „Словомъ о полку Игоревѣ", мы скажемъ о немъ въ настоящей главѣ. Сохранилось только начало памятника, состоящее изъ нѣсколькихъ строкъ, но изъ этого начала видно, что авторъ поста-

вилъ себѣ цѣлью показать величіе Руси. „О свѣтло-свѣтлая и украсно-украшенна земля русьская! восклицаетъ авторъ, обращаясь къ описанію красоты и естественныхъ богатствъ Руси. „Многими красотами удивлена еси, говоритъ онъ,—озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, польми дивными, звѣрьми различными, птицами безщисленными, городы великыми, селы дивными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена, земля русьская, о правовѣрная вѣра христіанская!" Весь остальной отрывокъ посвященъ изображенію могущества русскаго великаго князя, котораго боятся и половцы, и Литва, и венгры, и даже византійскій императоръ Мануилъ, въ чемъ нельзя не видѣть патріотическаго преувеличенія автора. Кончается отрывокъ упоминаніемъ о „болѣзни кресьяномъ", въ которой можно предполагать именно нашествіе татаръ.

Заканчивая обзоръ литературы Кіевской эпохи, остановимся на путешествіяхъ русскихъ людей того времени, паломничествахъ, предпринимавшихся для удовлетворенія религіозныхъ запросовъ. Мы знаемъ два подобныхъ путешествія: новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ и игумена Даніила въ Святую землю. Особенно интересно изъ нихъ второе, и потому мы остановимся только на немъ.

Кто такой былъ Даніилъ, называющій себя игуменомъ Русской земли, намъ неизвѣстно, и мы можемъ только съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что онъ происходилъ изъ Черниговской области на томъ основаніи, что онъ сравниваетъ Іорданъ съ рѣкою Сосновою, которая протекаетъ въ этой области. Цѣлью хожденія Даніила было поклоненіе святымъ мѣстамъ, поэтому вполнѣ естественно, что онъ исключительно интересуется тѣми предметами, которые имѣютъ религіозное значеніе, и почти не обращаетъ вниманія на политическое состояніе Палестины, находящейся во власти крестоносцевъ, а упоминаетъ о князѣ Балдвинѣ (королѣ іерусалимскомъ Балдуинѣ) только потому, что встрѣтилъ съ его стороны благосклонный пріемъ. Религіозное одушевленіе, послужившее побудительнымъ мотивомъ путешествія Даніила, конечно, должно было отразиться въ его описаніи Святой земли: Даніилъ очень точенъ, дорожитъ всѣми мельчайшими подробностями, вслѣдствіе чего его сочиненіе можетъ считаться важнымъ историческимъ источникомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его

благочестивое настроеніе не могло совмѣщаться съ критическимъ отношеніемъ къ различнымъ апокрифическимъ разсказамъ, обильно распространеннымъ въ Палестинѣ и пріуроченнымъ къ тѣмъ или другимъ мѣстностямъ, и онъ съ наивною вѣрою передаетъ своимъ читателямъ эти апокрифическія сказанія, что тоже имѣетъ не малое значеніе, такъ какъ помогаетъ намъ уяснить себѣ процессъ заноса къ намъ апокрифовъ и указываетъ, какіе изъ нихъ были извѣстны на Руси въ эту эпоху.

Въ особенно возбужденномъ настроеніи приближался Даніилъ къ Іерусалиму, и вотъ какъ онъ описываетъ этотъ священный городъ: „и есть же святый градъ Іерусалимъ въ дебрѣхъ, около его горы каменны высоки. Первое видѣти храмъ Давыдовъ, а потомъ мало подошедъ видѣти Елеонская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту есть гора ровна, близъ пути града Іерусалима, яко версты одной вдалѣе, и на той горѣ ссѣдаютъ людіе съ коней и пѣшіе вси людіе ходятъ и поклоняются христіане Святому Воскресенію. Бываетъ же тогда радость всякому христіанину велика, увидѣвшему градъ святый Іерусалимъ; никто же бо можетъ не прослезитись, видѣвъ землю желанную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашего ради спасенія походи. И идутъ вcѣ пѣши съ радостью великою ко святому граду Іерусалиму. Ту есть церковь св. Стефана первомученика у пути близъ, на лѣвой странѣ, тамо иды, на томъ мѣстѣ побіенъ бисть каменіемъ св. Стефанъ первомученикъ отъ Іудей, и гробъ его ту есть. Ту же есть гора каменна плоска, просѣдлася въ распятіе Христово, и то зоветься адъ, а то есть близъ стѣны городныя яко мужь каменемъ довержетъ. Потомъ входятъ въ градъ св. Іерусалимъ вси люди съ радостію великою вороты сущими близъ дома Давидова, та суть врата отъ Виөлеема лицемъ, и тѣ бо суть зовуться Веніаминовы“.

Искреннею, глубокою религіозностью проникнуто описаніе пасхальной заутрени, при чемъ очень ярко характеризуется намъ и общее одушевленіе, охватившее христіанскій міръ въ эпоху крестовыхъ походовъ. „Въ великую субботу, въ шестомъ часу дня, разсказываетъ Даніилъ, передъ церковью Воскресенья Христова собирается великое множество людей. Сходятся и пришельцы изъ всѣхъ странъ, и туземцы, и изъ Вавилона, и изъ Египта, и изъ Антіохіи, и наполняются народомъ всѣ мѣста около церкви и около Распятія Господня. Великая бываетъ тѣснота, и многіе отъ нея задыхаются. И всѣ стоятъ съ невозженными свѣчами и

ждутъ отверзенія церковныхъ вратъ. Внутри же церкви одни попы, и они ждутъ прихода князя Балдвина съ дружиною, и тогда отверзаются церковныя врата, и люди входятъ въ „церковь въ тѣснотѣ велицѣй и въ гнетеніи. Всѣ взываютъ: „Господи, помилуй“, и вопіютъ сильно, яко возгремѣти мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ. И ту источницы прольются слезни отъ вѣрныхъ человѣкъ; аще бо у кого окаменѣло сердце, и той заритъ тогда себѣ и помнитъ грѣхи своя, и тако стоятъ вси вѣрніи слезни и сокрушено сердце имуще. И ту самъ князь Балдвинъ стоитъ со страхомъ и смиреніемъ великымъ, источникъ слезъ проливается отъ очію его; такъ же и дружина его стоитъ около его прямо гробу, близъ алтаря великаго“.

Находясь на чужбинѣ, русскій паломникъ не забываетъ родной земли. „Богъ тому свидѣтель, говоритъ онъ, что я никогда не забывалъ русскихъ князей и княгинь, епископовъ и игуменовъ, бояръ и всѣхъ христіанъ, но всегда поминалъ ихъ“. Для Даніила, какъ и вообще для лучшихъ русскихъ людей того времени, на первомъ мѣстѣ стоятъ благо и честь всей Русской земли, и потому онъ съ радостью сообщаетъ о томъ, что князь Балдвинъ разрѣшилъ ему поставить у гроба Господня „кандило отъ всея Русскыя земли“, и при извѣстномъ чудѣ нехожденія небеснаго свѣта на Пасху, это русское кандило зажглось, тогда какъ изъ фряжскихъ, т. е. латинскихъ кандилъ, „ни едино не возгорѣся тогда“. Даніилъ патріотъ, но его любовь къ отечеству не исключаетъ возможности справедливаго отношенія къ иноземцамъ, какъ, напримѣръ, къ князю Балдвину, хотя при случаѣ онъ не прочь и посмѣяться надъ ними, какъ это видно изъ его описанія латинскаго богослуженія, которое онъ называетъ „верещаньемъ“.

Періодъ сѣверо-восточной Руси. Проповѣди Серапіона, еп. Владимірскаго. Житіе св. Сергія Радонежскаго. Легенды о Меркуріи, о Петрѣ и Февроніи. Повѣсти о Куликовской битвѣ.

Фактомъ, крайне тяжело отозвавшимся на нашей литературѣ и вообще на всемъ нашемъ просвѣщеніи, было нашествіе татаръ. Бѣдствіе обрушилось на Русскую землю совершенно неожиданно, такъ что въ первое время трудно было дать себѣ

отчетъ въ томъ, что произошло. Лѣтописецъ отмѣтилъ подъ 1223 годомъ, что „явился народъ, котораго никто не знаетъ, кто они и откуда вышли, и какой ихъ языкъ, и какого племени, и какая ихъ вѣра, а зовутъ ихъ татары, а иные говорятъ таурмены, а иные говорятъ, что это тотъ народъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, Патарскій епископъ". Такимъ образомъ, появленіе татаръ навело на мысль о страшномъ судѣ, такъ какъ народы, о которыхъ говорилъ Меѳодій Патарскій, по его указанію, должны притти именно передъ страшнымъ судомъ. Пораженіе было неслыханное, и въ немъ для современниковъ явно сказывался гнѣвъ Божій. „И было это намъ за наши грѣхи, говорилъ лѣтописецъ. Богъ вложилъ въ насъ недоумѣніе, и погибло безчисленное множество людей, и были вопль, воздыханіе и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. А этихъ злыхъ татаръ, таурменъ, мы не вѣдаемъ, откуда они пришли на насъ и куда опять дѣвались; только вѣдаетъ Богъ". Но черезъ нѣсколько лѣтъ нашествіе повторилось, Русь лишилась политической самостоятельности, и этотъ страшный ударъ долженъ былъ еще сильнѣе возбудить мысль о гнѣвѣ Божіемъ и о необходимости загладить свои прегрѣшенія покаяніемъ. Подъ ударами тяжкихъ бѣдствій среди русскихъ людей замѣчается стремленіе пересмотрѣть свою жизнь, разобраться во всѣхъ ея недостаткахъ и устранить ихъ.

Такое стремленіе находитъ себѣ выраженіе прежде всего въ произведеніяхъ нашихъ духовныхъ писателей, въ ихъ поученіяхъ и проповѣдяхъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ, по хронологической близости къ нашествію татаръ, слѣдуетъ поставить поученія Серапіона, еп. Владимірскаго, занимавшаго каѳедру въ 1274—75 г.г. Ему принадлежитъ пять поученій, изъ которыхъ первыя три непосредственно связаны съ бѣдствіемъ, постигшимъ русскую землю. Разбирая ихъ содержаніе, можно замѣтить, что проповѣдникъ изображаетъ въ нихъ грѣхи народные въ извѣстной послѣдовательности, придерживаясь опредѣленной схемы, представляетъ изъ нихъ своего рода лѣстницу прегрѣшеній, заимствуя ее изъ византійскихъ образцовъ. Но справедливость требуетъ указать, что для нашего проповѣдника эта византійская лѣстница была только формой, въ которую онъ вкладывалъ свое оригинальное содержаніе: Серапіонъ близокъ къ жизни, вѣрно ее отражаетъ въ своихъ поученіяхъ и, если иногда и выбираетъ изъ византійской схемы грѣховъ, то лишь такія черты, которыя подходятъ къ русской дѣйствительности его времени. Эта жизнен-

ность поученій Серапіона объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что они имъ произносились въ Церкви, какъ это видно изъ второго поученія, въ началѣ котораго, укоряя своихъ духовныхъ дѣтей за неисполненіе его назиданій, онъ говоритъ: „многожды глаголахъ къ вамъ".

Первое свое поученіе проповѣдникъ посвящаетъ знаменіямъ Господнимъ, которыя должны были бы предостеречь народъ отъ беззаконій и побудить къ нравственному исправленію. Эти знаменія онъ видитъ въ затменіи солнца и луны, въ землетрясеніяхъ и голодѣ. На землетрясеніе, какъ на проявленіе гнѣва Божія, указывалъ и лѣтописецъ; въ томъ же смыслѣ говоритъ и Серапіонъ. Земля по его словамъ, „отъ начала утверждена и неподвижима повелѣніемъ Божіимъ, нынѣ двигается, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего носити не можетъ". И все это происходитъ отчего? Оттого, что люди не послушали Евангелія, Апостола, пророковъ и великихъ свѣтилъ церкви—вселенскихъ святителей. Для вразумленія грѣшниковъ Богъ наказываетъ ихъ самымъ дѣломъ: Онъ „землю трясетъ и колеблетъ, беззаконія грѣхы многыя отъ земли отрясти хощетъ, яко листіе отъ древа". И не одно только землетрясеніе постигаетъ русскую землю, на нее обрушивается голодъ, моръ, и „рати многыя". Несмотря на всѣ эти вразумленія, никто не пришелъ къ покаянію, пока, наконецъ, не надвинулся „языкъ немилостивъ", опустошившій русскую землю. Затѣмъ проповѣдникъ убѣждаетъ своихъ слушателей проникнуться покаяніемъ и исправиться отъ грѣховъ, при изображеніи которыхъ онъ пользуется упомянутой раньше схемой.

Такой же характеръ имѣетъ и второе поученіе Серапіона. И здѣсь изображеніе тяжкихъ бѣдствій, постигшихъ русскій народъ, и увѣщаніе къ исправленію, какъ средству избавиться отъ этихъ бѣдствій. „Уже 40 лѣтъ,—въ такихъ чертахъ проповѣдникъ изображаетъ монгольское бѣдствіе,—тяготѣетъ надъ русскими „томленіе и мука, и въ сласть хлѣба своего наъѣсти не можемъ, и воздыханіе наше и печаль сушитъ кости наши".

Въ третьемъ поученіи, сходномъ по характеру съ первыми двумя, находимъ яркую картину татарскаго нашествія. Этотъ „языкъ немилостивъ", не щадившій „ни красоты юны, ни немощи старецъ, ни младости дѣтій, разрушилъ церкви, ругался надъ святынями, проливалъ кровь русскую „аки воду многую", напоившую землю, множество братіи и чадъ увелъ въ плѣнъ. И вотъ послѣдствія этого нашествія: „села лядиною поростоша, вели-

чество наше смирися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ въ корысть бысть... Въ поношеніе быхомъ живущимъ воскрай (около) земли нашея, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ", — словомъ, нѣтъ такого наказанія, котораго не испытали бы русскіе.

Четвертое поученіе составлено было Серапіономъ по слѣдующему поводу. Около его времени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ русскій народъ страдалъ отъ неурожая и голода. Народное мнѣніе приписывало это бѣдствіе всецѣло дѣйствію волшебниковъ и колдуновъ. Послѣднихъ разыскивали и подвергали всевозможнымъ пыткамъ съ цѣлью удостовѣриться, правильны ли подозрѣнія относительно ихъ сношеній съ нечистыми силами; ихъ бросали, напр., съ грузомъ въ воду и, если подвергшіеся „суду Божію" не тонули, то мнѣніе о ихъ „порчѣ" становилось непоколебимымъ: вода-де-стихія чистая и потому не принимаетъ въ себя ничего нечистаго. Такое суевѣріе извѣстно было не только у насъ, но и въ Зап. Европѣ и держалось тамъ очень долго. Въ XVI в. мы видимъ первые протесты противъ этого суевѣрія: Мальбраншъ, Беккеръ и іезуитъ Таннеръ пишутъ противъ колдовства, отрицаютъ всякую возможность для человѣка быть въ сношеніяхъ съ нечистыми духами и доказываютъ всю неудовлетворительность такъ называемаго „суда Божія" для обнаруженія повинныхъ въ волшебствѣ и чародѣйствѣ. Такимъ образомъ, голоса этихъ ученыхъ теологовъ раздаются 300 лѣтъ спустя послѣ нашего Серапіона. Но и эти обличенія не помогли, и вѣра въ колдовство живетъ въ массахъ народныхъ у насъ и на Западѣ чуть ли не до нашего времени, такъ что нельзя не признать весьма важнымъ того факта, что первый извѣстный намъ протестъ противъ этого суевѣрнаго обычая раздался изъ устъ русскаго проповѣдника XIII вѣка. Невольно является вопросъ: откуда явились у Серапіона тѣ идеи, которыя онъ высказалъ? Принадлежатъ ли онѣ лично ему? Не возникли ли онѣ подъ вліяніемъ сочиненій какихъ-либо греческихъ церковныхъ учителей? Къ сожалѣнію, на эти вопросы мы не можемъ дать никакого отвѣта: быть можетъ, и существовали какіе-нибудь византійскіе источники сужденій Серапіона, но пока они намъ неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, даже если такіе источники и будутъ открыты, самая возможность воспріятія такихъ идей свидѣтельствуетъ о высотѣ нравственнаго сознанія русскаго проповѣдника такой отдаленной эпохи, и весьма вѣроятно предположеніе, что Серапіонъ не былъ совершенно одинокъ въ своихъ заявленіяхъ противъ „суда Божія".

Возражая противъ подобнаго суевѣрія, Серапіонъ въ 4-мъ поученіи спрашиваетъ прежде всего слушателей: „отъ которыхъ книгъ или кыихъ писаній се слышасте яко волхвованіемъ глади бываютъ на земли и пакы волхвованіемъ жита умножаются?“ Затѣмъ проповѣдникъ указываетъ на то, что, если вѣрить темнымъ силамъ, то слѣдовательно, надо и чтить ихъ, молиться имъ, чтобы онѣ давали дождь, давали тепло и плодородіе землѣ. Наконецъ, онъ приводитъ слушателямъ логическій доводъ противъ дикой расправы съ заподозрѣнными въ волшебствѣ: божественное правило велитъ осуждать человѣка на смерть при многихъ свидѣтеляхъ („послухахъ“), а суевѣрные ставятъ послухомъ только „бездушное естество“—воду, и разсуждаютъ: „аще утопати начнетъ, неповинна есть, аще ли попловетъ „волховъ есть“. А что, какъ діаволъ, видя ваше маловѣріе, станетъ поддерживать брошеннаго въ воду, „да не погрузится, дабы воврещи въ душегубство, яко оставивше послушьство боготвореннаго человѣка, идосте къ бездушному естеству—водѣ?“

Послѣднее, пятое поученіе Серапіона тоже касается одного суевѣрія, которое весьма было распространено въ его время въ народѣ. Суевѣріе это никакъ не допускало погребенія умершихъ неестественною смертью, такъ какъ погребеніе такихъ людей, какъ думали, могло порождать народныя бѣдствія, особенно засуху, неурожай и т. д. Въ случаѣ бѣдствій, дѣйствительно, вырывали изъ земли погребенныхъ удавленниковъ, утопленниковъ и т. п. Проповѣдникъ глубоко возмущается всѣмъ этимъ и стремится вразумить маловѣровъ. Гнѣва Божія, проявляющагося въ указанныхъ бѣдствіяхъ, нельзя утишить, внушаетъ онъ слушателямъ, выкапываніемъ изъ земли удавленника или утопленника; этимъ хуже только можно прогнѣвить Бога. Для освобожденія отъ казней Божіихъ нужно нравственное исправленіе, искорененіе въ себѣ такихъ пороковъ, какъ разбой, грабленіе, пьянство, скупость, ложь, клевета, рѣзоиманіе и пр.

Таково содержаніе поученій еп. Серапіона. Общее во всѣхъ нихъ, какъ видимъ, указаніе грѣховъ русскаго народа и призывъ къ покаянію.

По формѣ всѣ поученія его отличаются простотою и задушевностью; въ нихъ проглядываетъ любовь пастыря-проповѣдника къ своей духовной паствѣ. Правда, иногда онъ строго выговариваетъ слушателямъ за ихъ невниманіе къ его пастырскимъ поученіямъ и за уклоненія отъ правилъ истинно-христіанской

жизни, но это строгость отца къ сыну. Простота изложенія сближаетъ еп. Серапіона съ другимъ уже извѣстнымъ намъ проповѣдникомъ, Лукой Жидятой, и такимъ образомъ еп. Серапіонъ по своей проповѣднической манерѣ долженъ быть причисленъ къ той группѣ древне-русскихъ проповѣдниковъ, которые чужды были натянутаго, искуственнаго, книжнаго направленія и матеріалъ для своихъ поученій почерпали изъ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Породивши охарактеризованное покаянное настроеніе въ самомъ своемъ началѣ, монгольское иго глубоко отразилось при болѣе чѣмъ двухсотлѣтнемъ своемъ существованіи на всей русской жизни, особенно на развитіи нашего просвѣщенія. Самою пагубною стороною татарскаго владычества слѣдуетъ считать ослабленіе нашихъ сношеній съ Византіей и Западной Европой, откуда къ намъ могъ приходить новый матеріалъ для нашей духовной работы. Русскій человѣкъ поневолѣ начинаетъ слишкомъ дорожить наслѣдіемъ, доставшимся ему отъ первой, сравнительно цвѣтущей эпохи его просвѣщенія и литературы, и такимъ образомъ развивается въ духовной жизни буквализмъ, преклоненіе передъ внѣшней формой стараго просвѣщенія, глубоко вкореняющееся и приводящее къ разнымъ уродливымъ послѣдствіямъ. При отсутствіи богословскаго образованія, русскіе люди начинаютъ придавать чрезмѣрное значеніе церковной обрядности, и для нихъ обряды пріобрѣтаютъ почти такое же значеніе, какъ и самые догматы христіанства. На самыя неважныя, даже мелочныя, разности обрядовыя стали обращать слишкомъ большое вниманіе. Лѣтописцы вносили въ лѣтописи, какъ замѣчательные церковные факты, даже самыя мелочныя церковныя разногласія, въ родѣ слѣдующаго: „той же зимы (1476 года), говоритъ новгородскій лѣтописецъ, нѣкоторыи философове начаша пѣти: „о, Господи, помилуй“, а друзѣи: „Господи, помилуй“. При такомъ взглядѣ на обрядовыя разности, когда стали обнаруживаться несогласіе или разнообразіе въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и неисправности въ богослужебныхъ книгахъ, то люди, привыкшіе строго соблюдать обряды церковные, но не знавшіе существеннаго, т. е. духа и ученія христіанской вѣры, стали жарко спорить и раздѣляться по поводу самыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Въ первый разъ, сколько извѣстно изъ лѣтописей, это открылось въ XV вѣкѣ, по поводу перваго спора о сугубой аллилуіа и о хожденіи по солонь, т. е. по вопросамъ о томъ, нужно

ли пѣть аллилуіа два или три раза, и о томъ, какъ ходить въ крестномъ ходѣ вокругъ церкви, по солнцу или противъ солнца. Какъ ни жарки были споры о хожденіи посолонь, но „истины не обрѣтоша", говоритъ лѣтописецъ.

Этому буквализму, задатки котораго можно было видѣть уже въ домонгольскую эпоху въ извѣстной косности, переданной намъ изъ Византіи, суждено было сыграть весьма видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго просвѣщенія, въ вопросѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. Съ нимъ пришлось столкнуться въ XVI столѣтіи Максиму Греку, котораго заподозрили въ еретичествѣ за то, что онъ исправилъ нѣкоторыя ошибки въ церковно-богослужебныхъ книгахъ; изъ-за того же много перенесъ всякихъ невзгодъ Троицкій игуменъ Діонисій, вычеркнувшій въ одной изъ молитвъ излишне вставленныя слова „и огнемъ" и тѣмъ возбудившій противъ себя обвиненіе въ намѣреніи уничтожить въ мірѣ огонь; тотъ же буквализмъ въ извѣстной степени былъ и одной изъ причинъ происхожденія раскола старообрядчества.

Рядомъ съ указаннымъ буквализмомъ, благодаря упадку просвѣщенія и отчасти вліянію татаръ, въ нашей жизни проявляется сильная грубость нравовъ, сказывающаяся, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ быту нашего народа. Къ XVI столѣтію составляется книга „Домострой", въ которой мы находимъ крайне суровыя наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ мужу обращаться съ женой и родителямъ съ дѣтьми. Въ общественномъ быту мы замѣчаемъ чрезвычайное распространеніе тѣлесныхъ наказаній и даже смертной казни; послѣдняя въ предшествующую эпоху совсѣмъ отрицалась, какъ это мы видимъ изъ „Поученія" Владиміра Мономаха, теперь же назначается во многихъ случаяхъ, при чемъ замѣтны разныя ухищренія въ ея способахъ: кромѣ обезглавленія и повѣшенія примѣняются четвертованіе, колесованіе, закапываніе живьемъ въ землю, сожженіе на кострѣ и т. д.

Упадокъ литературной производительности особенно замѣчается у насъ во времена, непосредственно слѣдующія за татарскимъ нашествіемъ, и лишь съ половины XIV в. обнаруживается нѣкоторое оживленіе въ литературѣ въ виду усиленія южно-славянскаго вліянія: многіе наши духовные писатели предпринимають путешествія на Аѳонъ и въ Царьградъ и здѣсь знакомятся съ новой болгарской и сербской письменностью, а съ другой стороны къ намъ приходятъ ученые славяне, болгаринъ

Григорій Цамблакъ, сербы Кипріанъ и Пахомій и др., вскорѣ занимающіе видное положеніе въ нашей церковной іерархіи и кладущіе отпечатокъ своихъ пріемовъ писанія на формирующуюся еще русскую литературу. Вліяніе сказывается внѣшними особенностями письма, палеографическими и ороографическими, введеніемъ въ литературный обиходъ сербизмовъ и болгаризмовъ, по кромѣ того оно сильно замѣтно въ усвоеніи особаго, искусственнаго стиля. Какъ говоритъ акад. А. И. Соболевскій, благодаря южно-славянскому вліянію, „русская письменность обновилась во всѣхъ отношеніяхъ. Конечно, замѣна однихъ начертаній буквъ другими и одной ороографіи другою не имѣетъ цѣнности; но этого уже никакъ нельзя сказать о замѣнѣ неисправныхъ текстовъ богослужебныхъ и другихъ книгъ исправными и о перенесеніи въ Россію значительнаго количества неизвѣстныхъ въ ней ранѣе, почти исключительно переводныхъ сочиненій. Необходимо признать, что по окончаніи южнославянскаго вліянія русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и что вновь полученныя ею литературныя богатства, отличаясь разнообразіемъ, удовлетворяли всевозможнымъ потребностямъ и вкусамъ и давали обильный матеріалъ русскимъ авторамъ".

Что касается стиля литературнаго, это южнославянское вліяніе выразилось въ примѣненіи особенно къ житіямъ святыхъ такъ называемаго „доброословія" или „плетенія словесъ". Старыя житія, сообщая много поучительнаго, оставались главнымъ образомъ біографіями святыхъ, новыя житія на первый планъ выдвигаютъ цѣль поучительную, такъ что біографическій очеркъ въ нихъ постепенно становится совсѣмъ неяснымъ, личность и жизнь православнаго святого исчезаютъ за массою поучительныхъ разсужденій и искусственныхъ украшеній. Искусственность бывала и въ старыхъ житіяхъ (такъ называемыхъ пространной редакціи), но теперь она значительно усиливается, становится обязательною. Мотивъ выставленъ инціаторомъ этого новаго у насъ направленія, митр. Кипріаномъ въ предисловіи къ составленному имъ житію митрополита Петра. „Праведнику", говоритъ Кипріанъ, *подобаетъ похвала*, и я, привлекаемый любовью къ пастырю, хочу малое нѣкое восхваленіе принести святителю".

Кипріанъ нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ инока Троице-Сергіева монастыря, Епифанія, прозваннаго „Премудрымъ". Въ указанномъ направленіи Епифаній составилъ житіе Стефана Пермскаго, постоянно пользуется онъ особыми украшеніями стиля,

риторическими фигурами, архаизмами и неологизмами; иногда форма изложенія драматизируется; вводятся „плачи", обращаемые къ святому, съ перечисленіемъ его благодѣяній, вставляются обширнѣйшія разсужденія, какъ напр., о происхожденіи алфавитовъ еврейскаго, греческаго.—Инымъ характеромъ отличается другое житіе, написанное Епифаніемъ, житіе преп. Сергія Радонежскаго. Хотя въ общемъ оно написано по тому же плану и съ тѣми же пріемами, что и житіе Стефана, однако оно гораздо содержательнѣе и жизненнѣе, потому что относительно Сергія авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо большій фактическій матеріалъ. Болѣе всего Епифаній характеризуетъ смиреніе Сергія и его мягкое, снисходительное отношеніе къ людямъ, особенно къ инокамъ, которыхъ онъ „не съ яростію обличаше и наказаше, яко издалеча, съ тихостію, аки притчами наводя, обличаше". Въ житіи ярко представлена иноческая нестяжательность Сергія, а также освѣщена его общественная дѣятельность, выразившаяся въ поддержкѣ тенденцій московскаго князя къ централизаціи, при чемъ видно, что самъ Епифаній не сочувствуетъ московской политикѣ.

Такимъ же жизненнымъ характеромъ отличается и гораздо болѣе раннее произведеніе неизвѣстнаго автора „Повѣсть о житіи и храбрости благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго", въ которой видно, что авторъ не успѣлъ усвоить себѣ риторическихъ пріемовъ повѣствованія. Нѣкоторая искусственность проглядываетъ въ житіи, но главная цѣль автора—изображеніе дѣйствительныхъ событій и впечатлѣнія, произведеннаго ими на современниковъ; поэтому личность Александра Невскаго охарактеризована съ достаточной полнотой, и повѣствованіе читается съ большимъ интересомъ. Къ тому же типу житій относятся: „Сказаніе о Довмонтѣ", „Сказаніе о Михаилѣ Черниговскомъ" и др.

Рядомъ съ житіями слѣдуетъ поставить назидательно-поэтическія легенды, возникшія въ это время. Изъ нихъ особенно замѣчательны „Житіе св. Меркурія Смоленскаго" и „Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи". Въ первой легендѣ характерно соединеніе фантастически-сказочнаго элемента съ благочестивымъ церковнымъ преданіемъ: побѣдивъ по повелѣнію Богородицы Батыя, подошедшаго къ Смоленску, въ чемъ ему помогаетъ его чудесный конь, скачущій по полкамъ, какъ орелъ по воздуху, Меркурій встрѣчаетъ прекраснаго воина,

который отсѣкаетъ ему голову. Свою голову Меркурій несетъ въ Смоленскъ, и сама Богородица положила его тѣло въ соборной церкви. Еще сильнѣе фантастическій элементъ въ легендѣ о Петрѣ и Ѳевроніи, такъ что эту легенду легко можно сравнивать со скандинавскимъ сказаніемъ о битвѣ Зигурда со змѣемъ и о его женитьбѣ на вѣщей дѣвѣ. Муромскій князь Петръ побѣждаетъ „неприязненнаго летучаго змія" при помощи Агрикова меча, но, забрызганный кровью змія, покрывается струпьями. Его исцѣляетъ дочь древосѣка Ѳевронія, отличающаяся удивительной мудростью, которая обнаруживается въ ея отвѣтахъ на запутанные вопросы, въ умѣньѣ выйти изъ затруднительнаго положенія. Петръ на ней женится, противъ нея возмущаются бояре, но затѣмъ Петръ и Ѳевронія благополучно правятъ въ Муромѣ до самой своей кончины. Умираютъ они въ одинъ часъ, а когда ихъ тѣла, противъ ихъ желанія, положили въ разныхъ гробахъ, они на другой день оказываются въ одномъ заранѣе ими приготовленномъ гробѣ. Образу Ѳевроніи даетъ высокую оцѣнку академикъ Буслаевъ: „Съ вѣщею силою Ѳевронія соединяетъ любящее сердце. Несмотря на обманъ князя, она, силою своего вѣщаго духа, господствуетъ надъ нимъ и выходитъ за него замужъ. Несмотря на преслѣдованія со стороны бояръ и на презрѣніе къ ней бояринь, несмотря на слабость воли князя и на кажущееся равнодушіе къ ея нѣжной любви и высокой преданности, она, и лишившись княжеской власти, бодро идетъ съ мужемъ въ изгнаніе, только бы не разлучаться съ милымъ ей человѣкомъ. И въ изгнаніи она остается чиста и, при всемъ благородствѣ образа мыслей, наивна, несмотря на грубыя и пошлыя оскорбленія, которыя терпитъ, ѣдучи на ладьѣ. И по смерти чистая супружеская любовь, благословенная свыше, соединила ихъ".

Если въ легендахъ сильна фантастика, то дѣйствительность нашла себѣ отраженіе въ рядѣ историческихъ повѣстей, или включавшихся въ лѣтопись, или же существовавшихъ отдѣльно. Изъ первыхъ замѣчательны „Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ", „О Евпатіи Коловратѣ и разореніи Рязанской земли", „О Батыевомъ нашествіи", „О Тахтамышевомъ нашествіи". Въ ряду вторыхъ особенно интересны повѣсти, посвященныя важнѣйшему событію конца XIV вѣка, Куликовской битвѣ, въ которой въ первый разъ русская сила оказалась крѣпче татарской. Это три повѣсти: „Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ", „Задонщина" и „Слово о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Іоанновича".

Повѣданіе о Мамаевомъ побоищѣ приписывается рязанскому іерею Софронію (въ лѣтописи онъ называется рязанцемъ Софоніемъ). Какъ видно, авторъ имѣлъ подъ руками „Слово о полку Игоревѣ" и старался подражать ему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно и то, что „Слово" не совсѣмъ ему было понятно, вслѣдствіе чего и подражаніе вышло неудачнымъ, неискуснымъ, заключающимъ въ себѣ зачастую странныя и непонятныя выраженія. Начинается сказаніе, напр., обращеніемъ къ Урану: „се повѣдай Уранъ, како случися брань на Дону православнымъ христіанамъ съ безбожными агаряны". Здѣсь, вѣроятно, мы имѣемъ искаженіе непонятнаго слова Боянъ, встрѣчающагося въ „Словѣ о полку Игоревѣ", при чемъ видимъ, что авторъ сказанія, исказивши означенное слово, какъ будто вспомнилъ имя изъ греческой миѳологіи, хотя весьма сомнительно предполагать въ Софроніи (или Софоніи) знакомство съ греческой миѳологіей. Послѣ этого обращенія въ сказаніи идетъ рѣчь о томъ, какъ Мамай „отъ наученія діаволя" задался мыслью истребить православную вѣру на Руси. Онъ собираетъ свою рать и приказываетъ ей готовиться къ выступленію въ походъ. Великій князь Димитрій ничего не знаетъ о намѣреніи Мамая. Узнаетъ о надвигающейся грозѣ рязанскій князь Олегъ, который измѣннически предлагаетъ Мамаю свои услуги въ походѣ противъ своего врага—великаго князя, склоняя къ тому же самому и князя Ольгерда. Мамай гордо принимаетъ пословъ и на предложеніе Олега отвѣчаетъ отказомъ, говоря, что въ чужой помощи онъ не нуждается: онъ-де располагаетъ такими военными силами, что при желаніи можетъ завоевать даже древній Іерусалимъ. Гордому Мамаю противопоставляется смиренный и благочестивый князь Димитрій. Нашествіе сильнаго непріятеля онъ считаетъ наказаніемъ за грѣхи русскихъ людей; когда ему становится извѣстнымъ о приближеніи Мамая, онъ падаетъ на колѣни предъ образами, молясь, чтобы казнь Божія миновала русскую землю и коснулась лишь его одного. Затѣмъ онъ отправляетъ пословъ къ двоюродному брату Владиміру Андреевичу, а самъ идетъ къ митр. Кипріану, который совѣтуетъ князю откупиться золотомъ. Но въ то же время приносится вѣсть о переходѣ Ольгерда на сторону Мамая. Тогда митрополитъ благословляетъ князя идти на непріятеля. Далѣе слѣдуетъ описаніе выступленія русскихъ въ походъ, очень напоминающее собой такое же описаніе въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Самому выступленію предшествуетъ поѣздка великаго князя къ преп. Сергію, отъ котораго

онъ получаетъ благословеніе и двухъ спутниковъ, иноковъ Ослябю и Пересвѣта,—и молитва передъ гробницами св. Петра и православныхъ князей, предковъ Димитрія. Выступленіе Димитрія рисуется такими чертами: „князь же великъ Димитрій Ивановичъ вступи въ златокованное стремя (въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „вступи Игорь князь въ златъ стремень“) и сѣдѣ на своего любовнаго коня, а солнце съ восхода свѣтитъ въ путь его и вѣтеръ тихъ и тепелъ на нихъ вѣетъ“. Затѣмъ описывается прощальный плачъ великой княгини Евдокіи въ аналогичныхъ, но менѣе выразительныхъ и сильныхъ по чувству чертахъ, сравнительно съ описаніемъ плача Ярославны въ „Словѣ“; стиль плача Евдокіи скорѣе молитвенный, нежели художественно-поэтическій. Послѣ этого изображается самый походъ подробно и опять очень сходно съ „Словомъ о полку Игоревѣ“. По переходѣ черезъ Донъ Димитрій готовится къ битвѣ. Какъ въ „Словѣ“, такъ и здѣсь, битвѣ предшествуютъ предзнаменованія, и тамъ и здѣсь эти предзнаменованія очень сходны. „За многи дни говорится въ сказаніи, придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно (въ „Словѣ“: влъцы грозу въсрожатъ по яругамъ“); гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердце утверждаетъ, и мнози врани собрашася необычно граютъ, галицы же свою рѣчь говорятъ и мнози орли отъ Усть-Дону прилетѣша (въ „Словѣ“: „орли клектомъ на кости звѣря зовутъ“), лисицы за кости брещутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго. въ онь же имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ“.

Наканунѣ битвы князь Димитрій Іоанновичъ смотритъ свои войска: онъ въѣзжаетъ на возвышенное мѣсто, откуда представляется ему прекрасная картина войска, готоваго къ битвѣ; онъ видитъ образъ Спасителя, высоко поднятый надъ войскомъ и сіяющій на солнцѣ; какъ живыя, колышутся хоругви; оружіе и доспѣхи воиновъ блестятъ и сверкаютъ, какъ золото. Димитрій сходитъ съ коня, падаетъ предъ образомъ Спасителя, изображеннымъ на знамени, и молится. Ночью наканунѣ битвы Димитрій съ воеводой Волынскимъ отправляются на Куликовское поле наблюдать знаменія. Воевода слѣзаетъ съ коня, припадаетъ къ землѣ и, прислушавшись, сообщаетъ князю, что ему чудится плачъ земли „на двѣ страны“, при чемъ „едина страна, аки нѣкая жена, плачущая чадъ своихъ, другая же страна, аки дѣвица (варіантъ: вдовица), пресоне, аки въ свирѣль. Азъ чаю побѣды

на поганыхъ, заключаетъ воевода, а крестьянъ (христіанъ) множество падетъ". Полагаясь на волю Божію, Димитрій на утро выступаетъ на бой, описаніе котораго опять-таки очень напоминаетъ извѣстное описаніе битвы въ „Словѣ". „Треснуша копья харалужныя (стальныя) (въ „Словѣ": „трещатъ копья харалужныя"), звенятъ доспѣхи злоченые, стучатъ щиты черленые, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли" (въ „Словѣ": „гремлютъ сабли о шеломы").

По окончаніи битвы князя Димитрія находятъ израненнымъ подъ березой и сообщаютъ ему радостную вѣсть о побѣдѣ русскихъ: обрадованный князь восклицаетъ: „сей день, еже сотвори Господь, возрадуемся!" Димитрій объѣзжаетъ на конѣ оставшихся въ живыхъ воиновъ и велитъ погребать убитыхъ. Этимъ заканчивается сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ ко всему изложенному прибавляется разсказъ о возвращеніи князя въ Москву, о встрѣчѣ его съ княгиней и благодарственныхъ молитвахъ, принесенныхъ имъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ молился передъ выступленіемъ противъ татаръ.

Всматриваясь въ „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ", мы не можемъ не замѣтить въ немъ, съ одной стороны, трогательныхъ мѣстъ, выражающихъ искреннее чувство, а съ другой—и поэтическихъ достоинствъ, украшающихъ его. Но при всемъ томъ, есть въ немъ и очень замѣтные недостатки. Отъ „Сказанія", прежде всего, за исключеніемъ отдѣльныхъ его мѣстъ, вѣетъ сухостью. Это вполнѣ понятно: авторъ беретъ старый памятникъ и старается во всемъ подражать ему; свои чувства онъ не можетъ изображать свободно и искренно: его стѣсняютъ подражаніе и, кромѣ того, риторическіе пріемы. Несмотря на все это, въ свое время „Сказаніе" было очень распространено, а черезъ нѣсколько лѣтъ породило новое подражательное произведеніе „Задонщину".

„Задонщина" представляетъ собой очень сложную литературную переработку. Образцомъ для подражанія авторъ ставитъ себѣ „Слово о полку Игоревѣ"; не довольствуясь, однако, этимъ источникомъ, въ ближайшее руководство для своего труда онъ беретъ, кромѣ того, сказаніе Софонія („азъ же помяну рязанца Софонія", говоритъ онъ). Самый разсказъ „Задонщины" отличается простотой и по языку приближается къ народному складу. Оригинальнаго въ ней еще менѣе, нежели въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ; рабское подражаніе „Слову о полку Игоревѣ" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается у автора въ буквальную копировку.

Все то, что говорится въ ней о князьяхъ, о половцахъ, о битвѣ и т. д. есть не что иное, какъ прямая переписка изъ „Слова".

Чтобы видѣть близость подражанія автора „Задонщины" своему основному источнику, для примѣра сопоставимъ слѣдующія мѣста и тамъ и здѣсь. Въ „Словѣ" про князя Игоря говорится, что онъ „поостри сердца своего мужествомъ"; авторъ „Задонщины" пишетъ: „князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его Владиміръ Андреевичъ поостриша сердца своя мужествомъ". Въ первомъ говорится: „тогда Игорь князь вступи въ златъ стременъ", во второмъ: „тогда же князь великій Дмитрій Ивановичъ ступи въ свое златое стремя" (здѣсь подражаніе болѣе близкое, чѣмъ у Софонія, который стремя называетъ златокованнымъ). Въ описаніи битвы находимъ у автора „Задонщины" почти всѣ тѣ же черты, что и въ „Словѣ о полку Игоревѣ", и здѣсь, какъ и въ „Словѣ", встрѣчаемъ упоминаніе „о копіяхъ харалужныхъ" и другомъ оружіи; какъ тамъ, такъ и здѣсь почти совершенно одинакова картина поля битвы: „черна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна", говорится въ „Словѣ", „тогда поля костьми насѣяны, кровьми польяны", читаемъ въ „Задонщинѣ". Есть въ ней подражаніе и плачу Ярославны, при чемъ авторъ переноситъ въ свое произведеніе цѣликомъ образы изъ „Слова". Плачущая Ярославна обращается къ Днѣпру и говоритъ про него, что онъ „пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую"; жена Микулина, Марія въ „Задонщинѣ" взываетъ къ Дону и говоритъ про него тоже, что онъ прошелъ землю половецкую, между тѣмъ какъ половцевъ и земли половецкой на югѣ Россіи къ концу XIV в. уже не было.

Видно, что автору „Задонщины" нѣкоторыя выраженія „Слова о полку Игоревѣ" были неясны и непонятны, и онъ произвольно придаетъ имъ собственный смыслъ. Выраженіе, напр., „о русская земля! уже за шеломенемъ еси" въ „Задонщинѣ" переиначено такъ: „земля еси русская...—за Соломономъ". Выраженіе „вѣщій Боянъ" въ „Задонщинѣ" въ рукописи XVII в. передѣлано „вѣщанный бояринъ".

Словомъ, мы могли бы привести цѣлый рядъ близкихъ параллелей между „Словомъ" и „Задонщиной", но достаточно и указанныхъ. Самымъ хорошимъ, картиннымъ мѣстомъ въ „Задонщинѣ" нужно признать описаніе конца битвы. Великій князь Димитрій Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ и воинами становится „на костехъ" на полѣ Куликовскомъ. Грустно и жалостно ри-

суются поле, усѣянное трупами христіанскими, и рѣка Донъ, обагрившаяся кровью убитыхъ. Князь разспрашиваетъ у окружающихъ объ убитыхъ, и тѣ даютъ длинный перечень послѣднихъ. Въ заключеніе князь обращается къ своимъ соратникамъ съ прощальнымъ словомъ и говоритъ: „Простите мя, братіе, и благословите! Всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ. И пойдемъ, брате, князь Владиміръ Андреевичъ, въ свою Залѣсскую землю, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а чѣмъ есмя, брате, добыли и славнаго имени. Богу нашему слава".

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ сказаніи, примыкающемъ къ циклу сказаній о Куликовской битвѣ. „Повѣсти о житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича".

Это обыкновенное похвальное слово житійнаго характера. Предметъ сказанія - перечисленіе и восхваленіе достоинствъ и добродѣтелей великаго князя, который укрѣпилъ власть, водворилъ тишину, никому не досаждалъ, всѣхъ любилъ, обо всѣхъ скорбѣлъ, защищалъ слабыхъ и т. д.

Періодъ Московскій. Паденіе Царьграда. Флорентійская унія. Теорія „третьяго Рима". „Домострой". Переписка Грознаго съ Курбскимъ. „Повѣсть о паденіи Царьграда". „Повѣсть о Вавилонѣ". „Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ". Житіе Іуліаніи Лазаревской".

Побѣда на Куликовомъ полѣ была однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ, поднимавшихъ національное самосознаніе русскихъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркивавшихъ великое значеніе Московскаго княжества, которое съ недавняго времени стало расти и собирать подъ своею властью разрозненныя русскія земли. Продолжающееся возвышеніе этого молодого государства въ XV вѣкѣ совпадаетъ съ весьма важными событіями міровой исторіи, съ Флорентійской уніей и слѣдующимъ за нею въ скоромъ времени паденіемъ Византійской имперіи, взятіемъ Царьграда турками. Эти факты должны были получить въ Москвѣ своеобразное историческое истолкованіе, какъ проявленіе дѣйствій Промысла Божія, направившаго теченіе всемірной исторіи къ еще большему возвеличенію Москвы.

На „осьмомъ“ Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, разсуждали москвичи, греки впали въ великое прегрѣшеніе, признавъ надъ собою власть римскаго папы и этимъ отступивъ отъ православія. Вслѣдствіе этого они естественно должны были утратить свой духовный авторитетъ въ восточномъ православномъ мірѣ, но этимъ не могли ограничиться послѣдствія ихъ отступничества отъ православія, и Богъ покаралъ ихъ, отдавъ во власть безбожныхъ агарянъ“, т. е. турокъ. Палъ Константинополь, второй Римъ, центръ всего православнаго міра. Однако, православіе не погибло, а сохранилось именно въ Москвѣ, такъ какъ великій князь Василій Васильевичъ не принялъ рѣшеній Флорентійскаго собора. Ясно, что съ этого времени господствующее положеніе въ православномъ мірѣ должна занять Москва, которая къ тому же и политически становится могущественною и уже подходитъ къ упраздненію ненавистнаго монгольскаго ига.

Эти мысли еще болѣе укрѣпляются въ сознаніи московскихъ людей послѣ брака Іоанна III съ Софіей Палеологъ, какъ бы внѣшнимъ образомъ устанавливавшаго связь московскаго князя съ византійскими императорами, послѣ окончательнаго сверженія татарскаго ига и ряда успѣховъ московской политики съ начала XVI вѣка, при чемъ притязанія московскихъ людей на первенство въ православномъ мірѣ получаютъ подтвержденіе со стороны восточныхъ патріарховъ, которые говорятъ въ своихъ грамотахъ Московскому государю, что онъ является имъ какъ бы вторымъ солнцемъ.

Вмѣстѣ съ этимъ усиливаются сношенія Москвы съ Западной Европой, до того времени шедшія исключительно черезъ Новгородъ. Съ Запада проникаютъ къ намъ нѣкоторыя идеи, порождающія броженіе въ религіозной средѣ: какъ ни силенъ буквализмъ, но ему приходится выдерживать тяжелую и опасную борьбу съ этими новыми взглядами, которые грозятъ окончательно перевернуть слагавшійся въ теченіе многихъ вѣковъ строй понятій. Раціоналистическія стремленія, рѣзко противорѣчащія преклоненію передъ буквой, выразившіяся въ еретическихъ движеніяхъ стригольниковъ и жидовствующихъ, могутъ считаться предвѣстіемъ тѣхъ новыхъ вѣяній, которыя съ такою силой обнаруживаются въ XVI в. и противъ которыхъ московская старина выдвигаетъ арсеналъ выработанныхъ ею идей политическихъ, культурныхъ, касающихся и домашняго и общественнаго строя, подводя, такъ сказать, итоги предшествующаго развитія.

Этотъ подъемъ настроенія общественнаго, эти разнообразныя умственныя теченія отражаются во многихъ литературныхъ памятникахъ, и изъ нихъ мы прежде всего остановимся на тѣхъ, которые являются отраженіемъ только что указаннаго нами взгляда москвичей на высокое значеніе своего государства.

Изъ этихъ произведеній мы поставимъ на первомъ мѣстѣ сочиненіе суздальскаго іеромонаха Симеона „Повѣсть како римскій папа Евгеній состави осьмый соборъ съ своими единомышленники", такъ какъ въ ней раньше всего проявляется отрицательное отношеніе къ грекамъ, которые прельстились на соборѣ „сребролюбіемъ и златолюбіемъ" и измѣнили православію. Вслѣдствіе этого греки утратили въ глазахъ автора свой церковно-религіозный авторитетъ, и въ „Повѣсти" возвеличивается московскій великій князь, сохранившій православіе своей земли, и потому ему присвояется титулъ „бѣлаго царя всея Руси".

Такое же отношеніе къ греческому духовному авторитету лежитъ въ основѣ „Повѣсти о созданіи и взятіи Царьграда". Въ первой части этого сочиненія разсказывается о построеніи столицы Константиномъ Великимъ, при чемъ передается такая легенда: „Когда все было готово, собралъ царь вельможъ и мегистанъ, сирѣчь земскихъ князей и магистровъ, и нача умышляти, како быти стѣнамъ и стрѣльницамъ, и воротамъ городскимъ, и повелѣ размѣрити мѣсто между двухъ морей. И вотъ змѣй, внезапно выйдя изъ норы, поползъ по мѣсту, а орелъ слетѣлъ съ высоты, схватилъ змѣя и полетѣлъ съ нимъ, змѣй въ то время обвился вокругъ орла. Сперва орелъ взвился такъ высоко, что былъ невидимъ, потомъ онъ показался и, наконецъ, сталъ спускаться на то самое мѣсто, гдѣ змѣй опуталъ его. Люди, замѣтивъ, что змѣй одолѣлъ орла, убили змѣя, а орелъ улетѣлъ. И бысть царь въ ужасѣ велицѣ и созвалъ онъ книжниковъ и спрашивалъ, что значитъ это знаменіе, и они разъяснили: „это мѣсто прославится и возвеличится во всей вселенной... Орелъ знаменіе христіанства, змѣй знаменіе басурманства. Что змѣй одолѣлъ орла, это знакъ, что басурмане одолѣютъ христіанъ; а что христіане убили змѣя и освободили орла—это знакъ того, что они одолѣютъ басурманъ, возьмутъ седьмихолмный городъ и въ немъ воцарятся". Во второй части „Повѣсти" разсказывается о паденіи Византіи, но припоминается приведенная легенда и пророчески примѣняется къ Россіи. „Когда все такъ случилось, говоритъ авторъ, грѣхъ нашихъ ради, и сѣлъ безславный Махметъ на бла-

городнѣйшемъ во всей вселенной престолѣ царскомъ и сталъ владѣть двумя частями свѣта; одолѣлъ тѣхъ, которые когда-то одолѣли Артаксеркса, вождя несмѣтныхъ войскъ, невмѣстимыхъ и пучиною морскою, одолѣлъ тѣхъ, которые одолѣли Трою предивную, семьдесятью-четырьмя царями обороняемую. Но познай, о окаяние! Свершится пророчество, свершатся предзнаменованія, бывшія при основаніи города: Русскій родъ, предъизбранный отъ Бога, побѣдитъ всего Измаила и возьметъ седмихолмный Царьградъ и въ немъ воцарится". Однако параллельно съ этимъ возвеличеніемъ значенія Россіи весьма любопытнымъ представляется слѣдующее критическое замѣчаніе автора повѣсти, приписываемое имъ какому-то латинянину: „велика милость Божія въ землѣ ихъ (т. е. русской), но если бы къ той вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, съ ними бы ангелы бесѣдовали, и если бы къ правдѣ турецкой да вѣра христіанская была, и съ ними бы ангелы бесѣдовали". Ясно, что авторъ не закрывалъ глазъ на недостатки современной русской жизни, что не мѣшало ему вѣровать въ высокое міровое призваніе Россіи.

Это первенство Россіи въ православномъ мірѣ христіанъ характерно представляется въ „Повѣсти о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ", которая была написана въ концѣ XV вѣка. Въ этой повѣсти разсказывается о томъ, какъ императоръ Константинъ Великій далъ папѣ Сильвестру бѣлый клобукъ за исцѣленіе, а когда Римъ отпалъ отъ правой вѣры, клобукъ этотъ, какъ знакъ высшаго духовнаго авторитета, долженъ былъ бы перейти къ грекамъ, но такъ какъ и они поколебались въ вѣрѣ, то клобукъ чудесно перенесенъ въ Новгородъ, потому что тамъ „воистину нынѣ славима есть Христова вѣра". Самою любопытною подробностью повѣсти слѣдуетъ считать предсказаніе Сильвестра и Константина о грядущемъ значеніи Русской земли: „Въ царствующемъ градѣ семъ Константиноградѣ, по нѣколицехъ временехъ, обладати имутъ агаряне за умноженіе грѣхъ человѣческихъ, и вся святая осквернятъ и истребятъ, якоже въ созданіи града сего явлено бысть о семъ: ветхій бо Римъ отпаде славы и отъ вѣры Христовы гордостію и своею волею; въ новемъ же Римѣ, еже есть въ Константиноградѣ насиліемъ агарянскимъ такоже христіанская вѣра погибнетъ, на третіемъ же Римѣ, еже есть на русской земли, благодать святаго Духа возсія. Вся христіанская придутъ въ конецъ и снидутся во едино царство русское православія ради .. и вся святая предана будетъ отъ Бога велицѣй

русстѣй земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки, и подъ властію ихъ мнози царіе будутъ отъ иноязычныхъ, подъ властію ихъ и патріаршескій чинъ отъ царствующаго сего града такожде данъ будетъ русстѣй земли во времена своя, и страна наречется свѣтлая Россія".

Если въ „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ" проводилась идея о переходѣ духовнаго авторитета изъ Византіи въ Россію, то рядъ другихъ сказаній устанавливалъ преемственность происхожденія свѣтской власти Московскихъ государей отъ власти византійскихъ кесарей. Таково любопытное „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ". Приводимъ его содержаніе по изложенію академика А. Н. Веселовскаго: „Разсказъ начинается баснословною повѣстью о Навуходоносорѣ—найденышѣ, воцаряющемся въ Вавилонѣ и повелѣвающемъ учинить знаменіе змія на всей городской утвари на платьѣ и оружіи, на знаменахъ и хоромахъ. Самъ онъ велитъ сдѣлать себѣ мечъ-самосѣкъ, „аспидъ змій": во время битвы мечъ самъ вылетаетъ изъ ноженъ и начинаетъ сѣчь враговъ безъ милости. Умирая, царь завѣщалъ задѣлать мечъ въ городскую стѣну, заклиная не вынимать его до скончанія вѣка. Въ минуту опасности сынъ его, Василій, побуждаемый просьбами вавилонянъ, нарушилъ отцовскій завѣтъ: тогда мечъ-аспидъ, выпорхнувъ изъ ноженъ, отсѣкъ голову самому царю и многихъ другихъ изрубилъ, а змѣи, что были на платьяхъ, на ратной сбруѣ и т. д., ожили и поѣли всѣхъ вавилонянъ. Съ тѣхъ поръ Вавилонъ опустѣлъ, его населили дикіе звѣри, и чудовище, исполинскій змѣй лежитъ, согнувшись вокругъ города. Слѣдующій отдѣлъ повѣсти открывается посланіемъ греческаго императора Льва въ Вавилонъ съ тѣмъ, чтобы испытать, какъ лежатъ тѣла трехъ святыхъ отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и взять отъ нихъ знаменіе. Послами идутъ грекъ, обежанинъ и славянинъ.

Среди разныхъ чудесъ и опасностей они проникаютъ въ Вавилонъ, поклонились мощамъ угодниковъ, хотятъ взять съ ихъ гробницъ кубокъ съ миррой и ливаномъ и отнести его къ царю, какъ знаменіе. Голосъ отъ гробницы останавливаетъ ихъ: пусть пойдутъ въ царевы палаты и тамъ возьмутъ знаменіе. Въ палатахъ Навуходоносора они находятъ два вѣнца: одинъ Навуходоносора, „царя Вавилонскаго и всея вселенныя", другой—его царицы; при нихъ грамота на греческомъ языкѣ, въ которой сказано, что вѣнцамъ этимъ надлежитъ быть на императорѣ Львѣ

и его супругѣ. Послы захватили еще сердоликовую крабицу съ багряницею, и то и другое приносятъ императору, котораго патріархъ вѣнчаетъ знаменіемъ Вавилона. Власть надъ вселенной, всемірная имперія символически перенесена вмѣстѣ съ вѣнцомъ Навуходоносора изъ Вавилона въ Византію, вступившую такимъ образомъ въ наслѣдіе древняго міра.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ „Сказанія" присоединяется къ изложенной повѣсти слѣдующая, весьма важная замѣтка: „Въ то же время услыша князь Владиміръ Кіевскій, посла воины своя на Царьградъ. Царь же Василій, видѣвъ воины сильные Владиміровы подъ градомъ стояще, и убоялся ихъ и посла къ великому князю Владиміру посла своего, а съ нимъ посла дары великіе и ту сердоликову крабицу со всѣмъ, что въ ней: виссонъ царскій, и порфира, и шапка Мономаха, и скипетръ царскій. Князь же Владиміръ радостенъ бысть, прія такіе честные дары отъ царя Василія, и не повоева Царяграда и отступи отъ него; и отъ того часа прослы великій князь Владиміръ Кіевскій Мономахъ; и до сего дни во всей Россіи вѣнчашася цари Московскіе въ нынѣшнемъ вѣкѣ виссомъ и порфирою царскою и шапкою Мономаховою и до сего дня". Эта прибавка чрезвычайно любопытна, такъ какъ въ ней выражается легендарное представленіе, сложившееся въ эту эпоху о преемствѣ русской верховной власти по отношенію къ византійскимъ императорамъ. Рядомъ съ этой легендой слагались и другія, имѣвшія ту же цѣль—возвеличить значеніе московскихъ князей и царей, указать на происхожденіе ихъ власти и ихъ рода отъ византійскихъ императоровъ и отъ Кесаря Августа. Таковы „Сказаніе о князьяхъ владимірскихъ" и сказаніе о Москвѣ—третьемъ Римѣ.

По мѣрѣ роста политическаго самосознанія, выразившагося въ только что разобранныхъ памятникахъ, естественно возникалъ вопросъ о пути, по которому должно направиться дальнѣйшее духовное развитіе русскаго народа: слѣдуетъ ли, при вновь создающихся условіяхъ политической жизни, по прежнему строго держаться стариннаго преданія, при чемъ исключается возможность проявленія свободной мысли, противополагаемой унаслѣдованному буквализму, или же допустимо движеніе къ какому нибудь новому направленію, при освѣщеніи свободной критической мысли. Нѣкоторые русскіе люди, отчасти подъ вліяніемъ западноевропейскимъ, въ своихъ исканіяхъ новыхъ путей духовной жизни заходили слишкомъ далеко, отрицали всякое преданіе и впадали

даже въ еретичество. Таковы были стригольники, а послѣ нихъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.в. представители ереси жидовствующихъ, приводившіе въ ужасъ сторонниковъ старинпаго московскаго благочестія своимъ крайнимъ критицизмомъ. По вопросу о томъ, какъ относиться къ этимъ еретикамъ, поднявшимъ сильное религіозное броженіе въ русскомъ обществѣ, образовалось въ Москвѣ двѣ партіи: во главѣ одной изъ нихъ стоятъ Іосифъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря, и новгородскій архіепископъ Геннадій, въ противоположной партіи духовными вождями являются Нилъ Сорскій и инокъ-князь Вассіанъ Патрикѣевъ.

Іосифъ Волоцкій является типичнымъ представителемъ московской учености того времени. Онъ начетчикъ, т. е. человѣкъ, обладающій огромной начитанностью въ „божественныхъ писаніяхъ“, но совсѣмъ не умѣющій разобраться въ относительномъ достоинствѣ различныхъ писаній, сохраненныхъ стариной. Для такого человѣка терминомъ „божественныя писанія“ обозначаются, безъ различенія степени ихъ авторитетности, и Св. Писаніе, и творенія отцовъ Церкви, и церковные уставы, и гражданскіе законы („градскій законъ“, заимствованный изъ Византіи), и даже сочиненія апокрифическія. Начетчикъ цѣнитъ всякую подробность въ „божественныхъ писаніяхъ“, всякое же толкованіе, основывающееся на разумѣ, а не на буквѣ писаній, признаетъ опаснымъ, такъ что среди „осифлянъ“, т. е. послѣдователей Іосифа Волоцкаго, прочно установилось общее правило: „всѣмъ страстемъ мати мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе“. Отсюда понятно, что встрѣтившись съ еретическими заблужденіями жидовствующихъ, Іосифъ Волоцкій долженъ былъ вооружиться противъ нихъ съ величайшею ревностью. Онъ написалъ противъ еретиковъ рядъ посланій, собранныхъ въ обширной книгѣ подъ общимъ заглавіемъ „Просвѣтитель“: весьма обстоятельно опровергая еретическія мнѣнія, Іосифъ въ этой книгѣ говоритъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты противъ еретиковъ. Онъ считаетъ недостаточными мѣры духовнаго увѣщанія и вразумленія и вмѣстѣ съ Геннадіемъ Новгородскимъ обращается къ свѣтской власти и требуетъ для еретиковъ суровыхъ каръ, заточенія, и даже смертной казни. При этомъ онъ ссылается на примѣръ апостола Петра, который словомъ своимъ поразилъ Симона волхва смертью, и на примѣръ епископа Катанскаго, Льва, взявшаго черезъ епитрахиль еретика Иліодора за руку, такъ что тотъ почувствовалъ „огненное жженіе“.

Совсѣмъ инымъ духомъ отличаются послѣдователи Нила Сорскаго, заволжскіе старцы съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ во главѣ. По отношенію къ „божественнымъ писаніямъ“ они находятъ необходимою критику, потому что „писанія многа, но не вся суть божественна“. Вассіана обвиняли въ томъ, что онъ различныя правила изъ божественныхъ писаній, приводимыя осифлянами, называлъ „кривилами“ и отвергалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ. Допуская критику писаній, заволжскіе старцы не могли относиться къ еретикамъ съ такою нетерпимостью, какъ Іосифъ и Геннадій, не могли требовать ихъ преслѣдованія по градскимъ законамъ, и на тѣ доводы, которые приводились въ „Просвѣтителѣ“, отвѣчали жестокой ироніей, говоря: „А Петръ апостолъ Симона волхва молитвою разбилъ... и ты, господине Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника. А Левъ, епископъ Катанскій, Ліодора волхва епитрахилью связалъ и сжегъ при греческомъ царѣ,—то такъ. А ты, господине Іосифъ, что не испытаешь своей святости, зачѣмъ не связалъ архимандрита Касьяна своей мантіей? Такъ бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ, и мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ, изъ пламени вышедшихъ, да и приняли. Поразумѣй, господине Іосифъ, какъ много розни промежъ Моисея и Иліи, и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ“.

Для Нила Сорскаго и его послѣдователей мало цѣны имѣетъ внѣшнее благочестіе, которому огромное значеніе придають осифляне. Нилъ главною добродѣтелью считаетъ „умное дѣланіе“, т. е. нравственное самосовершенствованіе, духовную борьбу съ грѣховными стремленіями человѣческой природы, такъ какъ внѣшнее подвижничество есть листъ, а плодомъ является только „умное дѣланіе“, которое приближаетъ къ Богу всякаго человѣка, не только инока. Вслѣдствіе такого внутренняго, духовнаго пониманія благочестивой жизни заволжскіе старцы рѣзко разошлись съ осифлянами и еще по одному важному для той эпохи церковному вопросу, по вопросу о правѣ монастырей владѣть населенными имѣніями. Іосифъ съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждалъ, что монастырскія имѣнія представляются весьма важными потому, что даютъ инокамъ возможность заниматься дѣлами благотворенія. Монастыри, какъ доказывалъ Іосифъ, приготовляя достойныхъ пастырей Церкви, оказывая помощь нуждающимся, не должны нуждаться сами. Этотъ аргументъ можно признать очень существеннымъ, но, съ другой стороны, не слѣдовало упу-

скать изъ виду, что при этомъ монашество уклонялось отъ правильнаго образа жизни, погружалось въ хозяйственные расчеты, совсѣмъ не соотвѣтствовавшіе аскетическому идеалу: монахи угождали сильнымъ, заискивали у нихъ и не могли быть свѣточемъ, нравственнымъ образцомъ для мірянъ, а кромѣ того владѣніе богатствами, иногда очень значительными, приводило уже не къ одному избавленію отъ нужды, но и къ прямой, для монаховъ непозволительной, роскоши. Соблюденіе обѣта нестяжательности, какъ доказывали заволжскіе старцы, давало инокамъ огромную нравственную силу: иноки не зависѣли отъ велѣній свѣтскихъ властей. „Наши же,—писалъ Вассіанъ Патрикѣевъ,—предстоящіе, владѣя множествомъ церковныхъ имѣній, только и помышляютъ о различныхъ одеждахъ и яствахъ; о христіанахъ же, братіяхъ своихъ, погибающихъ отъ мороза и голода, не прилагаютъ никакого попеченія, даютъ бѣднымъ и богатымъ въ лихву церковное серебро, а если кто не въ состояніи платить лихвы, не покажутъ милости бѣдняку, а до конца его разорятъ. Вотъ сколько изрядныхъ батогоносныхъ слугъ стоятъ передъ ними, готовые на мановеніе владыкъ своихъ! Они бьютъ и мучатъ и всячески терзаютъ священниковъ и мірянъ, ищущихъ суда передъ владыками“.

Ища поддержки отъ свѣтской власти, осифляне въ свою очередь должны были оказывать содѣйствіе усиленію власти Московскаго государя, тогда какъ боярская оппозиція этимъ стремленіямъ сближалась скорѣе съ представителями противоположной партіи. Такимъ образомъ мы видимъ, что разногласіе по церковнымъ вопросамъ между осифлянами и ихъ противниками сливалось для современниковъ съ ихъ разногласіемъ политическимъ, такъ что противникъ политическихъ воззрѣній царя Іоанна Грознаго, князь Андрей Курбскій, вполнѣ естественно долженъ былъ относиться враждебно къ послѣдователямъ Іосифа Волоцкаго, называя ихъ „презлыми осифлянами“.

А между тѣмъ въ русскую жизнь все болѣе и болѣе вторгаются различныя „новшества“, въ которыхъ тогдашніе русскіе консерваторы видѣли „бѣду и скорбь, и погибель роду христіанскому“. „Русскіе люди позавидовали иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ отъ главы и до ногу и ихъ обычаямъ“, которые только могутъ повредить добрымъ нравамъ москвичей, и вотъ являются тѣ итоги предшествующаго развитія, о которыхъ мы говорили выше. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ среди нихъ пред-

ставляется „Домострой“, къ разсмотрѣнію котораго мы и обратимся. Составленіе этого памятника приписывалось знаменитому совѣтнику Іоанна Грознаго, Благовѣщенскому іерею Сильвестру, однако такое сложное произведеніе врядъ ли могло быть составлено однимъ лицомъ, и можно предполагать, что правила „Домостроя“ вырабатывались въ теченіе многихъ лѣтъ московской или новгородской общественной жизни, Сильвестръ же былъ только редакторомъ, сводившимъ готовый матеріалъ и присоединившимъ къ нему заключительную главу.

Основная часть Домостроя, состоящая изъ 63 главъ и, какъ сказано, не принадлежащая перу Сильвестра, дѣлится на 3 отдѣла: 1) О строеніи духовномъ, 2) О строеніи мірскомъ и 3) О домовномъ строеніи (чисто-хозяйственнаго свойства). Надо принять во вниманіе, что эти части не особенно рѣзко разграничены: нерѣдко правила, относящіяся къ двумъ послѣднимъ частямъ, попадаютъ въ первую и наоборотъ. Источники, которыми пользовался авторъ, слѣдующіе: книга Іисуса, сына Сирахова, изъ которой почерпнута идея о воспитаніи въ страхѣ Божіемъ, сборники Златоустъ, Измарагдъ, Маргаритъ, Стословъ патріарха Геннадія.

Первая часть этого памятника, „О строеніи духовномъ“, состоитъ изъ 15 главъ. Въ нихъ говорится подробно о томъ, въ чемъ состоитъ праведное житіе, и какъ должны ему слѣдовать „богобоязненные люди“. Если сравнить эту часть Домостроя съ той частью поученія Мономаха, въ которой говорится о томъ же предметѣ, то увидимъ много схожаго, хотя Домострой гораздо мелочнѣе и усиливаетъ аскетическія требованія. Мономахъ вообще совѣтуетъ молиться возможно чаще и соединять съ молитвою добрыя дѣла, авторъ Домостроя предлагаетъ жить по образцу жизни монашеской. Наставленія относительно того, какъ устроить въ домѣ религіозную жизнь, доходятъ до крайней мелочности. Домострой перечисляетъ, какія именно молитвы и когда должно читать, совѣтуя при этомъ относиться особенно внимательно къ иконамъ въ домѣ: устроить отдѣльную комнату въ домѣ для молитвы и курить въ ней өиміамомъ и ладаномъ. Въ главѣ 8-й объ этомъ говорится: „Въ дому своемъ всякому христіанину, во всякой храминѣ святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи

Божіи и по отпѣніи погашаютъ; завѣсою закрываются всякія ради нечистоты и отъ пыли: благочестія ради и мягкою губкою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда, а къ святымъ образамъ касатися достойнымъ въ чистой совѣсти: и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи и молитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ". На молитву Домострой велитъ собираться всѣмъ вмѣстѣ, включая сюда и слугъ. Въ главѣ 12-й говорится: „По вся дни, въ вечерѣ, мужъ съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣть вечерня, повечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кротостояніемъ, и съ молитвою, и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити всегда; всему тому наукъ. А ложася спать, всякому христіанину по три поклона въ землю передъ Богомъ положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно Богу молиться, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утро возставая, такоже и комуждо по силѣ и по желанію". Домострой наставляетъ развить въ себѣ страхъ Божій, говоря, что это единственный путь къ спасенію, а также предписываетъ самую широкую благотворительность. „Въ монастыри и въ больницы заключенныхъ посѣщай,—сказано объ этомъ въ главѣ 9-й,—и милостыню по силѣ всякихъ потребныхъ подай, елико требуютъ; и видѣвъ бѣду ихъ, и скорбь, и всякую нужду, и елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна и нища, и бѣдна и нужна не презри, и введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй!.." Домострой заповѣдуетъ посѣщать церковь и держать себя въ ней чинно: не повертываться спиной къ алтарю, не разговаривать, не думать о чемъ-либо другомъ, а входя въ церковь, поклониться всѣмъ образамъ.

Что касается второй части Домостроя, о „строеніи мірскомъ" (гл. 16—29), то она прежде всего предписываетъ всякому развить въ себѣ стремленіе угодить всѣмъ, при чемъ иногда даже допускается отступленіе отъ основныхъ нравственныхъ принциповъ. Въ этой части указываются правила, какъ жить въ мирѣ съ женами, дѣтьми и домочадцами. Наиболѣе любопытны тѣ главы, въ которыхъ говорится о воспитаніи дѣтей и объ обязанностяхъ жены. Наставленія о воспитаніи дѣтей, изложенныя въ Домостроѣ, почерпнуты изъ Книги премудрости Іисуса, сына Сирахова. Они кажутся намъ до нельзя грубыми: такъ, постоянно рекомендуется для поддержанія авторитета домовладыки и для

внушенія страха Божія, прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ (жену побить плеткой, хотя и „вѣжливенько" и „наединѣ"); но если обратить вниманіе на характеръ того періода, къ которому относится Домострой, то мы увидимъ, что дѣйствительность была гораздо хуже, и что постановленія Домостроя были значительнымъ ея смягченіемъ. Такая грубость въ нравахъ русскихъ въ значительной степени объясняется татарскимъ вліяніемъ, а отчасти, быть можетъ, и византійскимъ. Но эта грубость нравовъ не была отличительной чертой исключительно русскаго народа: въ XVI и XVII стол. она замѣчается и на Западѣ. Наши представленія о западномъ рыцарствѣ, обыкновенно идеализирующія отношенія рыцарей къ женщинѣ, не совсѣмъ справедливы: на самомъ дѣлѣ, преклоненіе предъ женщиной и тамъ не исключало грубаго обращенія съ ней. Прекрасно характеризуетъ подобную грубость въ Венеціи Шекспировская „Комедія ошибокъ": въ этой пьесѣ встрѣчается та же плетка въ отношеніяхъ мужа къ женѣ, которую допускаетъ и Домострой.

Не менѣе грубости видно и въ воспитаніи дѣтей. Родители должны возбуждать и воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій и страхъ къ себѣ: „Казни сына своего,—говоритъ Домострой,—отъ юности, и покоитъ тя на старость твою; и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ, ты бо бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти".

Рядомъ съ суровыми наставленіями встрѣчаемся въ Домостроѣ и съ гуманными. Такъ, къ слугамъ Домострой повелѣваетъ относиться, какъ къ членамъ семьи: не обижать ихъ, заботиться не только, чтобъ имъ было хорошо въ матеріальномъ отношеніи, но и о душѣ ихъ; учить ихъ всякимъ ремесламъ, а дѣвушекъ—рукодѣльямъ и хозяйству, не изнурять ихъ работой, быть къ нимъ справедливыми, а на молитву собирать ихъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ одну храмину. Если по отношенію къ слугамъ прилагается суровость, то такая же, какъ и къ дѣтямъ. Слугъ Домострой совѣтуетъ за особыя заслуги выпускать на свободу.

Въ третьей части („О строеніи домовомъ", гл. 30—63) заключаются подробныя до мелочности наставленія относительно домашняго обихода: тутъ говорится о томъ, какъ управлять домомъ и слугами, какъ вести хозяйство и соблюдать экономію; есть даже указаніе на весь годъ, какія подавать кушанья, какъ приготовлять и сохранять ихъ, какъ содержать посуду, платье,—словомъ, тутъ

даны самыя подробныя правила „благоразсуднаго и порядливаго житія". Первое правило въ домашнемъ хозяйствѣ—бережливость. Человѣкъ долженъ непремѣнно сообразоваться со средствами: „всякому человѣку, богату и убогу, велику и малу, разсудити себя и смѣтити. Аще кто не разсудя себя живетъ, и не смѣтя своего житія и промысла и добытка, и учнетъ, на люди глядя, жити не по силѣ и займуя, или неправеднымъ имѣніемъ,—и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ, и съ укоризною, и съ поношеніемъ". Чтобы жить по средствамъ, надо пріобрѣтать всѣ припасы хозяйственные во-время и купленное надо сберегать. Затѣмъ Домострой даетъ мелкія указанія относительно того, какъ все заготовлять въ свое время: „ино у рубля четверти не додашь, а у десяти рублевъ по тому же", и покупать надо не по мелочамъ, а оптомъ. Говорится, какъ надо устроиться, чтобы все потребное для хозяйства приготовлялось дома: для этой цѣли въ домѣ надо имѣть всякихъ мастеровъ.

Относительно экономіи говорится въ Домостроѣ, что въ особенности она выражается въ дѣлѣ воспитанія дочерей. Необходимо откладывать понемногу въ сундуки на имя дочери: „А у кого дочь родится, ино разсудные люди, отъ всякаго приплода на дочерь откладываютъ; на ея имя или животинку растятъ съ приплодомъ, а у полотенъ, и у ширинокъ (платковъ) и убрусовъ (полотенецъ) и рубашекъ, по вся годы ей въ пришенной (особый) сундукъ кладутъ: и платье, и саженье, и мониста, и святость (образа) и сосуды оловянные и мѣдные и деревянные, прибавляти понемногу всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всего будетъ полно. Ино дочери растутъ, а страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними вдругъ прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, ино все готово... А по судьбамъ Божіимъ только та дочь преставится, ино ея надѣломъ поминаютъ по ея душѣ сорокоустъ и милостыню изъ того даютъ".

Главное завѣдываніе всѣмъ домомъ лежитъ на хозяйкѣ, которая поэтому должна служить примѣромъ всѣмъ домашнимъ, ни на минуту не оставаясь безъ дѣла. Она должна рано вставать, и не слуги ее будятъ, а она сама слугъ и всѣхъ домашнихъ будить должна; затѣмъ хозяйка дѣлаетъ указъ, т. е. распредѣляетъ работу на весь день, но этимъ еще не оканчиваются всѣ ея хлопоты по хозяйству: она сама должна быть непремѣнно занята цѣлый день какимъ-нибудь рукодѣліемъ, и только болѣзнь позволяетъ ей оставаться безъ дѣла. Если же къ ней приходятъ

гости, или она сама бываетъ въ гостяхъ, то говоритъ Домострой, и въ этихъ случаяхъ она должна заниматься не сплетнями, а говорить о домашнемъ хозяйствѣ, рукодѣліи.

Въ послѣдней главѣ Домостроя, принадлежащей, какъ сказано, Сильвестру и называемой часто малымъ Домостроемъ, заключаются наставленія Сильвестра сыну его, Анѳиму. Въ этихъ наставленіяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на многія черты, характеризующія Сильвестра, какъ человѣка въ высшей степени симпатичнаго: „Ты видѣлъ, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею, не прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился... Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію... Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему способенъ... Никому ни въ чемъ я не лгалъ, не просрочивалъ, ни въ рукодѣліи, ни въ торговлѣ; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ“.

Въ этихъ словахъ заключается характеристика Сильвестра. Въ нихъ мы видимъ и отраженіе симпатичныхъ чертъ характера этого человѣка и въ то же время проглядываютъ черты несимпатичныя: это—желаніе всѣмъ „упоровити“, всѣмъ угодить.

Въ этомъ отношеніи Сильвестръ, вѣроятно, не особенно сильно отличался отъ своихъ современниковъ: угодливость во многомъ была слѣдствіемъ того же страха передъ мнѣніемъ окружающихъ, который вообще обнаруживается въ наставленіяхъ Домостроя, и который былъ вполнѣ понятенъ въ грубой и жестокой обстановкѣ эпохи Грознаго.

Если „Домострой“ является памятникомъ, закрѣпляющимъ, такъ сказать, бытовую старину московской жизни, сводомъ правилъ домашняго, семейнаго уклада, выработавшагося вѣками, то формулировку политическихъ взглядовъ эпохи, теоретическое ихъ обоснованіе находимъ въ произведеніяхъ царя Ивана Васильевича

Грознаго, въ особенности въ его письмахъ къ кн. Курбскому, при чемъ письма послѣдняго являются выраженіемъ прямо противоположныхъ взглядовъ и стремленій. Одинъ изъ выдающихся по своему образованію и природнымъ дарованіямъ дѣятелей эпохи Грознаго, кн. Андрей Курбскій, потерпѣвъ неудачу въ Ливонской войнѣ и опасаясь царскаго гнѣва, бѣжалъ въ Польшу и отсюда обратился къ царю съ письмомъ, въ которомъ, оправдывая свой поступокъ, укоряетъ царя за его самовластіе. Онъ доказываетъ, что правленіе Іоанна было хорошо, пока онъ слушался совѣтовъ „избранной рады", т. е. Сильвестра, Адашева и близкихъ къ нимъ людей; когда же онъ отъ нихъ отвернулся и вмѣсто бояръ приблизилъ къ себѣ совѣтниковъ изъ „простого всенародства", все измѣнилось къ худшему, и Россію постигли великія бѣдствія. Въ этомъ первомъ и въ послѣдующихъ своихъ письмахъ Курбскій убѣждаетъ царя слушаться бояръ, находя, что царь долженъ считаться съ ихъ мнѣніями. Напротивъ, Іоаннъ рѣшительно отстаиваетъ свою независимость отъ боярскихъ совѣтовъ, признавая бояръ своими „холопами", которыхъ, онъ какъ царь, воленъ карать или жаловать за ихъ дѣла. Онъ отрицаетъ заслуги бояръ и припоминаетъ ихъ своеволіе въ годы его дѣтства, припоминаетъ обиды, которыя ему пришлось отъ нихъ выносить, и, указывая на примѣръ Византіи, погибшей вслѣдствіе отсутствія твердой власти, отвергаетъ всякую мысль объ умаленіи самодержавія.

Внѣ указанныхъ общественныхъ и политическихъ интересовъ стоятъ нѣкоторые памятники повѣствовательной литературы, имѣющіе, однако, значеніе или чисто художественное, или бытовое, какъ отраженіе воззрѣній разсматриваемой эпохи. Къ числу повѣстей, важныхъ по своему литературному вліянію, надо отнести двѣ переводныя повѣсти о Еруcланѣ Залазаревичѣ, или Лазаревичѣ, и о Бовѣ Королевичѣ. Первая изъ этихъ повѣстей заимствована изъ персидской поэмы „Шахъ-Намэ" и совершенно обрусѣла: восточный Рустемъ обратился въ Руслана или Еруслана, его отецъ, Зальцеръ сталъ Залазаремъ, или просто Лазаремъ, царь Кейкаусъ—Картаусомъ; введены въ повѣсть сказку Иванъ русскій богатырь, Данило бѣлый, Ивашка бѣлая епанча, Анастасія Вахрамѣевна, Поликарпія. Благодаря этому обрусѣнію сказка получила огромную популярность, и то же произошло съ повѣстью о Бовѣ, представляющей собою переводъ итальянской повѣсти о Buove d'Ancona. Здѣсь тоже всѣ герои обрусѣли: Буове=Бова, Ричардо=Личарда, Друзіана=Дружневна, Пуликане=Полканъ, Меретрикетъ

= Меликтриса, герцогъ Оріо = посадскій мужикъ Орелъ, мечъ Кларенція = мечъ кладенецъ.

Изъ повѣстей бытовыхъ особенный интересъ представляетъ „Житіе Іуліаніи Лазаревской", написанное въ самомъ началѣ XVII вѣка. Здѣсь удивительно жизненно представленъ образъ идеальной русской женщины, по понятіямъ того времени. „Радужное сіяніе,—говоритъ академикъ Буслаевъ,—которымъ сыновняя любовь окружила въ этомъ повѣствованіи прекрасную личность Юліаніи, не могло придать болѣе привѣтливаго свѣта мрачной картинѣ ея житья-бытья, но сообщило ей чувство умиленія, которое сжимаетъ сердце тоскою. Невзрачной обстановкѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ печальный характеръ героини. Кроткая и благочестивая съ раннихъ лѣтъ дѣвическаго возраста, Юліанія всегда отличалась нѣжностью и теплотою чувства, восторженною набожностью и преданностью своему долгу и обязанностямъ. Съ женственною граціею умѣла она соединить твердость воли, безропотно встрѣчая невзгоды и бѣдствія, которыя предназначено было ей терпѣть въ жизни... Ея благочестіе было дѣятельное. Ей должно было спастись въ той неблагопріятной для спасенія средѣ, въ которой суждено было ей провести свою жизнь. Сначала рѣдко ходила она въ церковь и усердно молилась Богу дома: но и домашняя молитва спасаетъ. Не суждено было ей облечься въ монашескій санъ: но и въ міру можно спастись. Вотъ тѣ идеи, на которыхъ любитъ останавливаться нашъ повѣствователь. Вѣетъ свѣжимъ духомъ въ смѣломъ выраженіи этихъ идей, примиряющихъ древне-русскаго благочестиваго писателя и съ семейнымъ счастіемъ, и съ семейными добродѣтелями женщины, какъ супруги и матери".

Письменность XVII вѣка. Югозападная литература. Ея вліяніе. Возникновеніе сатирической и реалистической повѣсти. Исправленіе книгъ и расколъ. Житіе Аввакума. Симеонъ Полоцкій, какъ лирикъ и драматургъ. Театръ Грегори.

Западное вліяніе, отъ котораго такъ стремились оградиться московскіе люди, не только не прекращается въ XVII вѣкѣ, но становится такимъ сильнымъ, что борьба съ нимъ оказывается уже почти совсѣмъ невозможною. Оно идетъ въ Москву частью черезъ тѣхъ „нѣмцевъ", которые поступали на службу къ Москов-

скому государю или пріѣзжали и селились въ Московскомъ государствѣ по торговымъ дѣламъ, частью же черезъ Польшу и югозападную Россію, образованность и литература которой развиваются подъ сильнымъ воздѣйствіемъ польскимъ и западноевропейскимъ. Особенно усилился этотъ наплывъ западныхъ „новшествъ" послѣ великой смуты, потрясшей Московское государство въ началѣ XVII вѣка, а затѣмъ съ середины столѣтія, когда представители югозападной русской образованности переселяются въ Москву и заводятъ здѣсь школу.

Въ югозападной Руси замѣчается сильное оживленіе литературной дѣятельности въ концѣ XVI в., когда представилась необходимость отстаивать свою народность и вѣру противъ энергичной католической пропаганды, поддерживаемой польскимъ правительствомъ, стремившимся крѣпче связать западнорусскія земли съ Польшею. Борцами выступили отдѣльныя лица, каковы князья Андрей Курбскій, Константинъ Острожскій, Михаилъ Оболенскій, игуменъ Артемій и др., а затѣмъ общественные союзы, извѣстные подъ названіемъ братствъ, первоначальная благотворительная цѣль которыхъ осложнилась теперь религіозно-просвѣтительными задачами. Такъ какъ главнымъ орудіемъ ревностнѣйшихъ и наиболѣе искусныхъ пропагандистовъ католицизма, іезуитовъ, была школа, воспитывавшая юношество въ извѣстномъ направленіи, подготовлявшая проповѣдниковъ и защитниковъ латинскаго ученія, то приходилось и православнымъ обратиться къ этому же оружію, создать свою собственную школу, которая, владѣя всѣми научными пособіями противниковъ, могла бы выставить достаточно сильныхъ борцовъ за православіе. Такія школы создаются братствами, а иногда и частными лицами, по образцу іезуитскихъ коллегіумовъ.

Наиболѣе замѣчательною изъ нихъ была Кіевская, основанная Богоявленскимъ братствомъ, а послѣ преобразованія митрополитомъ Петромъ Могилою получившая названіе Кіево-Могилянскаго Коллегіума и ставшая центромъ всего южнорусскаго просвѣщенія. Школу составляли восемь классовъ: фара или аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, поэзія, риторика, философія и богословіе; учащіеся въ первыхъ шести классахъ назывались учениками, а въ двухъ послѣднихъ спудеями или студентами. Во главѣ наукъ было поставлено богословіе, интересамъ котораго должны были служить всѣ знанія, сообщаемыя школою. Особенное вниманіе обращалось на діалектику, искусство спорить,

и риторику, науку о краснорѣчіи, какъ на практическія орудія борьбы за вѣру. Для развитія діалектики устраивались примѣрные диспуты, темой для которыхъ избирались спорные вопросы, допускавшіе возможность противоположныхъ мнѣній. Подобные диспуты, въ которыхъ состязающіеся спорили безъ искренняго внутренняго убѣжденія, которые являлись лишь средствомъ проявить остроуміе, находчивость въ защитѣ иногда и ложнаго положенія,— не вырабатывали въ учащихся твердыхъ, опредѣленныхъ воззрѣній, и вслѣдствіе этого возможна была крайняя перемѣнчивость убѣжденій. Кромѣ діалектики въ западнорусскихъ школахъ, какъ сказано, большое вниманіе обращалось на риторику, какъ средство подготовлять столь же искусныхъ проповѣдниковъ, какими были главные противники православія, іезуиты. Риторика изучалась по сочиненіямъ Цицерона и Квантиліана, но очень скоро появились и оригинальныя руководства по этому предмету. Съ тою же цѣлью развитія словеснаго искусства учащихся проходилась и піитика, т. е. теорія поэзіи, и ученики изучали стихосложеніе и упражнялись въ сочиненіи разнаго рода замысловатыхъ стихотвореній, акростиховъ и такъ называемыхъ „раковъ", стихотвореній въ которыхъ строчки располагались такъ, что получались фигуры яйца, бокала и т. п. Конечно, эти стихотворенія представляли ничтожную цѣнность, какъ произведенія поэзіи, однако подобныя упражненія содѣйствовали до извѣстной степени выработкѣ русскаго литературнаго стиха.

Изъ оригинальныхъ руководствъ по риторикѣ самое любопытное принадлежитъ извѣстному проповѣднику, Іоанникію Голятовскому. Эта книга озаглавлена: „Наука альбо способъ зложенія казаній", т. е. проповѣдей.

По теоріи Голятовскаго проповѣдь должна состоять изъ четырехъ частей: приступа или экзордіума, предложенія или пропозиціи, изложенія или нарраціи, и заключенія или конклюзіи. Первая часть должна возбудить любопытство слушателей, для чего можно намекнуть на какое-нибудь чудо, о которомъ подробно будетъ разсказано въ нарраціи. Во второй части заключается краткое указаніе темы, которая развивается и обставляется доказательствами въ третьей части. При расположеніи матеріала въ проповѣди Голятовскій совѣтуетъ руководствоваться слѣдующими вопросами, которые называются топиками: „кто чинилъ? (дѣлалъ), что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какъ? когда?

Изъ отвѣтовъ на эти вопросы создается легко проповѣдь; такъ, напр., по этимъ вопросамъ можно развить слѣдующее простое предложеніе: Іисусъ Христосъ былъ распятъ. Кто?—Царь-царей, король-королей: распятъ—страдалъ, гдѣ? Въ градѣ великомъ Іерусалимѣ; кѣмъ? жидами (характеристика ихъ и описаніе Іерусалима) и т. д. Когда-же даны отвѣты на всѣ вопросы, то проповѣдникъ приступаетъ къ четвертой части—заключенію. Въ ней дѣлается обобщеніе всего сказаннаго раньше, а кромѣ того въ эту часть проповѣди Голятовскій рекомендуетъ вводить такіе эпизоды, которые бы привлекли слушателей въ слѣдующій разъ: надо, напр., оканчивая слово, обѣщать въ слѣдующій разъ какую нибудь новость или необычайное диво, напр., сказать, что будутъ раздаваться одежды брачныя; въ слѣдующій же разъ начать проповѣдь текстомъ изъ Евангелія: „Друже, како вшелъ еси, не имый одѣянія брачна“, и объяснить, что, исполняя обѣщаніе, проповѣдникъ поучаетъ отъ слова Божія, т. е. раздаетъ брачныя одежды, безъ которыхъ никто не можетъ войти на бракъ небесный. Или же, если проповѣдникъ говоритъ въ цвѣтную недѣлю и собирается проповѣдывать и въ страстную, то можетъ сказать, что на будущей недѣлѣ предстоитъ страшный судъ, и сойти съ каѳедры. Когда же наступитъ страстная недѣля, начать проповѣдь такъ: „Провославные христіане! въ прошлый разъ я сказалъ, что на этой недѣлѣ будетъ страшный судъ, а вотъ теперь и есть страшный судъ, потому что Пилатъ Понтійскій и жиды судятъ и приговариваютъ на смерть Христа Спасителя нашего...“ Голятовскій указываетъ источники, изъ которыхъ надо черпать матеріалъ для проповѣдей. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Св. Писаніе, потомъ творенія святыхъ Отцовъ Церкви, но можно заимствовать также и изъ книгъ свѣтскаго содержанія, каковы, напр., исторіи, хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, а также изъ книгъ о звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ и т. п. Самому Голятовскому, напр., пригодилась книга о камняхъ при составленіи „слова на Срѣтеніе“. Въ этомъ словѣ Голятовскій называетъ Іисуса Христа камнемъ многоцвѣтнымъ, примѣняетъ къ нему различныя названія драгоцѣнныхъ камней: карбункула, ясписа, шифера, хризолита, агата, аметиста, смарагда, топаза, магнита и т. д. и затѣмъ сравниваетъ свойства Христа съ этими камнями, въ чемъ и состоитъ почти все слово.

Слово на Успеніе Богородицы онъ начинаетъ текстомъ „Предста Царица одесную Тебе, въ ризы позлащены одѣяна... и говоритъ, что Богоматерь соткала себѣ ризу изъ нитокъ льняной,

шерстяной, шелковой и золотой. Нитки эти означают разныя добродѣтели Богоматери: нитка льняная—означаетъ терпѣніе, шерстяная—чистоту и невинность, шелковая—смиреніе и покорность, золотая—мудрость. Во второй части своей „науки альбо способа о сложеніи казаній“ Голятовскій наставляетъ, какъ проповѣднику пользоваться его словами и поученіями для составленія новыхъ поученій. Иногда бываетъ возможно имя одного святого замѣнить именемъ другого, но можно дѣлать и болѣе существенныя перемѣны, напр., въ одномъ поученіи Іисусъ Христосъ называется дорогими камнями, въ другомъ—изъ этихъ самыхъ камней можно сдѣлать архіерейскую корону Святителю Николаю; а нитки, изъ которыхъ Богородица соткала себѣ одежду, можно употребить на приготовленіе ризы св. Онуфрію. Наконецъ, Голятовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать одну часть для другого слова, и наоборотъ, изъ одной части сдѣлать цѣлое слово. Отсюда видно, что составленіе проповѣдей было дѣломъ чисто механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ пріемовъ. О внутреннихъ же качествахъ проповѣди Голятовскій почти ничего не говоритъ. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ проповѣдникамъ только одно замѣчаніе—не доводить своихъ слушателей до отчаянія. Напр.: „можно смутить и устрашить, сказавши, что дѣлающіе зло не достигнутъ неба, но потомъ нужно утѣшить и подать надежду на спасеніе, если покаются и перестанутъ дѣлать зло“.

Рядомъ съ оживленіемъ церковной письменности, въ югозападной Руси замѣчается въ это время и развитіе свѣтской литературы, подражательной лирики, драмы, романовъ и повѣстей нравоучительныхъ и стихотворныхъ, заимствованныхъ изъ западноевропейскихъ источниковъ.

Что касается лирики, то преобладающими ея видами являются панегирики, диѳирамбы и элегіи. Особенно важное значеніе имѣютъ диѳирамбы и панегирики, такъ какъ въ нихъ очень много общихъ черть съ развивавшеюся у насъ въ XVIII уже вѣкѣ ложноклассическою одою, такъ, напримѣръ, и въ этой югозападной лирикѣ мы видимъ ставшее въ XVIII в. обычнымъ чрезмѣрное восхваленіе героя, упоминаніе миѳологическихъ греческихъ и римскихъ божествъ, искусственный паѳосъ и т. п. Элегіями въ это время считаются преимущественно стихотворенія, выражающія любовную тоску, и съ ними родственна русская любовная лирика XVIII вѣка.

Въ области драматической поэзіи слѣдуетъ отмѣтить духовныя драмы, изъ которыхъ первою по времени является „Алексѣй, человѣкъ Божій“ и рядъ интермедій („междувброшенныхъ дѣйствій“), содержаніе которыхъ бралось изъ анекдотовъ или смѣхотворныхъ разсказовъ и бывало иногда очень близко къ обыденной жизни, такъ что эти „веселыя“ комедіи пользовались широкою популярностью и надолго сохранились въ народной средѣ, перейдя въ такъ называемый „кукольный театръ“.

Особенно богатъ былъ отдѣлъ литературы повѣствовательный. Въ немъ мы находимъ прежде всего различные рыцарскіе романы. Таковы „Исторія о Мелюзинѣ“, волшебницѣ, превращающейся въ наказаніе за грѣхи въ полу-змѣю, полу-человѣка, „Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ, златыхъ ключахъ и прекрасной королевнѣ Магилонѣ Неаполитанской“, чувствительно повѣствующая о приключеніяхъ двухъ нѣжныхъ любовниковъ; „Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ“, безвинно преслѣдующемъ свою прекрасную жену; „Исторія о чешскомъ королевичѣ Брунцвикѣ“, „Исторія о Тристанѣ и Изотѣ“ (Тристанъ и Изольдѣ) Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ читателя увлекали разнообразныя картины приключеній, самое же рыцарство представлялось ему не совсѣмъ яснымъ, какъ нѣчто чуждое славянской жизни. „Рыцарскій обиходъ, говоритъ акад. Веселовскій, усваивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что иныя его черты были неясны и понимались въ половину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій..... Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ вонтеля сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ руки его, еще славнѣе— сразить его. Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли итти навстрѣчу народному юначеству (удальству), какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага. Но едва ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, и смутными могли слагаться представленія о „ѣзжалыхъ“ рыцаряхъ, ищущихъ „фортуны“, о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ. Внѣшнимъ образомъ усвоился также идеалъ рыцарства—„добрость“ и „дворность“: служеніе дамамъ шло слишкомъ въ разрѣзъ съ обычными представленіями древней Руси о женщинѣ“.

Кромѣ рыцарскихъ романовъ съ Запада шли сборники поучительныхъ, занимательныхъ и смѣхотворныхъ разсказовъ. Таковы—„Великое Зерцало", „Римскія Дѣянія", „Апофеегматы", „Фрацеціи". Первый изъ этихъ сборниковъ, „Великое Зерцало" (по-латыни Speculum Magnum) былъ составленъ іезуитами въ началѣ XVII в. и получилъ широкое распространеніе благодаря обилію, разнообразію и назидательности заключавшагося въ немъ матеріала. Большинство изъ этихъ разсказовъ примыкаетъ къ аскетическимъ, духовнымъ повѣствованіямъ, возникшимъ на основѣ Патериковъ, Пролога, Миней. Таковы повѣсти, сюжетомъ которыхъ является осужденіе женщинъ за невѣрность мужьямъ, за слабость къ внѣшнимъ украшеніямъ, за гаданія и неисповѣданіе грѣховъ, или же осужденіе народныхъ увеселеній, игръ, плясокъ, охоты и пьянства: такъ, въ одномъ „примѣрѣ" разсказывается, что во времена императора Рудольфа I въ одномъ городѣ юноши и дѣвушки танцовали на каменномъ мосту; въ это время по мосту проходилъ священникъ съ Дарами, и никто изъ упомянутыхъ лицъ не обратилъ на нихъ вниманія, за что мостъ обрушился и погибло 200 человѣкъ; въ другой повѣсти сообщается, какъ наказанъ былъ человѣкъ, любившій охоту: его тѣло терзали птицы и грызъ песъ. Рядомъ съ этимъ духовнымъ матеріаломъ, въ „Зерцалѣ" имѣются и свѣтскіе разсказы: напримѣръ, на тему о тщетѣ всего земного разсказывается о Саладинѣ, царѣ Египетскомъ, покорившемъ себѣ востокъ, западъ и всю Азію, что когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то велѣлъ положить на копье свой хитонъ, приготовленный для погребенія, и, неся его по городу, возглашать: Саладинъ, бичъ востока, обладатель Азіи, страхъ всѣхъ народовъ, послѣ всѣхъ своихъ побѣдъ, наконецъ, самъ побѣжденъ смертью; онъ ничего съ собой не беретъ въ могилу, кромѣ этого хитона. Наконецъ, въ „Зерцалѣ" есть и разсказы шутливаго характера; въ родѣ, напримѣръ, разсказа о томъ, какъ однажды шелъ мужъ съ женою черезъ поле и замѣтилъ, что оно хорошо покошено; жена же на это отвѣтила, что поле не покошено, а пострижено; мужъ съ этимъ не согласился, и возникъ споръ, въ результатѣ котораго мужъ бросилъ свою жену въ воду, но, утопая, жена продолжала настаивать на своемъ, дѣлая надъ водою знакъ руками на подобіе ножницъ.

„Римскія Дѣянія" отличаются отъ „Зерцала" преобладаніемъ свѣтскаго элемента надъ духовнымъ. Содержаніе сборника самое разнообразное и далеко не соотвѣтствуетъ заглавію, такъ какъ

многіе разсказы его ничего общаго съ Римомъ и римлянами не имѣютъ и являются лишь для цѣлей назиданія. Таковъ, напримѣръ, слѣдующій „Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда избавляетъ отъ смерти“: „Былъ одинъ цесарь, а у него въ государствѣ два рыцаря, изъ которыхъ одинъ жилъ въ Египтѣ, а другой въ Багдадѣ. Между этими рыцарями была большая дружба и частыя сношенія черезъ пословъ, но лично они другъ друга не видали. Однажды багдадскій рыцарь рѣшилъ навѣстить своего египетскаго друга, нанялъ себѣ корабль и отправился въ Египетъ. Принятый своимъ другомъ весьма радушно, онъ увидалъ въ его домѣ одну дѣвушку чрезвычайной красоты и, влюбившись въ нее, сталъ грустить. На вопросъ друга о причинѣ этой грусти, пріѣзжій откровенно сознался, и такъ какъ онъ не зналъ имени покорившей его сердце особы, то хозяинъ показалъ ему всѣхъ дѣвушекъ своего дома, за исключеніемъ однако же одной—и именно той самой, о которой думалъ багдадскій рыцарь. Затѣмъ пришлось показать и самую эту дѣвушку, о которой египетскій рыцарь сообщилъ своему другу, что она была „отъ младыхъ лѣтъ“ предназначена ему въ жены съ огромнымъ богатствомъ, но такъ какъ багдадскій гость сказалъ ему, что безъ обладанія этой дѣвушкой онъ не можетъ жить, то великодушный другъ не задумался отдать ему и дѣвушку въ жены, и ея богатство. Багдадскій рыцарь уѣхалъ. Оставшись одинъ, египетскій рыцарь вскорѣ обѣднѣлъ и, не имѣя чѣмъ жить, рѣшилъ отправиться къ своему другу, жившему въ Багдадѣ. Пріѣхалъ онъ туда вечеромъ и, стыдясь пойти въ домъ друга въ своемъ нищенскомъ платьѣ, почелъ за лучшее ночевать въ церкви. Случилось, что какъ разъ въ эту ночь въ Багдадѣ одинъ человѣкъ совершилъ убійство и, спасаясь отъ правосудія, вбѣжалъ и потомъ выбѣжалъ изъ церкви, гдѣ почивалъ египетскій путникъ. Люди, преслѣдовавшіе убійцу, нашли въ церкви пріѣзжаго рыцаря и, считая его за совершившаго преступленіе, взяли, посадили въ темницу и утромъ повели къ судьѣ. Судья присудилъ мнимаго убійцу къ повѣшенію, и когда его уже вели къ мѣсту казни, то багдадскій другъ несчастнаго увидѣлъ его на улицѣ и, помня оказанное ему благодѣяніе, заявилъ, что именно онъ убійца, желая такимъ образомъ умереть за друга. Его также повели для совершенія казни. Тогда все это увидѣлъ настоящій виновникъ убійства и, раскаявшись въ своей душѣ, просилъ освободить обоихъ невинновныхъ людей, а его предать смерти. Всѣ три человѣка стали

передъ судьей, и каждый объяснилъ причину своего признанія въ убійствѣ: пріѣзжій—вслѣдствіе нищеты („лучше ми есть умрети, нежели живу быти"), его другъ—изъ благодарности, наконецъ, третій—не желая, чтобы за его вину страдали невинные люди и чтобы ему не быть за это „въ вѣчномъ мученіи во адѣ". Судья, понявъ дѣло, отпустилъ не только двухъ рыцарей, но и истиннаго убійцу на свободу ради его чистосердечнаго признанія. Толкованіе этого „приклада" таково: цесарь—самъ Богъ, а два рыцаря—Іисусъ Христосъ и Адамъ, первый въ Египтѣ, второй въ Багдадѣ. Пріѣздъ рыцаря изъ Багдада въ Египетъ означаетъ перенесеніе Адама въ „пресвѣтлый рай", а прекрасная дѣвица—это душа, которую Господь вложилъ ему въ тѣло. Убожество египетскаго рыцаря—есть земное убожество Іисуса Христа; его вступленіе въ церковь въ Багдадѣ—означаетъ вступленіе во чрево Маріи, готовность умереть за убійцу есть желаніе принести себя въ жертву за весь родъ человѣческій, а желаніе второго рыцаря умереть за перваго знаменуетъ дѣятельность апостоловъ; третій же человѣкъ, сознавшійся въ своемъ преступленіи—есть вообще „грѣшный человѣкъ". Рѣшеніе „праведнаго судьи" есть прообразъ будущаго всеобщаго суда, въ силу котораго всѣ мы должны наслѣдовать животъ вѣчный".—Какъ можно видѣть изъ пересказа этого „толкованія", оно представляется чрезвычайно искусственнымъ и какъ бы уже потомъ приспособленнымъ къ разсказу.

Сборникъ „Апофеегмата" состоитъ изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ первая сообщаетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая—„словеса царей, королей, князей, воеводъ, синклитикъ и иныхъ старѣйшинъ", третья—изреченья Лакедемонянъ и четвертая—„гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ". Вотъ для примѣра нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ. „*Сократъ*. Шелъ дорогой одинъ дуракъ и ударилъ Сократа ногой. Когда друзья мудреца стали высказывать удивленіе, что онъ стерпѣлъ такую обиду, то Сократъ спросилъ, что же онъ долженъ сдѣлать, и, получивъ отвѣтъ, что дурака нужно было позвать къ судьѣ, возразилъ: „хорошо"; но если бы меня ударилъ оселъ, неужели и его я долженъ привлечь къ суду?" Философъ хотѣлъ этимъ сказать—прибавляется далѣе—что безумный мало чѣмъ разнится отъ скота, ибо какъ безсловесному животному, когда оно напираетъ, такъ и скудоумному человѣку не слѣдуетъ оказывать сопротивленія. *Александръ*. Когда ему принесли ящикъ,

драгоцѣннѣе котораго ничего не было найдено въ сокровищахъ царя Дарія, и спросили, на какое употребленіе велитъ онъ его обратить, то Александръ отвѣтилъ: „по моему мнѣнію, всего приличнѣе хранить въ немъ Гомеровы книги", желая этимъ показать, что ученіе и писанія мудрыхъ людей должны быть въ великой почести. *Юдвига.* Когда Ягелло Ольгердовичъ, князь Литовскій, вѣнчался съ дочерью польскаго короля Юдвигою (Ядвигою) на польское королевство и сталъ требовать у поляковъ подарковъ, а непослушныхъ грабить, то они съ плачемъ просили у королевы заступленія и освобожденія отъ такого ига. Ядвига объяснила это мужу, и тотъ велѣлъ возвратить подарки, но Ядвига замѣтила, что хотя подарки и возвратятся, однако нельзя возвратить обиженнымъ пролитыя ими слезы, которыя дороже всякаго вознагражденія.

Сборникъ „Фацеціи" отличается шутливымъ содержаніемъ, заключаетъ въ себѣ рядъ мелкихъ стихотворныхъ разсказовъ, иногда весьма грубыхъ, но большею частью представляющихъ образцы примитивнаго обыденнаго остроумія. Вотъ примѣры: Одинъ странникъ былъ приглашенъ къ обѣду, и когда хозяева предложили ему разрѣзать лежавшую на столѣ курицу, то голову ея онъ отдѣлъ хозяину, шейку хозяйкѣ, крылья дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себѣ взялъ все остальное.—Одинъ отецъ жестоко проучилъ своего сына, который воротившись изъ школы, утверждалъ, что знаетъ по латыни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ зналъ лишь прибавлять къ каждому слову „us".—Во время бури на морѣ плаватели рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; при этомъ одинъ изъ нихъ выбросилъ свою жену, говоря, что тяжелѣе этого груза у него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.—Когда утонула одна женщина, то мужъ отправился искать ея тѣло вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ, думая, что и въ данномъ случаѣ она не оставила привычки итти во всемъ наперекоръ.

Вся эта переводная повѣствовательная литература изъ юго-западной Руси очень скоро проникаетъ въ Московское государство, можетъ быть, даже раньше, чѣмъ въ Москву пришли южнорусси учителя, призванные для устройства школы и для исправленія книгъ. Здѣсь, въ Москвѣ, эта заносная повѣсть встрѣчается съ мѣстною повѣстью духовнаго характера, а также съ повѣстями *сатирическими* и *реалистическими*, которыя частью создались раньше, частью возникаютъ только теперь, при измѣняющихся коренныхъ образомъ условіяхъ жизни.

Сатирическими произведеніями являются двѣ повѣсти „О судѣ Шемяки“ и „О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ“, вѣроятно, сложенныя нѣсколько раньше переходного времени XVII вѣка. Первая по сюжету заимствована съ востока, но примѣнена очень хорошо къ русской бытовой обстановкѣ, вторая представляется вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ, характеризующимъ московскую судебную волокиту, и возникшимъ, быть можетъ, въ приказной средѣ.

Содержаніе повѣсти о судѣ Шемяки состоитъ въ слѣдующемъ: бѣдный братъ проситъ богатаго ссудить ему лошадь съѣздить въ лѣсъ по дрова, но у лошади, по несчастію, оторвался хвостъ, и хозяинъ ея ведетъ бѣдняка судиться за причиненный ему убытокъ. По дорогѣ, остановившись на ночлегъ, бѣдный братъ упалъ съ полатей и зашибъ до смерти ребенка въ люлькѣ: отецъ ребенка явился вторымъ истцомъ противъ бѣдняка. Подходя къ городу, убогій бросается съ моста, чтобы покончить съ собою, и убиваетъ хвораго старика, котораго сынъ везетъ въ баню. Такимъ образомъ, противъ него является еще и третій истецъ, и всѣ четверо предстали предъ „праведнаго судью“ Шемяку. Бѣднякъ завязалъ въ платокъ камень и показываетъ его исподтишка Шемякѣ. Судья принимаетъ этотъ знакъ за посулъ и рѣшаетъ дѣло въ пользу отвѣтчика. Богатому брату онъ велитъ отдать свою лошадь убогому, пока у нея не отраститъ хвостъ; сыну убитаго старика предлагаетъ такое возмездіе: пусть онъ самъ бросится съ моста, а отвѣтчикъ станетъ внизу и т. д. Истцы отступаются, а Шемяка ждетъ награды отъ бѣдняка; когда же тотъ объясняетъ ему значеніе своихъ жестовъ и показываетъ камень, онъ крестится и говоритъ: „Слава Богу, что я по немъ судилъ“. Въ этотъ разсказъ вкралось сатирическое отношеніе къ старинному суду и стремленіе связать имя Шемяки съ историческимъ Шемякой (Димитріемъ), но эти лица имѣютъ очень мало общаго. Въ первоначальныхъ восточныхъ разсказахъ, изъ которыхъ возникла наша повѣсть, сатиры не было, и судья былъ совсѣмъ праведный. „Съ точки зрѣнія формальнаго правосудія и совершившагося факта,—говоритъ Веселовскій,—бѣднякъ дѣйствительно виновенъ и можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ проторей и убытковъ, но судья принимаетъ во вниманіе неумышленность преступленія и, судя по правдѣ, ставитъ такъ вопросъ обвиненія, присуждаетъ отвѣтчикамъ къ такимъ пенямъ, что онѣ падаютъ всей своей тяжестью на истцевъ, и тѣ предпочитаютъ отказаться отъ иска. Въ такомъ

свѣтѣ являлся праведный судья въ тѣхъ восточныхъ сказкахъ, отраженіемъ которыхъ, сильно видоизмѣненнымъ, является нашъ Шемякинъ судъ. Видоизмѣненія эти объясняются устной передачей повѣсти и вліяніемъ сходныхъ, по всей вѣроятности, еврейскихъ сказаній, разработавшихъ мотивъ „судовъ“ въ примѣненіи къ библейскому суду Соломона. Результатомъ этихъ вліяній было совершенно новое освѣщеніе повѣсти, опредѣлившее ея особый характеръ и вмѣстѣ причини ея популярности на Руси: судъ остался такимъ же праведнымъ, но судья изрекалъ его уже не по долгу совѣсти, а потому, что надѣялся на посулъ отъ подсудимаго. Въ той случайной побѣдѣ человѣческой правды надъ кривдой, которая также случайно становится ея орудіемъ, лежала глубокая иронія, которую русская сказка разработала нѣсколько односторонне: типъ неправеднаго судьи, котораго перехитрилъ простакъ, заслонилъ все остальное, и сказка стала сатирой на судейскіе порядки, развитіемъ пословицы: съ подьячимъ водись, а камень за пазухой держи“.

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, начинается слѣдующей челобитной леща: „Рыбамъ господамъ: великому осетру и бѣлугѣ, бѣлой рыбицѣ бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишка боярскій лещь съ товарищами. Жалоба, господа, вамъ на злого человѣка, на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годахъ было Ростовское озеро за нами, а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, расплодился тамъ Ершъ по рѣкамъ и озерамъ: онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рогатины, и онъ свидится съ нами на стану и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа, христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тяготиться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями“.

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: „Ты, Ершъ, истцу Лещу, отвѣчаешь ли?“ Отвѣтчикъ Ершъ рече: „Отвѣчаю за себя, господа, и за товарищей своихъ, въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ, Лещь, жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ“. Такимъ образомъ обвиненіе Леща оказывается неправильнымъ.

„А я, господа, Ершъ, Божіей милостью, отца своего благословеніемъ и материнскими молитвами не смутьянщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимали; человѣкъ я добрый, живу я своей силою, а не чужою, знають меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояре, стольники и дворяне, жильцы московскіе, дьяки и подьячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупають меня дорогою цѣною и варять меня съ перцемъ и съ шафраномъ и ставять предъ собою честно, и многіе добрые люди кушають съ похмелья и кушавши поздравляютъ". Тогда судьи спрашивають Леща, какія у него доказательства. Онъ ссылается на свидѣтельство другихъ рыбъ. Особенно сердитъ на Ерша Осетръ; онъ разсказываетъ: „Тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: „Братецъ, Осетръ, пойдемъ въ неводъ, есть тамъ много рыбы". И я его нача посылати впередъ. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: „Братецъ Осетръ, коли меньшой братъ ходитъ напередъ большаго?" И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ, да увязъ, а неводъ, что боярскій дворъ: итти—ворота широки, а выйти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ячею, а самъ мнѣ насмѣхался: „Ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся?" А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: „Братецъ, братецъ Осетръ, не поминай лихомъ". А какъ меня мужики на берегу стали дубинами по головѣ и я нача стонать, и онъ, Ершъ, рече ми: „Братецъ Осетръ, терпи Христа ради".

Судьи приговорили Ерша выдать головой Лещу и предать торговой казни: бить кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ—Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ; а печаталъ Ракъ своей задней клешней, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снитокъ) переяславскій.

Речетъ Ершъ судьямъ: „Господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ: Леща съ товарищами оправдали, а меня обвинили". Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли"...

Главное достоинство этой повѣсти, какъ видимъ, состоитъ въ реалистическомъ изображеніи прежняго суда, отличавшагося взяточничествомъ и лицепріятіемъ.

Произведеніями реалистическаго характера являются „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“, „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“ и „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей Нардина-Нащокина дочери Аннушкѣ“.

По своему происхожденію „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи можетъ быть поставлена въ связь съ тѣми апокрифическими и народными сказаніями, которыя посвящены вину и хмелю.

Въ одной пѣснѣ хмель похваляется такимъ образомъ:

„Нѣту меня хмелюшки лучше,
Нѣту меня хмеля веселѣе;
Меня государь, хмеля, знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Монахи, патріархи благословляютъ,
Безъ хмеля свадебъ не играютъ,
А гдѣ бьются, гдѣ дерутся—всё во хмелю.
Безъ хмеля не мирятся, имъ помирятся“.

Хмель, похваляющійся такимъ могуществомъ, часто приводитъ къ очень грустнымъ послѣдствіямъ, которыя особенно ярко изображены въ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи. Повѣсть начинается воспоминаніями о прародителяхъ Адамѣ и Евѣ, которые согрѣшили, вкусивъ винограднаго плода, за что и подверглись изгнанію „изъ рая эдемскаго на землю низкую“, а отъ нихъ пошло „племя непокорливо“, которое Господь караетъ, смиряючи разными скорбями и напастями. Слѣдующій за этимъ вступленіемъ разсказъ, являющійся какъ бы развитіемъ общаго положенія о наказаніи за непокорность, повѣствуетъ намъ о молодцѣ, не слушавшемся отца и матери. Стыдно было ему отцу покориться, матери поклониться, хотѣлось ему жить, какъ ему любо. Накопилъ онъ себѣ „пятьдесятъ рублевъ“, находилъ онъ себѣ „пятьдесятъ друговъ“. Къ нему набираются въ друзья разные люди, которые научаютъ его пить:

„Испей ты, братецъ мой названной,
Въ радость себѣ, и въ веселіе, и во здравіе.
Хоть и упьешься, братецъ, допьяна,
Ино гдѣ пилъ, тамъ и спать ложись,
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названа,
Я сяду стеречь и досматривать.
Сберегу я тебя, милъ другъ, тебя накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу твоему и матери“.

Но друзья оказываются невѣрными, и остается молодецъ ободранный: подъ голову ему положенъ кирпичъ, самъ накрытъ гуней кабацкой, а въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки, а мила-друга и близко нѣтъ. Молодецъ идетъ въ дальнюю „незнамую сторону" и попадаетъ къ добрымъ людямъ, они садятъ его за дубовый столъ и, разспросивши его объ его судьбѣ, наставляютъ его на путь истинный. Молодецъ возвратился снова въ хорошее состояніе, нажилъ себѣ имѣніе и невѣсту себѣ присмотрѣлъ, да тутъ на бѣду расхвастался, а похвальба къ добру не приводитъ:

„А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живетъ—человѣку погубь".

Похвальбу молодца подслушало Горе-Злосчастіе и говоритъ ему:

„Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастьемъ,
Не хвастай своимъ богатствомъ,
Бывали люди у меня, Горя,
И мудрѣе тебя и досуже,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинилося имъ злосчастіе великое,
До смерти со мной боролися,
Въ зломъ злосчастіи покорилися.

Привязалось Горе къ молодцу и преслѣдуетъ его. Молодецъ, по совѣту Горя, рѣшилъ пропить свое состояніе, потому что къ нищему никто не привяжется:

„Да никто къ нагому не привяжется,
А нагому, босому шумитъ—разбой".

Разорившись, приходитъ онъ голодный на берегъ рѣки и рѣшается избавиться отъ Горя самоубійствомъ, но Горе выскочило „изъ-за камени",

„Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясалось,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
„Стой ты, молодецъ, меня, Горя, не уйдешь никуды
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиновать:
А въ горѣ жить, не кручину быть,
А кручинну въ горѣ погибнути".

Добрый молодецъ утѣшился, подходитъ къ перевозу и поетъ веселую пѣсню, за что его перевозятъ черезъ рѣку. Онъ пытается убѣжать отъ Горя, но оно закаркало надъ нимъ, какъ злая ворона надъ соколомъ:

„Не на часъ я къ тебѣ, Горе-Злосчастіе, привязалося,
Хоть до смерти съ тобой помучаюсь“.

Какія мѣры онъ ни принимаетъ, Горе его всюду преслѣдуетъ, и единственнымъ спасеніемъ является монастырь:

„Спомянуетъ молодецъ спасенный путь,
И потомъ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися.
А Горе-Злосчастіе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредь не привяжется“.

Исходъ повѣсти соотвѣтствуетъ старому аскетическому направленію. Тотъ же аскетическій колоритъ виденъ и въ развязкѣ „Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“, который далъ на себя „рукописаніе“ бѣсу. Привороженный женою нѣкоего Бажена, Савва вздумалъ обратиться къ помощи бѣса. Подчинивъ Савву своей власти, бѣсъ водитъ его гулять по разнымъ городамъ, пріучаетъ къ безпорядочной жизни. Савва совершаетъ ратные подвиги, но разболѣлся, призвалъ іерея, и тутъ ему открылось, что онъ попалъ во власть нечистой силы. Богородица спасаетъ Савву, и онъ идетъ въ монахи. Совсѣмъ другимъ характеромъ, чѣмъ изложенныя повѣсти, отличается „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей Нардина Нащокина дочери Аннушкѣ“. По своему содержанію, по типу главнаго дѣйствующаго лица, эта „исторія“ можетъ быть отнесена къ обширной группѣ такъ называемыхъ Schelmenromane, въ которыхъ изображались похожденія ловкихъ плутовъ. Такіе романы бывали у насъ переводимы. Настоящая же повѣсть есть оригинальная попытка, рисующая русскіе нравы: Фролъ Скобѣевъ соотвѣтствуетъ проходимцамъ, изображавшимся въ западныхъ романахъ. Онъ—бѣдный дворянинъ, влюбленный въ дочь Ордына-Нащокина (Нардина) Аннушку, и старается втереться въ ихъ домъ. Но проникнуть туда ему очень трудно. Подкупивъ мамку Аннушки, Фролъ, одѣвши женское платье, проникаетъ въ домъ. Фролъ очень понравился Аннушкѣ. Но тутъ явилось еще одно препятствіе: Нардинъ-Нащокинъ вызвалъ Аннушку въ Москву „для того, что сватаются къ ней женихи, стольничьи дѣти“. Фролъ говоритъ: „хотя животъ свой

утрачу, а отъ Аннушки не отстану; либо буду полковникъ, либо покойникъ", и самъ переселяется въ Москву. Разузнавъ при посредствѣ той же мамки о жизни Аннушки, онъ рѣшается ее похитить. Благопріятный случай скоро представляется: сестра Нардина-Нащокина, монахиня, проситъ отпустить къ ней погостить племянницу. Аннушка даетъ объ этомъ знать Фролу, и онъ идетъ къ стольнику Ловчикову, который очень къ нему расположенъ, и проситъ дать ему карету для смотринъ невѣсты. Въ этой каретѣ онъ пріѣзжаетъ какъ бы изъ монастыря за Аннушкой. Мамка узнаетъ его, но онъ опять даетъ ей деньги и такимъ образомъ увозитъ Аннушку и женится на ней. Когда объ этомъ похищеніи Аннушки узнаетъ стольникъ Ловчиковъ, давшій карету, Фролъ объясняетъ ему, что такъ какъ, давъ карету, Ловчиковъ сталъ его сообщникомъ въ похищеніи Аннушки, то, чтобы самому выпутаться изъ этого дѣла, онъ долженъ просить у Нащокина прощенія Фролу. Они уславливаются дѣйствовать такимъ образомъ: придутъ вмѣстѣ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, а потомъ на Ивановскую площадь, гдѣ соберутся всѣ стольники, и здѣсь Фролъ признается Нащокину въ похищеніи. Когда Нащокинъ откажетъ Фролу, вступится Ловчиковъ и начнетъ убѣждать Нащокина простить похитителя, такъ какъ бракъ уже состоялся и ничего измѣнить нельзя. Вся эта программа выполнена, но Нащокинъ упорствуетъ, и тутъ Фролу помогаетъ новая хитрость. Родителямъ жаль своей дочери, и они посылаютъ человѣка узнать о ея здоровьѣ, а когда этотъ посланный приходитъ въ домъ Скобѣева, Фролъ велитъ ей притвориться больной и говоритъ посланному, что болѣзнь происходитъ отъ родительскаго гнѣва, такъ какъ отецъ съ матерью ее бранятъ и клянутъ, и чтобы выздоровѣть, ей нужно заочное благословеніе родителей. Это разжалобило родителей: они послали ей благословеніе и дорогой образъ. Вслѣдъ затѣмъ посылаютъ огромное количество всякихъ запасовъ. Такимъ образомъ завязались отношенія. Наконецъ, родители приглашаютъ Аннушку и Фрола къ себѣ. Сперва родители ее побранили, но затѣмъ посадили ее съ собой. Къ Фролу обращаются съ такою рѣчью: „А ну, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же, тебѣ ли, плуту, моей дочерью владѣть?" Когда сѣли за столъ, Нащокинъ не велѣлъ никого принимать изъ постороннихъ, такъ какъ времени у него нѣтъ: „для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою кушаетъ". Наконецъ, Нащокинъ соглашается признать бракъ Аннушки со Скобѣевымъ и даетъ молодымъ вотчину и денегъ. Въ этой повѣсти

видна грубость и какая-то примитивность морали: одобренія дѣйствіямъ Скобѣева мы не видимъ, но не видимъ, съ другой стороны, ихъ осужденія.

Ростъ повѣствовательной переводной литературы показываетъ, что въ XVII в. то вліяніе Запада, которое началось уже давно, достигло весьма значительныхъ размѣровъ и сказывалось не только въ литературѣ, но и во многихъ подробностяхъ быта московскихъ людей. Въ высшемъ классѣ Московскаго общества встрѣчается уже много людей, перенявшихъ заморскіе, нѣмецкіе обычаи; нѣкоторые бояре выпускаютъ своихъ женъ изъ теремовъ; царицы ѣздятъ въ открытыхъ экипажахъ; многіе молодые люди бреютъ бороду, курятъ и нюхаютъ проклятое заморское зеліе—табакъ. Являются, правда, какъ исключенія, но все же являются личности въ родѣ кн. Ивана Хворостинина, которыя уже прямо высказываютъ полное презрѣніе къ своему родному быту и преклоняются передъ иноземными новшествами. Въ указѣ царя и патріарха отъ 1623 г. говорилось, что кн. Хворостининъ, подвергшійся сильному латинопольскому вліянію въ Смутное время, не позволялъ людямъ своимъ ходить въ церковь, „а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего", держалъ у себя много образовъ латинскаго письма и много латинскихъ еретическихъ книгъ; собирался уѣхать въ Литву и нарядиться тамъ по-гусарски; говорилъ, что въ Москвѣ и людей нѣтъ, народъ все глупый, жить ему не съ кѣмъ, и поэтому онъ хочетъ уѣхать въ Римъ или въ Литву. Въ книжкахъ его сочиненія, писанныхъ стихами, найдены великія укоризны русскимъ людямъ, что они „сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, что ему пріобщенія съ ними нѣтъ никакого". Подобный же фактъ крайняго увлеченія Западомъ и отрицанія своего родного можно видѣть и въ эпизодѣ съ посылкой за-границу молодыхъ москвичей при Борисѣ Годуновѣ: ни одинъ изъ нихъ на родину не вернулся, они отреклись отъ своей народности и вѣры и порицали русскую жизнь, сопоставляя ее съ западно-европейскими порядками.

Во всѣхъ такихъ фактахъ чуялось предвѣстіе надвигающагося крутого перелома, когда Руси рѣшительно придется вступить на новый путь культурнаго развитія. Этотъ переломъ долженъ былъ совершиться при Петрѣ Великомъ, но ему предшествовали нѣкоторые важные моменты, его подготовлявшіе, и однимъ изъ такихъ моментовъ является возникновеніе на Руси церковнаго раскола изъ-за исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ.

При перепискѣ въ теченіе многихъ лѣтъ въ *богослужебныя* книги вкралось много разныхъ описокъ, иногда настолько грубыхъ, что искажался смыслъ разныхъ молитвъ и пѣснопѣній и нѣкоторыя выраженія представлялись чуть ли не прямо еретическими, какъ на это указывалъ въ XVI в. ученый Максимъ Грекъ, которому было поручено въ первый разъ исправленіе книгъ. Максимъ въ своихъ исправленіяхъ встрѣтилъ серьезное препятствіе въ невѣжествѣ москвичей, говорившихъ, что онъ оскорбляетъ, причиняетъ „велію досаду" русскимъ чудотворцамъ, которые по этимъ книгамъ угодили Богу. Послѣ Максима попытки къ исправленію книгъ, дѣлались не разъ: правились книги при Іоаннѣ Грозномъ, которымъ былъ построенъ въ Москвѣ Печатный дворъ; особенно энергично за это дѣло взялись при патріархѣ Филаретѣ, когда исправленіе было поручено Троицкому архимандриту Діонисію. Какъ мы упоминали уже, Діонисій былъ обвиненъ въ ереси за то, что выкинулъ въ одной молитвѣ слова „и огнемъ", и только заступничество патріарха Филарета спасло его. Попытки исправленія продолжались и потомъ, а между тѣмъ книги все болѣе и болѣе портились, а въ нихъ все „описка къ опискѣ прибавлялась", такъ какъ справщиками были люди необразованные, простые начетчики, о которыхъ старецъ Арсеній Глухой говорилъ, что они „не знаютъ ни православія, ни кривославія, а по чернилу только мудрость проходятъ". Лучшіе люди того времени понимали, что вести дѣло по прежнему нельзя, что необходимо коренное исправленіе богослужебныхъ книгъ, которое осуществимо только путемъ сличенія ихъ съ греческими подлинниками. Но вѣдь для такого дѣла необходимы были образованные люди, а ихъ, за отсутствіемъ школъ, среди москвичей не было. Правда, такихъ людей можно было достать среди грековъ и западноруссовъ, но какъ тѣ, такъ и другіе пользовались въ Москвѣ нечестной репутаціей: православіе грековъ, какъ мы знаемъ, послѣ Флорентійской уніи считалось сомнительнымъ, и такое же сомнѣніе высказывалось въ отношеніи западной Руси послѣ Брестской уніи. Москвичи считали себя единственными хранителями православія такъ что руководствоваться въ церковныхъ дѣлахъ указаніями грековъ и малороссовъ для нихъ казалось невозможнымъ.

Однако, во время патріаршества Іосифа начинаетъ проявляться въ церковныхъ кругахъ болѣе довѣрчивое отношеніе къ грекамъ и западно-руссамъ, и въ Москвѣ издается рядъ книгъ, вышедшихъ

первоначально въ Западной Руси: „Кириллова книга“, „Книга о вѣрѣ“, „Малый Катихизисъ“ Петра Могилы и др. Тогда же, при содѣйствіи грековъ, и западно-руссовъ разрѣшается вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы. Въ 1649 г. кіевскій митрополитъ, согласно желанію царя Алексѣя Михайловича, прислалъ въ Москву иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго для перевода Библіи на славянскій языкъ, и, между прочимъ, этимъ ученымъ кіевлянамъ предполагалось поручить и „риторское ученіе“, но школы они не создали, а основана она была около этого времени приближеннымъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳ. М. Ртищевымъ, у церкви Андрея Стратилата, гдѣ онъ построилъ Преображенскій монастырь и поселилъ тридцать монаховъ, вызванныхъ изъ Кіево-Печерской лавры и другихъ малороссійскихъ монастырей, „въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ“. Кромѣ этихъ иноковъ, Ртищевъ былъ въ сношеніяхъ съ Епифаніемъ Славинецкимъ и другими учеными малороссами: онъ любилъ ученыхъ людей и проводилъ съ ними иногда цѣлыя ночи въ „любезномъ собесѣдованіи“; онъ постоянно заботился о матеріальномъ благосостояніи своего монастыря, давалъ ему все потребное изъ своего имѣнія; благодаря такому дѣятельному его ученію, монахи успѣшно вели дѣло обученія московскаго юношества, а также перевели съ греческаго языка на славянскій много душеполезныхъ книгъ.

Новшество, заводимое Ртищевымъ, обратило на себя общее вниманіе и возбуждало различные толки, далеко не всегда сочувственные. Извѣстное подозрительное отношеніе москвичей къ западно-руссамъ было распространено и на монаховъ, вызванныхъ Ртищевымъ: ихъ тоже заподозрили въ неправославіи и опасались итти къ нимъ въ науку. Со стороны нѣкоего чернеца Саула поступилъ къ царю на новыхъ учителей доносъ, въ которомъ, между прочимъ, выставлялось на видъ, что кіевляне обучаютъ и латинскому языку, а „кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится“. Московскіе люди къ самому установленію школы, по всему вѣроятію, относились подозрительно, и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ опасеній, они замѣчали, что молодые люди, ихъ дѣти, поставшія въ эту школу, совершенно отрываются отъ нихъ, просятся со слезами въ Кіевъ и насмѣшливо отзываются о благочестивыхъ протопопахъ Иванѣ и Степанѣ, пользующихся большимъ почетомъ при дворѣ и въ духовномъ мірѣ, осмѣливаясь про нихъ говорить, что они „враки вракуютъ“. Можно пред-

полагать въ указанномъ доносѣ отголосокъ мнѣній самихъ благочестивыхъ протопоповъ, которымъ не нравилась конкуренція ученыхъ кіевлянъ, смотрѣвшихъ на нихъ свысока, какъ на невѣждъ; но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сужденія находили для себя вполнѣ подготовленную почву въ томъ тревожномъ настроеніи, которое охватывало москвичей при усиливавшемся наплывѣ западныхъ новшествъ.

Тѣмъ болѣе страшнымъ казался этотъ притокъ новизны съ Запада, что въ это время возбуждалось тревожное ожиданіе кончины міра, вслѣдствіе предсказанія въ „Кирилловой книгѣ" „второго Христова прихода, „иже имать бити въ осмомъ вѣкѣ", т. е. въ очень скоромъ времени. Эпоха была переходная и, какъ обыкновенно бываетъ, исполненная всеобщаго напряженія и тревогъ за будущее, а при такомъ настроеніи достаточно было незначительнаго толчка, чтобы нарушилось равновѣсіе общественное, чтобы ускорилось появленіе раскола, для котораго почва подготовлялась указаннымъ настроеніемъ.

Такой толчокъ вскорѣ представился: патріархъ Никонъ, вступившій на патріаршій престолъ послѣ Іосифа, круто повернулъ дѣло книжнаго исправленія въ новомъ направленіи, отстранивъ отъ него совершенно авторитетныхъ московскихъ „благочестивыхъ протопоповъ" и передавъ его цѣликомъ въ руки малороссовъ и грековъ, а изъ нихъ наибольшимъ его довѣріемъ пользовался Арсеній Грекъ, представлявшійся москвичамъ крайне подозрительнымъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Когда вышли первыя книги новыхъ исправителей, а въ этихъ книгахъ отмѣнялись разные обряды, прочно установившіеся въ Москвѣ, какъ напримѣръ, двуперстіе, сугубая аллилуіа, въ Символѣ вѣры вычеркнуто было слово „истиннаго" въ опредѣленіи Св. Духа и т. п.—то въ московской духовной средѣ раздался протестъ противъ новшествъ. Протестъ былъ подавленъ суровыми мѣрами Никона, но когда самъ Никонъ ушелъ съ патріаршества, протестъ возникъ съ новою силою: распространились легенды о нечестіи Никона и о наступленіи антихристова времени, такъ что даже самъ Никонъ признавался антихристомъ. Въ 1666 г. соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ осудилъ противниковъ Никона за ихъ противленіе Церкви. Они разсылаются по разнымъ мѣстамъ (въ Пустозерскъ, Боровскъ, въ Сибирь и т. д.), которыя дѣлаются центрами раскольническої пропаганды.

Возникаетъ обширная литература, поддерживающая старыя традиціи; но на ряду съ этимъ идетъ отъ исправителей, пришлыхъ малороссовъ, противоположное теченіе, направляющее литературу по новому руслу. Такимъ образомъ, расколъ церковный какъ бы становится расколомъ и въ литературѣ.

Изъ представителей стараго направленія наиболѣе видной личностью, надѣленною яркимъ литературнымъ талантомъ, является протопопъ Аввакумъ. Въ числѣ его сочиненій первое мѣсто по объему и литературному интересу занимаетъ его автобіографія. Уже въ самомъ началѣ этого „Житія" видно, что это не простая автобіографія, но написано оно съ тою цѣлью, „да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе", и, слѣдовательно, должно подробно раскрывать и выяснять, въ чемъ состояло это дѣло Божіе. Такимъ образомъ автобіографія становится сразу житіемъ святого, характеризующимъ его борьбу съ отступниками, работу во славу Христа. Житійный характеръ сочиненія сказывается, прежде всего, въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертахъ. Мы замѣчаемъ въ немъ какую-то неопредѣленность мѣста, времени и дѣйствующихъ лицъ; точныхъ хронологическихъ данныхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Аввакумъ говоритъ какъ-то смутно: „*во ино время*", „*по малѣ времени*"; мѣсто и лица обозначаются такъ: „*переселихся въ ино мѣсто*", „*нѣкій начальникъ*". Такъ какъ жизнь Аввакума представляется имъ, какъ дѣло Божіе, то происходятъ частыя уклоненія отъ нити разсказа для защиты этого дѣла Божія, и мы часто встрѣчаемся съ фразами „паки на первое возвратимся", „полно о семъ", послѣ которыхъ возобновляется прерванный разсказъ.

Дѣло Божіе подкрѣпляется чудесами, видѣніями и благочестивыми подвигами, о которыхъ должно быть много разсказовъ, но нельзя думать, чтобы Аввакумъ намѣренно выдумывалъ свои чудеса и явленія ему отъ Бога, онъ былъ искренно убѣжденъ, что все было такъ, какъ онъ передаетъ. Чудеса эти можно объяснить вполнѣ естественнымъ образомъ, или какъ факты дѣйствительные, но получившіе въ глазахъ Аввакума сверхъестественную окраску, или какъ результатъ галлюцинацій, которыя были весьма возможны при его аскетическихъ упражненіяхъ и при постоянномъ нервномъ возбужденіи въ борьбѣ съ врагами, или литературнымъ заимствованіемъ, конечно, косвеннымъ, т.-е. скорѣе вліяніемъ житійныхъ образовъ на фантазію, стремившуюся и въ дѣйствительности найти что-либо подобное этимъ образамъ. Замѣчательно, что Аввакумъ простодушно иногда самъ даетъ

ключъ къ истолкованію своихъ чудесъ, иногда прямо указываетъ на реальное обстоятельство, ихъ объясняющее, а то даже обнаруживаетъ и литературный источникъ: напримѣръ, разсказывая, какъ онъ вылѣчилъ куръ у боярыни Пашковой, онъ присовокупляетъ: „еще Козьма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали, цѣлили о Христѣ". Большая часть чудесъ весьма обыкновенна: напримѣръ, разсказы объ исцѣленіяхъ отъ болѣзней, объ изгнаніи бѣсовъ, составляютъ необходимую принадлежность всякаго житія; средство прогонять бѣсовъ и лѣчить болѣзни—крестъ, священное масло—то же самое. Весьма многія чудеса заимствованы изъ дѣяній и посланій апостольскихъ, напримѣръ, освобожденіе отъ оковъ, принесеніе пищи ангеломъ; нѣкоторыя чудеса имѣютъ источникъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., чудесная курочка Пашковой, несущая ежедневно по два яичка, показывающая неистощимость пищи, можетъ быть приравнена къ чуду пророка Елисея со вдовой пророческаго ученика и т. д.

Но не столько важно то или другое объясненіе чудесъ, сколько взглядъ на нихъ самого Аввакума, опредѣленіе ихъ внутренняго смысла, насколько они выражаютъ тѣ или иныя воззрѣнія Аввакума. Сообщая въ изобиліи о своихъ чудесахъ и ожидая упрека въ нескромности, Аввакумъ оправдывается примѣромъ Павла и Варнавы, которые на соборѣ въ Іерусалимѣ разсказывали передъ всѣми, „елика сотвори Богъ знаменія и чудеса въ языцѣхъ съ ними". Надо возвѣщать о чудесахъ не во славу себѣ, а для прославленія Божія: „Пускай рабъ Христовъ веселится чтучи". Никогда не слѣдуетъ забывать, что чудеса творятся силою Божіею: „надо помнить сіе, не насъ ради, не намъ, но имени Своему славу Господь даетъ". Ради этого при чудесахъ не слѣдуетъ возноситься гордостью: „Іуда былъ тоже чудотворецъ, но сребролюбія ради изгнанъ бысть". Чудеса творитъ Богъ и черезъ недостойныхъ: „древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ—рысью, и при Симеонѣ—оленемъ; говорили человѣческимъ голосомъ..."

Общій смыслъ всѣхъ чудесъ—проявленіе Божіей справедливости: Богъ стоитъ всегда за правыхъ и не дастъ ихъ въ обиду. Какой-то начальникъ сталъ притѣснять Аввакума, покушался даже на его жизнь, стрѣлялъ изъ пищалей, но „Божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила", и это повторялось два раза. Когда Еремѣй, сынъ воеводы Пашкова, сталъ заступаться за Аввакума, воевода выстрѣлилъ въ сына три раза,

но все была осѣчка, онъ кинулъ пистолъ, казакъ выстрѣлилъ и осѣчки не было. За обиду праведника Богъ строго караетъ. Начальникъ въ селѣ Лопатицахъ, послѣ одного нападенія на Аввакума, вдругъ сильно заболѣлъ, и за помощью пришлось обратиться къ тому же Аввакуму: „Воля Божія" смирила притѣснителя, заставила кланяться угнетенному,—„больше у Христа того остра шелепуга-та". Дощаникъ Пашкова послѣ наказанія Аввакума кнутомъ не могъ тронуться съ мѣста, пока Пашковъ не раскаялся въ своей несправедливости.

Особенно угодна Богу твердость въ вѣрѣ древле-православной: у Ѳедора юродиваго разсыпаются „желѣза", Аввакуму ангелъ приноситъ въ Андроньевомъ монастырѣ пищу. Характеренъ разсказъ, показывающій, что Богъ для того только, чтобы утолить жажду праведника, совершаетъ великія чудеса: „Егда въ Даурахъ я былъ,—говоритъ Аввакумъ,—на рыбной промыселъ къ дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ... Пить мнѣ захотѣлось и, гораздо отъ жажды томимъ, итти не могу. Среди озера сталъ: воды добыть нельзя... Сталъ, на небо взирая, говорить: Господи, источивый изъ камене въ пустынѣ воду людемъ, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси, напой мене ими же вѣси судьбами, Владыко Боже мой!.. Затрещалъ ледъ предо мною и разступися чрезъ все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора велика льду стала!.. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленьку и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася, и я возсталъ, поклонился Господу, и паки побѣжалъ по льду, куды мнѣ надобе къ дѣтямъ".

Награждая за добрыя дѣла, за исповѣданіе правой вѣры, Богъ не терпитъ нарушенія своихъ заповѣдей и караетъ преступниковъ. Но передъ казнью Онъ посылаетъ разныя знаменія, чтобы злые люди образумились; такъ, были знаменія предъ несчастнымъ походомъ Еремѣя Пашкова за шаманское гаданье: „лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ возревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли: ужасъ на всѣхъ нападъ". Наказанія Божьи бываютъ весьма различны. Еремѣй Пашковъ за суевѣріе и гаданіе потерпѣлъ неудачу въ походѣ, невѣстка Пашкова за обращеніе къ знахарю поплатилась усиленіемъ болѣзни ребенка. Строже всего наказывается нарушеніе церковныхъ правилъ, иногда чисто-мелочныхъ внѣшнихъ предписаній благочестія, работа въ праздникъ, сонъ въ молитвѣ и т. д. За подобныя нарушенія закона насы-

лаются на человѣка бѣсы. Бѣсы насылались даже на самого Аввакума.

Такъ какъ всѣ наказанія, въ томъ числѣ и бѣсы, посылаются Богомъ за наши грѣхи, то необходимо покаяніе, которое имѣетъ великую силу, такъ какъ „не сегодня кающихся есть Богъ". Общее наставленіе о дѣйствіяхъ противъ бѣса такое: „боится бѣсъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова".

Такимъ образомъ разсказы Аввакума о чудесахъ имѣютъ важное значеніе для характеристики его міросозерцанія. Фактическія стороны „Житія" заключаютъ обильный матеріалъ не только для біографіи самого Аввакума, но и для характеристики цѣлой эпохи, ея выдающихся дѣятелей; конечно, матеріалъ односторонній, пристрастный, и потому требующій крайне осторожнаго отношенія; но этотъ недостатокъ объективности помогаетъ намъ узнать взгляды Аввакума на тѣ или другія событія и лица, и этимъ намъ болѣе уясняется его личность.

Посмотримъ прежде всего, какимъ представляетъ Аввакумъ самого себя. Онъ повсюду является помощникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, защитникомъ ихъ противъ сильныхъ притѣснителей: таковъ онъ еще въ селѣ, когда онъ возстаетъ противъ начальника, отнявшаго дочь у вдовы; въ Дауріи онъ заступается за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ. За все это его преслѣдуютъ разные начальники: одинъ „у руки отгрызъ персты, якъ песъ зубами", другой стрѣляетъ въ него изъ пищали, въ Тобольскѣ его хотятъ утопить, Пашковъ мучитъ его такъ, что онъ иногда доходитъ до отчаянія и ропщетъ на Бога. Аввакума „тѣшатъ" тѣ рѣчи изъ священнаго писанія, гдѣ проповѣдуется неослабное страданіе; онъ переноситъ всѣ преслѣдованія съ непоколебимой твердостью: „сила Божія возбраняетъ" ему просить у Пашкова снисхожденія. Старается онъ побѣждать своихъ гонителей кротостью и смиреніемъ: на ругательства одного отвѣчаетъ: „благодать въ устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!"—другого вылѣчиваетъ отъ болѣзни, даже Пашкова онъ смягчаетъ кротостью, и тотъ говоритъ: „Спаси Богъ! отечески творишь,—нашего зла не помнишь"; люди, которыхъ онъ вывезъ изъ Сибири, были его враги. Однако иногда онъ дѣйствуетъ и сурово: ломаетъ домры и хари у скомороховъ, проситъ у Бога неудачи Еремѣю въ походѣ, бьетъ свою жену. Правда, иногда спохватывается и кается въ такихъ дѣйствіяхъ:

жену онъ умоляетъ о наказаніи за то, что оскорбилъ; особенно сильно проявляется энергія Аввакума въ борьбѣ съ никоніанами: отъ старой вѣры его не могутъ отвратить ни мученія, ни заманчивыя обѣщанія въ родѣ „духовничества"; онъ неутомимый пропагандистъ: повсюду, куда онъ ни является, въ Тобольскѣ, въ Москвѣ, на Мезени, онъ распространяетъ расколъ, „запустошаетъ" никоніанскія церкви. Весьма рѣдки случаи его слабости въ этомъ отношеніи,—но здѣсь его спасаютъ чудесныя видѣнія.

Аввакуму приходилось въ его бурной и богатой разнообразными приключеніями жизни сталкиваться со многими лицами, и въ „Житіи" предъ нами выступаетъ длинный рядъ историческихъ дѣятелей. Конечно, всѣ симпатіи Аввакума на сторонѣ защитниковъ старины, которые исполнены огненной ревности и которымъ покровительствуетъ самъ Богъ. Напротивъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ представляются ихъ утѣснители, патріархъ Никонъ и духовныя власти русскія и греческія. Благодаря имъ, Россія уподобляется Персидѣ, въ которой мучили христіанъ. „Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти!—восклицаетъ Аввакумъ,— огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей въ вѣру приводить... Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ еще: „непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити". А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ". Это никоніанское мучительство не должно устрашать правовѣрныхъ, и Аввакумъ призываетъ своихъ послѣдователей къ открытому исповѣданію старой вѣры: „вотъ тебѣ царство небесное дома родилось! Богъ благословитъ, мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много!"

Призывъ къ смерти и страданіямъ, къ постоянной открытой борьбѣ противъ Никоновыхъ новшествъ вдохновлялъ многихъ, и въ „Житіи" Аввакумъ выводитъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ, напр., боярыню Морозову, княгиню Урусову, Марью Данилову и др. Особый разрядъ обличителей представляютъ собой юродивые, которые, пользуясь огромнымъ вліяніемъ на народъ, могли нисколько не стѣсняться въ своихъ противоцерковныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ былъ юродивый Ѳедоръ. „Хорошъ" былъ, по отзыву Аввакума, и юродивый Аѳанасій, но этотъ былъ „Ѳедора посмирнѣе и въ подвигѣ малехнее покороче".

За борьбой старой и новой партіи внимательно слѣдило все русское общество, болѣе сочувствовавшее, по показаніямъ Аввакума, старолюбцамъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкій до крайности, добрый, благочестивый, является заступникомъ ревнителей старины: онъ проситъ Никона не разстригать Аввакума. Тѣ мѣры, которыя царь предпринимаетъ противъ раскольниковъ, объясняются такъ же, какъ это дѣлается Аввакумомъ въ другихъ его сочиненіяхъ, дѣйствіемъ „лестчаго духа", проводниками котораго представляются Никонъ и другія духовныя власти. Одинаково съ царемъ относятся къ раскольникамъ и бояре: „всѣ бояре—те до насъ добры", они даютъ Аввакуму денегъ, принимаютъ его „яко ангела", но и они не въ силахъ противиться до конца „лестчему духу".

Въ сочувствіи царя и бояръ раскольникамъ сказывается отчасти и вліяніе терема, женской половины русскаго общества. Женщины у Аввакума вообще отличаются большею религіозностью и чувствительностью, чѣмъ мужчины. Аввакумъ постоянно находитъ поддержку въ женщинахъ: ему покровительствуютъ жена и невѣстка воеводы Пашкова, въ Москвѣ у него цѣлая большая группа ревностныхъ учениць изъ высшаго класса, во главѣ которыхъ стоитъ Морозова; его вліяніе проникаетъ въ теремъ царицы Маріи Ильиничны, такъ что у царя съ царицей происходитъ великое нестроеніе, когда Аввакума разстригаютъ.

Кромѣ автобіографическаго повѣствованія и разсказовъ о чудесахъ, „Житіе" заключаетъ въ себѣ не мало отступленій полемическаго свойства, которыми тоже должно поддерживаться „дѣло Божіе", составляющее главную цѣль сочиненія. Этотъ обзоръ содержанія „Житія" приводитъ насъ къ заключенію, что считать его сочиненіемъ историческимъ нельзя: по самой своей основѣ, какъ защита „Божія дѣла", какъ „книга живота вѣчнаго", оно является сочиненіемъ поучительно-полемическимъ, при чемъ автобіографическій матеріалъ играетъ въ немъ служебную роль доказательства правоты дѣла старолюбцевъ.

Рядомъ съ подобными легендарными житіями и произведеніями полемическими, въ которыхъ облачались новшества, расколъ породилъ весьма своеобразную поэзію мистическаго и аскетическаго направленія. Эта поэзія изображала царствованіе въ міру антихриста и зваала вѣрныхъ сыновъ церкви въ пустыню, рисуя жизнь въ ней въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. Такъ, въ „Стихѣ преболѣзненнаго воспоминанія озлобленія католиковъ",

послѣ мрачной характеристики современнаго торжества антихриста, мы видимъ горестное замѣчаніе:

И чего еще хощемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрски прелести.
Ты пари, душе, въ чащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя!...

Но недостаточнымъ для спасенія отъ слугъ антихриста представлялось удаленіе въ пустыню или въ чащи темныя, и расколъ сталъ проповѣдывать самоистребленіе, также стремясь его опоэтизировать, какъ это видно изъ пѣсни объ Аллилуевой женѣ. Въ этой пѣснѣ говорится, что Христосъ, спасаясь отъ преслѣдованій „жидовъ, книжниковъ, архіереевъ и злыхъ фарисеевъ“, пришелъ въ келью къ Аллилуевой женѣ милосердной, которая, держа на рукахъ младенца, топила печку. Христосъ сказалъ ей:

Ой ты гой еси Аллилуева жена милосердна.
Кидай ты свое дѣтище въ печь, въ пламя,
Примай Меня, Царя Небеснаго, на бѣлыя руки!

Женщина исполнила повелѣніе Христа и, когда прибѣжали книжники и фарисеи, показала имъ вмѣсто Христа сожженнаго въ печи своего ребенка. Они заглянули въ печку, заскакали, заплясали, печку заслонками затворили. Послѣ ихъ ухода Аллилуева жена стала оплакивать своего младенца, но Христосъ приказалъ ей заглянуть въ печь, и тутъ она „увидала въ печи вертоградъ прекрасный“, а въ немъ на „травонькѣ муравой“ гуляющимъ своего ребенка, славящаго Бога. Въ заключеніе Христосъ повелѣваетъ женщинѣ передать людямъ свою волю, чтобы они „въ огонь кидались и кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ“.

Среди представителей новаго направленія русской литературы прежде всего обращаютъ на себя вниманіе ученые малороссы, которые появляются въ Москвѣ съ половины XVII в. Въ своей литературной дѣятельности они являлись проводниками культурныхъ идей запада, подготовившими мало-по-малу почву для реформы Петра Великаго. Разсмотрѣніе ихъ дѣятельности показываетъ, что пропасть, отдѣлявшая дореформенную Русь отъ новаго времени, вовсе не такъ была велика, какою ее обыкновенно представляли себѣ еще въ недавнее время.

На первыхъ же порахъ югозападное направленіе въ нашей литературѣ выразилось въ двухъ теченіяхъ—греческомъ и латинскомъ. Среди образованныхъ людей того времени мы видимъ, съ одной стороны, группу лицъ, которыя, не довольствуясь кіевскимъ образованіемъ съ схоластическимъ, латинскимъ оттѣнкомъ восполняютъ его образованіемъ греческимъ. Такое восполненіе естественно должно было отразиться на общемъ характерѣ ихъ міросозерцанія. Представители этой греческой партіи встрѣчаютъ симпатіи со стороны духовенства, отказавшагося отъ раскольническихъ традицій, поддержку въ пришлыхъ грекахъ и, наконецъ, опору въ высшей іерархіи. Съ другой стороны, мы видимъ людей образованныхъ, отличающихся совсѣмъ инымъ складомъ мыслей и характеромъ своего образованія. Это—представители латинской партіи, которая выступаетъ проводникомъ новыхъ идей. Большинство изъ нихъ, по окончаніи братскихъ школъ, съ цѣлью пополненія своего образованія, предпринимаетъ путешествія, но не на Востокъ, а на Западъ. Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ вполнѣ возможно было заразиться мнѣніями близкими къ католицизму. Блестящія, соблазнительныя новшества, которыя они приносятъ съ собою съ Запада, находятъ и имъ симпатіи и поддержку со стороны свѣтскихъ людей.

Самыми учеными представителями греческой партіи были—Епифаній Славинецкій и ученикъ его, Евѳимій Премудрый, изъ среды латинской партіи особенно выдѣляются Симеонъ Полоцкій и ученикъ его, Сильвестръ Медвѣдевъ. Остановимся на литературной дѣятельности Симеона Полоцкаго. Онъ родился въ 1629 г. въ Бѣлоруссіи. Кто были его родители, изъ какой среды онъ происходилъ—это неизвѣстно. Мы знаемъ только, что ученье его началось съ семилѣтняго возраста и продолжалось 14 лѣтъ. Послѣ букваря онъ перешелъ по общераспространенному обычаю къ Часослову и Псалтири. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Кіево-Могилянской коллегіи. Послѣ Кіево-Могилянской коллегіи Симеонъ слушалъ дополнительныя лекціи въ нѣсколькихъ высшихъ іезуитскихъ школахъ, такъ что онъ былъ по своему времени личностью съ выдающимся образованіемъ. Въ 1656 году онъ принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ и сталъ учителемъ братской первоначальной школы. Въ томъ же году царь Алексѣй Михайловичъ проѣзжалъ черезъ Полоцкъ. Симеонъ, слѣдуя обычаю Кіевской академіи—слагать вирши на торжественные случаи, выступилъ со своими учени-

ками, заставивъ ихъ произнести царю торжественные „Метры на пришествіе государя", собственнаго сочиненія. Эта новинка очень понравилась государю и онъ обласкалъ молодого ученаго. Съ того времени у Симеона зарождается мысль посѣтить Москву, но это желаніе осуществилось только въ 1664 г.

Какъ человѣкъ осторожный, онъ запасается рекомендательнымъ письмомъ отъ своего бывшаго учителя, Лазаря Барановича къ Паисію Лигариду, митрополиту газскому. Паисій былъ въ то время въ Москвѣ по случаю собора по дѣлу патріарха Никона и пользовался большимъ почетомъ. Несомнѣнно, что знакомство это было важно для обоихъ: для Паисія, такъ какъ онъ пріобрѣлъ себѣ умнаго и образованнаго переводчика (самъ Паисій не зналъ по-русски), Симеонъ же пріобрѣлъ себѣ сильнаго покровителя и сразу становился на виду, такъ какъ ему приходилось сопровождать митрополита на всѣ совѣты и засѣданія собора, даже въ покои самого царя, по дѣлу Никона. Кромѣ того, Полоцкій не замедлилъ воспользоваться своимъ стихотворнымъ искусствомъ и на всякій торжественный случай въ царской жизни подносилъ свои стихотворенія. Въ стѣнахъ дворца, впервые появляется придворный стихотворецъ, и самая новость этого занимательнаго и пріятнаго явленія не могла не располагать въ его пользу. Почти сразу послѣ прибытія Симеона въ Москву, по указу государя, ему поручаютъ обучать латинскому языку молодыхъ подьячихъ Тайнаго приказа, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ. Для этого была построена особая школа въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Несомнѣнно, что Полоцкій внесъ туда многіе порядки Кіево-Могилянской коллегіи: учили „по латынямъ", греческій языкъ не былъ предметомъ изученія, потому что и самъ Полоцкій не зналъ его.

Въ то же время сношенія съ Паисіемъ Лигаридомъ не только не прекращаются, но еще больше укрѣпляются, главнымъ образомъ благодаря важнымъ событіямъ того времени. 1666 г. былъ знаменателенъ въ исторіи русской Церкви. На московскомъ соборѣ, кромѣ участія въ дѣлѣ патріарха Никона въ качествѣ переводчика, Симеонъ, какъ авторитетный ученый, велъ споры противъ раскольниковъ. Въ отвѣтъ на раскольническія челобитныя Симеонъ составилъ и издалъ обширное сочиненіе „Жезлъ правленія". Опроверженіе это состоитъ изъ двухъ частей: изъ общей, или предисловія, и частной—опроверженія челобитенъ. Въ предисловіи объясняется значеніе духовной власти, симво-

ломъ которой и служитъ жезлъ. Симеонъ говоритъ, что соборъ заботится возстановить эту власть и напоминаетъ отпавшимъ отъ истинной вѣры, „что Церковь всегда съ радостью готова принять ихъ". Потомъ Полоцкій разбираетъ челобитныя Никиты и Лазаря и опровергаетъ возводимыя ими обвиненія противъ православныхъ. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ есть крупные недостатки. Иногда Симеонъ уклоняется отъ прямого отвѣта, иногда даже впадаетъ въ грубыя ошибки, напримѣръ: время пресуществленія св. даровъ онъ объясняетъ въ духѣ католическомъ. На нападки раскольниковъ онъ отвѣчаетъ не спокойнымъ тономъ увѣщанія и вразумленія, но зачастую самъ осыпаетъ противниковъ рѣзкою бранью и выражаетъ желаніе заградить имъ уста жезломъ. Конечно, эту грубость отчасти можно объяснить духомъ времени, но въ общемъ все это повело къ новымъ нареканіямъ со стороны раскольниковъ.

Во второй половинѣ 1667 года Симеонъ становится воспитателемъ царевичей Алексѣя и Θеодора. Предметы, которымъ онъ ихъ обучалъ, были тѣ же, что и въ Спасской школѣ, т. е. Полоцкому принадлежало уже не первоначальное обученіе, а высшее, а также общее руководство. Не осталось безъ вліянія Симеона и умственное развитіе замѣчательной дочери царя Алексѣя Михайловича, царевны Софьи. Для обученія царскихъ дѣтей Симеонъ написалъ три книги. Содержаніе первой изъ нихъ вполнѣ опредѣляется ея заглавіемъ: „Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего, отъ божественныхъ Евангелій, расположенное съ показаніемъ свидѣтельствъ св. евангелистовъ, о чесомъ вси 4, или 3, или 2, или точію единъ и въ коей главѣ пишетъ".

Второе сочиненіе „Вѣнецъ вѣры" заключаетъ въ себѣ изложеніе основныхъ христіанскихъ догматовъ, при чемъ въ своихъ толкованіяхъ Симеонъ пользуется латинскими источниками, и если не владаетъ въ латинство, то не дѣлаетъ противъ него почти никакихъ возраженій, кромѣ того, онъ даетъ иногда вѣру апокрифическимъ сказаніямъ и заимствуетъ многія свѣдѣнія, иногда не имѣющія никакого отношенія къ предмету его сочиненія, изъ книгъ свѣтскихъ, такъ что по содержанію своему „Вѣнецъ вѣры" почти не можетъ быть названъ богословскимъ произведеніемъ. Важное достоинство книги состоитъ въ простомъ, общедоступномъ и занимательномъ изложеніи. Третье изъ помянутыхъ сочиненій, „Краткій катихизисъ", есть собственно сокращеніе „Вѣнца".

Съ тѣми же педагогическими цѣлями (какъ полагаютъ, для семилѣтняго Петра Великаго) Симеонъ напечаталъ впослѣдствіи „Букварь“, въ предисловіи къ которому даетъ такое наставленіе начинающему учиться:

„Отроче юный, отъ дѣтства учися.
Письмена знати и разумъ потщися;
Не возлѣнися трудовъ положити,
Имать бо польза многа быти.
Аще ся видитъ досадно стужати,
Но сладко плоды трудовъ собирати“.

„Букварь“ по содержанію далеко не то, что современныя намъ азбуки: это книга, заключающая въ себѣ изложеніе основныхъ началъ вѣры и нравственности, а также рядъ практическихъ наставленій. Кромѣ этого были и еще нѣкоторыя педагогическія изданія Симеона, показывающія, съ какой любовью онъ относился къ своему учительству.

Но онъ при этомъ не ограничивался однимъ частнымъ преподаваніемъ во дворцѣ, а былъ усерднымъ пропагандистомъ идеи просвѣщенія въ Московской Руси. Много онъ сдѣлалъ для осуществленія этого завѣтнаго своего желанія, содѣйствовавъ основанію перваго въ Москвѣ высшаго училища, славяно-греко-латинской академіи, и, еще больше, отстаивая идею просвѣщенія и борясь противъ невѣжества, царившаго въ Москвѣ, многочисленными своими литературными произведеніями. Изъ этихъ произведеній упомянемъ прежде всего о проповѣдяхъ, изъ которыхъ составились два сборника: „Обѣдъ душевный“ и „Вечеря душевная“. Разъясняя въ нихъ догматическія христіанскія истины и давая нравственныя наставленія своей паствѣ, Симеонъ не разъ указывалъ, что корень всѣхъ недостатковъ современнаго ему русскаго общества кроется въ отсутствіи просвѣщенія. Отсюда истекаютъ разныя суевѣрія, противъ которыхъ Симеонъ энергично возстаетъ, грубость нравовъ и другіе пороки. Потому онъ обращается къ родителямъ съ увѣщаніемъ, чтобы они учили своихъ дѣтей и нравственно воспитывали. Прежде всего они должны дѣйствовать на дѣтей примѣромъ собственной жизни: „Отецъ долженъ бить въ дому какъ солнце, мать—какъ луна, чада—какъ звѣзды“. Говоря о воспитательныхъ средствахъ, Симеонъ допускаетъ тѣ же суровыя мѣры, какія рекомендовались Домостроемъ: „Снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши,

не возмеши хлѣба и ядра,—не пріемлеши сытости и сладости: чадь же аще не біеши,—не сподобишися радости".

Обличая недостатки общества, Симеонъ вообще въ проповѣдяхъ выражается очень сдержанно. Совсѣмъ иное мы видимъ въ его стихотвореніяхъ, которыя тоже составили два сборника: „Рисмологіонъ" и „Вертоградъ многоцвѣтный". Первый представляетъ мало интереса: это стихотворенія, написанныя на разные примѣчательные случаи въ царскомъ домѣ, произведенія, такъ сказать, оффиціальнаго поэта. Гораздо любопытнѣе „Вертоградъ", содержаніе его весьма разнообразно: здѣсь и эпитафіи, и молитвы, и изреченія, и сатирическія картинки нравовъ, и стихотворенія, касающіяся религіозныхъ истинъ, явленій природы и т. п. Довольно большой отдѣлъ посвященъ обличенію пороковъ разныхъ классовъ русскаго общества. Такъ, въ стихотвореніи „Купецтво" Симеонъ даетъ живой очеркъ старинныхъ русскихъ торговыхъ обычаевъ и купеческихъ нравовъ. Еще ярче характеристика отрицательныхъ сторонъ хорошо знакомаго Симеону быта духовенства и монашества въ стихотвореніи „Монахъ". Указавъ на тѣ идеальныя требованія, которыя долженъ выполнить монахъ, Симеонъ восклицаетъ:

„Но увы! безчиніе! Благъ чинъ погубися,
Иночество въ безчинство во многихъ преложися".

Изобразивъ затѣмъ распущенность монаховъ, онъ обращается къ нимъ:

„Престаните, иноци, сія зла творити,
Тщитеся древнимъ отцамъ святымъ точны быти.
Да идѣже они суть въ вѣчной радости,
Будете имъ общницы присныя сладости".

Видимъ мы въ этихъ стихотвореніяхъ Полоцкаго и обличенія произвола и злоупотребленій сильныхъ и знатныхъ людей, и обличенія невѣжества, и призывъ къ просвѣщенію.

Особый разрядъ поэтическихъ произведеній Полоцкаго составляютъ его драмы. Въ 1672 году появляется въ Москвѣ лютеранскій пасторъ Іоганнъ-Готфридъ Грегори и подъ покровительствомъ боярина Матвѣева, по указу государя, ставитъ различныя пьесы въ Коломенскомъ дворцѣ. Эти театральныя зрѣлища, представлявшія въ Москвѣ совершенную новинку, пользовались преимущественно сюжетами религіозными, какъ напримѣръ, исторіей Эсфири

и Мардохея („Артаксерксово дѣйство“), Юдифи, Товіи, Іосифа; иногда же ставились пьесы и свѣтскаго содержанія, какъ напр., „О Баязетѣ и Тамерланѣ“. Предпріимчивый Симеонъ былъ прекрасно знакомъ съ театромъ еще въ Кіевѣ, а потому онъ принимается за комедію, не упуская случая послужить просвѣщенію и этимъ способомъ. Симеонъ написалъ двѣ пьесы: „Комедію о царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ, въ пещи сожженныхъ“ и „Комедію о Блудномъ сынѣ“. Первая представляетъ собою развитіе стараго церковнаго обряда, такъ называемаго „пещного дѣйства“ и близка по содержанію къ библейскому повѣствованію. Гораздо интереснѣе вторая пьеса, въ которой при евангельскомъ сюжетѣ замѣчаются намеки на современныя Полоцкому обстоятельства. Состоитъ она изъ 6 частей съ прологомъ и эпилогомъ. Въ прологѣ объясняется значеніе драматическихъ представленій:

„Не тако слово въ памяти держится,
Яко же аще что дѣломъ явится,
Христову притчу дѣйствомъ явити
Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
О блудномъ сынѣ сія рѣчь будетъ наша,
Аки вещь живу узритъ милость ваша“.

Затѣмъ въ комедіи подробно представляется уходъ блуднаго сына изъ родительскаго дома, расточительная жизнь его, бѣдствія и возвращеніе къ отцу. Въ ходѣ дѣйствій отклоненій отъ евангельской притчи нѣтъ, но любопытны нѣкоторыя рѣчи, рисующія разладъ между двумя поколѣніями и стремленія молодежи къ новому, неизвѣстному. Сынъ проситъ у отца разрѣшенія путешествовать, выставляя слѣдующіе мотивы:

„Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу весь міръ познати;
Твоя то слава и мнѣ слава будетъ,
До конца міра всякъ насъ не забудетъ.

Молодой человѣкъ думаетъ о славѣ, и эти мечты одобряются его отцомъ, но главная цѣль стремленій сына—воля, которой онъ не видитъ въ родительскомъ домѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ свою жизнь дома:

„Бѣхъ у отца яко рабъ плѣненный,
Во предѣлахъ домовыхъ яко въ тюрьмѣ замкненный.
Не то бяше свободно творити,
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити,
Не свободно играти, въ гости не пущано,
А на красныя лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же
Ахъ, колико неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель сына си томляше.
Ничего же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови! отъ узъ свободихся.
Едва въ чужую страну, едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ испущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ бити блаженный“.

Исканіе воли окончилось бѣдствіями, такъ какъ бѣдный сынъ не зналъ, какъ разумно распорядиться своей свободой, и отсюда естественно истекало правоученіе въ эпилогѣ пьесы:

„Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати“.

Такимъ образомъ, молодежи внушалось послушаніе, которое въ эту переходную эпоху расшатывалось, но укрѣпляя авторитетъ старшихъ, пьеса имъ самимъ показывала ненормальность чрезмѣрнаго стѣсненія молодежи, законность ея стремленій къ свѣту, хотя эти стремленія и проявлялись въ неразумныхъ формахъ.

